Цензор подобен парикмахеру: тот стрижет власы твои, сей же бреет самые мысли

Козьма Прутков

Что нужно Лондону, то рано для Москвы

А.С. Пушкин

В Советской России все запрещено, а то, что разрешено, то обязательно

Уинстон Черчилль

Правда - это ложь, а ложь - это правда

Джордж Оруэлл

Свобода печати поможет силе мировой буржуазии. Она не умерла. Она жива. Она стоит рядом и караулит

В.И. Ленин (письмо к Г.И. Мясникову, 1921 г.)

Писатель, который говорит, что ему необходима цензура, похож на рыбу, которая утверждает, что ей не нужна вода

Михаил Булгаков

Настоящая большая литература может появиться только в стране, где писать запрещено

Андрей Синявский

Цензура нужна государству, которое видит в своем подданном либо раба, либо - врага

Иосиф Бродский

Советская власть победила неграмотность, но отняла у людей книгу, и сделано это с помощью цензуры

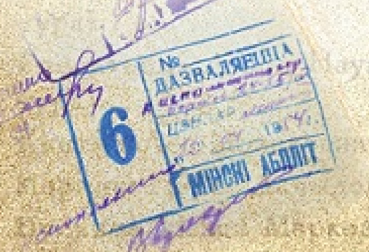
Владимир Войнович

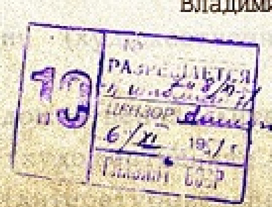
Цензура вызывает у меня алкогольный протест

Сергей Довлатов

В СССР всё, что не сообщено в официальной печати, считается слухами

Владимир Буковский





Леонид Смиловицкий Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944-1956

Леонид Смиловицкий

Цензура в БССР
послевоенные годы
1944–1956

Порядок изъятия и руководство по изъятию установлены §§ 151—174 „Инструкции цензору".

Leonid Smilovitsky

Censorship in Postwar Belorussia: 1944–1956

Jerusalem, 2015

Леонид Смиловицкий

Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956

Иерусалим, 2015

Леонид Смиловицкий
Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956
Иерусалим, 2015. 360 с., 32 ил.

Редактор и корректор *Р. Глаубах*
Верстка и обработка фотографий *В. Яблокова*
Обложка и титульный лист *Ю. Хович*

Рассматривается деятельность цензуры, с помощью которой советское государство осуществляло всеобщий контроль над жизнью и общественным сознанием своих граждан, на примере послевоенной Белоруссии. Сделана попытка раскрыть формы, методы и характерные особенности работы цензуры (идеологической, государственной, военной, хозяйственной и ведомственной), показать специфику работы Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств при Совете министров БССР) в тесном взаимодействии с Коммунистической партией и Министерством госбезопасности Белоруссии.

Материалом для исследования послужили главным образом архивные документы, дополненные сведениями из научных и популярных изданий, статистических сборников и периодической печати. Автор использует интервью, воспоминания и свидетельства бывших сотрудников цензуры и средств массовой информации, работников типографий и издательств, журналистов, писателей и художников, которые соприкасались с работой Главлита БССР. Приводятся статистические данные по отдельным регионам и республике в целом. Представлена коллекция редких документов и фотографий.

Предназначается для специалистов по истории, студентов исторических факультетов, а также для тех, кто интересуется советским периодом истории Белоруссии и России.

В оформлении обложки использован плакат В. Корецкого «Болтать – врагу помогать!» (М., 1954) и фотографии штампов областных управлений Главлита БССР.

Предложения, отклики и заказы на книги направлять по адресу:
smilov@zahav.net.il или по тел. 02-672-3-682; + (972)-2-672-3-682

ISBN 978-965-92411-0-1

Printed in Tsur-Ot Press (Jerusalem)

Оглавление

Table of Contents

От автора

Настоящее исследование подготовлено в рамках Центра диаспоры при Тель-Авивском университете (Goldstein-Goren Diaspora Research Center of Tel Aviv University). Предметом изучения стала цензура и ее влияние на все сферы жизни на примере Белорусской ССР. Цензура и свобода слова находятся в постоянном противостоянии, что обеспечивает равновесие в отношениях между обществом и государством. Свобода слова означает право человека безбоязненно выражать свои мысли и чувства как в устной, так и в письменной форме (свобода печати и средств массовой информации). Когда свобода слова вступает в противоречие с правами других лиц, то государство призвано их регулировать. Среди легитимных целей этих ограничений числятся защита репутации, достоинства личности, национальной безопасности, общественного порядка, авторского права, здоровья и морали.

Цензура в БССР вобрала в себя основные черты советской эпохи. С ее помощью государство сумело установить всеобъемлющий контроль над жизнью и общественным сознанием своих граждан. Если до войны главная задача цензуры состояла в борьбе с внутренним врагом, то после ее окончания это место занял внешний враг в лице «международного империализма» как угроза сохранению режима личной власти И.В. Сталина.

Цель монографии – раскрыть формы, методы и характерные особенности цензуры (идеологической, государственной, военной, хозяйственной и ведомственной), показать специфику работы уполномоченных Главного управления по делам литературы и издательств при Совете Министров БССР, действовавших в тесном взаимодействии с ЦК Компартии Белоруссии и министерством государственной безопасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период после освобождения республики от немецкой оккупации летом 1944 г. и до развенчивания культа И.В. Сталина в 1956 г. Последовавшая в эпоху Н.С. Хрущева критика «культа личности», как официально именовались преступления сталинской эпохи,

не ставила под сомнение политику советского государства в целом. Незыблемой оставалась и социально-экономическая система. Это был один из наиболее сложных и противоречивых периодов в истории республики, вобравший в себя переход от военного положения к мирному строительству и попытки режима приспособиться к переменам в условиях послевоенного мира.

Оригинальность исследования связана с тем фактом, что до сих пор отсутствуют аналитические труды, посвященные истории цензуры БССР после Второй мировой войны. И настоящая монография является первым таким опытом, поскольку теперь, наконец, открылась возможность исследовать феномен цензуры по документам из фондов контрольных органов партии и государства.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения. Все события поданы в контексте общей истории Белорусской ССР как неотъемлемой части советского государства. Каждая глава, представляя цепь событий в их логической причинно-следственной связи и последовательности, является самостоятельной, исчерпывающей заявленную тему. Это позволяет начать знакомство с книгой с любой ее части. Справочный аппарат к тексту дается постранично, а не в конце главы, что облегчает обращение к первоисточнику. За рамками исследования остались вопросы контроля над радиовещанием и телевидением, которые заслуживают самостоятельного изучения.

Материалом для монографии послужили главным образом архивные документы, дополненные сведениями, почерпнутыми в научных и популярных изданиях, статистических сборниках, периодической печати. Их обогатили воспоминания бывших сотрудников цензуры и средств массовой информации, типографий и издательств, журналистов, писателей и художников, которые в силу служебной необходимости сталкивались с работой Главлита БССР. Метод сравнительного анализа позволил оценить достоверность документов, исторического примера и мемуаров.

При работе с источниками и свидетельствами приходилось снижать эмоциональный фон, чтобы сохранить беспристрастный подход к изложению событий. Особое внимание уделяется изобразительному ряду. В книге представлена коллекция редких документов и фотографии о работе цензуры, руководителей Главлита БССР, диаграммы, статистические таблицы по регионам и республике в целом.

Настоящая книга никогда не была бы написана, если бы я не жил в Белоруссии и не уехал в Израиль. Получив образование, ученую степень и сделав первые шаги в науке в Минске, я не только хорошо узнал и полюбил эту страну, но почувствовал ее людей и историю. Однако, только покинув пределы Белоруссии, я получил возможность по-настоящему оценить ее прошлое и настоящее. И не потому, что «большое видится на расстоянии». Объективное исследование возможно лишь при условии, что автор не зависит от политической конъюнктуры, сохраняет независимый подход при освещении событий, которые только недавно стали достоянием историков. Меня убедили в этом поездки в республику последние 20 лет, встречи и общение с коллегами, с которыми я поддерживаю постоянную связь.

Со страниц книги читатель услышит не только голос автора, но и многочисленных свидетелей, которые поделились своими воспоминаниями, наблюдениями

и выводами. Это позволило правильно оценить архивные документы и понять, что содержится «между строк». Вместе с тем использование большого корпуса источников и литературы, периодических изданий и материалов устной истории не делает настоящую работу коллективной монографией. Автор излагает исключительно свою точку зрения на описание событий первого послевоенного десятилетия в истории Белоруссии и несет полную ответственность, как именно реконструированы события и поведение основных действующих лиц. Насколько убедительно и объективно это у него получилось, судить читателю.

Ценную помощь и моральную поддержку в работе над книгой мне оказали коллеги и единомышленники, которых я искренне благодарю. Прежде всего, это профессор Матитьягу Минц, профессор Яаков Рои, доктор Симха Гольдин (Тель-Авивский университет, Израиль), профессор Биньямин Пинкус (Университет имени Бен-Гуриона в Негеве, Израиль), профессор Шауль Штампфер, доктор Михаил Бейзер (Еврейский университет, Иерусалим), доктор Альберт Каганович (Университет Манитоба, Канада), доктор Аарон Шнеер (Яд ва-Шем).

Важные советы и предложения сделали профессор Цви Гительман (Center for Judaic Studies at the University of Michigan-Ann Arbor, USA), Абрам Торпусман (Краткая еврейская энциклопедия, Иерусалим), Яков Басин (Union of Councils for Soviet Jews), Ирина Кашталян (Свободный университет в Берлине, Институт Восточной Европы, Германия), профессор Алексей Литвин (Институт истории Национальной Академии наук Беларуси), профессор Эммануил Иоффе (Белорусский государственный педагогический университет), профессор Захар Шибеко (Белорусский коллегиум, Минск), доктор Вячеслав Селеменев (бывший директор НАРБ), доктор Инна Соркина (Гродненский государственный университет, Белоруссия), Валентина Лебедева (Гомельский государственный университет, Белоруссия).

В ходе подготовки книги я постоянно ощущал товарищескую поддержку выходцев из Белоруссии и их потомков, живущих сегодня в разных странах мира. Слова особой благодарности я хочу выразить бывшим цензорам Главлита – Зиновию Зарецкому (Ор-Акива, Израиль), Марку Зеленченку (Гомель, Белоруссия), Аркадию Бляхеру (Брест, Белоруссия), Вячеславу Тамаркину (Иерусалим), писателю Владимиру Мехову (Минск), журналистам Григорию Рейхману (Ашдод, Израиль) и Александру Баршаю (Элазар, Израиль), Михаилу Нордштейну (Крефельд, Германия), Сергею Нехамкину (Москва), художникам Иосифу Гринбергу (Кейсария, Израиль) и Маю Данцигу (Минск), которые поделились своими воспоминаниями, а также Ирине Темкиной, внучке Фени Исааковны Дадиомовой, первого послевоенного начальника Главлита БССР (1944–1951 гг.), ответившей на мои многочисленные вопросы и предоставившей редкие фотографии из семейного архива.

Глубокую признательность я выражаю Рине Глаубах (Иерусалим), улучшившей текст рукописи, Юлии Хович (Ашдод) и Александру Литину (Могилев, Беларусь) за помощь в создании обложки и Виктории Яблоковой (Иерусалим), подготовившей макет книги. Наконец, неизменная благодарность – моей жене Виктории, первому читателю и критику.

From the Author

The present study was carried out at the Goldstein-Goren Diaspora Research Center at Tel Aviv University. Its subject is censorship and its influence on all spheres of life as was the case in postwar Soviet Belorussia. Censorship and freedom of speech are opposites and between them maintain the delicate balance of power between a free society and a totalitarian state. Freedom of speech means the right of a person to freely express his/her thoughts and feelings both orally and in writing (freedom of the press and the mass media). However, in conflicts between individual citizens, the state may be correctly called upon to hold the ring and regulate the conflict. Among the legitimate purposes of such regulations are the protection of an individual's good name, reputation and personal dignity, as well as the maintenance of national security, civil order, health and morality, and, of course, the handling of copyrighted material.

Censorship in Belorussia bore all the basic traits of the Soviet era. Through its utilization the State was able to establish an all-encompassing control over the life and social behavior of its citizens. If before the War the main task of censorship had been to fight an internal enemy, after the War this was replaced by an external enemy in the form of "international imperialism" that was seen as a threat to the regime and to the personal power of the General Secretary of the Communist Party, Joseph Stalin.

The aim of the present monograph is to reveal the forms, methods and distinguishing features of censorship (ideological, state, military, economic and departmental), to illustrate specific features of the work of the agents of the General Directorate for the Protection of Military and State Secrets in the Press Bureau attached to the BSSR Council of Ministers, who acted in close collaboration with the Central Committee of the CP of Belorussia and the Ministry of State Security.

The study encompasses the period from the liberation of the Republic from German occupation in the summer of 1944, to the denunciation of Stalin in 1956. The criticism of the "personality cult" – the official euphemism for the crimes committed during the Stalin era – never put in doubt the policy of the Soviet state as a whole, nor the socio-economic system which made the emergence of a totalitarian society

inevitable. Having sustained huge losses in human and material resources during the War, the Belorussian SSR had to find the strength to reconstruct the country. It was one of the most complicated and controversial periods in the Republic's history – a transition from the war period to peaceful construction and the regime's attempts to adapt to the changed postwar world.

The novelty of the present study lies in the fact that as yet, there has been no analytical research dealing with the history of censorship in the BSSR after the Second World War. The present monograph is therefore the first attempt to conduct such an analysis since the opportunity arose to study the phenomenon of censorship using documents and materials from the archives of State and Party organs.

The book consists of an introduction, seven chapters and a conclusion. All the events are considered within the context of the general history of Belorussia viewed as an integral part of the Soviet state. Every chapter is self-contained, the chain of events is given in its logical cause and effect relationship and sequence, that is, the exposition, the action taken, the climax, and the denouement. This structure enables the reader to become acquainted with the book starting from any point he/she wishes. References are given as footnotes (not as endnotes) making it easier to refer to a source. This research does not include issues of control over radio and TV that deserve a separate study.

The present work is based on materials found in: the GARF (the State Archives of the Russian Federation), the RGASPI (the State Archives of the Russian Social Political History, the NARB (the National Archives of the Republic of Belarus), the BGAMLI (Belorussian State Archive-Museum of Literature and Art), the Belarus KGB Archives, the Central Archives for the History of the Jewish People, Central Zionist Archives, The Holocaust Martyrs' and Heroes Remembrance Authority (Yad Vashem) Archives in Jerusalem and the Oral History Department of the Institute of Contemporary Jewry, the Hebrew University, Jerusalem. In addition to archival materials, the present research is based on data collected from a questionnaire submitted to Jews who had been residents of Belorussia and are now citizens of Israel, as well as information from periodicals, collections of documents, statistical reports and monographs written by Israeli, American, Western, Belorussian, Russian and other scholars.

The monograph has been enriched by the inclusion of memories of former employees of censorship organizations, of the mass media, and of printing and publishing houses, as well as those of journalists, writers and artists who, due to their professional activities, came into contact with the BSSR Glavlit.

Comparative analyses have made it possible to objectively evaluate the veracity of a document, of an historical example, or of memoirs. When working on sources and interviews, I deliberately toned down the emotional associations, so as to maintain as far as possible a disinterested, detached and dispassionate approach to the narration of events. Special attention was paid to visual materials. The book contains a collection of rare documents and photographs on the functioning of censorship, on the leaders of the BSSR Glavlit, with diagrams and statistical data on regions and on the Republic in general.

The present work could never have been done, had I not lived in Belorussia and had I not repatriated to Israel. Thoughtful and objective research is possible only when

an author adheres to an independent approach in elucidating events which have only recently become available to historians. I have become convinced of this after my many travels to the Republic over the last twenty years, my meetings and conversations with colleagues with whom I am in constant touch. From the pages of the book, the reader will hear not only the voice of the author, but also that of many witnesses who have shared with him their reminiscences, observations and conclusions. It is these that have allowed him to correctly evaluate archival documents and to read "between their lines."

The author presents here his personal point of view in describing the events, but he alone is fully responsible for the way he has reconstructed happenings and depicted the behavior of individuals appearing in the book. The reader may judge for him/herself how convincing and objective the author has been in achieving his objectives.

The author would like to express his deep gratitude to scholars for their invaluable remarks and moral support: Dr. Simha Goldin, Prof. Yaacov Ro'i, Prof. Matityahu Mintz and Prof. Dina Porat (all of Tel Aviv University), Prof. Benjamin Pinkus (Ben Gurion University of the Negev), Prof. Shaul Stampfer, Dr. Michael Beizer (Hebrew University of Jerusalem), Dr. Aharon Shneer (Yad Vashem).

My thanks also go to Dr. Howard Spier (Department of Hebrew and Jewish Studies, University College London), Dr. Albert Kaganovich (Institute for the Humanities, University of Manitoba, Canada), Professor Zvi Gitelman (Center for Judaic Studies at the University of Michigan-Ann Arbor, US), Sir Martin Gilbert (CBE, DLitt, Honorary Fellow, Merton College, Oxford, England), Mr. Abram Torpusman (The Shorter Jewish Encyclopedia in Russian, Jerusalem), Mr. Yacov Basin (Union of Councils for Soviet Jews), Professor Zakhar Shibeko (Belorussian Collegiums, Minsk), Professor Aleksey Litvin (Institute of History of the National Academy of Belarus), Prof. Emmanuel Ioffe (Belorussian State Pedagogical University), Mrs. Oksana Shatun (Mozyr State Pedagogical University), Mrs. Inna Sorkina (Grodno State University) and Ms. Valentina Lebedeva (Gomel State University) and Dr. Viacheslav Selemenev, Director of the Belarus National Archives, who gave important comments and advice.

In preparing the book, I always felt the friendly support from natives of Belorussia and their descendants, who now live in various countries. I would like to express my special gratitude to former censors of the Glavlit – Zinovy Zaretsky (Or-Akiva, Israel), Viacheslav Tamarkin (Jerusalem), Marc Zelenchenok (Gomel), Arcadi Bliakher (Brest), the writer Vladimir Mekhov (Minsk), journalists – Grigori Reikhman (Ashdod, Israel), Alexander Barshai (Elazar, Israel), Mikhael Nordstein (Krefeld, Germany), Sergey Nekhamkin (Moscow), artists – Josef Greenberg (Keisaria, Israel) and May Dantzig (Minsk), who shared with me their reminiscences, as well as poet Gennady Buravkin, and Irina Tiomkina, a granddaughter of Fenya (Faina) Dadiomova, the first postwar Head of the BSSR Glavlit (1944–1951), who responded to my many questions and provided me with rare photographs from their family archive.

I am grateful to Mrs. R. Glaubach for improving my manuscript and to Mrs. Victoria Yablokov for preparing the book's mock-up, photographs, diagrams and maps.

Last, I give my unwavering thanks to my wife Victoria, my first reader and critic.

Введение

Государство как особая форма организации общества, наделенное властными полномочиями и отвечающее за установленный порядок, обязано знать образ мыслей и настроения своих граждан. При демократии это достигается благодаря свободе слова, тогда как в ее отсутствие средства массовой информации отражают, прежде всего, мнение руководителей государства. Подцензурная печать и другие СМИ деморализуют общество, а правительство слышит только собственный голос и впадает в самообман.

Цензура в России появилась одновременно с возникновением произведений печати (1564 г.). Рукописные книги *раскольников* при царе Алексее Михайловиче немедленно повлекли за собой применение карательной цензуры. Духовные соборы и московские патриархи предавали рукописи анафеме, издания «латинской ереси» сжигали. Реформы Петра I вызвали появление «пасквилей», авторов которых разыскивали и жестоко наказывали, издаваемые книги подвергали «смотрению».

До последней четверти XVIII в. цензура была возложена на Академию наук, поскольку книгопечатание составляло монополию правительства. События, последовавшие за восстанием Е. Пугачева и особенно после Великой буржуазной революции во Франции, привели к усилению цензуры. В 1796 г. в крупных городах империи были учреждены особые цензурные комиссии для просмотра ввозимой из-за границы литературы.

Первый Российский цензурный устав (1804 г.) установил предварительный контроль рукописей. Несмотря на то, что устав был основан на началах административного произвола, он оказался самым либеральным в истории страны. Цель цензуры, говорилось в нем, – «доставлять обществу сочинения, способствующие истинному просвещению ума, образованию нравов, и удалять книги, противные сему намерению».

После восстания декабристов цензура была передана в ведение министерства народного просвещения, а новый Цензурный устав (1826 г.) прозвали «чугунным».

Он запрещал любое произведение, заподозренное в неуважении к правительству или религии. Цензура в России стала многоступенчатой и условно разделилась на общую (внутреннюю и иностранную), духовную, театральную, художественную и военную.

В связи с революционными событиями в Европе в 1848 г. был образован Комитет по наблюдению за печатью Российской империи, а период до 1855 г. получил в истории русской литературы имя «эпохи цензурного террора». В 1863 г. цензуру передали министерству внутренних дел. Закон 1865 г. отменил предварительную цензуру в России для оригинальных отечественных сочинений размером свыше десяти, а для переводных произведений – 20 условных авторских печатных листов. Периодические издания освободили от предварительной цензуры только с разрешения министра внутренних дел. «Временные правила», принятые в ноябре 1905 г. по следам первой русской революции, отменили предварительную цензуру и административные взыскания, но сохранили судебное преследование за нарушение цензурных правил. Противники царского режима старались обходить цензурные запреты. Книги и брошюры часто издавались нелегально и тайно вывозились из типографий до предъявления цензуре. Большевистские газеты, несмотря на преследования и конфискации, закрытия и наложения штрафов, привлечение к суду редакторов, продолжали выходить, с 1911 по 1914 г. постоянно меняя названия.

В годы Первой мировой войны вступила в свои права военная цензура. При этом ее полномочия распространялись только на театр военных действий и предусматривали возможность обжалования постановлений военно-цензурных органов. Характерной чертой газет стали белые полосы на месте изъятых цензурой материалов. Статьи и речи депутатов Государственной думы, запрещенные к печати, тайно распространялись в качестве своеобразной нелегальной литературы.

Общая цензура была упразднена Февральской революцией 1917 г., но в условиях продолжавшейся войны оставалась в своих правах военная цензура. С первых дней революции были разгромлены редакции *черносотенных* изданий. После июльского кризиса 1917 г. Временное правительство начало закрывать большевистскую печать. Однако эти газеты продолжали выходить под другими названиями и распространяться даже на фронте, где за это особенно преследовали. В октябре 1917 г. большевики совершили государственный переворот и отменили как царскую, так и буржуазную цензуру, которую вскоре заменили «пролетарской». Они пренебрегли предостережением своих духовных наставников о том, что цензура – это «шарлатан, вгоняющий сыпь внутрь», не заботясь о том, что болезнь поразит весь организм. Цензура не уничтожает борьбы мнений, а превращает ее из открытой в тайную, «действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола»[1].

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания» // *Соч*. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 59–60, 64.

Цензура в Советском Союзе была объявлена государственным учреждением, а ее деятельность направлена на то, чтобы предотвратить появление сведений во вред «интересам трудового народа». Если до революции редактор и писатель вместе боролись с цензором, то в новых условиях редактор-коммунист и цензор-коммунист сообща боролись с писателями, чтобы использовать их творчество в интересах диктатуры пролетариата. Советская цензура не признавала компромисса, а ее решения не подлежали обжалованию. Если до 1917 г. цензорские изъятия при печати отмечали многоточием, то при советской власти купюры в тексте никак не выделялись, и догадаться о них читателю было невозможно.

Конституция СССР 1936 г. (ст. 125) формально гарантировала свободу печати, объявляла о предоставлении типографий, запасов бумаги и других материальных условий в распоряжение трудящихся и их представителей. Цензура получила название *Главлит* и действовала в рамках Народного комиссариата просвещения. Главлит СССР неоднократно менял названия. Сначала эта аббревиатура расшифровывалась как *Главное управление по делам литературы и издательств* (1922 г.), затем – *Управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР* (1946 г.), *Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР* (1953 г.), а впоследствии – *Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР* (1966 г.). Был разработан «Перечень сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих распространению в целях охранения политико-экономических интересов СССР»[2]. Этот документ дополняли циркуляры (директивные письма) с указанием запрещенных тем, количество которых быстро росло.

С началом советско-германской войны критерии цензурных ограничений стали более четкими – любое сомнение разрешалось в пользу запретов. Запрещалось публиковать сообщения о смерти генералов Красной армии, сведения об участии медицинского персонала в боевых действиях, а материалы о партизанском движении могли появиться в печати только после согласования с Центральным штабом партизанского движения и ЦК КП(б)Б.

Главлит регламентировал порядок издания воспоминаний, очерков и статей о положении на фронте и в районах эвакуации, а также тематику и содержание публичных лекций. Особый контроль существовал над изданием религиозной литературы, статей, обращений и выступлений служителей религиозного культа, а также различного рода материалов о деятельности религиозных конфессий. Когда в 1944 г. Советская армия успешно продвигалась вперед на запад, цензура следила, чтобы в печати государственной называлась граница, существовавшая до 22 июня 1941 г., были засекречены все восстановительные работы в освобожденных районах республики.

[2] Далее сокращенный вариант – «Перечень Главлита».

Окончание Второй мировой войны привело к кардинальным изменениям в жизни советского общества. Началось мирное строительство. При этом режим стремился предупредить появление в обществе всего, что не соответствовало его идеологическим установкам, сохранить военные и экономические секреты, в том числе существование многочисленных лагерей и тюрем. Советское руководство стремилось уверить рядовых граждан в том, что они живут в стране победившего социализма, т. е. в условиях социальной справедливости, свободы и равенства, в противоположность капитализму как агрессивной и одновременно нестабильной и разрушительной силе. Пропаганда во многом строилась на обмане или, как его называют некоторые авторы, «преднамеренной дезинформации».

Неприемлемой считалась любая негативная информация: производственные аварии, экономические просчеты, межнациональные конфликты и другие отрицательные социальные явления. Остракизму подвергалось не только инакомыслие в области гуманитарных и общественных наук, но даже целые направления науки – например, ядерная физика, кибернетика, биология, генетика, психология, социология. Советский государственный строй представал незыблемым, и принципы его функционирования не могли быть подвергнуты сомнению или критическому анализу.

Атмосфера, свойственная военному времени, просуществовала в Главлите значительно дольше, чем в других государственных учреждениях. Цензура не подлежала огласке, в открытой печати отсутствовало даже косвенное упоминание о ее существовании. О цензуре писали исключительно, когда речь заходила о классово-антагонистическом обществе или дореволюционном периоде российской истории. Тем не менее советская цензура имела свои особенности. Несмотря на отсутствие закона о государственной тайне, в Уголовном кодексе существовала статья об ответственности за ее разглашение. Были засекречены и источник, и сама информация. Подлинность события не являлась условием для публикации его описания, анализа и т. п. Любые научно-технические сведения затрагивали прежде всего интересы гражданской промышленности и министерства обороны, а поэтому часто засекречивались. Критика недостатков и ошибок не влекла за собой обобщения. Всеобщая подозрительность препятствовала экономической интеграции, гуманитарному сотрудничеству и контактам между людьми. Цензура вторгалась в сферу культуры, образования, искусства, науки и даже народного творчества. Это заставляло писать «в стол» или рисковать свободой ради возможности быть услышанным через *самиздат* или *тамиздат*.

В СССР при проверке печатных изданий основной упор делался на предварительную стадию контроля, тогда как в демократическом мире – на ее последующую стадию. Главлит составлял списки книг, запрещенных к продаже, издавал правила и инструкции, обязательные для исполнения всеми органами печати. Без визы цензуры не могло появиться ни одно произведение, вплоть до почтовой марки, визитной карточки, спичечной этикетки или пригласительного билета. Категорически запрещалось распространение любых произведений, возбуждавших национализм и религиозный фанатизм, изданий порнографического характера.

Одновременно функции цензуры выходили за рамки охраны государственной тайны. Главлит выдавал разрешения на открытие издательств и утверждал кандидатуры их руководителей, контролировал прием книг букинистическими магазинами. Он отвечал за ввоз иностранной и вывоз советской литературы за границу, следил за сообщениями иностранных корреспондентов, отвечал за библиографическую регистрацию всех произведений печати.

Тема цензуры почти полностью отсутствовала в советской историографии, поскольку до 1991 г. разрешалось изучать и публиковать преимущественно исследования дореволюционного периода. После распада Советского Союза события в калейдоскопе политической и внутриэкономической жизни страны начали меняться чрезвычайно быстро. Назревали перемены, и уже на встрече с руководителями средств массовой информации Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев сказал, что партия и советское государство выступают за гласность без всяких оговорок и ограничений, но «только в интересах социализма»[3].

Зарубежные издания, посвященные цензуре, долгое время оставались недоступными советскому читателю. Большинство этих книг[4] и статей[5] были написаны на материалах открытой советской печати. Их авторы, не имея доступа к архивам, опирались на воспоминания эмигрантов и рассказы немногих иностранных граждан, посетивших Советский Союз. Аркадий Гаев, который считался пионером этой темы, не смог даже расшифровать аббревиатуру «Главлит» и ошибочно приписывал этой организации техническую роль в контроле над печатными изданиями[6].

В Советском Союзе все зарубежные издания, посвященные цензуре в России после 1917 г., объявлялись псевдонаучными и фальсифицированными. Несмотря на то, что в этот период советские авторы писали о журналистике, об издательствах, о типографиях, о литературе, об искусстве, органах печати и т. д.,

---

[3] *Правда*: газ. 1988. 13 янв.

[4] В. Жабинский. *Просветы*. Заметки о советской литературе 1956–1957 гг. Мюнхен, 1958; B.I. Gorohoff. *Publishing in the Soviet Union* / Indiana University Publishers, 1959; Harold Swayze. *Political control of literature in the USSR, 1946–1959.* Cambridge: Harvard University Press, 1962; M.W. Hopkins. *Mass media in the Soviet Union.* New York, 1970; G. Struve. *Russian Literature under Lenin and Stalin 1917–1953*. London: Routledge and Kogan Paul, 1972; Р. Медведев. *Книга о социалистической демократии* (о свободе слова и печати в условиях социализма). Амстердам–Париж, 1972; *The Soviet Censorship* / Martin Dewhirst and Robert Farrell (eds.). Metuchen, New Jersey: Scarecrow Press, 1973; M.-T. Choldin, M. Fridberg. *The Red Pencil: Artists, Scholars and Censors the USSR*. Boston Unwin; Hyman, 1990.

[5] M. Fainson. Censorship in the USSR – a documental report // *Problems of Communism*. 1956. Vol. 52; E.J. Simmons. Russian Literature and Controls // *Trout the Glass of the Soviet Literature*. Harvard, 1963; M. Fridberg. Soviet books censors and readers // *Literature and Revolution in Soviet Russia, 1917–1962*. London–New York–Toronto, 1963.

[6] А. Гаев. *Цензура советской печати* / Институт изучения истории и культуры СССР. Мюнхен, 1955.

по-прежнему не было ни единого слова о цензуре. Официальные исследования по истории печати освещали исключительно государственное и партийное строительство в этом вопросе[7]. Правовые аспекты контроля над деятельностью средств массовой информации рассматривались лишь в учебниках по административному праву. Ангажированность не позволяет считать эти работы достоверными в научном отношении.

Фактически изучение феномена цензуры стало возможным только после ликвидации Главлита в октябре 1991 г. и передачи его архивов на открытое хранение с последующим постепенным рассекречиванием. Этот корпус источников был дополнен документами высших органов КПСС и советского государства, которые наглядно демонстрируют механизм управления учреждениями культуры, науки, просвещения, образования и отраслей народного хозяйства.

Появившаяся в последнее десятилетие научная и популярная литература по истории цензуры наделена новым содержанием и подходами. Монографии зарубежных исследователей, написанные после распада Советского Союза, в значительной мере восполнили прежние упущения. Их авторы поспешили прикоснуться к документам из ранее недоступных архивов и по-своему дали пример постсоветским историкам[8].

В отечественной историографии цензуры инициатива в исследовании принадлежала российским и украинским историкам. Опираясь на рассекреченные документы ЦК КПСС и Совета Министров, они совершили настоящий научный прорыв. Наиболее значимыми явились работы А.В. Блюма[9], Т.М. Горяевой[10], Д.Л. Бабиченко[11] и О.К. Валитова[12]. Их труды дополнили публикации пост-

[7] *О партийной и советской печати*: Сб. документов. М., 1954; М.Н. Черноморский. *Периодическая печать*. М., 1956; *Друк Беларускай ССР, 1918–1965 гг*. Мінск, 1967; А.М. Панфилов. *Советская периодическая печать как исторический источник*. М., 1975.

[8] H. Ermolaev. *Censorship in Soviet Literature, 1917–1991*. Lanham, Boulder: Rowman & Littlefield, 1997; V.G. Treml. *Censorship, Access, and Influence: Western Sovietology in the Soviet Union* / University of California. Berkeley, 1999; Catherine Depretto. «*La* censure à *la* période soviétique, 1917–1953: état. de *la* recherche» revue des études Slaves tiré á part / Institut d′ é tudes Slaves. Paris. *Rev*. # 201; tud. slaves. Paris, LXXIII/4, 2001.

[9] А.В. Блюм. *За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры (1917–1929 гг.)*. СПб., 1994; *Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917–1991 гг*. СПб., 1996; *Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953 гг*. СПб., 2000; *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991 гг*. СПб., 2003; *Как это делалось в Ленинграде*. СПб., 2005.

[10] *Исключить всякие упоминания*: Очерки истории советской цензуры / Сост. Т.М. Горяева. М., 1995; *Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг*. М., 2002.

[11] Д.Л. Бабиченко. *Писатели и цензоры*. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

[12] О.К. Валитов. *Печать и цензура*. Уфа, 1995.

советской научной периодики, среди которых необходимо отметить работы К.И. Абрамова[13], Г.В. Костырченко[14], Я. Дремайне[15] и некоторых других авторов.

Общественный интерес к истории советской цензуры нашел выражение в организации научных конференций по этой теме, которые состоялись в Санкт-Петербурге (Ленинграде)[16], Москве[17] и Екатеринбурге[18]. Отвечая запросам времени, появился первый спецкурс по истории советской цензуры на факультете журналистики[19].

Изучение цензуры предполагает привлечение литературы и источников из различных областей знания, включая социологию, педагогику, философию, филологию, искусствоведение, юриспруденцию[20]. Место и роль цензуры в структуре общества тесно связаны с изучением тоталитаризма и таких тем, как «культура и власть», «общество и интеллигенция», «национальное самосознание», «политика и повседневность», «общество и реформы», «персонификация власти», «государственный антисемитизм»[21], «перлюстрация почтовой корреспонденции»[22].

---

[13] К.И. Абрамов. «Истоки советской цензуры библиотечного дела» // *Библиотековедение*. 1996. № 6. С. 66–77.

[14] Г.В. Костырченко. «Советская цензура в 1941–1952 годах» // *Вопросы истории*. 1996. № 11–12. С. 87–94.

[15] Я. Дреймане. «Цензура в библиотеках Латвии в период второй советской оккупации (1944–1974 гг.)» // *Цензура и доступ информации: история и современность*: Тез. докл. междунар. науч. конф. 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005.

[16] Свобода научной информации и охрана государственной тайны. Прошлое, настоящее и будущее // Межрегион. научно-практ. конф. (Ленинград, 24–26 сент. 1991). СПб., 1992; Цензура в России. История и современность // Материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–22 сент. 1995) / Российская нац. библиотека. С.-Петербургский филиал Института истории РАН, 2001; Цензура и доступ к информации: история и современность: Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005. СПб., Рос. нац. б-ка, 2005.

[17] Цензура в царской России и Советском Союзе // Материалы конф. (Москва, 24–27 мая 1993). М., 1995.

[18] Цензура в России: Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 13–15 нояб. 1995. Екатеринбург, 1996.

[19] Г.В. Жирков. *История советской цензуры*: Материалы к лекц. курсу по истории журналистики России XX в., спецкурсам и семинарам. СПб., 1994.

[20] Г. Свирский. *На лобном месте*. Литература нравственного сопротивления 1946–1986 гг. М., 1998; Г.С. Файман. *Уголовная история советской литературы и театра*. М., 2003; М.Э. Кравчинский. *Песни, запрещенные в СССР.* Нижний Новгород, 2008.

[21] Л. Алексеева. *История инакомыслия в СССР*. Вильнюс–М., 1990; Е.Ю. Зубкова. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 гг.* М., 2000; Ю. Аксютин. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.* М., 2004; *Советская социальная политика*. Сцены и действующие лица, 1940–1985 гг. М., 2008; Б.М. Фирсов. *Разномыслие в СССР, 1940–1960 гг.* История, теория и практика. СПб., 2008; *Режимные люди в СССР* / Под ред. Т.С. Кондратьева и А.К. Соколова. М., 2009.

[22] Ж. Медведев. *Тайна переписки охраняется законом*. Лондон, 1972; Л. Авзегер. *Черный кабинет*. Записки тайного цензора МГБ. Тель-Авив, 1990; А.С. Смыкалин. *Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР*. СПб., 2008.

Издание сборников архивных документов сделало доступными сведения о некоторых предпринятых советским правительством шагах, скрытых в свое время от широкой общественности, о его методах управления страной в указанный период. Одна часть сборников посвящена истории самой цензуры[23], а другая – жизни советского общества в послевоенный период[24]. Изучение феномена всеохватывающего контроля над печатным словом и другими способами выражения общественной мысли привело к защите диссертаций на примере отдельных регионов бывшего Советского Союза[25], однако хронологические рамки только двух из этих работ охватывают послевоенные годы[26].

В Белоруссии тема истории советской цензуры оказалась достоянием общественности почти сразу после обретения республикой независимости в 1991 г. В первую очередь это произошло благодаря периодической печати. Газетные и журнальные статьи содержали богатый фактический материал и ценные авторские наблюдения, несмотря на субъективизм и обличительный пафос. Большинство этих публикаций – В. Герасимова[27], А. Гужаловского[28],

---

[23] *История советской политической цензуры.* Документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева. М., 1997; *Цензура в СССР*. Документы. 1917–1991 гг. / Коммент. А.В. Блюма и В.Г. Воловникова. М., 1997; *Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 гг.* Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004; *Большая цензура*: Писатели и журналисты в Стране Советов, 1917–1956 гг. / Под общей ред. А.Н. Яковлева; сост. Л.В. Максименков. М., 2005.

[24] *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР*, *1945–1953 гг.*: Сб. документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2002; *Советская жизнь, 1945–1953 гг. /* Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова и др. М., 2003; *Государственный антисемитизм в СССР*. От начала до кульминации, 1938–1953 гг. / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005; *Сталинские премии: две стороны одной медали*: Сб. документов и материалов / Сост. В.Ф. Свиньин, К.А. Осеев. Новосибирск, 2007.

[25] Г.А. Бондарев. *Советская цензура зрелищ в период новой экономической политики (1921–1929 гг.)*: Дис. … канд. ист. наук. М., 2003; Н.Н. Клепиков. *Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.*: Дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2005; И.Е. Левченко. *Цензура как общественное явление*: Автореф. дис. … канд. филос. наук. Екатеринбург, 1995; А.В. Суров. *Цензурная политика советского государства в 1917 – начале 1930-х годов*: Дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2002; И.С. Позднякова. *Цензурная политика в советской России в 1917–1929 гг.*: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Днепропетровск, 2010 (на укр. яз.).

[26] О.О. Федотова. *Политическая цензура печатных изданий на Украине: становление, технология, эволюция, 1919–1991 гг.*: Дис. … д-ра ист. наук. Переяславль-Хмельницкий, 2009 (на укр. яз.); Ф.К. Ярмолич. *Цензура на Северо-Западе СССР, 1922–1964 гг.* СПб., 2010.

[27] В.М. Герасимов. «На свет божий». Литература возвращается из спецхрана // *Спадчына.* 1992. № 4. С. 98–99 (на бел. яз.); «Імперыя спецсхову» // *Літаратура і мастацтва*. 1994. 19 жніўня. С. 6–7 (на бел. яз.); «История цензуры печати в Беларуси: столетие за столетием» // *Матэрыялы першых кнігазнаучых чытанняў.* (Мінск, 15 верасня 1998). Мінск, 2000. С. 23–34.

[28] А.А. Гужалоўскі. Чырвоны аловак: У 2 кн. Кн. 1. 1919–1941 гг.: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР. Мінск, 2012.

А. Лукашука[29], В. Матохи[30], Л. Смиловицкого[31] и Е. Сумко[32] – были посвящены довоенному периоду истории цензуры в БССР, намного меньше работ, среди авторов которых необходимо назвать В. Ракашевича[33], А. Великого[34], Д. Кривошея[35], Л. Рублевскую, В. Скалабана[36] и Б. Силантьева[37], – послевоенному периоду. Дополнительный материал, раскрывающий условия, в которых осуществлялась цензура печати в Белоруссии, содержат исследования А. Мальдиса[38], И. Кашталян[39] и Л. Морякова[40].

Сведения о деятельности органов Главлита Белорусской ССР сохранились в архивах республики далеко не в полном объеме. Однако этих документов и материалов достаточно для того, чтобы проследить основные этапы формирования, характер, содержание, формы и методы работы цензуры в республике за годы советской власти. В фонде Народного комиссариата просвещения республики имеются постановления, распоряжения, приказы коллегии Наркомпроса, Совета народных комиссаров и Главлита республики, положения об органах цензуры, акты проверок книжных фондов библиотек, списки изданий, перечни произведений,

---

29 А. Лукашук. «421 гр. паводле Галоўліту» // *Спадчына*. 1996. № 3. С. 71–91.

30 В.М. Матох. «Деятельность Главлита БССР в 1920-е годы» // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2008. № 6. С. 13–20.

31 Л.Л. Смиловицкий. «Книга в годы сталинских репрессий» // *Кніга, бібліятэчная справа і бібліяграфія Беларусі*: Сб. навуковых артыкулаў. Мінск, 1993. С. 128–133.

32 Е. Сумко. «Источники по истории советской цензуры в БССР 1920–1930 годов в архивах Беларуси» // *Архивы и делопроизводство*. 2004. № 4. С. 99–102.

33 В.К. Ракашевич. «Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров БССР» // *Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1944–1964 гг.*) / БелНИИДАД. Минск, 2003. Ч. 1. С. 71–76.

34 Анатоль Вялікі. «Галоўнае ўпраўленьне цэнзуры» // *Таталітарызм*: Курс лекцыяў / Беларускі калегіюм. Мінск, 2009. http://baj.by/belkalehium/tatalitarysm/lekcyja09.htm

35 Зм. Крывашэй. «Будні літаратурных работнікаў». Пастаноўка цэнзарскай працы ў пасляваеннай беларускай правінцыі (на прыкладзе Пінскай вобласці, 1951–1953 гг.) // *Arche*. 2011. № 10. С. 86–96.

36 Л. Рублевская, В. Скалабан. Мелиорация духа: К вопросу о высокопоставленных соавторах и цензорах // *Советская Белоруссия.* 2005. 17 сент.

37 Б. Силантьев. «О Главлите БССР» // *Семь дней.* 2003. № 2 (11 янв.); 2003. № 4 (25 янв.); 2003. № 6. (8 февр.).

38 А. Мальдис. «Трагические судьбы белорусских музейных, библиотечных и архивных собраний во время второй мировой войны» // *Вяртанне-3*: Сб. статей и документов. Минск, 1996. С. 6–12 (на бел. яз.).

39 І. Кашталян. «Эканамічная штодзженнасць БССР у 1944–1953 гг.» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*: Сб. науч. тр. Вып. 3. Минск, 2007. С. 239–263.

40 Л. Маракоў. *Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі* // Энцыклапедычны даведнік: У 10 т. (15 кнігах). Мінск, 2002–2009.

пьес и эстрадного репертуара, разрешенных или запрещенных к публичной демонстрации.

В фонде Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии находятся протоколы, циркуляры Отдела печати, переписка Главлита с издательствами, сведения о литературных группах, информационные отчеты и списки литературы, подлежащей изъятию, и другие материалы. В делах описи Отдела пропаганды и агитации ЦК КПБ сохранилась переписка между Главлитом и его областными отделениями, рецензии, справки об ошибках, допущенных в печатных изданиях, и многие другие сопутствующие документы.

Кроме того, важные сведения для настоящего исследования были почерпнуты автором в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь в Минске (уголовно-следственные дела на еврейских писателей, поэтов, деятелей культуры и науки), в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (фонды Управления по делам искусства и Управления по контролю за зрелищами и репертуаром при СМ БССР, Союза писателей, Союза художников, Союза композиторов, Государственного издательства БССР, Белгосэстрады, Художественного фонда БССР, Государственного Художественного музея БССР, Белорусского государственного еврейского театра и др.).

В работе над монографией использованы данные Российского государственного архива социально-политической истории (фонды ЦК ВКП(б)–КПСС, секретариата, оргбюро, отделов и управлений; фонда ЦК ВЛКСМ), Государственного архива Российской Федерации (фонды Верховного Совета СССР, Совета Министров, Прокуратуры СССР, Совета по делам религиозных культов и Русской православной церкви), Российского государственного архива экономики (фонды Госплана, министерства финансов, ЦСУ СССР), а также Российского государственного архива новейшей истории (документы бывшего текущего архива Общего отдела ЦК КПСС). Материалы к решениям Политбюро, Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС, а также другие документы, направленные в эти органы власти, остались недоступными, поскольку они находятся в процессе передачи из Архива президента Российской Федерации в РГАСПИ.

Документация, отражающая историю цензуры послевоенного периода, более систематизирована. История Главлита представлена приказами, распоряжениями, директивными указаниями и письмами, протоколами партийных собраний, производственных совещаний, которые помогают, в частности, получить представление о социально-психологическом климате в коллективе цензоров и познакомиться с эпизодами, которые не нашли отражения в официальных документах.

Источниковедческая база темы представлена отчетами областных, городских и районных уполномоченных по делам цензуры и заключениями по ним со стороны Главлита БССР, докладными записками, протоколами рабочих совещаний, подведением итогов инспекторских поездок, перепиской с местными партийными и советскими органами. Их дополняют документы, в которых указывается запрещенная для публикации информация, инструкции по учету и предварительному и последующему контролю.

Большая часть документов сохранилась в печатном (машинопись, ксерокопии, ротатор, типографский набор) или рукописном виде (письма, отчеты о работе до 1946 г., справки и разъяснения на поступившие запросы и др.). Как правило, они датированы, имеют подписи начальника цензурного подразделения или исполнителя. В обязательном порядке указана степень секретности документа («для служебного пользования», «оглашению не подлежит», «секретно» и «совершенно секретно»). В отчетах, докладах и других архивных материалах сделаны пометки – правки, знаки вопроса и восклицания, подчеркивания карандашом (мягким красным или синим), записи на полях, выражающие согласие цензора с содержанием документа или его возражения.

Во второй половине 40-х гг. информативность отчетов, которые поступали в Минск от управлений Главлита на местах, заметно повысилась. Исходный материал о работе цензоров обобщался Главлитом БССР для предоставления контрольным органам ЦК Компартии Белоруссии и Совета Министров республики. Внимание это не было пассивным. Отчеты Главлита периодически заслушивались на заседаниях бюро партийных комитетов, включая Бюро ЦК КПБ, а по итогам обсуждения принимались постановления ЦК Компартии республики[41]. Решения высшей партийной инстанции имели обязательный характер с непременным указанием срока исполнения. В известном смысле они играли роль *энциклики*[42], т. е. имели универсальный характер для всех без исключения граждан, независимо от того, являлись они членами партии или нет.

Отчеты Главлита, как наиболее оформленный вид источников, носили в целом объективный характер и достаточно полно отражали политическую и экономическую ситуацию в республике после войны. В это время появляются *заключения по отчету* Главлита СССР, что по-своему показательно: в Москве перепроверяли сообщения с мест, сравнивая их с информацией из дополнительных источников, что позволяло указать на неточность или неполноту первоначальных сведений.

В 50-е гг. отчеты о работе цензуры в республике начали составлять по заранее присланному шаблону. С одной стороны, это обедняло информацию с мест и делало ее более обтекаемой, с другой – позволяло вести статистику о состоянии дел на определенных направлениях (проверка библиотек, контроль над репертуаром, работой типографий, букинистической торговлей, организацией специального хранения литературы и др.), давало представление о кадровой политике, рекомендациях о замещении вакантных должностей. Наряду с отчетами существовали *докладные записки*, которые составлялись менее формально.

[41] Постановления ЦК КПБ условно можно разделить на две части: реакция на указания цензуре, поступившие от ЦК ВКП(б) [КПСС], и постановления, принятые по собственной инициативе ЦК республиканской партийной организации.

[42] Энциклика – основной папский документ по вопросам вероучения, нравственным или общественно-политическим проблемам, адресованный верующим или католическому духовенству отдельной страны.

По содержанию они представляли собой сообщения о положении на определенном участке работы, который требовал повышенного внимания. Темой докладной записки могла стать информация о соблюдении секретности в военной или гражданской сфере – в сельском хозяйстве, промышленности или строительстве, здравоохранении, об охране научных интересов, о проблемах экологии или о выполнении поручений от директивных органов. Докладные записки направлялись в аппарат областного отделения Главлита БССР с последующим отчетом перед Главлитом СССР в Москве.

Собранные данные накапливались и принимали форму *информационных писем* Главлита. Это было обобщение опыта отдельно взятых подразделений цензуры по всем регионам страны, который в виде писем и сообщений передавался цензорам, редакторам периодических изданий и многотиражек, директорам и ответственным работникам издательств. В них говорилось о наиболее часто встречавшихся ошибках и содержалось требование еще ответственнее относиться к служебным обязанностям. Важные сведения можно почерпнуть из нормативно-правовых документов – приказов и циркуляров системы Главлита.

В целом архивные материалы в сочетании с монографическими исследованиями, научными и популярными изданиями, статистическими сборниками, периодической печатью и воспоминаниями современников позволяют получить объективную картину прошлого, правильно понять эпоху первого послевоенного десятилетия, оценить поведение главных действующих лиц и вывести общие закономерности в деятельности цензуры в Белорусской ССР.

Немота поддерживает деспотизм.

А.И. Герцен

Глава 1. Главлитбел

Послевоенные изменения

Победа в войне вызвала всеобщую эйфорию, которая отвлекала от подлинной оценки уроков победы над нацистской Германией. Миллионы фронтовиков вошли в мирную жизнь, искренне полагая, что они оставили позади самый трудный период в своей жизни. Однако действительность не оправдала эти ожидания. Масштабы разрушений и восстановительных работ оказались неизмеримо больше, чем готово было воспринять обыденное сознание.

В это время культ И.В. Сталина достиг своего апогея. Сталин-человек растворился в имидже вождя и стал живым идолом, которого массовое сознание наделило мистической силой. Обожествлялось все, что было связано с его именем. Газета «Советская Белоруссия» на русском языке и газета «Звязда» на белорусском языке 10 июля 1945 г. опубликовали «Письмо Сталину от трудящихся БССР» за подписью 2 млн 547 тыс. 360 чел.[43] В честь Сталина переименовали сотни белорусских колхозов, предприятий и улиц. Всюду, где побывал вождь, пусть даже проездом, появились мемориальные доски: Минск (1919, Западный фронт), Орша, Брест (1945 г., по пути на Потсдамскую конференцию). В связи с 70-летием вождя в декабре 1949 г. в БССР состоялось 32 тыс. митингов, в которых приняли участие три миллиона человек, прошли массовые манифестации, концерты художественной самодеятельности, многочисленные конкурсы и соревнования[44].

---

[43] Об обсуждении и подписании письма И.В. Сталину трудящимися Минской области: Докладная записка секретаря Минского обкома партии В.А. Томашевича – Т.С. Горбунову, секретарю ЦК КП(б)Б, от 16 июля 1945 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 47, д. 25, лл. 352-355.

[44] См.: Я. Міранавіч. *Найноўшая гісторыя Беларусі*. СПб., 2003. С. 175.

В 1949 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б Н.А. Гусаров[45] выступил с предложением переименовать Бобруйск в город Сталин, что не нашло поддержки в Москве, однако главную магистраль в Минске (ул. Советскую) переименовали в проспект имени Сталина, а на центральной площади белорусской столицы в 1952 г. воздвигли грандиозный шестиметровый монумент вождю[46].

Ожидание перемен еще владело общественным сознанием. Сразу после войны существовали иллюзии о возможности международного сотрудничества, что должно было облегчить процесс восстановления. Однако развиваться вместе с внешним демократическим миром означало бы для власти отказ от внутренней тоталитарной модели. План Маршалла[47], объединивший 17 европейских стран, оказался неприемлемым для Сталина, который предпочел отгородиться *железным занавесом*[48] от остального мира и в одиночку решать проблемы послевоенного выживания.

Советским людям оставалось только догадываться, что происходит в мире и как недавно поверженный противник стремительно налаживает новую жизнь, тогда как их, победителей, по-прежнему держат на полуголодном пайке, оправдывая это последствиями войны. Контраст уровня благосостояния с аналогичным на Западе рождал неудовлетворенность итогами войны и обиду на бывших союзников, которых советская пропаганда превратила в главных виновников ухудшения общего международного климата и внутренних трудностей.

Страх перед опасностью начала Третьей мировой войны побуждал советских людей прощать властям непопулярные решения, если они оправдывались стремлением избежать нового военного столкновения, на этот раз с «империалистическим» Западом.

Миф о враждебном окружении дополнялся разговорами о *пятой колонне* в СССР и был призван обеспечить внутреннее единство. Верховная власть должна была ассоциироваться с инстанцией высшей справедливости, где

---

[45] Николай Александрович Гусаров (1905–1975) – государственный и партийный деятель, секретарь Свердловского и Молотовского (ныне Пермского) ОК ВКП(б) в 1938–1941 гг., первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии (март 1947 – май 1950 г.).

[46] См.: *История имперских отношений: белорусы и русские 1772–1991 гг.* / Сост. А. Тарас. Минск, 2008. С. 371.

[47] План Маршалла (*Marshall Plan*, или *European Recovery Program* – «Программа восстановления Европы»), выдвинутый в 1947 г. американским государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом.

[48] Железный занавес – термин появился в XVIII в. во Франции и обозначал приспособление в виде железного занавеса, использовавшегося в театрах для закрытия сцены от зрителей в случае возникновения пожара. Переосмыслен в XX в. как понятие самоизоляции, информационный, политический и пограничный барьер, отделяющий СССР и другие социалистические страны от Запада; по утверждению советских источников, «занавес» был возведен капиталистическими странами.

каждый «маленький человек» всегда мог рассчитывать найти свою правду и защиту.

Холодная война вызвала к жизни подозрительность в отношениях между странами, возникновение враждебных политических союзов и блоков, угрожавших Третьей мировой войной, гонку обычных и ядерных вооружений. Стремясь уйти от такой опасности и используя новую тактику, Сталин выразил уверенность в том, что «противоречия» между капиталистическими державами скорее приведут к войне внутри капиталистического мира, чем между этим миром и странами советского блока[49].

Только в постсталинский период из периодической печати исчезли наиболее оскорбительные эпитеты и определения – «агрессор», «поджигатель войны», «людоед», «кровосос», которые широко использовались в словаре советской внешней политики по отношению к западному сообществу. Если до смерти Сталина страны «мирового империализма» обвинялись в заговоре и даже в планировании новой войны против СССР, то потом главный упор делался на приписываемую Соединенным Штатам Америки роль обструкциониста в решении основных вопросов международной политики, таких, как германская проблема, положение Китая среди великих держав, война в Индокитае. Цензура продолжала обеспечивать изоляцию советского общества от «тлетворного» влияния Запада. По образному выражению Г. Свирского[50], выход смелой книги в СССР приравнивался к побегу опасного арестанта из тюрьмы – объявлялась «тревога, погоня, травля собаками»[51]. В такой обстановке советским гражданам предстояло просуществовать не одно десятилетие.

Возобновление работы цензуры

Главное управление по делам литературы и издательств при СНК БССР (*Главлитбел*) приступило к работе на частично освобожденной территории республики уже в июле 1943 г.

Первым начальником Главлитбела и единственным цензором стала Феня (Фаина) Исааковна Дадиомова. В январе 1944 г. после перемещения ЦК КП(б)Б и СНК БССР из Подмосковья в Новобелицу, пригород Гомеля, штат работни-

---

[49] См.: И.В. Сталин. *Экономические проблемы социализма в СССР*. М., 1952.

[50] Григорий Цезаревич (Израилевич) Свирский – писатель, участник Великой Отечественной войны. 26 янв. 1972 г. появилось секретное Постановление ЦК КПСС о выдворении писателя Григория Свирского, заикнувшегося о свободе слова, за пределы Советского Союза. В изгнании автор написал и опубликовал 10 романов и повестей, переведенных на главные европейские языки.

[51] Г. Свирский. *На лобном месте*… С. 65.

ков Главлита увеличили до четырех человек. В марте 1944 г. штат Главлитбела состоял уже из начальника, его заместителя и семи политредакторов, главного бухгалтера, начальника специальной (секретной) части и машинистки-делопроизводителя, а также четырех начальников и четырех политредакторов в областных отделениях (облитах)[52].

После полного освобождения республики в июле 1944 г. состоялся переезд Главлита в Минск вместе с редакциями республиканских газет, что заняло три недели. Поиск помещения, приобретение инвентаря и мебели в условиях разрушенного города представляли значительные трудности. Главлит разместили в Доме печати на окраине города, в семи километрах от центра[53].

Постепенно деятельность цензуры возобновилась во всех районах республики. В течение июля, августа и сентября 1944 г. были укомплектованы Гомельский, Могилевский, Полесский и Витебский областные и районные отделения Главлита (райлиты). К концу 1944 г. начальники облитов были назначены в 10 из 12 областей БССР, а еще через полгода – повсеместно. Для сотрудников цензуры были изготовлены печати, анкеты и другие материалы, необходимые для делопроизводства, общей и секретной переписки.

Каждому цензору выдали личный штамп. Это был небольшой четырехугольник размером 4 х 3 см, на котором вверху была надпись: «Главлит БССР. Разрешается». Слева в отдельной колонке стоял порядковый номер для учета при выдаче в спецчасти. В центральном поле штампа была указана буквенная серия, присвоенная каждой области СССР. Например, Минск и Минская область имели серию АТ, Гомельская – АЗ, Бобруйская область – АФ, Брестская – АЕ, Гродненская – АИ, Полоцкая – АЖ, Могилевская – АО, Полесская – АС и т. д. Визируя проверенный материал с резолюциями «в набор», «в печать», «в свет» или «к показу», цензоры заверяли оттиском такой печати сделанную правку.

Все республиканские газеты и журналы выходили в Минске и соответственно тоже относились к серии АТ. Многотиражные издания предприятий, учреждений и учебных заведений имели серию той области, в какой они издавались[54]. За серией следовал порядковый номер, выдававшийся на год. Таким образом, по штампу можно было определить – кто, где и когда разрешил тот или иной материал в печать.

Главлит контролировал печатную продукцию Госиздата БССР, газеты и другие периодические издания. Как правило, выпуск газет начинался сразу после освобождения района от немецкой оккупации. Они выходили в мо-

---

[52] Доклад Ф.И. Дадиомовой о работе Главлита БССР с кадрами, 1944 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 7.

[53] Отчет Главлита БССР о работе за 3-й квартал 1944 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 1-2.

[54] См. *Приложение 38*. Цензорские шифры периодических изданий БССР (1944–1956 гг.): По материалам БГАМЛИ и НАРБ.

бильных партизанских типографиях. В основном в этих газетах публиковали письма людей с благодарностью Красной армии, обещанием отдать все силы на разгром врага, сводки с фронта и сообщения о восстановительных работах. Понятно, что никакой критики в адрес советской власти быть не могло. Однако на первых порах на это не обращали внимания – радость окончания войны затмевала все.

Срочно восстанавливалась сеть учреждений, призванных распространять печатную продукцию[55]. В 1943 г. возобновила свою работу республиканская «Союзпечать»[56]. Из Гомеля в Минск переехала редакция газеты «Савецкая Беларусь». В 1944 г. выходили пять республиканских газет: десять областных и 146 районных[57]. Плакат-газету «Раздавим фашистскую гадину!» преобразовали в сатирико-юмористический журнал «Вожык» под эгидой ЦК КП(б)Б.

Цензура учитывала существовавшее в республике двуязычие (первые после войны штампы цензоров были изготовлены на белорусском языке). Соотношение объема периодических изданий на русском, белорусском и незначительного их числа на некоторых других языках постоянно менялось. Это было связано с политическими, экономическими и культурными условиями, миграцией населения из села в город, развитием высшего и среднего специального образования, интеграцией БССР в общесоюзные программы восстановления и развития страны.

Газеты и журналы в республике печатались на русском и белорусском или одновременно на двух этих языках. Начиная с 1944 г. периодики становилось все больше. Появились издания, ориентированные на определенную категорию читателей. Сельским жителям предназначались «Калгасная праўда» (с 1945 г.) и «Колхозная правда» (с 1947 г.), молодежи – две комсомольские газеты «Чырвоная змена» и «Сталинская молодежь», детям – два еженедельника «Піянер Беларусі» и «Зорька» (1945 г.), выходили спортивная газета «Физкультурник Белоруссии» на русском языке (с 1951 г.) и «Фізкультурнік Беларусі» – на белорусском (1952 г.).

Три газеты в республике печатались только на белорусском языке: «Звязда» – орган ЦК КП(б)Б, «Настаўніцкая газета» – министерства просвещения (для учителей) и «Літаратура і мастацтва» , которая являлась совместным изданием министерства культуры и Союза писателей. Выходили три ведомственные газеты на русском языке министерства путей сообщения: «Железнодорожник Белоруссии», «Строитель магистрали» и «Речник Белоруссии».

---

[55] О распространении центральной и республиканской печати в освобожденных районах Белоруссии: Постановление ЦК КП(б)Б от 30 сент. 1943 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 3, д. 1246, л. 151.

[56] В 1944 г. в БССР через «Союзпечать» было распространено 12,7 тыс. экз. газет, а в 1945 г. – 42,6 тыс. экз. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 47, д. 77, л. 153.

[57] Отчет Главлита БССР о работе за 3-й квартал 1944 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 3.

В начале 50-х гг. периодические издания на белорусском языке состояли из трех журналов общей тематики и двух изданий, адресованных преимущественно партийной аудитории («Камуніст Беларусі» и «Блакнот агітатара»), одного литературного ежемесячника («Полымя»), двух журналов для учителей и одного иллюстрированного журнала для детей («Бярозка»).

Ежемесячный журнал «Беларусь» (с 1944 г.) был задуман как белорусский аналог «Огонька», однако его тираж не превышал 20 тыс. экз., что несопоставимо с его общесоюзным прототипом – 2 млн экз. Наиболее востребованным оказался женский журнал «Работніца і сялянка», имевший самый больший тираж из всех белорусскоязычных изданий – 100 тыс. экз.[58]

В апреле 1953 г. ЦК ЛКСМБ приступил к выпуску молодежного журнала «Маладосць», а в 1956 г. Академия наук БССР основала ежеквартальный научный журнал «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР» со специальными сериями по биологии, истории, социологии и физико-техническим наукам.

Русскоязычная периодика была представлена тремя журналами: «Коммунист Белоруссии» (1949 г.) и «Блокнот агитатора» (1948 г.) – как дополнения к уже существовавшим их белорусским аналогам – и «Советская отчизна» (1952 г.), являвшимся альманахом Союза писателей БССР[59].

После 1954 г. количество научных периодических изданий в республике заметно возросло[60], и это совпало с изменением правил работы Главлита, обусловленным общей частичной либерализацией в стране.

На белорусском языке выходили почти все областные и районные газеты республики[61]. Примечательно, что русскоязычные областные издания были созданы только в западных областях Белоруссии, присоединенных в 1939 г. В Гродно, Бресте и Молодечно областные газеты издавались параллельно на русском и белорусском языках[62].

Районные газеты на русском языке выходили преимущественно в западных областях республики, тогда как в восточных областях – почти исключительно на белорусском языке. Можно предположить, что это диктовалось нуждами сове-

---

[58] R. Szporluk. «The Press in Belorussia, 1955-65» // *Soviet Studies*. 1967. Vol. 18. № 4 (April). P. 482–493.

[59] «Советская отчизна» выходила один раз в два месяца (с 1960 г. – «Неман»).

[60] «Здравоохранение Белоруссии» (1955 г.), «Доклады Академии наук БССР» (1957 г.), «Инженерно-технический журнал» (1958 г.), «Известия высших учебных заведений. Энергетика» (1958 г.), «Промышленность Белоруссии» (1958 г.), «Журнал прикладной спектроскопии» (1964 г.), «Дифференциальные уравнения» (1965 г.) и некоторые др.

[61] До 1962 г. «Зара» (Брест) и «Гродзенская праўда» выходили параллельно на русском языке, а затем были сохранены только русскоязычные аналоги.

[62] Молодеченская область в 1960 г. была упразднена, а ее районы вошли в состав Минской, Витебской и Гродненской областей.

тизации бывших восточных «кресов польских»[63]. Уполномоченные и активисты, командированные в Западную Белоруссию, предпочитали русский, который противопоставляли польскому. С другой стороны, польский режим (1921–1939 гг.) препятствовал развитию белорусской культуры и языка, а существовавшие его диалекты в различных районах Западной Белоруссии не соответствовали нормам, официально принятым в БССР.

Белорусский язык постепенно уступал свои позиции русскому. Им пользовались как разговорным, в сельской местности, в целях показной пропаганды и агитации, частично в поэзии и художественной литературе. Русский язык занимал остальные сферы и наиболее широко применялся в науке, в учебных заведениях, на производстве и в учреждениях. Эти процессы как в зеркале нашли свое отражение в периодической печати, которая немедленно откликалась на пожелание партийной элиты. Об этом свидетельствуют тиражи газет и журналов, выходивших в республике в первой половине 50-х гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Тираж периодических изданий на белорусском и русском языках в БССР (1950–1955 гг.)

Язык	**1950 г.**		**1955 г.**	
	тыс. экз.	*%*	*тыс. экз.*	*%*
Белорусский	592	62,45	817	62,17
Русский	356	37,55	497	37,83
Итого	**948**	**100**	**1314**	**100**

В редакциях газет и типографиях не хватало квалифицированных сотрудников, печатников и журналистов. Часть из них погибла в действующей армии и партизанских отрядах, а другие скомпрометировали себя, сотрудничая с нацистами в оккупационных изданиях, выходивших на русском и белорусском

[63] Восточные Кресы, или *Kresy Wschodnie* («восточная окраина») – польское название территорий нынешних Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы, до 1939 г. входивших в состав Польши.

языках[64]. Возобновление работы наркоматов и учреждений требовало большого количества мелкопечатной продукции: ведомственных форм, бланков, карточек, ведомостей, инструкций и даже пригласительных билетов – всего почти шестьсот наименований.

Главлит организовывал выезд на места своих доверенных лиц, проводил инструктивные совещания, рассылал письма и указания. Особое внимание уделялось пограничным областям (Брестская, Барановичская, Гродненская), районам, где были дислоцированы воинские части и находились крупные промышленные предприятия[65]. Результаты проверки облитов обобщались и оформлялись в виде приказов, которые рассылали всем заинтересованным инстанциям.

Особые отношения существовали у Главлита и Белорусского телеграфного агентства (БелТА), дочернего отделения ТАСС. Сообщения или опровержения, сделанные в печати от имени этих телеграфных агентств, не подлежали прямой цензуре. Если вкралась ошибка, опечатка, техническая погрешность или неудачное выражение, представители Главлита не имели права ее поправить немедленно. В таких случаях необходимо было прежде связаться с БелТА, откуда запрашивали ТАСС. Если сомнения признавались обоснованными, то по всем редакциям рассылали исправленную версию, и только так можно было внести изменения, поправить.

Условия труда цензоров

Рабочий день для большинства цензоров, занятых в дневную смену, продолжался с 10:00 до 19:00 с часовым обеденным перерывом. Условия труда были непритязательными. Инвентарь состоял из нескольких столов, стульев, шкафа, железного ящика для хранения секретных документов и телефона.

В Витебске областное управление цензуры размещалось в маленькой комнате, в которой давно не было ремонта, в Полоцке – в сыром и темном помещении, где проживал начальник облита с семьей. Полоцкий облисполком принял решение выделить новое помещение, но его занял отдел военной торговли[66].

---

[64] В 1941–1945 гг. в 20 городах Белоруссии, Польши и Литвы, Германии выходило 27 газет, 14 журналов и других материалов (сборников, бюллетеней, календарей): С.В. Жумарь. *Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны*. Минск, 1996. С. 8.

[65] Всего за 1946–1947 гг. состоялось 179 инспекторских поездок, в том числе в Минский облит – 23 выезда, Могилевский – 19, Полесский – 30, Пинский – 20, Витебский – 29, Молодеченский – 14 // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 50.

[66] О проверке работы Витебского и Полоцкого облитов: Докладная записка зам. начальника Главлита БССР Г.В. Прокашко от 1 апр. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 11-14.

В Гомеле в 1948 г. областное управление ютилось в комнатушке, где трудно было повернуться, поскольку вторую комнату начальник облита также занял под свое жилье. Из-за того, что не было места для шкафа, изъятая литература оставалась на полу… Цензор сверял верстку газеты «Гомельская правда» в комнате типографского корректора, где из-за шума трудно было сосредоточиться[67].

В Минске Главлит занимал цокольный этаж левого крыла Дома правительства. Еще одна группа по контролю над издательствами размещалась в типографии Академии наук, напротив Дома печати. Были постоянные «точки» Главлита (по одному сотруднику), например в БелТА, для проверки кинопроката, театров и почтамта проводились разовые инспекции. При Главлите существовало специальное подразделение, которое работало круглосуточно. Оно контролировало радио и подписывало в печать ежедневные газеты сразу после верстки.

В 1953 г., после смерти Сталина, Главлит БССР из ведения Совета Министров БССР перешел в состав МВД и сменил свое название. Отныне аббревиатура Главлит расшифровывалась как *Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати*. Управление Главлита в Минске переехало на ул. Володарского, заняв весь 2-й этаж бывшего Управления тыла Белорусского военного округа.

Центральный аппарат Главлита состоял теперь из начальника и его заместителя, бухгалтерии, секретной части, отделов предварительного и последующего контроля, газетно-журнальной группы[68]. Их дополняли цензоры по отдельным регионам республики и направлениям деятельности, был организован новый отдел – по контролю над репертуаром и зрелищами.

Архивы

Все государственные архивы подчинялись Народному комиссариату внутренних дел (с 1946 г. – МВД). Главлит внимательно следил, чтобы в печать не попали не публиковавшиеся ранее сведения, особенно, если они имели отношение к руководителям партии и советского государства. По-видимому, это объяснялось стремлением уберечь мифотворчество социалистического строительства.

14 августа 1947 г. Главлит СССР категорически запретил публикацию (включая перепечатку) биографий В.И. Ленина и И.В. Сталина и литературно-

---

[67] О проверке Гомельского облита: Приказ по Главлиту БССР от 3 марта 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 14, лл. 20-23.

[68] Газетно-журнальная группа размещалась на 2-м этаже Дома печати в редакции газеты «Советская Белоруссия».

художественных произведений об их жизни и деятельности в газетах, журналах и сборниках, отдельными книгами и брошюрами. В этой связи были проверены все произведения, посвященные «вождям мировой революции», а также М. Калинину, Е. Ярославскому, Р. Землячке, М. Горькому, Ал. Толстому, Д. Бедному. Часть этой литературы уже была отпечатана и ожидала распространения, другая подготовлена к изданию, третья существовала в типографском наборе. Запретили к публикации рассказ И. Гурского «Перед бурей», в котором описывалось пребывание Ленина в Разливе[69], рассказы «Встречи со Сталиным» (воспоминания детей), «Ленинское приветствие» (из воспоминаний М.И. Калинина), «Субботник» А. Кононова, «Телеграмма» Б. Емельянова, «Детство и юность Ильича» (воспоминания Н.К. Крупской).

В начале 1949 г. Главлит БССР повторил свои требования, после того как в нескольких районных и областных газетах республики – «Крестьянская газета» в Молодечненской области (заметка «Исторический домик в д. Ялкала» с рассказами крестьян о встрече с Лениным), «Кліч Радзімы» в Любаньском районе Бобруйской области, «Знамя свободы» в Ошмянском районе Молодечненской области, «Ленинец» Плещеницкого района Минской области – в связи с 25-летней годовщиной смерти Ленина появились несанкционированные заранее воспоминания. Это правонарушение сочли настолько серьезным, что оно стало поводом для новой проверки знаний цензорами и райуполномоченными руководящих документов по цензуре. На лица, допустившие эти нарушения, были наложены взыскания[70].

Осенью 1950 г. начальник Архивного управления МВД БССР получил указание из Москвы срочно проверить, имеются ли среди документальных материалов, направленных в 1945–1947 гг. в архивы республики из иностранных государств, сведения, относящиеся к жизни и деятельности В.И. Ленина в Поронино (Галиция)[71].

В 1952 г. в Главлит БССР поступило сообщение о том, что на заседании Секретариата ЦК рассматривалась информационная справка, подготовленная Отделом художественной литературы и искусства ЦК ВКП(б), о многочисленных купюрах в сочинениях А.М. Горького. В качестве примера приводилось изъятие из очерка «В.И. Ленин» следующей фразы: «Невозможен вождь, который – в той или иной степени – не был бы тираном. Вероятно, при Ленине перебито

[69] Разлив – искусственное озеро на берегу Финского залива, где В.И. Ленин в июле–августе 1917 г. скрывался от Временного правительства.

[70] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой по Главлиту БССР от 2 февр. 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 19, л. 8.

[71] Письмо зам. начальника Главного архивного управления МВД СССР С. Кузьмина – Н. Азарову, начальнику Архивного управления МВД БССР, от 9 сент. 1950 г. // НАРБ, ф. 249, оп. 8, д. 249, л.43.

людей больше, чем при Фоме Мюнцере». Предлагалось повторно издать 17-й том Собрания сочинений А.М. Горького[72].

В государственных архивах БССР хранились материалы учреждений и организаций периода немецкой оккупации. Это были документы Генерального и окружных комиссариатов, городских и районных военных комендатур, охранных отрядов СС, городских и сельских управ, органов пропаганды и учреждений, созданных нацистами. В них содержались сведения о партизанском движении Белоруссии, фонды особых отделов партизанских бригад, полков и отрядов. Эта база данных сложилась на основе информации, собранной силами подполья (личный состав и агентура СД, СС, шпионских школ военной разведки, гестапо и др.).

Наиболее засекреченными считались сведения о враждебно настроенных к советской власти местных жителях, следственные материалы на разоблаченных пособников нацистов, шпионов и диверсантов, агентов гестапо, членов антисоветских формирований, обществ и союзов – 28 фондов (328 ед. хр.)[73].

Составлялись журналы учета секретных и совершенно секретных документов, так называемых списков-справочников, по данным из государственных архивов БССР. В основном это были списки тех, кто сотрудничал с нацистами на оккупированной территории, бывших служащих государственных учреждений Польши (до 1939 г.), а также лишенцев и представителей имущих классов (до 1917 г.), религиозных деятелей, данные по националистическому подполью и, частично, уголовному миру. Такой список-справочник по г. Минску включал сведения:

- о бывших членах Минского городского Совета в 1923 г., ранее состоявших в партиях Бунд и Поалей-Цион (99 чел.);
- о членах мелкобуржуазных партий (154 чел.);
- о владельцах фабрик и заводов (636 чел.);
- о лицах, имевших связь с заграницей (552 чел.)

С началом холодной войны особое внимание стали уделять в цензурном ведомстве еврейским материалам. Все архивы республики летом 1946 г. получили указание проверить наличие сведений о деятельности сионистов и бундовцев (программы, уставы партий, списки членов, выступления в прессе и др.).

---

[72] Материалы заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 3 сент. 1952 г. // РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 119, д. 1061, лл. 229, 238-240. Цит. по: *Власть и художественная интеллигенция*. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 792.

[73] Информ. справка о документальных материалах особых отделов партизанских соединений, хранящихся в государственных архивах БССР, от 24 марта 1950 г. // НАРБ, ф. 249, оп. 8, д. 250, л. 23.

При выявлении документальных материалов требовалось снять копии и выслать их в Минск[74].

Во второй половине 40-х гг. по материалам архивов столицы республики были составлены списки лиц, имевших компрометирующее прошлое (см. табл. 2).

Таблица 2

Журнал учета секретных списков по г. Минску (1946–1948 гг.)

Номер журнала	**Содержание записи**	**Кол-во листов**	**Указано,** *чел.*
20	научные и др. работники учебных заведений	7	197
21	директора и учителя школ	465	11 030
49	лица, имеющие родственников в США, Англии, Франции, Палестине	47	1229
50	иностранные подданные, лица, принявшие советское гражданство и выехавшие за границу	91	1960
56	сотрудники АРА, миссии Нансена, организации квакеров и Джойнта	28	271
57	иностранные подданные	409	3888
58	бывшие подданные Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, перебежчики из этих стран, принявшие советское гражданство	157	2552
Итого		**1204**	**21127**

Составлено по: НАРБ, ф. 249, оп. 8, д. 339, т. 1, лл. 11-13; д. 340, т. 2, лл. 21-23.

Всего по республике в 136 справочных списках были собраны сведения о более чем 70 тыс. граждан. С этой целью была проведена полная научно-техническая обработка 211 архивных фондов (почти 20 тыс. ед. хр.). Архивисты проследили судьбу 110 тыс. чел., проходивших по документальным материалам периода немецкой оккупации (см. табл. 3).

[74] Директивное указание начальника Архивного управления МВД БССР Н. Азарова от 10 июня 1946 г. // НАРБ, ф. 249, оп. 8, д. 99, л. 1.

Таблица 3

Результаты работы отделов секретных фондов государственных архивов БССР (1947–1948 гг.)

Название архива	упорядочено		учтено контр. элементов, *чел.*	составлено	
	фондов	единиц хранения		справочных списков	индивид. справок
ЦГАОР БССР	27	4697	10986	14	6186
Центральный историч. архив	20	1475	1196	27	1196
Филиал исторического архива	4	4134	8533	1	6010
Госархив Барановичской обл.	2	94	687	7	687
Госархив Бобруйской обл.	50	2937	5029	7	3811
Госархив Брестской обл.	2	6392	5223	13	8964
Госархив Витебской обл.	18	90	2552	5	2552
Госархив Гродненской	4	90	10141	11	8915
Госархив Гомельской обл.	23	1656	17580	19	9987
Госархив Минской обл.	12	1572	10453	13	5247
Госархив Могилевской обл.	22	201	18494	2	4088
Госархив Молодечненской обл.	—	—	8315	4	8315
Госархив Пинской области	—	—	4120	7	1944
Госархив Полесской обл.	41	386	3021	2	3021
Госархив Полоцкой обл.	6	425	2473	4	1399
Итого:	**231**	**24149**	**108803**	**136**	**72322**

Составлено по: НАРБ, ф. 249, оп. 8, д. 181, лл. 11-13.

Имелись случаи неточного определения так называемого политического прошлого попавших под подозрение граждан. В частности, в Государственном архиве Брестской области все лица, обвиняемые в бывшей «панской» Польше по ст. 102 УК, учитывались как члены КПЗБ (Коммунистической партии Западной

Белоруссии). В справочниках Госархива Молодеченской области использовались такие формулировки, как «заподозрен в разведывательной деятельности», «перебежчик госграницы», «заподозрен в неблагонадежности» и др.[75]

Комплектование отдела секретных фондов продолжалось вплоть до смерти Сталина. В ЦГАОР БССР в начале 50-х гг. на секретное хранение из проверенных 42 общих фондов было передано 37 (почти 40 тыс. ед. хранения)[76]. Часть документов была засекречена под предлогом «оперативного значения».

Положение изменилось только весной 1956 г. в связи с общей либерализацией советского общества, когда было решено ослабить режим хранения документов[77]. Архивное управление МВД БССР, Институт истории партии при ЦК КПБ, все министерства и ведомства республики, имевшие архивы, получили указание сделать доступными свои фонды для научного использования и публикаций. Это касалось не только материалов дореволюционного периода, но и советской истории, за исключением документов, сохранявших секретный характер, разглашение которых могло нанести вред режиму.

Документы, подписанные лицами, отстраненными впоследствии от руководства, можно было обнародовать после получения разрешения в каждом конкретном случае в зависимости от их содержания, политического и исторического значения. Однако при публикации необходимо было удалять личные подписи, указывая лишь организации или учреждения, от которых исходили эти документы. Все министерства должны были пересмотреть подведомственные им архивные фонды, считавшиеся секретными, с целью передачи их на общее хранение как необоснованно засекреченные для всестороннего использования. Предусматривалось систематическое издание описей и обзоров несекретных фондов, справочников и путеводителей по архивам. Академии наук, научные учреждения и высшие учебные заведения должны были участвовать в разработке перспективного плана издания сборников документов (главным образом советского периода). Запрещалось уничтожение каких бы то ни было архивных материалов без разрешения Архивного управления МВД БССР. Было решено при крупных архивах открыть читальные залы, реставрационные мастерские и фотолаборатории для восстановления и консервации поврежденных документов, выделить средства Госплану БССР на строительство специализированных архивохранилищ[78].

---

[75] Имелись в виду материалы по индивидуальному обложению налогами хозяйств, считавшихся «кулацкими», списки раскулаченных крестьян и др.

[76] Докладная записка А. Крысанова – министру МВД БССР С. Бельченко от 22 дек. 1952 г. // НАРБ, ф. 249, оп. 8, д. 321, лл. 69-72.

[77] О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств БССР: Постановление СМ БССР и ЦК КПБ от 31 марта 1956 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 42, лл. 72-73.

[78] Там же, лл. 74-77.

Все эти меры были необходимы для того, чтобы привести в порядок архивные фонды республики, в которых стало трудно ориентироваться. Неоправданные ограничения снимались, чтобы ускорить работу архивной службы, сделать ее эффективнее, а также, и это было самым важным, улучшить имидж власти, которая таким образом открещивалась от преступлений своих предшественников. Однако архивы продолжали хранить тайны, обладавшие разрушительной силой, и именно их нужно было надежно упрятать от случайного глаза. Об открытости архивов не могло быть и речи, поскольку преемственность советской власти требовала коллективной ответственности.

Принципы государственного контроля

Деятельность Главлита требовала обновления правовой базы, которая отвечала бы изменившимся после войны условиям жизни общества, однако основы классической цензуры оставались незыблемыми. Контроль над печатными изданиями включал в себя два основных этапа – *предварительную* (или разрешительную) и *последующую* (или административную) цензуру. Первый предполагал работу с рукописью; при этом вся ответственность за соответствие требованиям перекладывалась с автора, редактора и издателя на цензора. Именно он решал, заслуживает ли произведение публикации, насколько оно лояльно и отвечает интересам государства. Второй этап представлял собой проверку уже опубликованного издания перед его массовым тиражированием и распространением. Цензор, обнаружив ошибку (опечатку, несоответствие разрешенному варианту рукописи или брак), был вправе запретить или остановить печатание тиража, конфисковать уже готовые экземпляры, даже отозвать издание из продажи, наложить административное взыскание на виновных.

Конечно, в советских условиях не было необходимости закрывать газету или издательство, аннулировать лицензию на пользование типографским станком или запрещать печатное издание, поскольку все и так принадлежало государству. Не нужен был и судебный контроль над работой средств массовой информации, поскольку все решения принимали партийные и советские инстанции, которые все согласовывали между собой. Главными нормативными актами служили: «Перечень Главлита», «Инструкция цензору», «Правила производства и выпуска в свет произведений печати», «Обязательные правила для районной печати и радиовещания», «Инструкция по обеспечению сохранения государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР». Существовала практика, при которой с появлением очередного нового нормативного документа аннулировались все предыдущие.

«Перечень Главлита» считался основным документом. Он содержал принципиальные ограничения и запреты на публикацию сведений, касающихся деятельности определенных министерств. Ведомственные перечни выходили

с грифом «для служебного пользования», за исключением оборонных отраслей промышленности, которые имели гриф «секретно». Если возникали сомнения в правомерности ограничений, то вопрос, как правило, решался в пользу отказа от спорной информации. Это имело свое объяснение – за использование неоправданных мер секретности ответственности никто не нес.

Цензоры должны были хорошо знать каждый пункт «Перечня Главлита» и уметь правильно толковать его положения, которые делились на *безусловные* и *условные*. Первые не разрешали публикацию каких-либо сведений ни при каких условиях: о боевом и численном составе воинских формирований, тактико-технических характеристиках вооружения, способах подделки денежных знаков и многие другие. Вторые правила требовали обязательного письменного разрешения от соответствующего министерства или ведомства. На публикацию материалов о жизни, быте и учебе в воинских частях требовалось согласие военной цензуры округа; о спецгруппах, разведчиках, действовавших в годы Великой Отечественной войны (и даже до войны), – разрешение МГБ; о техническом состоянии самолетов, дисциплине среди летчиков гражданской авиации – одобрение руководства объединенного авиаотряда; о массовых заболеваниях скота – санкция министерства сельского хозяйства; на научные и даже популярные статьи требовались акты экспертизы. Считалось, что статистические выкладки или «неосторожный» научный прогноз могут нанести ущерб государству.

Сотрудник Главлита не имел права что-либо вычеркивать в тексте и тем более вносить в него изменения. Он оформлял замечание на специальном бланке «Вмешательство». Там указывались такие позиции, как издающая организация, фрагмент рукописи, потребовавший вмешательства, характер изменений и обоснование, т. е. под какой параграф «Перечня Главлита» этот текст подпадает. Все цензорские правки в текст вносились рукой редактора или сотрудника газеты (журнала).

Встречи авторов с цензорами были исключены. На цензуру нельзя было пожаловаться или потребовать объяснений. Любая разумная критика устаревших догм могла быть отнесена к разряду «ревизионизма» или «идеологической диверсии», а правдивое историческое исследование названо «очернительством» и запрещено. Труды по физике, химии, биологии или астрономии могли попасть в разряд лженаучных или идеалистических, а классические произведения искусства быть отнесенными к порнографии.

Малейшее отступление от оригинала запрещалось, даже если речь шла о минимальной правке. В архиве сохранились десятки стереотипных обращений директоров издательств: «Просим опубликовать книгу со следующей правкой (далее указывались страницы): “предотвращали” вместо “предупреждали”, “лишь” вместо “только”, “сырье” вместо “товар”, “В.И. Ленин” вместо “вождь”, “очень” вместо “весьма”, “усами” вместо “седыми усами”, “фриц” вместо “гад”, “на юг” вместо “к югу” и т. п.»[79]

---

[79] А.В. Блюм. *Как это делалось в Ленинграде…* С. 23.

На цензорском жаргоне «Перечень Главлита» называли *талмудом*. «Заглянуть в талмуд» означало выяснить, не засекречены ли какие-то определенные сведения, отдельные темы, фамилии и т. п., чтобы произвести затем необходимые *вычерки* (купюры).

«Перечень Главлита» насчитывал 120 параграфов, каждый из которых содержал до шести пунктов. Параграфы были объединены в разделы: военный, экономический, финансовый, сельскохозяйственный, международных отношений, работа правоохранительных органов. Деятельности КПСС было посвящено несколько разделов (нельзя было упоминать численность и персональный состав парторганизаций в воинских частях и на оборонных предприятиях).

Главлит переиздавал свой «Перечень» один раз в пять лет и рассылал его главным редакторам газет, журналов и издательств. До очередного обновления действовали особые циркуляры, дополнявшие отдельные параграфы и пункты последнего издания. Этот документ был постоянно испещрен пометками и исправлениями: оперативную информацию передавали по телефону, а об основных тенденциях доводили до сведения на совещаниях в управлении облита[80].

Однако существовали ограничения, которые никогда не менялись, прежде всего это был запрет:

- приводить данные о заработной плате номенклатурных работников;
- обнародовать фамилии сотрудников по культурным связям с зарубежными странами (за исключением председателя Комитета);
- сопоставлять бюджет советских граждан с ценами на товары;
- упоминать о повышении цен (только о снижении), о недостатке продовольствия (лишь о перебоях в доставке некоторых видов товаров);
- писать о повышении жизненного уровня рабочих и крестьян зарубежных стран (кроме стран народной демократии Восточной Европы, КНДР, Северного Вьетнама и некоторых развивающихся – по особому списку);
- помещать снимки советских городов, сделанные с самолета, и точные географические координаты населенных пунктов;
- публиковать статистические данные не из источников ЦСУ;
- объявлять о закрытии/открытии церквей и регистрации религиозных обществ, приводить абсолютные сведения о количестве прихожан и сравнивать их с предыдущими периодами и др.

В 1945 г. объем работы Главлита БССР превысил довоенный. В республике издавалось восемь центральных (общесоюзных и республиканских) газет,

[80] Объем «Перечня Главлита» неоднократно менялся, например, в 1925 г. он содержал всего 16 с., а к 1991 г. – моменту ликвидации Главлита – превратился в почти 300-страничный том.

11 областных, 168 районных газет, четыре журнала, плакат-газета, работал Белрадиокомитет – 12 радиоузлов в областных центрах и 40 в районах[81].

1 октября 1947 г. был введен новый порядок составления отчетов и сроков их подачи. Районный цензор первого числа следующего за отчетным месяца предоставлял сведения о работе в типовой форме. В свою очередь, начальник областного управления пятого числа следующего месяца направлял в Минск «Сводку предварительного и последующего контроля» с приложением текстовой справки *вычерков*, «Карточки последующего контроля» и «Донесения о выпущенных в свет произведениях печати». Главлит БССР обязан был не позднее десятого числа каждого месяца передать в Москву «Сводку предварительного и последующего контроля». В случае запрещения издания, которое находилось в печати или тираж которого уже был готов, все низовые органы цензуры немедленно представляли вышестоящему органу «Донесение», составленное в типовой форме.

С 1944 по 1948 г. в БССР было сделано 2423 купюры, из них – 1808 связаны с нарушением «Перечня Главлита» (75,9%), идеологический характер имели 458, а необоснованными признаны 177[82]. Цензорский контроль стал более действенным после того, как было решено отказаться от составления обзоров нарушений, допущенных в областных и районных газетах.

Копии указаний по цензуре (приказы, циркуляры, информационные письма, планы работы, докладные записки) Главлит и его областные управления регулярно направляли в партийные и советские учреждения, а каждые три месяца все эти данные обобщались и принимали форму «Донесения о ходе изъятий вредной литературы». Дело не ограничивалось установлением фактов нарушений и удалением сведений, разглашающих военную и государственную тайну, изъятием произведений печати – Главлит рекомендовал привлекать к ответственности виновных за допущенные ошибки.

В 1947–1948 гг. по следам вскрытых нарушений было разослано 260 писем и указаний по усилению бдительности. К 15 января из Минска в Москву направлялся сводный годовой отчет о проделанной Главлитом БССР работе[83]. Одновременно все поступившие от Главлита СССР дополнительные указания доводились до сведения редакций газет, журналов и директоров издательств[84].

Весной 1950 г. были утверждены новые типовые формы отчетности. Они включали сведения о запрещенном издании, находившемся в печати, или готовом тираже, карточки последующего контроля, отчет районного цензора о выпол-

[81] Отчет Главлита БССР за 1-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 14.

[82] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 35.

[83] Приказ начальника Главлита СССР К.К. Омельченко от 28 авг. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 6, лл. 84-85.

[84] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, лл. 43, 46.

ненной работе, сводки предварительного и последующего контроля, текстовые сводки *вычерков* предварительной цензуры, сводный отчет о выпущенных в свет произведениях печати, отчет о проверке книжных фондов библиотек, сведения по торговле букинистической литературой, справки о состоянии спецфондов литературы и о работе с кадрами. В том же году Главлит БССР взял на учет музеи и выставки. Был установлен постоянный контроль над рассылкой полиграфическими предприятиями сигнальных обязательных экземпляров произведений печати[85].

Вместе с тем отчетность и делопроизводство во многих областях Белоруссии велись с нарушениями. На многие письма Главлита партийные и советские организации не отвечали. Отсутствовали расписки цензоров районных и областных управлений о том, что они были ознакомлены с директивными указаниями из Минска и Москвы. Результаты выезда представителей Главлита и встречи с районным «начальством» не оформлялись. Не велось учета занятий по повышению профессиональной квалификации и политической подготовке цензоров. Секретная и повседневная переписка подшивалась в одном месте, а регистрация поступающих документов (секретных и несекретных) велась в общем журнале. С одной стороны, это говорило о недостатке культуры делопроизводства, а с другой – о мнимой секретности, которая вызывала у чиновников халатное отношение.

Искусственные ограничения только осложняли работу с рукописями и их авторами, делали издательский процесс громоздким и многоступенчатым. Привычка перестраховываться, привитая еще до войны, не позволяла принимать самостоятельные решения.

Партийное око

Главлит был задуман как исполнительный орган, и все свои действия согласовывал с Советом Министров и ЦК Компартии Белоруссии. Областные управления цензуры отвечали перед областными комитетами партии, а районные – перед бюро райкома партии. Не реже трех раз в месяц проводились коллегии областных и городских управлений Главлита с приглашением представителя сектора печати из обкома КПБ и ответственного лица из министерства государственной безопасности.

Если Главлит располагал армией чиновников-цензоров, то отдел пропаганды партийных комитетов – параллельно действовавшей армией редакторов.

---

[85] В.К. Ракашевич. «Главлит БССР, 1923–1991 гг.»: *Беларускі археаграфічны штогоднік* / БЕЛНІІДАД. Вып. 1. Мінск, 2000. С. 184.

Однако не всегда партийные руководители на местах правильно оценивали назначение цензуры. Порой обнаруживалось откровенное непонимание ее назначения. Так, в Полоцке в 1947 г. секретарь обкома КП(б)Б по пропаганде Сидорович потребовал от цензоров проверить вывески по городу и выяснить, насколько политически выдержана наглядная агитация в детском приемнике МВД. Козаков, секретарь горкома партии по пропаганде, обнаружив в киоске книгу Алеся Кучера «Заложники»[86] (в это время в центральной республиканской печати писатель приводился как пример космополита), поднял шум, что распространяется контрреволюционная литература, обвинив облит в отсутствии должного контроля[87].

В каждом подразделении Главлита существовали первичные партийные организации. По меткому наблюдению А.Я. Яшина[88], это были те самые «рычаги», которые позволяли контролировать все стороны жизни общества. Инструкторы партийных комитетов давали текущие указания, обязательные к исполнению, не выполнить которые было невозможно.

Особая бдительность наблюдалась во время выборов в Советы народных депутатов. На собраниях и в беседах с агитаторами граждане высказывали одобрение политике партии и поддерживали выдвинутых кандидатов. Большая часть этих выступлений была организована, но встречались и такие, кто вполне искренне выражал свою поддержку. Среди критических суждений чаще всего высказывались сомнения в демократичном характере выборов, обоснованности расходов на их проведение в условиях общего снижения уровня жизни в республике, а также опасения преследования со стороны властей.

Людей волновали насущные нужды, а не «большая политика». Сводки вопросов, заданных депутатам на встречах с избирателями, свидетельствуют, что многие слушатели вовсе не касались предмета обсуждения, а возвращались к повседневным заботам – положению на потребительском рынке, жилищной проблеме, работе коммунальных служб и т. д. Иногда «политика» выступала на передний план, и тогда крестьяне высказывались по проблемам языкознания, шахтеры осуждали несознательных философов и возмущались «формалистическими вывертами» в музыке. В таких случаях власти ссылались на пресловутый «глас народа», который всегда полностью совпадал с официальной точкой зрения.

---

[86] Алесь (Айзик Евелевич) Кучар (1910–1996) – литературный критик, драматург, сценарист; в 1947 г. подвергался необоснованным нападкам в печати по обвинению в космополитизме.

[87] О проверке работы Витебского и Полоцкого облитов: Докладная записка зам. начальника Главлита БССР Г.В. Прокашко от 1 апр. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, л. 13.

[88] Александр Яковлевич Яшин (1913–1968) – русский советский прозаик, лауреат Сталинской премии 2-й степени (1950 г.), автор резонансного рассказа «Рычаги» (1956 г.), в котором раскрывался механизм партийного управления обществом.

Цензура отвечала за то, чтобы книги и брошюры, которые попадали на избирательный участок, отражали *только* официальную точку зрения. Это были «Конституция БССР», «Положение о выборах в Верховный Совет БССР», сборники постановлений и материалов «Великие стройки коммунизма» и доклады руководителей партии и правительства: В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Л.П. Берии, Н.А. Булганина, А.И. Микояна, А.А. Андреева, А.Н. Косыгина, Н.С. Хрущева, Н.М. Шверника[89]. Выборные участки украшали портреты кандидатов в депутаты, стенды с их биографиями и лозунги «Голосуйте за великое дело Ленина–Сталина!», «Новыми производственными успехами встретим день выборов в Верховный Совет БССР!» и т. п.

Любые просчеты, допущенные в организации выборов, подвергались критическому разбору. Зимой 1946 г. Бюро ЦК КП(б)Б заслушало доклад «О крупных недостатках и искажениях, допущенных газетами при освещении избирательной кампании». Отмечалось, что редакции газет «Советская Белоруссия», «Звязда», «Чырвоная змена» и «Сталинская молодежь» поверхностно отнеслись к информации об избирательной кампании, допускали произвольные толкования и грубейшие искажения[90]. Так, в материалах о выдвижении кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Е.И. Ураловой[91] ошибочно указывалось, что собрание проходило в Гомельском избирательном округе (на самом деле – в Рогачевском), а «Сталинская молодежь» написала, что М.В. Зимянина[92] выдвинул кандидатом в депутаты коллектив Могилевского железнодорожного узла (на самом деле – Молодеченского). Исправления в списках делались членами комиссий и самими избирателями, в то время как это разрешалось только исполкомам местных Советов. Несмотря на допущенные ошибки, редакции газет поправки не публиковали.

За небрежное отношение к появлению материалов в печати налагались строгие взыскания – объявляли выговоры, ставили на вид или освобождали от занимаемой должности. Пристальное внимание к проведению выборов свидетельствовало о том, что режим не прощает малейших промахов при формировании органов законодательной и исполнительной власти. Выборы в союзных респу-

[89] Примерами могут служить книги и брошюры перечисленных выше авторов: «Великий русский народ – друг и освободитель белорусского народа», «Сталин – вождь прогрессивного человечества», «Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей родины», «Сталин – продолжатель дела великого Ленина» и др.

[90] Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 15 янв. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 61, д. 239, лл. 7-8.

[91] Евдокия Ильинична Уралова (1902–1985) – народный комиссар (министр) просвещения БССР в 1938–1947 гг., заместитель председателя Совета Министров БССР в 1950–1958 гг.

[92] Михаил Васильевич Зимянин (1914–1995) – советский партийный и государственный деятель, министр просвещения БССР в 1946–1947 гг.; второй секретарь ЦК КПБ в 1947–1953 гг.

бликах находились под строгим контролем союзного правительства, и этим объясняется жесткий подход к провинившимся работникам. Поэтому крамола мерещилась властям повсюду. В книге «Беседы об общественном и государственном устройстве СССР» (Минск, 1947) цензуру насторожило упоминание о смертной казни как высшей мере наказания. После вмешательства цензуры было добавлено примечание об отмене смертной казни в БССР[93].

На самом деле никакого злого умысла в допущенных нарушениях не было. Большинству журналистов и редакторов, впервые оказавшимся на «газетной» работе, просто не хватало опыта и образования. Притупляло контроль и то, что голосование давно проводилось формально и не вызывало интереса у населения.

В начале 50-х гг. идеологический пресс возрос. В сентябре 1951 г. был издан циркуляр «Об усилении политико-идеологического контроля произведений печати». В нем острой критике подвергли «политически ошибочные, безыдейные произведения, извращающие советскую действительность и не отражающие жизни нашей страны, строящей коммунизм»[94]. Далее в документе приводились примеры некомпетентной работы цензоров. Главлит требовал повышения бдительности и персональной ответственности, не только тщательного прочтения текста, но и оценки сути произведения.

Следующим этапом цензуры становился анализ критики – рецензий и отзывов в прессе, составление индивидуальных планов и аттестация цензоров. Рекомендовалось практиковать параллельную цензорскую читку отдельных изданий и заслушивать сообщения о допущенных вмешательствах[95]. Все эти меры носили характер очередной кампании, к которым давно привыкли цензоры, издатели и авторы. Важно было только соблюдать правила игры и вовремя рапортовать о готовности выполнить все, что требовалось: «усилить», «углубить», «усовершенствовать» и т. д.

Большая часть произведений, попавших в запретительные списки, не имела идеологических изъянов, их авторов нельзя было упрекнуть в неблагонадежности. Наиболее типичными мотивами запрета служили:

- упоминание о существовании в СССР концлагерей и мест принудительного труда в системе ГУЛАГ;
- приведение фактов массовой гибели советских военнослужащих на фронтах Великой Отечественной войны, страданий населения в советском тылу, ужасов блокады Ленинграда;

[93] Указ Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. заменил смертную казнь на 25 лет заключения, но секретная директива позволяла использовать ее против осужденных в контрреволюционных преступлениях, пока не появился указ от 12 янв. 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», а в 1954 г. – и за умышленное убийство.

[94] Т.М. Горяева. *Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг.* М., 2002. С. 297.

[95] Там же, с. 298.

- прославление деятелей зарубежных стран, бывших союзников СССР (Уинстона Черчилля, Дуайта Эйзенхауэра, Шарля де Голля, Иосипа Броз Тито, Энвера Ходжи, Мао Цзэдуна и др.);
- «преклонение перед буржуазным Западом» (жертвами этой кампании стали люди и книги, которые якобы подвергли сомнению приоритет России, даже царской, во всех областях культуры, науки и техники);
- пропаганда культа личности Сталина, осужденного на XX съезде КПСС;
- предоставление трибуны врагу (цитирование обличаемых авторов русского зарубежья, «внутренних эмигрантов», членов антипартийной оппозиции КПСС, не реабилитированных советским государством).

Помимо доводов политического или идеологического характера цензоры могли прибегнуть к такой расплывчатой формулировке, как, например, «произведение не представляет художественной ценности», а это позволяло не вникать в детали отказа.

Взаимопонимание органов цензуры и партийных комитетов было полным. Подменяя друг друга, они преследовали одну цель, использовали одни приемы, методы и даже терминологию. Печатные издания изобиловали наработанными штампами и выражениями, которые были хорошо понятны исполнителям. Все подчинялось главной цели: обеспечить контроль над жизнью и настроениями граждан, заставить их поверить в правильность принятых решений и добиваться их исполнения.

Глава 2. Команда исполнителей

Подбор кадров

Поиск грамотных исполнителей, которые верно служили бы режиму – зорким глазом видели и безошибочно устраняли «крамолу» в печатных изданиях, составлял главное препятствие в организации работы Главлита. В отличие от 30-х гг., когда требовалось безупречное классовое происхождение при минимальном образовательном цензе, в послевоенную цензуру набирали кандидатов с законченным средним и высшим образованием. Исключение делалось только для работников начального звена – районных уполномоченных, но и они давали обязательство продолжить образование.

Большинство новых сотрудников цензуры не были знакомы с ожидавшей их работой и часто не имели представления, чем им придется заниматься. В декабре 1944 г. из 22 цензоров новичками оказались 19 чел. (!) Самый длительный стаж работы у цензоров не превышал полутора лет. Высшее образование имели только семь человек, среднее – 14, а неполное начальное – один[96].

В 1945 г. в БССР из 11 руководителей областных управлений Главлита только два человека – Н.М. Чукович (Минская область) и И.М. Бельцер (Гомельская область) – возглавляли их до начала войны[97]. Недостаток опыта и отсутствие практических навыков сказывались на качестве работы. Приходилось тратить много времени на обучение каждого нового сотрудника, систематически контролировать выполнение порученных ему заданий, вести с ним обширную переписку.

---

[96] Довоенный стаж имели только цензоры Р.И. Гроднер – с 1938 г., Е.К. Фролова – с 1939 г. и Н.И. Андреева – с 1940 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 6-8.

[97] Отчет Главлита БССР за 1-е полугодие 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 19.

В республику были направлены московские выдвиженцы. С одной стороны, чтобы дать пример организации цензуры, а с другой – чутко следить за ситуацией на месте. Ротация ответственных партийных и советских работников была апробированной тактикой. Подобно кандидатурам, направленным из Москвы в Минск на должности секретарей ЦК КПБ и председателя Совета Министров республики, Главлит СССР поручил своим доверенным лицам возглавить ряд ответственных должностей в цензуре БССР. В Брест на должность начальника областного управления Главлита из Москвы прибыла Рожкова, в Гродно и Мозырь в качестве заместителей начальников облитов – москвичи Холмов и Киселев. Лучше других освоили новые обязанности цензоры Фролова и Еренбург (центральный аппарат Главлитбела), а среди начальников облитов – Шурыгин (Могилев) и Рябинин (Бобруйск). Полностью штаты белорусской цензуры укомплектовали только к февралю 1946 г.[98] Постепенно в системе Главлита сложился коллектив, который устраивал режим. В своем большинстве это были выпускники советских высших учебных заведений, безоговорочно принявшие постулаты советской власти. Цензоры не испытывали сомнений в правильности получаемых указаний, однако их лояльность режиму требовала постоянного подтверждения.

В 1949 г. на работу в Главлит БССР пришли журналисты Ярошевская и Сапинская, Нетылько, Нехай и Шетко. Полесский облит принял на работу Дулуба, студента Мозырского учительского института, Витебский облит – Береснева, с незаконченным высшим образованием, Гродненский облит – Попова, с высшим образованием (см. сведения об уровне образования работников цензуры в табл. 4).

Таблица 4

Образовательный уровень сотрудников Главлита БССР и начальников его областных управлений (1946–1956 гг.)

Год	**Всего,** *чел.*	**Уровень образования**			
		высшее	**незаконченное высшее**	**среднее и среднее специальное**	**незаконченное среднее**
1946	52	10	7	23	12
1950	53	13	15	21	4
1952	66	15	19	26	6
1954	56	12	12	27	5
1956	61	16	14	31	–

Составлено по: НАРБ, ф.1195, оп. 2, д. 8, лл. 58-59; д. 37, лл. 2-3; д. 50, лл. 22-23.

---

[98] Отчет Главлита БССР за июль 1943 – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 28.

Все цензоры получали *допуск* к работе с секретными документами. При его выдаче учитывалось социальное происхождение. Однако многие критерии уже успели устареть – неучастие в оппозиционных группировках 20-х гг. и т. п. Процедура «посвящения» в цензоры предусматривала *подписку о неразглашении*, которая вместе с допуском подшивалась в личное дело. Это было стандартное обязательство в том, что лицо, его подписавшее, никогда, нигде, никому и ни при каких обстоятельствах не разгласит то, что ему стало известно за время работы в цензуре. Нельзя было не только упоминать какие-либо секретные сведения в беседе с посторонними, но и делать это в письмах, дневниках или мемуарах. Даже родные и члены семьи цензоров не были посвящены в профессиональные секреты Главлита. По свидетельству цензора В. Тамаркина, его родные знали, где он работает, но не имели представления, чем конкретно занимается. Супруга Тамаркина знала, что он «контролирует газеты, сутками пропадает в типографии, но… не более того»[99].

Нарушение подписки о неразглашении становилось основанием для судебного преследования. Назначение и перемещение по служебной лестнице начальника секретной части Главлита согласовывалось с министерством государственной безопасности. Лица, оставившие работу в Главлите, снимались с учета в МГБ[100].

Широко использовалась и система поощрений. Среди сотрудников цензуры БССР были удостоенные медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». За хорошую работу начальник Главлита объявлял благодарность, а за «отличные образцы работы» по охране государственной и военной тайны в печати и на радиовещании ряд цензоров были награждены почетной грамотой. И среди них: Григорий Антипенко (уполномоченный Могилевского облита по Хотимскому району), Израиль Бельцер (начальник Гомельского облита), Ревекка Блях (начальник Барановичского облита), Мария Бруневская (цензор Главлита БССР), Софья Еренбург (цензор Главлита БССР), Евдокия Зарубина (уполномоченный Гродненского облита по Волковысскому району) и др.[101]

Материальная заинтересованность

В декабре 1947 г. в стране были объявлены единые цены на продукты питания. При этом некоторые промышленные товары немного подешевели, но покупательская способность населения оставалась крайне низкой – у людей просто не было денег. Кроме того, в связи с отменой карточек многих чиновников

[99] Интервью с В. Тамаркиным в Иерусалиме 17 февр. 2011 г. // Архив автора.

[100] О порядке допуска к работе с секретными документами сотрудников цензуры с разрешения МГБ СССР: Циркуляр Главлита БССР от 13 апр. 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 19, л. 30.

[101] Отчет Главлита за 1-й квартал 1946 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 42.

лишили пайков, теперь они вынуждены были отовариваться в магазинах, и это подспудно способствовало ошибочному ощущению дороговизны.

Рядовой цензор имел оклад 600 руб. в месяц и надбавку в 90 руб. «хлебных», которые выдавали государственным служащим, чтобы компенсировать повышение цен на хлебобулочные изделия. Аркадий Бляхер, демобилизованный из Советской армии, имел жалованье 790 руб., что было ровно в три раза меньше, чем его прежнее офицерское довольствие. Жена А. Бляхера, школьная учительница, получала 1500 руб.[102]

Те, кто покинул цензуру, смогли найти выше оплачиваемую работу. Бывший цензор Игонин, перейдя в газету на должность литературного сотрудника, стал получать 900 руб. Цензор Ханина после своего увольнения и перехода в газету зарабатывала 1000 руб. вместо прежних 690 руб. Цензор Копелеович перешла в Белгосиздат на оклад 1100 руб., до этого ее зарплата составляла 790 руб. Когда Тувья Зеликов оставил Главлит и устроился корреспондентом в редакцию газеты «Савецкі селянін», его оклад вырос до 1100 руб., и т. д.[103] Понятно, что при таком положении дел закрепить кадры цензоров было проблематично. Принимая во внимание отсутствие полноценного социально-бытового и премиального фондов, оплаты транспорта и других насущных потребностей (жилье, топливо, детские учреждения, путевки в места отдыха и т. д.), заинтересовывать людей с высшим образованием работой в Главлите можно было с трудом. Заполнять штаты цензоров часто приходилось инвалидами войны, получавшими пенсию, или женщинами, по семейным обстоятельствам не имевшими возможности выезжать в служебные командировки по другой работе. Вячеслав Тамаркин, Марк Зеленченок и Аркадий Бляхер пришли в цензуру после увольнения из рядов Советской армии, имея вторую группу инвалидности.

Исходя из коммунистической идеологии, материальные блага не выдвигались на первый план. Советская этика утверждала, что жизненный успех это прежде всего заслуженная высокая общественная оценка и моральное удовлетворение. Деньги считались олицетворением стяжательства, торгашества, мздоимства и других, связанных с ними пороков. Этот перекос частично уравновешивался посредством закрытых распределителей продовольственных и промышленных товаров, которыми пользовались ответственные советские и партийные работники, служба безопасности и научная элита. Однако на работников Главлита сразу после войны это не распространялось.

Только позднее отличившимся сотрудникам в виде поощрения начали выдавать небольшую премию. Начальник Главлита и его заместитель были прикреплены к закрытому магазину-распределителю при Совете Министров

---

[102] Письмо Аркадия Бляхера из Бреста от 24 марта 2010 г. // Архив автора.

[103] Отчет Главлита БССР за июль 1943 – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 29.

БССР, а члены *коллегии*[104] приписаны к 4-му Управлению министерства здравоохранения, которое ежегодно обеспечивало их бесплатной путевкой в санаторий.

С большим опозданием на цензоров распространили такую льготу, как *литерное питание*[105]. Начальник облита имел постоянный литер «А», а рядовые сотрудники – литер «Б». Литеры отличались по количеству и качеству продуктов. В продуктовый набор входили деликатесы того времени и дефицитные продукты питания (колбаса, сельдь, масло, мясо, копчености, тушенка, шоколад, мука, крупа и др.), которые покупали по низким государственным ценам.

Когда в 1953 г. Главлит на короткое время перевели из Совета Министров в ведение МВД, зарплата начальника облита достигла 1000 руб., а цензора – 880 руб. Это повышение было незначительным, поскольку денежное довольствие старшины милиции превышало оклад начальника отдела Главлита. Предполагалось ввести дополнительную аттестацию цензоров с присвоением им воинского звания, что давало дополнительные льготы, которыми пользовались военнослужащие, но после ареста Берии все вернулось на круги своя.

Распределение обязанностей

Ограниченное число сотрудников и отсутствие у них опыта мешали успешной работе и хорошей ее организации. Цензорам приходилось одновременно и вычитывать газеты (до и после их выпуска), и проверять библиотеки, и давать разрешение на издание мелкопечатной продукции, и следить за правильным составлением деловых документов, и вести переписку, и составлять отчеты, и участвовать в мероприятиях партийных и советских органов, не связанных напрямую с их деятельностью. В каждом областном управлении цензуры вырабатывались собственные правила, распорядок дня и распределение обязанностей, которые не обязательно согласовывали с Главлитом в Минске.

В Витебском управлении цензуры один политредактор отвечал за газеты и радиовещание, другой вел последующий контроль, занимался мелкопечатной продукцией и следил за библиотеками, а начальник облита осуществлял «общее руководство». Газеты на последующий контроль поступали с большим опозданием – до пяти дней после их выпуска.

В Полоцком управлении областную газету и радиовещание проверяли все цензоры по очереди. Такой же порядок существовал и при контроле районных

---

[104] Штат коллегии Главлита БССР составляли начальник, его заместитель и начальники трех отделов.

[105] Литерное питание – улучшенное сверхлимитное питание, положенное комсоставу, ответственным партработникам, госслужащим и другим привилегированным категориям населения. Продуктовые карточки на 500 руб. (литер А) и на 300 руб. (литер Б) отоваривали в литерных магазинах.

газет – на одного работника приходилось по пять районов[106]. Так же была организована работа и в Гомельском облите. Один цензор проверял ежедневную областную газету, а другой занимался проверкой отраслевых газет «Речник Белоруссии» и «Железнодорожник Белоруссии» и мелкопечатной продукции. Этот же человек обеспечивал последующий контроль над остальными газетами, выходившими в Гомеле и районах области[107].

В 1950 г. Главлит БССР принял порядок, по которому вычитку газет и книг строго регламентировали. В республиканских газетах первые три полосы следовало проверять полностью, а четвертую – выборочно. Каждую пятую областную и все районные газеты читать полностью, а остальные только внимательно просматривать, однако при этом выборочно отдельные статьи и заметки нужно было прочитывать полностью. Книги, брошюры и журналы проверять выборочно, но об этом делать специальные пометки[108].

Расписаны были и обязанности в самом аппарате Главлита БССР. Начальник республиканского цензурного ведомства отвечал за общие вопросы, секретную часть, отдел предварительной цензуры, бухгалтерию. Его первый заместитель курировал вопросы, связанные с замещением должностей, отдел последующего контроля и музеи, а второй заместитель занимался кадрами, контролем над библиотеками и Минским облитом[109].

Карьерная лестница в системе Главлита была ограничена: литературный сотрудник (цензор) – политредактор – старший цензор – руководитель группы – заместитель начальника отдела – начальник отдела – член коллегии Главлита. Как правило, цензор не мог подняться по должности выше начальника отдела (общий контроль, консультации по содержанию «Перечня Главлита», рассмотрение возникающих вопросов, проверка оформления изъятий из текстов и пр.).

Служебные взыскания за различные нарушения могли иметь формулировку: «постановка на вид», «выговор», «строгий выговор», «выговор с занесением в личное дело», «увольнение». Если просчет не носил идеологического характера и не раскрывал «военной тайны» или «государственного секрета», то до увольнения дело не доходило. Если все же увольняли, то формулировка «профессиональная непригодность» считалась крайне неблагоприятной для последующей карьеры (самые нежелательные – «политическая неблагонадежность» и «моральная неустойчивость»). Уволенные по графе «профессиональное несоответствие», как правило, испытывали большие затруднения при трудоустройстве.

---

[106] О проверке работы Витебского и Полоцкого облитов: Докладная записка зам. начальника Главлита БССР Г.В. Прокашко от 1 апр. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 11-14.

[107] О проверке Гомельского облита: Приказ от 3 марта 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 14, лл. 20-23.

[108] Приказ по Главлиту от 7 июня 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 18, л. 112.

[109] Приказ по Главлиту от 4 июня 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 116.

Членство в партии для цензора было почти обязательным. Молодые специалисты, прибывшие после окончания вузов, вступали в партию в Главлите[110]. Наличие родственников за границей, как и отправление религиозных обрядов, исключались. По словам Зеленченка, если бы у него были родственники за границей, то он не работал бы в системе Главлита ни одной минуты: «Меня так “обтрусили” с ног до головы, пока дали допуск к секретной работе!»[111]

Цензоры должны были вмешиваться, если кто-то из сотрудников газеты увлекался разоблачением недостатков. Яков Лейфман, выпускник факультета журналистики БГУ им. В.И. Ленина, работавший в газете «Сцяг каммунізма» в Калинковичах, попытался показать нравы руководителей района и стал объектом гонений за публикацию фельетонов. Однако уволили его не за профессиональную некомпетентность или неподчинение указаниям уполномоченного райлита, а под предлогом утаивания факта проживания родственников в Америке[112].

Обучение цензоров

Большинство сотрудников цензуры были самоучками, поскольку ни одно учебное заведение страны не готовило специалистов для нужд Главлита. На работу в цензуру после войны брали выпускников гуманитарных вузов, как правило, филологов, журналистов и историков. Считалось, что они имели необходимый кругозор и запас знаний по общественным наукам для выполнения поставленных задач.

Работа в цензуре на протяжении длительного времени требовала непрерывного повышения профессионального уровня. С одной стороны, это было основным условием сохранения рабочего места, а с другой – стимулировалось повышением зарплаты и ежеквартальными (один раз в три месяца) премиями. Несколько форм обучения существовали параллельно: производственная учеба, семинары и совещания работников печати и сотрудников цензуры (областных, республиканских и всесоюзных) и система партийного просвещения.

---

[110] Однако на евреев это не распространялось. З. Зарецкий пришел на работу в Главлит БССР беспартийным (1947 г.) и трижды пытался вступить в ряды КПСС. Несмотря на то, что он окончил вечерний Университет марксизма-ленинизма, райком партии неизменно отклонял его кандидатуру. См.: Письмо Зиновия Зарецкого из Ор-Акива (Израиль) от 2 февр. 2010 г. // Архив автора.

[111] Марк Иосифович Зеленченок (1924 г. р.) – старший цензор облита в Гомеле (1945–1978 гг.).

[112] Информ. справка от 21 янв. 1953 г. (по письмам Я.З. Лейфмана) // НАРБ, ф. 62, оп. 84 д. 352, лл. 43-50.

Производственная учеба

Обучение осуществлялось на рабочем месте. Главлит СССР ежегодно присылал в республику серии учебных упражнений по отдельным разделам «Перечня Главлита». Это были особые тесты, которые содержали пять примеров нарушений военного, экономического, политического или идеологического характера, а испытуемый обязан был обнаружить и вычеркнуть соответствующие строки-ловушки. В зависимости от числа погрешностей цензор получал соответствующий бал. Аттестация отражалась на служебном положении. Неудачника могли лишить премии, предупредить о «служебном несоответствии» или поставить на вид.

Другой формой производственной учебы были встречи цензоров, которые предусматривали обмен опытом и разбор основных ошибок, допущенных при контроле материалов, составляющих государственную и военную тайну. Участники этих встреч обсуждали новинки белорусской литературы и указания, полученные из Главлита. Кроме того, цензоров обучали, как составлять обзоры газет, следить за правильным оформлением печатных изданий, исправлять недостатки в освещении народно-хозяйственной, общественной и культурной жизни и одновременно «обеспечивать» идейно-политическое содержание.

Семинары и совещания

Вскоре после освобождения Белоруссии сотрудники цензуры приняли участие в республиканском совещании редакторов областных и районных газет. Собравшимся был прочитан курс лекций по вопросам охраны государственной и военной тайны в печати, правилам проверки книжных фондов библиотек[113]. В 1945, 1946 и 1948 гг. Главлит провел три самостоятельных республиканских совещания по проблемам цензуры. Для обучения цензоров проводились курсы и семинары, которые периодически организовывали отделы пропаганды и агитации при ЦК КП(б)Б, предусматривавшие встречи с деятелями культуры, науки и производства, руководителями партийных и советских органов, службы безопасности. На подобные встречи приглашали также лекторов бюро при Комитете по делам культурно-просветительных учреждений Совета Министров БССР[114]. Тематика лекций была очень красноречивой: «Динамит-мировоззрение большевистской партии», «Атомное ядро и его энергия», «О международном положении», «Сталинская дружба народов СССР» и т. д.[115]

---

[113] Отчет Главлита БССР о работе за 3-й квартал 1944 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 3.

[114] 29 апр. 1947 г. на его базе было основано Белорусское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, позднее переименованное в общество «Знание», объединившее почти всю устную пропаганду в СССР.

[115] Отчет Главлита за 1-й квартал 1946 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 39.

Повышению профессионального уровня цензоров служили консультации специалистов по отдельным разделам «Перечня Главлита», касающиеся военных вопросов, добровольных обществ, геологии, связи, железнодорожного транспорта. Кроме того, проводились занятия по итогам совещаний руководителей цензурных ведомств национальных республик в Москве и других городах, было введено в практику ознакомление с публикуемыми в газетах рецензиями на новые книги.

Сеть партийного просвещения

Обучение в системе партийного просвещения при обкомах и горкомах КП(б)Б для сотрудников Главлита считалось обязательным. Марксистско-ленинское образование коммунистов оставалось важной частью идеологической работы для того, чтобы «правильно» оценивать явления общественной жизни, сознательно осуществлять и разъяснять массам политику партии. Действовавшая в республике после войны сеть партпросвещения имела три уровня. Начальный (для тех, кто не обладал навыками самостоятельной работы над политической литературой), средний (изучение истории партии, политэкономии, философии и научного коммунизма) и высший (для тех, кто имел глубокие, систематизированные знания в области марксистско-ленинской теории) уровни отличались по степени сложности изучаемого материала и методике проведения занятий.

Начальники областных управлений цензуры выступали в роли внештатных лекторов обкомов КП(б)Б. Районных уполномоченных записывали в кружки партийного просвещения и требовали заниматься самообразованием. Многие из цензоров сами руководили кружками по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)» и текущей политики. Ряд цензоров областных управлений цензуры заочно занимались в Белгосуниверситете им. В.И. Ленина.

Наиболее пристальное внимание обучению и повышению профессионального уровня цензоров уделяли в Минске, поскольку там были сосредоточены большинство редакций газет и журналов, типография им. И.В. Сталина, Комитет по радиовещанию, Управление по делам искусств при Совете Министров БССР. Тематика лекций на политзанятиях была призвана закрепить сталинскую интерпретацию советской истории. Наиболее типичными темами были «Марксизм и вопросы языкознания», «Материализм и эмпириокритицизм», «Десять лет XVIII конференции ВКП(б)», «От социализма к коммунизму», «Классики марксизма-ленинизма о литературе», «О выполнении послевоенной сталинской пятилетки», «О новостройках коммунизма», «О генеральном плане строительства города Минска», «О Сталинской Конституции победившего социализма», «О событиях в Корее» и др. Однако, несмотря на все усилия, образовательный уровень цензоров оставался недостаточно высоким. В 1954 г. из 45 штатных цензоров Главлита и облитов высшее образование имели всего 16 чел.[116]

[116] Отчет Главлита за 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 50, л. 22.

Изменения общей политической ситуации в стране в связи с решениями XX съезда КПСС неизбежно отразились на работе цензуры. Был введен в действие новый «Перечень Главлита», положения которого, как и разъясняющие директивные документы из Москвы, разбирались на рабочих совещаниях. Проводились консультации специалистов отраслей культуры и науки. Представители Главлита выезжали почти во все районы республики, где они инструктировали редакторов городской и районной периодической печати. Утверждалось, что благодаря повысившейся квалификации и личной ответственности цензоров количество нарушений, ошибок и недочетов значительно сократилось. Однако на деле это было скорее связано с изменением общей политики Главлита СССР, который ослабил требования к печатной продукции. Значительную часть работы переложили на редакторов, готовивших рукописи к изданию, что позволило сократить штат цензоров.

Районные уполномоченные

Самой востребованной в системе Главлита оставалась группа районных уполномоченных. Найти около 200 работников, которые отвечали бы предъявляемым требованиям, профессионально и в срок справлялись с возложенными на них обязанностями, в послевоенные годы представляло трудную задачу. С одной стороны, специалисты с высшим гуманитарным образованием находили себе применение в сфере просвещения, образования и культуры, с другой – государство не могло привлечь их в цензуру высокой оплатой труда. К концу 1944 г. в восьми областях из 12 подобрали всего 75 районных уполномоченных. Предстояло заполнить вакансии Брестского, Могилевского и Минского облитов[117]. К осени 1945 г. штаты райлитов были сформированы уже на две трети (122 из 168 мест)[118].

Выходом из положения в районной глубинке стало использование труда совместителей, основным местом работы которых были партийные органы и советский управленческий аппарат. Меньше привлекали учителей и работников отделов наробраза, которые и так были перегружены работой и общественными поручениями. Цензорами по совместительству работали завотделами агитации и пропаганды райкомов партии и их заместители, заведующие партийными кабинетами, завсекторами учета и организационно-инструкторских отделов, секретари райкомов по кадрам и их помощники, завроно и учителя, председатели плановых комиссий райсоветов и секретари райсоветов. В 1946 г. из всех районных уполномоченных Главлита 101 являлись завотделами агитации

[117] Однако заместители у них пока отсутствовали. См.: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 4-5.

[118] Отчет о работе Главлита БССР за 1-е полугодие 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 20.

и пропаганды РК КП(б)Б и 12 – пропагандистами[119]. Из всех цензоров райлитов только 15 были освобожденными сотрудниками системы Главлита (см. табл. 5).

Таблица 5

Внештатные уполномоченные районных отделений Главлита БССР (1946 г.)

Основное место работы	Количество сотрудников	
	чел.	*%*
Райком партии	157	95,1
Учреждения наробраза	5	3,1
Райсоветы	2	1,2
Отделение госбанка	1	0,6
Итого	**165**	**100**

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 58-61.

Другой проблемой укомплектования штата районной цензуры оставалась текучесть кадров. Причиной чаще всего становилось то, что свою должность оставляли уполномоченные-совместители, которых переводили по основному месту работы. С 1944 по 1946 г. состав райлитов в республике почти полностью обновлялся три-четыре раза в год (!), а в 1948 г. из 175 цензоров сменились 44%. Чаще всего это происходило в Молодечненской, Бобруйской, Полесской и Гродненской областях[120]. Смена районных уполномоченных происходила так скоро, что начальники областных управлений цензуры не всегда успевали достаточно познакомиться со своими доверенными лицами и оценить их деловые качества. Плохая общая связь приводила к тому, что в облитах не всегда знали, когда тот или иной район «вдруг» оставался без цензора. В 1947 г. в Минском облите две недели не имели представления, что в Пуховичском районе уполномоченный цензуры уволился, и нового кандидата на эту должность даже не искали. Аналогичные ситуации возникали в Брестском и Гродненском областных управ-

[119] Отчет Главлита за 1-й квартал 1946 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 41.

[120] В 1946–1948 гг. цензоры трижды сменились в Бобруйском, Старобинском, Стародорожском, Гресском (Бобруйская область), Волковысском, Желудокском, Щучинском (Гродненская обл.), Брагинском, Житковичском и Наровлянском (Полесская обл.) районах.

лениях Главлита[121]. В результате новички приступали к работе без инструктажа, опыта работы, что приводило к сбоям в контроле над печатью. Проверяющие сетовали, что на страницы газет проникают «безыдейные, бессодержательные и неграмотные» материалы, рассказы, стихи, фельетоны.

Районные уполномоченные чаще других допускали неоправданные вмешательства в публикации. В 1948 г. в Полесской области цензор удалил сведения о планах строительства в Мозыре моста через реку Припять, тогда как в «Перечне Главлита» говорилось о запрете показывать проекты мостов, а не упоминания о них. В Витебской области не пропустили статью о лечении детей с помощью рентгеновских лучей, посчитав это разглашением государственного секрета.

Поскольку работа районного цензора оставалась малопривлекательной, вакансии сохранялись долго. Обязанности цензоров часто выполняли их заместители, которых нередко отвлекали на выполнение других поручений или посылали в продолжительные командировки по основному месту работы. Газеты оставались без контроля, и в результате допускалось большое количество нарушений[122]. Секретари райкомов партии (Ленинский район Пинской области, Стрешинский район Гомельской области и др.) в дни выхода газеты поручали своим райлитам посетить отдаленные сельсоветы. Контроль над газетой передоверяли людям, не знакомым с цензорскими инструкциями, и в итоге в печати появлялись запрещенные сведения. Не случайно поэтому из общего количества нарушений – 172, допущенных в 1947 г., 133, или 77,3%, приходились на районные газеты[123].

Такое отношение имело свое объяснение, поскольку на периферии на первом месте находились хозяйственные проблемы. За нарушение сроков сева и сбора урожая, надоев молока, сдачи мяса и масла государству, упущения в жилищном строительстве спрашивали строго. Выход раз в неделю районной газеты считался делом второстепенным. Большинство материалов подбиралось в области, многое дублировалось из общесоюзной и республиканской прессы, а местные события составляли меньше половины площади газеты, и за этим следил сам ее редактор.

Главлит БССР настаивал на включении районных цензоров в номенклатуру обкомов партии на том основании, что в состав номенклатуры ЦК КП(б)Б незадолго до этого были включены работники центрального и областного аппарата Главлита БССР (начальники и их заместители). Предполагалось, что это усилит ответственность цензоров, создаст преграду отзыву работников и, в конечном

[121] Возникала абсурдная ситуация, когда в облитах узнавали об отсутствии их представителя в районе из Главлита БССР. См.: Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 55.

[122] Отчет о работе Главлита БССР за июль 1943 – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 30.

[123] О повышении идеологических и деловых качеств цензоров БССР: Письмо начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – Н.А. Гусарову, первому секретарю ЦК КП(б)Б, от 31 марта 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 13-1.

итоге, будет способствовать стабильности кадров. В конце концов, это предложение было принято[124]. Районных уполномоченных прикрепили к номенклатуре обкомов партии, а цензоров Главлита, отвечавших за республиканские газеты и продукцию Госиздата БССР, – к номенклатуре ЦК КП(б)Б[125] (см. табл. 6).

Таблица 6

Номенклатурные должности Главлита (на 1 января 1949 г.)

Должность	**Кол-во ставок**
Центральный аппарат Главлита	
Начальник отдела	2
Начальник спецчасти	2
Зам. начальника Главлита	1
Цензор	17
Главный бухгалтер	1
Зам. главного бухгалтера Главлита	1
Заведующий хозяйством	1
Шофер	1
Административно-техн. персонал	1
Итого	**27**
Областные управления Главлита при облисполкомах	
Начальник облита	12
Начальник спецчасти облита	12
Цензор	24
Бухгалтер	11
Итого	**59**

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 9, л. 10.

[124] Постановление Бюро ЦК КП(б)Б от 5 окт. 1948 г. // НАРБ, ф. 4, оп. 47, д. 233, л. 50-об.
[125] Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 5 окт. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 58, л. 19.

Районных уполномоченных вызывали в обкомы партии и заново утверждали. В ряде мест партийные инстанции пытались возражать, ссылаясь на то, что эту процедуру уже проводили на основном месте работы. В Главлите посчитали, что такой подход ослабляет ответственность цензоров за порученное дело и «расхолаживает». Ф.И. Дадиомова в письме В.А. Томашевичу[126] просила воздействовать на обкомы партии и утвердить районных уполномоченных в персональном порядке[127].

Отныне структура Главлита обретала логическую завершенность, и рамки номенклатуры уже охватывали не только цензорский состав, но и вспомогательный персонал – от бухгалтера и заведующего хозяйством до шофера.

Работе цензуры мешал протекционизм. В цензоры из советских и партийных инстанций «списывали» бывших кассиров, технических секретарей, библиотекарей, которые не отличались общей грамотностью, знанием русского и белорусского языков и даже культурным кругозором. В январе 1947 г. Минский ОК КП(б)Б направил в областное управление на должность цензора Крапиву, который в автобиографии при приеме на работу сделал 150 орфографических и синтаксических ошибок. Начальник Полоцкого облита Горкуша назначил на должность цензора бухгалтера Клименко, у которого не было достаточной общеобразовательной подготовки[128].

Толочинский РК КПБ рекомендовал цензором бывшего кассира сберегательной кассы с семиклассным образованием, в Пуховичском районе на должности цензора находился технический секретарь райкома партии, в Молодеченской, Витебской и Минской областях Главлит не утвердил предложенные кандидатуры районных уполномоченных как людей профессионально непригодных[129].

Динамика роста общей и профессиональной подготовки районных уполномоченных постепенно менялась в лучшую сторону. Восстановление экономики, учреждений образования и культуры открывали дополнительные возможности, что было использовано всеми звеньями государственного аппарата, включая Главлит.

Среди цензоров не осталось тех, у кого отсутствовало бы среднее образование, большинство имели высшее образование или получали его – заочно (или на вечернем отделении) обучались в вузах. Эти изменения образовательного уровня цензоров представлены в табл. 7.

---

[126] Владимир Антонович Томашевич (1899–1983) – секретарь Минского обкома партии в 1944–1946 гг., ректор Белорусского государственного университета в 1946–1948 гг., секретарь ЦК КП(б)Б в 1949–1950 гг.

[127] Письмо начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – В.А. Томашевичу, секретарю ЦК КП(б)Б, от 5 июля 1949 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 47, д. 233, л. 50.

[128] Отчет Главлита БССР за июль 1943 – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 31.

[129] Отчет Главлита за 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 50, л. 24.

Таблица 7

Образовательный уровень штатных сотрудников Главлита БССР и совместителей (1946–1954 гг.)

Год	Всего, *чел.*	Уровень образования			
		высшее и незаконч. высшее	среднее	незаконч. среднее	начальное
1946	175	71	64	34	6
1952	181	111	46	24	–
1954	170	112	46	12	–

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 58-59; д. 37, лл. 2-3; д. 50, лл. 22-23.

В 1954 г. вступило в силу новое административное деление БССР, в результате которого из 12 областей шесть упразднили. Сокращение административного и управленческого аппарата повлекло увольнение многих служащих. Областные управления цензуры были распущены в Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской, Полоцкой и Минской областях[130]. В остальных областях штаты сотрудников были сокращены. В апреле 1954 г. были упразднены должности цензоров-совместителей в Минском, Гродненском, Могилевском, Гомельском, Брестском, Витебском, Молодечненском, Пинском, Бобруйском, Мозырском и Полоцком районах[131], хотя объем работы там не уменьшился. В связи с этим в Барановичах, Бобруйске, Полоцке к работе штатными (освобожденными) уполномоченными райлитов приступили бывшие начальники областных управлений. В Мозыре и Пинске на таких же должностях оказались старшие цензоры бывших облитов. В роли штатных районных уполномоченных Борисова и Орши оказались ветераны цензуры.

Административные перемены в системе Главлита и сокращение штатов не повлияли на общую текучесть кадров. Цензоры оставляли работу по семейным обстоятельствам, в связи с переменой основного места работы или уходом на учебу с отрывом от производства, а им на смену приходили новые люди. Намного реже стали случаи, когда цензоров отстраняли от обязанностей с формулировкой о профессиональной непригодности или по политическим мотивам.

[130] Минский облит был упразднен, несмотря на то, что Минская область сохранилась, а его функции были переданы Главлиту БССР. См.: Приказ по Главлиту от 1 марта 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 26, лл. 3-4.

[131] Приказ по Главлиту от 14 апр. 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 26, л. 7-9.

Летом 1955 г. произошло то, что давно ожидалось. Должность районных уполномоченных, работавших по совместительству, была признана лишней и упразднена. Перемены в обществе, наступившие после смерти Сталина, позволили отказаться от мелочной опеки печатных изданий. Контроль над районными и многотиражными газетами возложили на самих редакторов газет, которым разослали новый «Перечень Главлита», а «Обязательные правила цензуры» были отменены. Все секретные документы районных уполномоченных подлежали уничтожению на месте по акту. Цензорские штампы, печати и сейф предписывалось выслать в адрес Главлита СССР[132].

Последующее развитие показало, что эти меры оказались оправданными. Принципиально ничего не изменилось, контроль над печатным словом партия и государство не выпустили из рук, но бюрократическая цепочка стала короче.

Кадровая национальная политика

В первые годы после войны национальная принадлежность сотрудников цензуры не играла определяющей роли. Ценились идеологическая преданность и способность правильно понимать задачи партии и правительства. Цензорам надлежало иметь безупречное прошлое, без компрометирующих связей, и быть верными идеалам партии Ленина–Сталина.

В цензуру возвращались бывшие сотрудники, демобилизованные из Советской армии, воевавшие в партизанских отрядах и подполье, находившиеся на политической, хозяйственной и административной работе в тылу. Если до войны евреи среди интеллигенции БССР, культурной, научной и технической элиты, составляли от 30 до 40%, то неудивительно, что их доля в системе Главлитбела оказалась существенной. Считалось, что поскольку цензура находилась под полным контролем партии и службы безопасности, то эту работу можно поручить лицам независимо от их национальной принадлежности. Именно поэтому Главлит БССР возглавила Феня (Фаина) Исааковна Дадиомова, которая, с согласия партийных кураторов, подбирала в штат людей, на которых могла положиться. Евреями оказались начальник специальной (секретной) части Главлита, руководители Минского, Барановичского, Брестского, Гомельского облитов и целая группа цензоров центрального аппарата Главлита, а также его областных и районных отделений[133].

---

[132] О сокращении должности районных цензоров, работающих по совместительству: Указание Главлита БССР от 14 сент. 1955 г. // НАРБ, ф.1195, оп. 2, д. 55, л. 74.

[133] В 1947–1951 гг. в Главлите БССР работали цензоры-евреи: Дора Григорьевна Безугленко, Рахиль Израилевна Гроднер, Тамара Гутковская, Болеслав Иосифович Добин, Илья Злотник, Роза Иосифовна Минкина, Зиновий Хаимович Зарецкий, Марк Иосифович Зеленченок, Софья Еренбург (начальник отдела), Софья Марковна Блюмкина (начальник Минского облита), Лия Моисеевна Бержиц (секретарь), Абрам Гутковский (главный бухгалтер) и др.

Иногда играл роль случай. Зиновий Хаимович Зарецкий, выпускник филологического факультета БГУ, попал в Главлит в 1947 г. по совету своей сокурсницы Тамары Гутковской, отец которой работал главным бухгалтером Главлита республики. Когда в 1948 г. Зарецкому отказали в приеме в аспирантуру, место цензора стало для него постоянным[134]. Марка Зеленченка после выздоровления от тяжелого ранения под Сталинградом Гомельский обком партии в июле 1945 г. направил на должность заместителя начальника областного строительного треста. Как бывший офицер-фронтовик и коммунист, он должен был отвечать за транспорт и отдел рабочего снабжения при облисполкоме. Однако, по словам Зеленченка, не желая заниматься махинациями и приписками, Марк просил подыскать ему другую работу, и ему предложили вакансию в областном управлении Главлита в Гомеле. До этого Зеленченок не имел никакого представления о работе цензуры[135].

Вторая половина и конец 40-х гг. привели к изменению этой концепции. Режиму потребовалось приглушить ростки инакомыслия, появившиеся в ходе войны, что изменило шкалу приоритетов в национальном вопросе. Был выбран курс с упором на права титульной нации в системе управления и контроля над обществом. Преимущество в Главлитбеле начали отдавать белорусам и русским (см. табл. 8).

Таблица 8

Национальный состав центрального аппарата Главлита БССР и начальников его областных управлений (1946–1956 гг.)

Год	**Всего,** *чел.*	**белорусы**	**русские**	**евреи**	**украинцы**	**поляки**	**другие**
1946	53	20	11	19	1	1	1
1950	53	22	16	15	–	–	–
1952	66	31	21	13	–	–	1
1954	56	29	19	8	–	–	–
1956	61	33	17	11	–	–	–

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 58-59; д. 37, лл. 2-3; д. 50, лл. 22-23.

[134] Письмо Зиновия Зарецкого из Ор-Акива (Израиль) от 2 февр. 2010 г. // Архив автора.

[135] Интервью с М.И. Зеленченком в Гомеле 3 февр. 2011 г. // Архив автора.

Указание национальности сотрудников цензуры в ежегодных отчетах Главлита, как и в других государственных учреждениях, носило обязательный характер и имело свое объяснение. Белорусы должны были доминировать на руководящих должностях, тогда как евреям позволялось демонстрировать свои деловые качества и профессиональную компетенцию только на периферии. От них требовали ответственности за положение дел на порученном участке и строго спрашивали за обнаруженные недостатки. Наиболее наглядно этот подход прослеживается на примере районных уполномоченных Главлита (см. табл. 9).

Таблица 9

Национальный состав штатных районных уполномоченных Главлита БССР и совместителей (1946–1954 гг.)

Год	Всего, чел.	белорусы	русские	евреи	украинцы	поляки	другие
1946	172	114	36	19	1	1	1
1952	179	131	33	8	3	1	3
1954	163	126	23	8	2	1	3

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 58-59; д. 37, лл. 2-3; д. 50, лл. 22-23.

Началась волна увольнений евреев. Осенью 1948 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б при обсуждении итогов проверки Главлита БССР высказывались претензии в адрес начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой, в том числе что она не проявляет достаточной заботы о выдвижении и подготовке цензорского состава из коренного белорусского населения…[136]

В эти годы под разными предлогами были освобождены от работы два заместителя начальника Главлита республики, главный бухгалтер, начальник секретной части Главлита, руководители Брестского, Гомельского и Могилевского областных управлений и целый ряд цензоров. В 1949 г. увольнения продолжились:

[136] О результатах проверки Главлита при СМ БССР в 1948 г.: Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 5 окт. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 58, лл. 19-21.

политредактора Злотника из Минска освободили за нарушение «Инструкции цензору», Михайлова из Витебска – как не справившегося со служебными обязанностями, а цензоров Урецкого (Полесская область) и Евтухова (Могилевская область) – по политическим мотивам[137].

Волна увольнений совпала с кампанией борьбы с космополитами. Поскольку увольнения проходили на фоне развертывания в стране череды идеологических чисток, с большой долей уверенности можно предположить их предвзятость. Примечательно, что среди уволенных, по сравнению с белорусами и русскими, евреи преобладали[138].

Рядовые граждане были дезориентированы: они не понимали причину гонений. Это нашло отражение в поднимаемых ими вопросах во время публичных обсуждений в самых разных аудиториях. Слушатели спрашивали: почему космополитов не разоблачили раньше? Что общего между космополитами и буржуазными националистами? И можно ли считать космополитов «врагами народа»?[139]

Власти, запретив культуру на идише[140], принялись за ассимилированных евреев, которых подозревали в сочувствии буржуазным националистам. Чистки по национальному признаку приобрели систематический характер. Министры и руководители ведомств должны были сообщать о количестве евреев среди своих сотрудников, что фактически узаконило всеобщую антиеврейскую кампанию в управленческом аппарате. Считалось, что «слишком много евреев» мешает делу и является порождением протекционизма.

Вытеснение евреев из круга должностных лиц в цензуре происходило постепенно, их перемещали с верхних ступеней номенклатурной пирамиды на нижние. Среди самих руководителей-евреев оказались такие, кто готов был избавиться от коллег-евреев, чтобы сохранить собственное место. В 1948 г. начальник Гомельского облита Израиль Бельцер сообщил своим подчиненным Марку Зеленченку и Рахили Гомон, что в Гомельском облите «слишком много евреев», и одному из них придется уйти. Зеленченок нашел вакансию корреспондента молодежной газеты по Гомельской области и поехал в Минск на прием к начальнику Главлита

---

[137] Отчет Главлита БССР за 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 21, л. 1.

[138] Среди уволенных евреев были цензоры облитов М.П. Игонин, Э.Х. Зарх, в центральном аппарате Главлита БССР – цензоры С.Л. Хазан, Х.П. Копелевич, Г.Ю. Гублер, главный бухгалтер Б.И. Винникова, начальник спецчасти Р.Б. Фрид и др.

[139] Перечень вопросов, заданных докладчикам и агитаторам на собраниях и беседах: Докладная записка Д. Шепилова и К. Калашникова – М.А. Суслову, секретарю ЦК ВКП(б) // РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 114, лл. 63-71.

[140] Имеются в виду события, связанные с убийством С. Михоэлса в Минске 13 янв. 1948 г., разгром ЕАК в Москве 20 нояб. 1948 г., закрытие всех еврейских театров страны и роспуск еврейских культурных и общественных организаций, союзов и обществ, запрет газет и журналов, упразднение издательства «Дер Эмес» (1949–1950 гг.).

БССР Ф.И. Дадиомовой. Однако та сообщила, что кандидат на увольнение как раз И. Бельцер, в адрес которого было много нареканий[141].

На место И. Бельцера пришел Иван Царик, бывший редактор местной районной газеты. В 1949 г. цензуру в Гомеле представляли пять сотрудников – двое евреев (М. Зеленченок и Р. Гомон) и двое русских: военный пенсионер и родственница Царика, работавшая до этого в библиотеке, малограмотная женщина, которой поручили отвечать за изъятие литературы из библиотек[142].

По результатам проверки работы Главлита республики комиссией ЦК КП(б)Б 29 июля 1950 г. от занимаемых должностей были освобождены начальник Главлита БССР Ф.И. Дадиомова, начальник отдела предварительной цензуры Еренбург, цензоры Брук, Ландо, начальник секретной части Красильщик и др.[143] Выиграли те, кто покинул цензуру по собственному желанию под предлогом учебы или семейных обстоятельств[144].

Официальным поводом увольнения Ф.И. Дадиомовой стало то, что в библиотеках Минска не были изъяты книги Д.Р. Бергельсона, П.Д. Маркиша, И.С. Фефера, Н.М. Голодеда, Н.Ф. Гикало и других «врагов народа». Кроме того, на Дадиомову (брат которой в это время находился под следствием по обвинению в троцкизме) поступил донос, что накануне выборов в Верховный Совет СССР она якобы публично возмущалась отсутствием евреев среди кандидатов в депутаты Белоруссии и антисемитскими настроениями в руководстве республики[145]. Однако по другой версии причиной увольнения Ф.И. Дадиомовой и ее доверенных лиц стал конфликт с министром госбезопасности БССР Л.Ф. Цанавой в связи с выходом под его именем книги о партизанском движении в Белоруссии в годы войны[146].

«Свою» книгу Цанава продвигал в соответствии с официально принятой процедурой. В августе 1950 г. на имя заместителя начальника Главлита БССР Я.М. Савицкой поступило письмо от директора Госиздата БССР З.П. Матузова с просьбой разрешить издание на белорусском языке по рекомендации секретаря ЦК КП(б)Б Т.С. Горбунова[147]первой части книги Цанавы «Всенародная

[141] Интервью с М.И. Зеленченком в Гомеле 3 февр. 2011 г. // Архив автора.

[142] Там же.

[143] Отчет Главлита БССР за 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 25, лл. 1, 3.

[144] Формулировка «уволен по собственному желанию» отличалась неопределенностью. За ней могло крыться состояние здоровья, недовольство зарплатой, нарушение моральных устоев или трудовой дисциплины, неуживчивость и т. д. На деле она означала, что «сор» не хотят «выносить из избы».

[145] Г.В. Костырченко. *Тайная политика Сталина*. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 541.

[146] Л. Цанава. *Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков*: В 2 ч. Минск: Белгосиздат, 1949–1950.

[147] Тимофей Сазонович Горбунов (1904–1969) – главный редактор Госиздата БССР в 1937–1939 гг., редактор газеты «Звязда» в 1939–1941 гг., редактор журнала «Славяне» в 1941–1945 гг., секретарь ЦК КПБ в 1941–1947, 1950–1960 гг.

партизанская война в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков» объемом 21 усл. авт. л., тиражом 10 тыс. экз[148]. Положительный ответ поступил немедленно. Никаких возражений по поводу тиража, объема издания не последовало, как и редакторской и цензорской правки[149]. Этого показалось мало, и уже в ноябре 1950 г. в Главлит поступило новое обращение – о переиздании книги Цанавы на русском языке и увеличении тиража в три раза. В данном случае З.П. Матузов мотивировал свою просьбу полученными указаниями из Отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б[150]. Положительный ответ Главлита пришел через неделю. Можно предположить, что это время понадобилось, чтобы изыскать необходимые фонды для внепланового заказа[151].

В книге был представлен обширный фактический материал о партизанском движении и партийно-комсомольском подполье в БССР, состоявший из огромного количества неопубликованных сведений, к которым Цанава имел доступ в силу служебного положения. Значительную часть книги представляло прямое воспроизведение (без указания источников и места цитирования) отчетов подпольных партийных организаций, отрядов и соединений. Из всех этих материалов можно было почерпнуть фактические сведения о формах и методах партизанской борьбы, системе организации отрядов, связи со штабами партизанского движения и взаимодействии партизан с частями Советской армии в решении ряда тактических и стратегических задач на фронте, достигнутом в силу централизованного руководства партизанским движением. С точки зрения Главлита это являлось не чем иным, как разглашением секретных сведений.

Ф.И. Дадиомова не захотела брать на себя ответственность и сообщила о вопиющих нарушениях в ЦК КП(б)Б. Из Минска сделали запрос в Москву. Однако Цанава, используя личные связи, добился решения вопроса в свою пользу. Министр затаил обиду и вскоре рассчитался с Дадиомовой[152]. Увольнение оказалось «мягким» – без ареста и суда, так как история с пресловутой книгой получила огласку.

На смену начальнику Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой в марте 1951 г. пришел Л.В. Садовский, а его заместителем стала Ядвига Михайловна Савицкая. Начальником отдела контроля над зрелищами и репертуаром назначили А.Е. Атрощенко, выпускника Института философии и литературы в Москве. Цензорами зачислили

---

[148] Письмо директора Госиздата БССР З.П. Матузова – Я.М. Савицкой, зам. начальника Главлита БССР, от 29 авг. 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 18, л. 203.

[149] Приказ зам. начальника Главлита БССР Я.М. Савицкой по Главлиту от 1 сент. 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 18, л. 201.

[150] Письмо директора Госиздата БССР З.П. Матузова – Я.М. Савицкой, зам. начальника Главлита БССР, от 15 нояб. 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 18, л. 266.

[151] Приказ по Главлиту БССР от 24 нояб. 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 18, л. 267.

[152] За Ф.И. Дадиомовой была установлена слежка МГБ, ее телефонные разговоры прослушивались. Об этом см.: В. Скалабан. «Слёзницы Цанавы» // *Советская Белоруссия.* 2011. 5 янв.

В.Н. Старостецкого, окончившего БГУ им. В.И. Ленина, Серову, учившуюся в Высшей республиканской партийной школе при ЦК КП(б)Б, – всего 11 человек (все белорусы и русские)[153].

История с публикацией книги Цанавы получила продолжение после его смещения с поста заместителя министра МГБ СССР в начале 1952 г. Новое руководство Главлита обвинило бывшего министра госбезопасности в разглашении секретных сведений[154], однако несмотря на это, никого из уволенных цензоров в Главлит не вернули. В итоге центральный аппарат Главлита оказался значительно недоукомплектованным (63 из 73 сотрудников по штатному расписанию). Не было начальника секретной части, двух цензоров в отделе контроля над репертуаром и зрелищами. Профессиональный стаж новых сотрудников был минимальным, 38% из них поступили в Главлит только в 1951 г., остальные не имели необходимых профессиональных навыков и, по мнению партийных органов, требовали замены[155].

В 1953 г. в связи с «делом врачей» слухи о происках евреев проникли в среду самих цензоров. Аркадий Бляхер, работавший в Брестском управлении Главлита, вспоминал, как его коллеги обсуждали вопрос о вошедших в моду капроновых женских чулках, которые «содержали ядовитые вещества», обвиняя в этом евреев. В том же году начальник областного управления Главлита Н.И. Рожкова не получила пригласительного билета на прием, устроенный в честь годовщины Октябрьской революции, тогда как директору типографии Льву Еренбургу его прислали. Рожкова не скрывала своего возмущения и в присутствии А. Бляхера сокрушалась: «Этому жиду пархатому дали билет, а мне нет!» Когда Бляхер поделился этим с заместителем редактора Брестской областной газеты «Заря» Антоном Рожанцом, то в ответ услышал, что Рожкова, мол, права: все евреи заодно. Рожанец, подкрепляя свои слова, привел в пример министра местной промышленности БССР Я. Кагана[156], у которого якобы нашли радиопередатчик и что он шпион…[157]

Массовые антиеврейские чистки 1949–1953 гг. носили универсальный характер. Они захватили управленческие звенья всех сфер общества, включая науку, культуру, искусство, образование, здравоохранение. Евреев увольняли за ошибки в работе, по «собственному желанию» или сокращению штатов. При этом

---

[153] Отчет Главлита БССР за 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 25, лл. 1, 3.

[154] Докладная записка начальника Главлита БССР Л.В. Садовского – Н.С. Патоличеву, первому секретарю ЦК КП(б)Б, от 25 мая 1952 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 283, лл. 224-236.

[155] Из 63 чел. в Главлите БССР 24 чел. работали там с 1951 г., 6 чел. – с 1949 г., 4 чел. – с 1948 г., 8 чел. – с 1947 г., 10 чел. – с 1941 г., а 11 чел. имели довоенный стаж.

[156] Яков Наумович Каган (1902–1982) – министр местной промышленности БССР в 1939–1954 гг., начальник Главного управления коммунального хозяйства и энергетики при СМ БССР в 1954–1962 гг.

[157] Письмо Аркадия Бляхера из Бреста от 24 марта 2010 г. // Архив автора.

настоящая причина такого шага не упоминалась. Вся кампания санкционировалась сверху путем устных указаний через секретарей партийных организаций министерств и ведомств.

После XX съезда КПСС антисемитизм на государственном уровне не поощрялся, однако убеждение, что в «русских» изданиях должны писать русские люди (или хотя бы под русскими псевдонимами), чтобы не «возбуждать» читателей, оставалось. По свидетельству В. Солодина[158], отдел пропаганды ЦК партии мог вызвать редактора газеты или журнала и спросить: почему о юбилее Лермонтова написал Рабинович? Неужели нельзя было найти русского автора? В следующий раз на тему русской классической литературы и поэзии писал тот же Рабинович, но уже под псевдонимом Петров, и все были довольны[159].

В последующие годы евреев в Главлите становилось все меньше. Те, кто был принят сразу после войны, со временем уходили (на пенсию, учебу, более оплачиваемую работу или в связи с переездом в другой город), а на их место, за редким исключением, принимали только белорусов и русских. Формальным условием для поступления в цензуру служила рекомендация райкома партии, которую евреям уже не давали независимо от образования, социального происхождения, профессиональных навыков, участия в войне или с учетом других заслуг перед государством.

В результате изменения кадровой политики национальный состав цензоров Главлита БССР был унифицирован по национальному признаку: теперь здесь работали исключительно белорусы и русские[160]. Эти перемены соответствовали рекомендациям ЦК КПСС о господстве титульной нации в управленческих структурах, государственном аппарате и советских учреждениях в отдельно взятой союзной республике.

---

[158] Владимир Алексеевич Солодин (1930–1997) – цензор, начальник управления Главлита СССР в 1952–1994 гг.

[159] «Убежден, что работал на стабильность государства …»: Интервью В.А. Солодина, данное им Н.А. Митрохину // «Исключить всякие упоминания». *Очерки истории советской цензуры.* М., 1995. С. 326.

[160] Когда в 1991 г. Главлит БССР прекратил свое существование, единственным его сотрудником-евреем оставался Зиновий Хаимович Зарецкий, выехавший вскоре на постоянное жительство в Израиль.

Глава 3. Завеса секретности

После войны понятия государственной и военной тайны в Советском Союзе претерпели изменения, но режим по-прежнему нуждался в образе врага, внутреннего и внешнего, поэтому жизнь в стране, как и раньше, оставляла ощущение осажденной крепости. В общественном сознании искусственно нагнетались опасения новой агрессии, которую мог развязать империалистический Запад.

Под государственной тайной подразумевалось все, что могло угрожать жизнестойкости страны, включая цены на закупки продукции сельского хозяйства, нормы снабжения населения товарами первой необходимости, место, время и сроки введения в строй промышленных предприятий, речных портов, гражданских аэродромов, выполнение производственных планов в абсолютных цифрах, состояние медицины и даже прогноз погоды. При этом речь не шла об определении настроений в обществе, отношении граждан к внутренней и внешней политике государства, выражении общественного мнения, что отдавалось на откуп службе государственной безопасности. В печати не должно было промелькнуть и тени критики советского режима. Вместе с тем понятие государственной тайны было настолько расплывчатым, что под него можно было подвести любые конкретные сведения из жизни республики и страны в целом.

Повседневная жизнь

Послевоенное советское общество представляло собой сложный социально-психологический феномен. Война изменила его состав и демографический баланс, внесла коррективы в систему ценностей и нормы поведения людей. Все население республики делилось на *мобилизованных*, *эвакуированных* и *репатриированных*. Судьба каждого гражданина зависела от ответа на вопрос, оставался ли он в годы войны на временно оккупированной территории. Если – да,

то почему? Чем он занимался, как выжил? Принимал участие в борьбе с врагом (партизанское движение, подполье, фронт) или нет? Сотрудничал ли с оккупационными властями, и если да, то как именно (пассивно, опосредованно или активно)? Для почти шести миллионов человек, проживавших к лету 1944 г. в БССР, это были далеко не праздные вопросы[161].

После победы предстояло противостоять бытовой неустроенности, голоду, болезням и преступности. Жизнестойкость поддерживалась послевоенным оптимизмом и надеждой на лучшее. В этих условиях советское общество продемонстрировало высокую жизнеспособность, что свидетельствовало о сохранившихся еще немалых ресурсах.

Цензура была призвана скрыть и реальное экономическое положение в республике. Материалы, свидетельствующие о неблагополучных жилищных условиях, плохом медицинском обслуживании, национальных конфликтах, антисемитизме или преследованиях инакомыслия, не публиковались[162]. Официальная пропаганда успехов затмевала собой информацию о лишениях и проблемах, неизбежных при переходе от войны к мирному строительству[163]. Разрешались только публикации, которые должны были вдохновить читателя на «ратные подвиги». Критика недостатков и ошибок допускалась только на начальном и среднем уровне. Это могли быть фельетоны, письма трудящихся и реакция на них властных структур. В то же время цензура не пропускала сообщения о случаях злоупотребления служебным положением или расхищения гуманитарной помощи, поступавшей в республику от ЮНРРА[164] и международных филантропических организаций, чиновниками высшего эшелона власти[165].

Соглашение о поставках ЮНРРА в Белоруссию на сумму 61 млн долларов США было подписано в декабре 1945 г. В республику поступали грузы из Австра-

---

[161] При приеме на учебу или работу, для получения социальной помощи и пр. требовалось в обязательном порядке ответить на прямой вопрос анкеты: «Находились ли Вы на оккупированной территории во время войны?».

[162] О мероприятиях, проводимых в связи с освобождением территории БССР от фашистских оккупантов: Справка сектора информации ЦК КП(б)Б, направленная В.Н. Малину, секретарю ЦК КП(б)Б, от 29 июня 1944 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 810, л. 134-134а.

[163] Спецсообщение Л.П. Берии, И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову о положении в городах и районах БССР, освобожденных от войск противника, от 5 июля 1944 г. // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 65, лл. 298-300.

[164] Администрация помощи и восстановления Объединенных наций – United Nation Relief and Rehabilitation Administration – международная организация, основанная (в сент. 1943 г.) странами (44) антигитлеровской коалиции для оказания экономической и социальной помощи странам, оккупированным нацистами во время Второй мировой войны.

[165] Е. Жирнов. «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии» // *Коммерсант «Власть»*. 2010. № 44. 8 нояб.

лии, Великобритании, Канады, США, Франции и других стран. Они включали одежду, рабочие инструменты, оборудование, медицинские препараты, семена, тракторы, цветные металлы, каучук, паровозы и генераторы, промтовары, сырье, предметы первой необходимости и пр. Американская и английская техника использовалась для расчистки улиц городов и восстановления промышленных предприятий[166]. Почти половину этой помощи (100 тыс. тонн) составляли продукты питания[167]. Миссия ЮНРРА работала в Белоруссии немногим более года. Вся документация по контактам с этой международной организацией оформлялась как секретная, а советским, партийным и хозяйственным работникам было запрещено приводить любые статистические данные и даже упоминать ее помощь[168].

Отсутствие альтернативной информации не могло заставить людей принимать на веру официальные объяснения природы внутриэкономических трудностей. В 1945 г. в БССР свыше полутора миллионов человек, преимущественно в восточных областях, которые больше всего пострадали от оккупации, продолжали жить в землянках. Не хватало одежды, обуви, керосина, соли, спичек, мыла. Всеобщая нищета и дефицит вызывали эпидемические заболевания: тиф, чесотку, туберкулез, малярию. Люди умирали от тяжелых болезней и недоедания. По свидетельству И. Ветрова[169], повседневным явлением стали карманные кражи, уличные ограбления, спекуляция и самогоноварение. Улицы городов наводнили беспризорные дети, оставшиеся без родителей, которых вовлекал в свою орбиту преступный мир[170]. Инвалиды войны просили милостыню, поскольку до июля 1948 г. они не имели никаких льгот. В декабре 1947 г. в БССР, как и по всей стране, отменили карточную систему. Однако это не означало завершения продовольственного кризиса. По-прежнему сохранялась большая нужда в

---

[166] Продовольственные товары поступали в Главторг и Белкоопсоюз, промышленное оборудование и сырье – в Белглавснаб при СНК БССР, медикаменты – в Наркомздрав, сельхозинвентарь и семена – в Наркомзем БССР.

[167] Ў.Е. Снапкоўскі. «Аб дапамозе ЮНРРА Беларусі» // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь*: Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Частка 1. Мінск, 1993. С. 225–230; «На весах справедливости» // Неман. 1993. № 6. С. 159–167.

[168] О мероприятиях по реализации соглашения с ЮНРРА о поставках товаров и оказании помощи БССР: Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 8 янв. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 61, д. 239, лл. 6-7.

[169] Иван Дмитриевич Ветров (1905–1986) – прокурор БССР в 1944–1949 гг., министр юстиции БССР в 1953–1960 гг.

[170] О состоянии борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью по БССР: Спецсообщение прокурора БССР И.Д. Ветрова – Н.В. Киселеву, секретарю ЦК КП(б)Б, от 10 июля 1945 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 62, лл. 155-164. См.: *Освобожденная Беларусь*: Документы и материалы. Минск, 2005. Кн. 2. С. 259–263.

хлебе, сахаре, растительном масле, муке и керосине. За всем этим выстраивались длинные очереди. Колхозники не имели наличных денег, поскольку им платили «палочками»[171]. Промышленных товаров не хватало. Тем не менее люди самоотверженно работали, надеясь на лучшее и помня ужасы войны.

Денежная реформа 1947 г. была призвана стабилизировать финансовое положение. При обмене одного нового рубля к десяти старым полная компенсация полагалась только на вклады до трех тысяч рублей. Все остальные вкладчики разорились, фактически государство их ограбило.

Образ СССР как общества социальной справедливости и народного благоденствия не допускал социальных аномалий – нищенства, бездомности, проституции, которые пропаганда называла «пережитками прошлого», или «родимыми пятнами капитализма». Цензура делала все, чтобы факты, правда об обнищании населения, о появлении тысяч бездомных и целой армии инвалидов, о массовом сиротстве не попали на страницы печатных изданий[172].

Одним из инструментов борьбы с «паразитами общества» служила паспортная система, но и она не вела к желаемому результату[173]. Масштабы распространения нищенства после войны были угрожающими и не афишировались, а милицейские операции по удалению нищих, бродяг и инвалидов из городов оставались строго засекреченными. Они проводились на основании Указа Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» от 23 июля 1951 г.[174] и приняли массовый размах[175].

Послевоенными «люмпенами» оказались инвалиды войны. Получили распространение и вошли в разговорную речь слова, отмечавшие характер

---

[171] Палочки – условное обозначение трудодней при выходе колхозника в поле, за которые полагалась средняя оплата по итогам сбора урожая в конце года. Расчет осуществлялся натуральными продуктами (зерно, картофель, корнеплоды, подсолнечное масло и пр.), но фактически колхозники кормились со своих огородов. Только немногие колхозы давали за трудодни реальные продукты, не говоря уже о деньгах.

[172] Е. Зубкова. «С протянутой рукой». Нищие и нищенство в послевоенном СССР // *Cahiers du monde russe* (Paris). French Research Centre D'études des Mondes Russe, Caucasien Etcentre-Européen. Special issue devoted to WWII Aftermath in Soviet Union. 2008. Vol. 49/2–3 (April–September). P. 441–474.

[173] В.П. Попов. «Паспортная система в СССР, 1932–1974 гг.» // *Социологические исследования*. 1995. № 8–9; Н. Муан. «Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему» // *Режимные люди в СССР* / Под ред. Т.С. Кондратьева и А.К. Соколова. М., 2009. С. 257–276.

[174] О результатах применения Указа ВС СССР от 23 июля 1951 г.: Докладная записка МВД СССР от 24 февр. 1954 г. // РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 78, лл. 41-42.

[175] В 1951 г. в стране было задержано 107 766 чел., в 1952 г. – 156 817 чел., в 1953 г. – 182 342 чел., подавляющее большинство нищих (70%) – инвалиды войны.

увечья: *костыли* – без одной или двух ног, *обрубки* – с ампутированными руками, *тачки* – без обеих ног, передвигавшиеся на тележке, *печеные* – с ожогами (как правило, танкисты), *самовары* – без рук и ног[176].

Программа социальной поддержки людей из группы риска сводилась только к помещению их в дома инвалидов и интернаты. С одной стороны, этих учреждений не хватало, а с другой – сами инвалиды туда не стремились и, будучи помещенными насильно, бежали при первой возможности. Скудному государственному пайку они предпочитали свободу. Для многих лиц без определенного места жительства попрошайничество стало образом жизни, а не только способом выживания. Нищие, вышедшие на улицу, воспринимались не как социальная проблема, а как досадный балласт, от которого необходимо избавиться. Поэтому городские власти стремились отправить их с глаз долой в другие регионы[177].

После смерти Сталина проблему бездомных и бродяг, инвалидов и попрошаек пытались решить с помощью патронажа, опеки и содействия в трудоустройстве. В эту категорию не попали профессиональные нищие и проститутки, хулиганы и алкоголики, которых закон расценивал как «антиобщественные элементы» и «лица, ведущие паразитический образ жизни».

Проблему обездоленных, не способных позаботиться о себе, начали воспринимать в социальном контексте только в середине 50-х гг., когда уровень жизни повысился в результате улучшения общей экономической ситуации, пенсионной реформы, роста доходов. Впервые после войны нужда и бедность перестали быть главной причиной распространения нищенства. Тогда главной мишенью режима стали граждане, не желавшие участвовать в общественном производстве: «тунеядцы» и лица, «живущие на нетрудовые доходы». Нормой считалась исключительно работа на государство, а все остальные занятия рассматривались как отклонение от общественно-полезного труда[178].

Тема заботы о человеке, постоянно присутствовавшая в публикациях, допущенных цензурой, не давала ответ на вопрос: кто виноват в недостатках советской действительности? Как правило, вину перекладывали на бюрократов, «враждебные происки» или агитацию против советского строя.

Особое беспокойство вызывало опасение, что неприглядную картину могли видеть иностранцы. Идеи частной благотворительности и готовность граждан собственными средствами участвовать в программах социальной поддержки

---

[176] Э. Кочергин. *Ангелова кукла.* Записки рисовального человека. СПб., 2006. С. 142.

[177] Как правило, задержанным за нищенство выдавали единовременное пособие на покупку железнодорожного билета для проезда к месту жительства в обмен на письменное обязательство больше не заниматься попрошайничеством.

[178] Ш. Фицпатрик. «”Паразиты общества”: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР» // *Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985 гг.* М., 2008. С. 219–254.

бедных и инвалидов оказались невостребованными. Само общество оказалось еще не готово принять людей с обочины жизни.

Перлюстрация писем

В условиях подцензурной печати проявление критического мышления возможно только при личном общении. Переписка, по существу, была одной из форм обмена мнениями. Руководство страны, для того чтобы знать все оттенки общественного мнения, поставило под тайный контроль все формы конфиденциального обмена информацией. В дополнение к армии тайных осведомителей, системе прослушивания телефонных и частных разговоров существовала секретная проверка личной переписки граждан. Она была и раньше, однако в советское время несказанно возросла по сравнению с дореволюционным периодом[179].

Перлюстрация письменной внутренней и международной корреспонденции являлась наиболее закрытым участком в системе службы государственной безопасности, поскольку соблюдение тайны личной переписки официально гарантировалось Основным Законом (Конституцией) СССР[180]. В Уголовном Кодексе БССР, как и других союзных и автономных республик, было записано, что нарушение тайны переписки подлежит уголовному преследованию. Принцип тайны переписки официально был нарушен только один раз, в годы войны с Германией. Теоретически военная цензура была призвана противостоять врагу, предотвращать возникновение паники и помогать сохранять военные тайны. Она была открытой и обязательной для всех, государство не скрывало ее существования и формально отменило сразу после окончания войны. В 1948 г. Советский Союз подписал Всеобщую декларацию прав человека, которая устанавливала строжайший запрет на перлюстрацию частной переписки.

«Почтовые правила СССР» и «Устав почтовой службы» строго запрещали вскрытие и чтение любых писем, даже при условии соблюдения служебной тайны. Письма, которые из-за неправильного адреса или в случае отсутствия сведений об отправителе нельзя было вернуть, подлежали уничтожению по акту без предварительного вскрытия. Почте разрешалась проверка корреспонденции только лиц, находившихся под судом или следствием по решению суда или про-

[179] До 1917 г. в Петербурге перлюстрацией занимались 12 специалистов, в Москве – 7, Киеве – 4, Одессе – 5, в Харькове, Тифлисе, Вильно, Риге и других крупных городах империи – по 2 чел., тогда как общий годовой оборот российской почты составлял более 600 млн писем. См.: С. Майский. *Черный кабинет*. Из воспоминаний бывшего цензора. Петроград, 1922.

[180] *Конституция СССР*. М., 1936. Гл. X. «Основные права и обязанности граждан». Ст. 128 (неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом).

куратуры. Чтение писем в таком случае проводил следователь, а не работник почты, и ничего общего с цензурой это не имело.

Нельзя было заниматься цензурой и Государственному таможенному контролю, который имел подробные списки запрещенных к вывозу товаров, материалов и печатных произведений. Однако письма, имеющие характер личной переписки, не подпадали под контроль таможни и должны были следовать по назначению беспрепятственно[181].

Общественное мнение всегда выступало против тайной слежки. Если кто-то и догадывался о ее существовании, то не имел понятия, какая организация и в каком объеме этим занимается. Большинство ошибочно полагало, что перлюстрация входит в компетенцию министерства связи или Главлита. В действительности почтовая цензура превратилась в инструмент политического сыска. Она позволяла изучать настроения, выявлять недовольных, отслеживать и изолировать явных и мнимых противников режима[182].

Цензура частной переписки осуществлялась МГБ, в составе которого было создано Управление политического контроля[183]. Можно представить себе масштаб его деятельности, если к началу 1950-х гг. в Советском Союзе отправлялись миллионы писем. В международном отделе московской службы перлюстрации работало не менее одной тысячи сотрудников, проверявших корреспонденцию на 140 языках.

БССР не была исключением, в каждом областном городе действовали три основных отдела МГБ, которые осуществляли военный и политический контроль над внутренней и зарубежной частной перепиской. Одним из главных требований для сотрудников была абсолютная секретность. В служебном лексиконе отсутствовали слова «цензура», «письма», «проверка», их заменяли термины неопределенного содержания. В общении и переписке использовались словосочетания «все документы обработаны» или «задержанные документы». Сведения, полученные в результате перлюстрации, не подлежали огласке, сотрудники, досматривавшие почту, не могли делиться друг с другом полученной информацией и даже сообщать ее на партийном собрании.

В личных служебных документах тайных сотрудников не указывались должность и место работы, никто из них не носил форму. Для прикрытия эти люди числились в составе местных партийных, комсомольских или профсоюзных

---

[181] Вскрывались только письма, вызывавшие подозрение по внешнему виду; любой факт вскрытия или конфискации подтверждался по акту и сообщался отправителю или адресату, чтобы никто не вправе был считать отправление пропавшим и требовать компенсации.

[182] Подробнее см.: А.С. Смыкалин. *Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР*. СПб., 2008.

[183] Если в 1920-х и начале 1930-х гг. перлюстрация проводилась выборочно, то с 1935 г. ее начали проводить сплошь с использованием передовых научно-технических методов.

органов. Они не имели права открыто посещать здание, где находилась служба безопасности, и придерживались правил конспирации, которые, без преувеличения, напоминали работу нелегала за кордоном. Подходя к месту, где был расположен «черный кабинет»[184], они старались не встретить знакомых, входили по одному, а не группой, для чего был разработан специальный график прибытия к месту работы и ухода.

«Черный кабинет» находился в помещении почтамта, на вокзалах или недалеко от них. Корреспонденция поступала на станцию назначения в охраняемых вагонах. Как правило, поезд с почтовыми вагонами останавливался на первом пути, чтобы было удобнее выносить запломбированные мешки с письмами. Между гашением марок и сортировкой письма незаметно уходили на тайную проверку. Работники почтамта не имели никакого отношения к перлюстрации и даже не догадывались о каких-то манипуляциях. Большинство почтовых служащих было уверено, что негласная проверка писем невозможна, ибо прямо от них корреспонденция отправляется по адресам.

Помещение для тайной почтовой цензуры не имело выраженных внешних признаков. Вход был неприметным, из проходного двора, чтобы можно было появляться и уходить незамеченным. Внутри – контролируемый тамбур, дальше которого посторонний пройти не мог. Окна имели глухие двойные рамы. Проветривание разрешалось через небольшие форточки только в присутствии сотрудников, но ни в коем случае ночью. Запрещалось громко разговаривать, чтобы не привлекать внимание снаружи. Окна были затянуты плотными шторами. Во время рабочего дня использовался яркий искусственный свет.

Особое подразделение под названием «списки» отбирало письма людей, находившихся под наблюдением МГБ. Их фамилии не имели права знать даже работники «политического контроля», не входящие в группу «Списки». Поскольку письма на почтамт доставлялись круглосуточно, то сотрудники этой группы были заняты в три смены. Перечни людей, взятых под наблюдение, утверждались начальником областного управления госбезопасности. Каждые три месяца поступали новые сведения, и фамилии обновлялись. В распоряжении работников этой группы имелись образцы почерков всех авторов анонимных доносов и составителей листовок.

Как правило, в этом подразделении были заняты молодые сотрудники, обладавшие феноменальной памятью. Они знали имена, фамилии, адреса сотен людей, находившихся под наблюдением, почерк, характерное написание отдельных букв анонимок, листовок, лозунгов, плакатов, что позволяло легче

---

[184] «Черный кабинет» – орган, занимающийся перлюстрацией и дешифрованием корреспонденции, и помещение, служащее для этих целей, обычно тайная комната в почтовом отделении.

выявить авторов подозрительных отправлений. Иногда им приходилось держать в памяти от шестисот до восьмисот фамилий.

В обязанность группы «Списки» входил отбор всех писем для международного отделения, а также писем для тайной перлюстрации. В первую очередь брались на заметку письма без обратного адреса, с координатами, напечатанными на пишущей машинке, письма «до востребования», заказные, с искаженным почерком или, наоборот, написанные чересчур четко или печатными буквами, или конверты с самодельным клеем. Если вместо фамилии отправителя стояла «закорючка», это уже считалось подозрительным, и письмо направлялось на проверку.

При Управлении политического контроля существовала так называемая «национальная группа», которая проверяла письма на разных языках. Пестрая мозаика десятков языков народов, населявших страну, не составляла преграды для цензуры. В БССР, кроме русского и белорусского, приходили письма на украинском, польском, литовском, идише и немецком языках.

В областном отделе МГБ хранился список проверяющих с указанием языков, которыми они владели, и местом службы. Сотрудники, читавшие по-татарски, находились в Москве, Симферополе, Казани, Чите, Уфе, а знатоки грузинского – в Ленинграде, Тбилиси, Кутаиси, Сочи. В Минске не было работников, владевших китайским и корейским языками, зато они были в Хабаровске, и т. д. Если возникала нужда, то письма, с сопроводительным наставлением, пересылались в Хабаровск. Такая процедура отнимала много времени, и письма попадали к адресату с опозданием в несколько месяцев, но тогда все списывали на недостатки в работе почты. Нетрудно догадаться, что корреспонденция, содержавшая недозволенные сведения, вообще не попадала к получателю. Письма «терялись» в дороге, не доставлялись «нерадивыми» почтальонами.

Как правило, сотрудники «национальной группы» задерживали писем больше. Солдаты срочной службы, призванные из национальных районов СССР, наивно полагали, что их письма, написанные на родном языке, минуют строгий контроль. В других случаях русские военнослужащие, даже слабо владевшие иностранными языками, вписывали в текст несколько слов, предложение или фразу на немецком, французском, английском или испанском языках. Расчет делался на то, что проверяющий не обратит внимания на несколько непонятных слов и пропустит письмо по адресу. В действительности получалось наоборот. Подобная «хитрость» только усиливала подозрение.

Сомнительный текст изымали, переводили на русский язык и отправляли по инстанции для принятия решения – включать ли автора в «оперативную разработку»[185]. Если переписка вызывала подозрение, то первые такие письма

[185] Оперативная разработка – условный термин в МГБ, предполагавший установление автора письма, его местожительство и род занятий, родственные связи, политические взгляды, отношение к советской власти и т. п. со всеми вытекающими последствиями.

пропускали, чтобы выявить связи корреспондента. Затем следовала неминуемая развязка, и письма служили вещественным доказательством для обвинения.

В годы корейской войны (1950–1953) советской цензуре вменялось в обязанность обращать внимание на тип бумаги для письма, наличие особых надписей или иероглифов, поскольку это свидетельствовало об иностранном происхождении бумаги. Из тех же соображений категорически запрещалось пересылать в конвертах платочки, косынки или открытки зарубежной печати. Это расценивалось не иначе как разглашение государственной тайны, а применение условности в переписке – как еще одно тяжкое прегрешение. Такие авторы попадали в «оперативную разработку», а сами письма конфисковывались или сокращались путем вымарывания нежелательного текста.

Однажды работник МГБ обратил внимание на следующую фразу в письме: «Когда внимательно прочтешь мое письмо, тогда многое обо мне узнаешь». В письме не было никаких сведений, на которые стоило бы обратить внимание, тем не менее его направили на лабораторную проверку. Химический анализ выявил наличие незамысловатой тайнописи. Ее чтение требовало просто смочить лист письма, тогда на нем и проступал текст. Между отправителем и получателем существовала предварительная договоренность об этой хитрости, считавшейся в СССР преступлением[186].

Периодически производилась проверка всей корреспонденции определенного городского или сельского района, людей одной профессии. На основе обнаруженных материалов составлялись специальные тематические обобщения. В одних случаях это касалось работы колхозов или учреждений, в других – промышленных предприятий, кооперативных артелей, учебных заведений, учреждений здравоохранения или общественных организаций. Отдельная информация закрытого характера готовилась для ЦК КПБ и областных комитетов партии. Однако даже первые лица в партийных инстанциях не имели представления, каким путем были получены эти сведения.

Особого внимания заслуживали письма, заявления, жалобы, доносы в адрес ЦК КПСС и КПБ, Совета Министров, Верховного Совета СССР и БССР, в редакции центральных периодических изданий, письма без авторства, или «анонимки», якобы порочившие советский общественный и государственный строй или искажавшие советскую действительность. Представители службы безопасности регулярно посещали отделы писем редакций газет и журналов, где их ждали заранее подобранные обращения доверчивых граждан[187].

---

[186] Леопольд Авзегер. *Черный кабинет*. Записки тайного цензора МГБ. Тель-Авив, 1990. С. 50.

[187] См., например: О высказываниях населения по поводу материальных трудностей: Спецсообщение начальника Управления МГБ по Минской области А.П. Максименко – В.И. Козлову, секретарю Минского ОК КП(б)Б, от 27 июня 1947 г. // Государственный архив Минской области, ф. 1-п, оп. 2, д. 203, лл. 184-187.

Отобранные письма передавались старшему группы «Списки». Если фамилия автора уже фигурировала в картотеке, то им занимались оперативные сотрудники. Автора искали и, как правило, находили по почерку. Этим занимались сотрудники, прошедшие курс специальной подготовки в области почерковедения[188]. Они обладали отменной памятью и ревностно исполняли порученное дело. Анонимщиков нередко разоблачали мелочи. Опытные криминалисты без труда определяли индивидуальность почерка, присущего разным лицам, видели *динамическую устойчивость* (стереотипность действий, совершаемых при письме автором исследуемого текста). Почерковедческая экспертиза устанавливала исполнителя рукописи, называла *диагностические* (сведения о личности писавшего) и *ситуационные* (условия выполнения текста, в том числе умышленное изменение почерка) признаки. Этому помогала степень развития грамматических навыков письма (частота орфографических и пунктуационных ошибок). В тексте письма играли роль также *топографические* детали – размещение самостоятельных фрагментов (заголовки, обращения, даты, подписи, резолюции) относительно основного текста и краев листа, размеры и форма полей, красной строки, размер интервалов между строчками и словами, размещение линии письма относительно графления листа, знаков препинания, положение знака переноса слов и др. Можно утверждать, что письменная цензура в СССР была доведена до совершенства, граничившего с искусством.

Как выглядела технология перлюстрации? Для вскрытия конверта применялась особая посуда из нержавеющей стали, заказанная в специализированных мастерских МГБ. Приступая к работе, сотрудник, читавший «материал», уже находил на своем столе вскрытые письма. Держать на столе одновременно какие-либо посторонние предметы запрещалось. Особое значение придавалось чистоте рабочего места, чтобы не оставались следы, в том числе видимые отпечатки пальцев. При извлечении вложения из конверта необходимо было обратить внимание на то, чтобы после проверки положить все в конверт в том же порядке, на штамп гашения марок, следы клея на клапанах, на оттиски вложения после написания адреса отправителем, на помарки после парового вскрытия и т. п.

Как правило, невооруженным глазом трудно было обнаружить признак постороннего вмешательства. Перлюстрация одного письма занимала от двух до четырех минут. В это время никто не имел права отвлекать сотрудника от работы. Опытный специалист быстро определял, чье письмо у него в руках – школьника, пенсионера, мужчины или женщины. Вложение из конверта вынимали осторожно, чтобы ничего не выпало, особенно небольшие фотографии. На основании первичных наблюдений становилось ясно, заслуживает ли письмо серьезного

---

[188] Почерковедение – раздел криминалистики, изучающий развитие письменно-двигательных навыков человека, разрабатывающий методы исследования почерка в целях решения задач судебно-почерковедческой экспертизы.

внимания или достаточно бегло пробежать его глазами. Большинство писем возвращали на почтамт. Адресат получал письмо, не подозревая, что оно прошло через столько рук и читалось множеством пытливых глаз. Другая, меньшая часть писем исчезала бесследно. Об участи их авторов или адресатов можно догадываться.

Беспрепятственно пропускались письма семейного, бытового, дружеского, интимного содержания, а также разные сведения, пересказанные из советской печати или радиопередач. Инструкция требовала конфисковать сообщения об авариях и катастрофах, эпидемиях, пожарах и стихийных бедствиях, депортациях, массовой смертности, низком жизненном уровне советских людей или с восхвалениями западного образа жизни, религиозную пропаганду и др. Большинство советских граждан прекрасно сознавали, о чем следует умолчать. Если несчастные люди все же делились с друзьями, родственниками, знакомыми всем наболевшим, то это был крик отчаяния.

Недовольство населения государственным и партийным руководством прорывалось в письмах. В них чаще всего говорилось о низком уровне жизни, огромных очередях в продуктовых магазинах, отсутствии необходимых товаров, о фактах бесхозяйственности, высокой стоимости жизни, проявлениях антисемитизма, приписках, дутых рекордах и снижении норм выработки, неоправданных простоях на производстве, хищениях государственной собственности, пьянстве, вопиющем неравенстве между рабочими и колхозниками, с одной стороны, и их начальством – с другой[189]. Встречались письма с выражением вражды и ненависти к советскому строю, к Коммунистической партии. Неприкрытое отчаяние звучало в письмах колхозников, доведенных до нищеты. Они как зеркало отражали настроение деревни – озлобленность, ненависть, страх и растерянность. Колхозники писали не только о личных бедах и страданиях, но и в целом об убожестве колхозной деревни. Открыто признавались, что колхозный труд не обеспечивает прожиточного минимума. Жалобы на председателей колхозов были повседневным явлением. Подобные письма квалифицировались как антисоветские или антиколхозные, и на их основании составлялись специальные сообщения доверительного характера для всех ветвей власти.

Жители БССР, догадываясь о наличии письменной цензуры, стремились ее обойти, насколько это было возможно. Некоторые считали, что достаточно бросить письмо в почтовый ящик в другом городе или области через кого-то из знакомых, однако тайная цензура предусмотрела и такой вариант. Подобную корреспонденцию отслеживали и, если в ней содержалось то, что представляло интерес, возвращали в отделение МГБ по месту жительства автора с сопроводительным письмом. Другие посылали письма с вымышленными адресами отправителей,

[189] Марк Штейнберг. *Русский базар:* Еженед. газ. русскояз. общины Нью-Йорка. 2006. № 37(543). 14–20 сент.

полагая, что таким путем все следы будут заметены, а получатель по почерку, по содержанию сам догадается, от кого оно. Однако группа «Списки» перехватывала такое послание и по особенностям почерка автора письма определяла, исходит ли оно от человека, находящегося «под колпаком».

Особо тщательной проверке подвергалась международная корреспонденция. Все почтовые отправления, поступавшие из-за границы или предназначенные за рубеж, регистрировали, вскрывали, тщательно проверяли и даже подвергали химической обработке. Считалось, что здесь наиболее вероятно прохождение всевозможной тайнописи и шифровок[190]. На учет были взяты все без исключения лица, ведшие переписку с заграницей. На каждого корреспондента заводилось наблюдательное дело немедленно после получения первого заграничного письма. Ничто не должно было помешать проверке писем, даже сургучная печать. Это было связано с тем, что после вскрытия письма нужно было изготовить новую печать, которой потом запечатывали конверт. В случае необходимости копию ее заказывали в мастерских МГБ. Со старой печати делали восковой слепок, по которому готовили гипсовую форму. С гипса снимался свинцовый негатив, и по нему делалась поддельная печать.

Отдельно заводились наблюдательные дела на тех, кто переписывался с корреспондентами из стран «народной демократии»[191] и капиталистических государств. Конфисковались не все письма, но прохождение каждого из них обязательно отмечалось в досье с указанием даты, новых связей, степени родства и других сведений. Негласное изъятие писем происходило безнаказанно, поскольку в то время СССР еще не являлся членом *Всемирного почтового союза*[192].

Вскрытие писем осуществлялось под предлогом борьбы с контрабандной филателией. Международный обмен марками считается монополией государства, и, согласно правилам таможни, пересылка негашеных почтовых марок внутри конвертов была запрещена. Однако филателисты часто нарушают это правило, посылая марки в обычных конвертах под видом частного письма. Иногда такое письмо приходило обратно. Вместо марок был вложен акт о конфискации содержимого как объекта контрабанды. Подобные уловки помогали скрыть факт перлюстрации, поскольку это уже не считалось нарушением тайны переписки

---

[190] М. Чолдин. *Цензура иностранной книги в России и Советском Союзе*: Каталог выставки. М., 1993.

[191] Страны народной демократии – форма политической организации общества, сложившаяся после Второй мировой войны в ряде стран Европы и Азии (Албании, Болгарии, Венгрии, Вьетнаме, ГДР, Китае, КНДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии) как промежуточный этап при переходе от «буржуазной» демократии к «социалистической» государственности.

[192] СССР стал членом Всемирного почтового союза только в февр. 1959 г.; Устав отечественной почтовой службы предусматривал компенсацию за утрату международного заказного письма в размере 7 руб. 35 коп., что в 15 раз больше, чем аналогичная потеря внутри страны.

под тем предлогом, что содержание частных писем таможенников не интересует. В связи с этим действовало правило, согласно которому служащий почты, принимавший для отправки внутренние и международные бандероли, только перевязывал их веревкой, но не заклеивал.

Таможня и «черный кабинет» не сотрудничали между собой, чтобы не нарушить секретность перлюстрации. Таможенники действовали открыто и на законном основании, они уведомляли об изъятии, иначе почтовое отправление считалось «пропавшим» и за него полагалась компенсация. Сокрытие конфискации влекло за собой потерю доверия к почте, а это подрывало основы деятельности тайной цензуры и приводило к утрате информации путем перлюстрации. Еще одна уловка, которой пользовались, чтобы скрыть следы пропажи корреспонденции, была стандартная отговорка: «Утеряно при пересылке к месту назначения». Это означало, что письмо было отправлено, но не дошло до адресата на территории иностранного государства, где проверка невозможна. Если человек жаловался, ему полагалась компенсация, и дело закрывалось.

Существовал обширный «Перечень требований к пересылаемой корреспонденции». Письма за рубеж не должны были содержать сведения, прямо или косвенно подрывающие авторитет советского государства. И, наоборот, из-за границы в республику запрещалось пропускать письменное выражение нежелательных взглядов. После тщательного отсеивания за рубеж попадали исключительно светлые, оптимистичные сообщения. В инструкции содержалось предписание о том, что писать за границу: в СССР прекрасная жизнь, люди *всем* довольны, они обеспечены, ни в чем не нуждаются и ничего не просят[193].

Письмо, прежде всего, оценивали с «политической» стороны. Изымались не только «антисоветские» послания, где авторы осторожно пытались рассказать правду о своей жизни, но и совершенно невинные письма сугубо личного содержания. Вместе с тем количество изъятий было ограничено. «Черные кабинеты» не имели полномочий на конфискацию писем, так как это грозило их собственным обнаружением, что допустить было нельзя, поскольку это подрывало легитимность власти.

Советский гражданин, например, просил прислать икону или талес[194]. Нельзя было поощрять поступление предметов религиозного культа, и такое письмо изымалось. Другой корреспондент просил американского родственника о материальной помощи. Это расценивалось как свидетельство низкого уровня жизни в стране победившего социализма, и письмо тоже уничтожали. Не пропускались письма с фотографиями. По внешнему облику, одежде, выражению лица нетрудно было догадаться, как живется в Советском Союзе. Исходя из этого, любая фотография, на которой были запечатлены граждане с грустными

[193] Леопольд Авзегер. *Черный кабинет*... С. 159–163.

[194] Талес, или талит (также *таллит*, ивр. טַלִּית) – молитвенное покрывало в иудаизме.

физиономиями, рабочие в фуфайках, подлежала конфискации. Одновременно принимались меры, чтобы в страну не просачивались сведения о жизни рабочих и служащих за рубежом, чтобы избежать нежелательного сравнения. Независимо от содержания конфисковались все письма, написанные спецпереселенцами, репрессированными, ссыльными, заключенными, которые были лишены права на переписку с заграницей.

Многие граждане проявляли находчивость и изобретательность, чтобы обойти цензуру. Внешне в подобном письме все выглядело пристойно: жилось советским людям прекрасно, они превозносили власть, давшую им счастье свободного труда, но в конце письма вдруг содержалась просьба… прислать посылочку.

Люди справедливо опасались вести личную переписку с родственниками за границей и часто прибегали к услугам третьих лиц, чаще всего пенсионеров, которым уже нечего было терять. Переписка с Израилем была проблематична. Письма на израильский адрес нередко изымались, а сведения об авторах попадали в картотеку МГБ. Советские евреи, чтобы обойти цензуру, прибегали к помощи посредников, проживавших в странах «народной демократии». Один знакомый нашей семьи уехал из СССР в Польшу, а затем в Израиль. Он хотел продолжить переписку с другом детства, который состоял в рядах КПСС и успешно продвигался по служебной лестнице. Перед выездом из Минска в Польшу он надписал своей рукой конверты и оставил сестре. Она, получая из Израиля письма, вынимала листки, адресованные товарищу детства, вкладывала их в заранее надписанные братом конверты и опускала в почтовый ящик. Таким путем переписка продолжалась больше года[195]. Подобных случаев было немало.

Преступлением считалась самая невинная связь корреспондента с капиталистическим миром независимо от национальности или социального происхождения. «Имеются ли родственники за границей?» – обязательный пункт во всех советских анкетах, заполнение которых было необходимым условием при приеме на учебу, работу или при продвижении по службе. Тем не менее находились смельчаки, признававшие такое родство. Такие граждане немедленно брались на учет. Еще хуже приходилось тому, кто утаивал родство, а тайное становилось явным. За сокрытие биографических данных исключали из рядов КПСС или увольняли с работы.

Стараясь жить в мире с властями, люди писали хвалебные письма. Однако ясно, что как бы человек ни хвалил замечательную жизнь в стране Советов, только факт, что его семья из семи человек проживает в одной комнате, раскрывал истинное положение вещей.

Письма отражали каждую идеологическую кампанию режима. В 1953 г. почти не было письма, в котором не упоминалось бы о деле еврейских врачей и их «преступных» диагнозах в лечении дорогих вождей. Оскорбления, злорадство,

[195] Архив автора.

наивный или наигранный гнев, возмущение, злопыхательство не имели границ. Авторы многих писем призывали сослать всех без исключения «жидов» в Биробиджан, «где им всем место», или даже призывали к физической расправе, чтобы «доделать то, что не успел завершить Гитлер». Более «гуманные» ограничивались требованиями отказать евреям в доверии, не назначать на ответственные должности как мошенников, спекулянтов и воров. Постоянно упоминалось, что в годы войны евреи воевали «на пятом Украинском фронте» (не существовавшем), отсиживались в «благополучных» городах и селах Средней Азии, тогда как русские, украинцы и другие «кровь за них проливали»[196].

Только изредка попадались послания иного сорта. Их авторы не предъявляли евреям никаких претензий, хотя не выражали и симпатий, чувствуя, что всякая солидарность с «убийцами в белых халатах» чревата опасностью. Зато об их подлинных настроениях говорили строки, где выражалось недовольство тем, что после рабочего дня их насильно гонят на собрания и митинги, где они должны, вместе со всем коллективом, выражать возмущение наглыми действиями сионистов, клеймить позором «зарвавшихся евреев».

Писем, выражающих сочувствие опальному еврейскому народу, было не так много. Для «оперативной разработки» было велено отправлять не «меморандумы» откровенных антисемитов, а заявления немногочисленных «протестантов», которые выражали сомнение в целесообразности проводимой кампании. Цензуре было дано указание считать письма с осуждением врачей-«заговорщиков» патриотическими и выражающими точку зрения партии и правительства.

Военные «секреты»

Изменение геополитического положения Белорусской ССР после окончания войны сказалось на соблюдении режима секретности. Если до начала немецкой агрессии территория республики граничила с капиталистическим окружением Советского Союза, то после 1945 г. она стала внутренним регионом «мирового социалистического содружества». В БССР было развернуто строительство объектов тяжелой промышленности двойного назначения – обеспечивавшего как гражданские, так и оборонные нужды, в том числе военно-промышленного комплекса.

Активизации цензуры содействовала сложная обстановка в западных регионах Белоруссии, где оставалось вооруженное подполье, состоявшее из нацистских по-

---

[196] L. Smilovitsky. «Belorussian Jewry and the Doctors' Plot» // *East European Jewish Affairs*. 1997. Vol. 27(2). P. 39–53. См.: http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/doctors_plot.htm; L.Smilovitsky. «The Non-Jewish Reaction to the "Doctors' Plot" in Belorussia: In the Light of New Documents (January–March 1953)» // *Shvut*. 2000. № 9(25). P. 67–92.

собников и участников формирований Армии Крайовой. Они находили поддержку у определенной части населения, недовольного политикой коллективизации и запретом на частную собственность.

Украинские националисты считали юг Брестской области частью независимой Украины. В ожидании советско-американского конфликта тысячи людей находились на нелегальном положении: одни опасались наказания за сотрудничество с немцами, другие стремились избежать мобилизации в Советскую армию. Все это питало белорусское антикоммунистическое подполье. Жертвами антисоветских групп становились в первую очередь партийные и комсомольские активисты, административные работники, военнослужащие, учителя и врачи[197].

Ситуация в Западной Белоруссии настолько беспокоила общесоюзное руководство, что обусловила принятие специальных решений[198]. С 1945 по 1948 г. Брестская, Гродненская, Молодечненская и западная часть Полоцкой области фактически находились на военном положении[199]. Только за два с половиной года (июль 1944 – декабрь 1946 г.) органы госбезопасности БССР ликвидировали здесь 814 вооруженных отрядов и подпольных групп (всего 37 тыс. чел.), в том числе 667 польских, 97 белорусских, 23 украинских, 27 других. Положение в Западной Белоруссии нормализовалось только к середине 50-х гг.[200]

Цензура засекречивала любые сведения или намеки на дислокацию воинских частей, их наименование, род войск, количество подготовленных специалистов через систему ДОСАРМ[201] и даже отделов пожарной охраны. Причем речь не шла о шпионаже – указании сведений о военнослужащих (возраст, состояние здоровья, место призыва, образовательный уровень, отсутствие уголовного прошлого и т. д.), характера вооружения, планов учений, уровня боеготовности и пр. Подобной секретности требовал советский военно-промышленный комплекс, интересы которого ставились превыше всего[202].

Как правило, большинство подпадавших под запрет сведений представляли собой мнимую тайну. По образному выражению Уинстона Черчилля, в Советской

---

[197] І. Кашталян. «Уплыў рэпрэсіўнага фактару палітыкі савецкай улады на штодзённае жыццё насельніцтва Заходняй Беларусі (1944–1950 гг.)» // *Веснік БДУ*. 2004. № 1. С. 13–18.

[198] О политической работе партийных организаций среди населения западных областей БССР: Постановление ЦК ВКП(б) от 20 янв. 1945 г. // НАРБ, ф. 4-п., оп. 61, д. 119, лл. 15-16.

[199] О результатах операций по очистке западных областей БССР от антисоветского националистического подполья: Спецдонесение Л.П. Берии, И.В. Сталину, В.М. Молотову и Г.М. Маленкову от 22 февр. 1945 г. // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 93, лл. 45-53.

[200] См. подробнее: И.А. Валаханович. *Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг.* Минск, 2002.

[201] ДОСАРМ – Всесоюзное добровольное общество содействия армии СССР – существовало в 1948–1951 гг.

[202] См. подробнее: Н.С. Симонов. *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления*. М., 1996.

России было «все запрещено, а то, что разрешено, то обязательно». Секреты, от которых цензоры избавляли читателя, были известны каждому мальчишке, живущему вблизи аэродрома, воинских частей, заводов и т. д. Несмотря на это, каждый раз редакциям приходилось доказывать цензуре, что военные объекты в художественных произведениях не что иное, как авторский вымысел.

Уже в первом послевоенном отчете (1945 г.) Главлит БССР сообщал, что за три месяца было сделано 126 купюр по всем видам печатной продукции. Из них о дислокации частей Советской армии и флота – 8, о транспорте – 19, оборонной промышленности – 39, а по остальным разделам «Перечня Главлита», политическим и идеологическим вопросам – 60[203].

Летом 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату секретных документов». Гражданским лицам это грозило наказанием от 8 до 12 лет заключения в исправительно трудовом лагере, а за разглашение сведений военного характера – от 10 до 20 лет, при условии, что эти действия не подпадали под определение «измена Родине» или «шпионаж»[204].

С 1 сентября 1947 г. по 1 июля 1948 г. цензоры обнаружили 256 нарушений секретности (прежде всего, в Брестской, Барановичской и Гродненской областях). Из них случаи несоблюдения военной тайны составили 99 эпизодов, или 38,7%[205]. Содержание, характер и форма таких «секретов» свидетельствовали, что режим, образно говоря, боялся собственной тени. Газета «Ленинец» Высоковского района Брестской области допустила упоминание дислокации войск МВД. Газета «Молот» Климовичского района обнародовала номера полевой почты воинских частей[206]. Из журнала «Полымя» была изъята художественная повесть А. Алешко «Дружба», героями которой оказались летчики реактивной авиации. Из подобных соображений не был разрешен к набору роман А. Иванова «На Дальнем Востоке»[207].

Порой под запрет попадала информация, секретность которой трудно было предугадать. В октябре 1947 г. Главлит БССР пожаловался в ЦК КП(б)Б, что БелТА без визы цензора разослало сообщение о начале в Бобруйске процесса по делу о злодеяниях, совершенных нацистами и их пособниками в годы войны. Это сообщение было напечатано в 26 газетах. В вину БелТА была поставлена также передача в прессу Указа Президиума Верховного Совета БССР о составе областных избирательных комиссий, где были перечислены представители от воинских частей[208].

---

[203] Отчет Главлита БССР за 1-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 16.

[204] *Известия*. 1947. 10 июня.

[205] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 44.

[206] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой № 165 от 6 окт. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 30-32.

[207] Отчет Главлита за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 2-5.

[208] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 43.

Зимой 1947 г. Ф.И. Дадиомова докладывала в ЦК КП(б)Б, что накануне избирательной кампании в дополнение к существовавшим директивам по цензуре в республику поступило два приказа Главлита СССР о предупреждении публикации сведений, прямо или косвенно раскрывающих присутствие военных объектов в БССР, за исключением Минска как столицы союзной республики и месторасположения штаба Белорусского военного округа. Соответствующие письменные указания немедленно были разосланы на места. Несмотря на это, позднее было отмечено 34 случая, которые прямо или косвенно указывали места дислокации воинских частей. Чаще всего нарушения допускали районные газеты. Восемь таких эпизодов имели место в Бобруйской области, по четыре – в Могилевской, Барановичской и Гомельской, по три – в Гродненской, Брестской, Полоцкой и Минской областях[209].

В 1948 г. приводились новые примеры разглашения «военных секретов». В информации, подготовленной для партийных инстанций, Главлит сообщал, что в газеты четырех районов Гомельской области «просочились» сведения о количестве подготовленных специалистов ДОСАРМ[210]. То же самое отмечалось по Гродненской области (Волковысский район), Могилевской (Белыничский район) и Минской области (Стародорожский, Старобинский и Гресский районы)[211].

Главлит БССР требовал повысить оперативность последующего контроля, не оставляя без внимания ни одного случая разглашения не подлежащих открытой публикации сведений. Карточки донесений по всем наиболее существенным нарушениям нужно было высылать на второй день после их обнаружения[212]. Цензор Брук допустила в газете «Советская Белоруссия» 22 октября 1949 г. публикацию фамилии генерал-лейтенанта Попеля[213], а 8 октября 1949 г. в «Чырвонай змене» – информацию о строительстве в БССР шарикоподшипникового завода, за что на Брук наложили строгое административное взыскание[214].

Наряду с этим существовали необоснованные вмешательства цензуры. В 1947 г. широкую огласку получил случай, когда начальник Полесского облита А. Рябая

---

[209] О случаях разглашения военной тайны областной и районной печати БССР: Письмо начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – Е. Бугаеву, секретарю ЦК КП(б)Б, от 27 февр. 1947 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 609, лл. 175-177.

[210] «Бальшавіцкая трыбуна» Миорского района Полоцкой области, «Сталінская праўда» Кличевского района Бобруйской области, «Сцяг перамогі» Плисского района Полоцкой области, «Зара Камуны» Речицкого района. См.: Письмо начальника Главлита БССР Ф.И Дадиомовой в ЦК КП(б)Б от 16 окт. 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 14, лл. 42-43.

[211] Отчет Главлита БССР за июль 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 31.

[212] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой № 165 от 7 окт. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 30-32.

[213] Николай Кириллович Попель (1901–1980) – генерал-лейтенант (1944 г.), автор книг, посвященных участию советских танковых войск в Великой Отечественной войне.

[214] Приказ № 216 по Главлиту БССР от 25 сент. 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 19, лл. 54-55.

в сообщении о встрече футбольных команд в Мозыре из фразы «на поле общества “Спартак” состоялась встреча с армейскими футболистами…» сняла слово «армейские», которое якобы косвенно раскрывало наличие в Мозыре воинской части. Однако армейская команда могла приехать из Куйбышева, Минска, откуда угодно, а не обязательно быть из Мозыря, и, следовательно, правка была неуместной[215]. Возросло количество необоснованных вычерков особенно в Полесской и Могилевской областях – 15 эпизодов за четыре месяца 1947 г. В связи с этим Главлит БССР предложил районным уполномоченным сдать зачет по знанию «Перечня Главлита», «Инструкций цензору» и «Сводных указаний по цензуре»[216]. Тем не менее полностью избежать неоправданных изъятий, связанных с военной тематикой, не удавалось даже при самом строгом контроле и в последующие годы[217].

Уровень военного психоза был понижен только после смерти Сталина, когда либерализация затронула и оборонную тематику. Были сняты надуманные запреты, представлявшие собой секрет Полишинеля. Начиная с 1955 г. отменялся порядок регистрации в органах Главлита материалов, разрешенных к печати военной цензурой. Сообщения о воинских частях и военных учреждениях, подготовленные военным цензором к изготовлению в гражданской типографии, принимались уже без регистрации в местном органе Главлита[218]. В 1956 г. Главлит разрешил все материалы по вопросам местной противовоздушной обороны, публикуемые гражданскими издательствами при условии, что они получили разрешение штаба министерства ПВО[219].

Помимо Главлита существовала цензура Генерального штаба Советской армии, где консультировали гражданских цензоров. Специальные требования предъявлялись к заводским многотиражным газетам, выходившим на оборонных предприятиях. Читатель мог прочитать такую газету и не понять, что завод производит: галоши или истребители? Если возникали проблемы с публикацией о неуставных отношениях, социальных проблемах военнослужащих, то из Главлита обращались в Главное политическое управление Советской армии (Главпур). Там был отдел печати, который редактировал и проверял газеты «Красная звезда», «Советский воин», «Военное обозрение» и еще два десятка других. В Минске при штабе Белорусского военного округа выходила газета «Во славу Родины». В министерстве внутренних дел были свои печатные издания: «Советская

[215] Информ. письмо № 4 Главлита БССР от 1 июня 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 19-21.

[216] Информ. письмо № 6 от 25 июня 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 24-25.

[217] В 1953 г. из 68 вычерков облита в Бобруйске семь признали необоснованными, в Пинске из 66 – одиннадцать, в Гродно из 64 – десять, в Барановичах из 66 – шесть, в Гомеле из 66 – четыре, в Бресте из 57 – пять, в Полоцке из 30 – четыре, в Могилеве из 68 – один, в Витебске из 42 – два, в Молодечно из 28 – два, из 13 вычерков Полесского облита – три.

[218] Приказ Главлита СССР от 25 янв. 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 36, л. 7.

[219] Приказ Главлита СССР от 14 дек. 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, л. 43.

милиция», «Пожарное дело», «На страже»[220], журнал для мест тюремного заключения «К новой жизни» (цензоры между собой прозвали его «солнце восходит и заходит»).

По оценке Михаила Нордштейна, корреспондента газеты «Во славу Родины», цензура выступала в роли конвоира: «шаг влево, шаг вправо – считается побег». Военные цензоры следили, какие воинские части, какое оружие разрешалось показывать и даже с какого расстояния. Нельзя было писать о чрезвычайных происшествиях, нарушениях штатной ситуации, авралах, неуставных отношениях, кражах среди военнослужащих, нарушениях морали, наличии химического оружия и т. д. Исключение составляли случаи проявления самоотверженности для исправления собственных ошибок как пример воинского долга. Если танкисты на учениях не проверили брод и чуть не утопили танк, а потом меняли двигатель, работая без сна и отдыха, но справились с задачей – писать разрешалось, но без упоминания о халатности, приведшей к ЧП. Причина и следствие не зависели друг от друга.

Журналисты были связаны условностями в критике начальствующего и командного состава. Окружной военной газете было позволено критиковать командира роты или офицера, равного ему по должности, но не выше. Центральной газете министерства обороны «Красной Звезде» – полковника, но не генерала. На упоминание в газете офицеров определенного ранга были наложены заранее оговоренные количественные ограничения. В течение одного года разрешалось упомянуть в публикациях определенное количество раз командиров рот, батарей, батальонов, дивизионов, полков, заместителей командира полка по политической части, начальников клубов и др. По мысли ответственных лиц из Генерального штаба, составлявших эти правила, подобный шаг мешал определить, сколько в военном округе имеется отдельных рот, батарей, батальонов, дивизионов и полков.

Скрупулезно подсчитывали, сколько с начала года было «раскрыто» тех или иных должностных лиц. Израсходовал военный журналист лимит раньше времени – выходи из положения как хочешь. Чаще всего применяли дежурный прием: «В роте (батальоне, части), где служит офицер Иванов (Петров, Сидоров)…» – и далее шло изложение факта или события. Порой это приводило к курьезу. Коллега Нордштейна, желая обозначить полк, в котором происходило описываемое им событие, написал: «В части, где служит офицер такой-то, запущена спортивно-массовая работа». Поименованный офицер оказался начальником продовольственного обеспечения полка и, разумеется, никакого отношения к спортивно-массовой работе не имел. Он прислал в редакцию возмущенное письмо: почему его ославили на весь Белорусский военный округ?[221]

---

[220] «На страже» – ведомственная газета МВД БССР, издается с нояб. 1931 г., ранее выходила под названием «На страже Октября»; подписка всех сотрудников милиции на газету обязательна.

[221] М.С. Нордштейн. *Рубиконы.* Крефельд–Минск, 2006. Кн. 1. С. 484.

Разрешение Главпура требовалось, когда снимали художественный кинофильм о войне, наряду с визами Комитета по кинематографии при Совете Министров республики, Союза кинематографистов БССР, отделов по культуре, агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б, а также политуправления Белорусского военного округа. Если все требования выполнялись, то ставили штамп: «Материалов, запрещенных к публикации военной цензурой, не содержится».

Сельское хозяйство

Большое внимание цензура уделяла проблемам деревни. Практически всем белорусским писателям, которые брались за освещение этой темы, трудно было угодить партийным идеологам.

За годы войны сельское хозяйство Белоруссии было отброшено далеко назад. Уменьшилось количество трудоспособных жителей, материально-техническая база колхозов была разрушена[222]. Работа легла на плечи женщин, подростков и пенсионеров. Почти все хозяйства оказались нерентабельными, а их производственные издержки непомерно большими. Плановые поставки сельскохозяйственной продукции осуществлялись по фиксированным ценам, поэтому колхозы были вынуждены продавать продукцию ниже себестоимости. Урожайность зерна с одного гектара не превышала 7–10 центнеров, материальная заинтересованность в результатах своего труда у колхозников отсутствовала.

Война и голод обнажили противоречия колхозно-совхозной системы, даже немногие относительно успешные общественные хозяйства оказались убыточными. Надежды большинства крестьянства на отмену колхозной системы после победы над Германией не оправдались. Наоборот, в ответ на бескорыстную помощь государству[223] деревня была «наказана» голодом 1946–1947 гг.[224] Из-за

---

[222] О состоянии сельского хозяйства в районах БССР, освобожденных от немецкой оккупации: Докладная записка первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко – Г.М. Маленкову, секретарю ЦК ВКП(б), от 19 дек. 1943 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 26, лл. 21-23. См.: *Освобожденная Беларусь*. Документы и материалы. Кн. 1 (сент. 1943 г. – дек. 1944 г.). Минск, 2004. С. 31–33.

[223] В годы войны, несмотря на все лишения, деревня давала стране необходимое количество сельскохозяйственной продукции, платила многочисленные налоги, а вместо денег получала облигации военного займа.

[224] Голода 1946–1947 гг. в СССР можно было избежать, поскольку государство располагало достаточными запасами зерна. Экспорт в эти годы составлял 5,7 млн т зерна, что на 2,1 млн т больше аналогичного показателя в 1939–1941 гг. Основная часть запасов не использовалась, зерно портилось на неприспособленных складах. Подробнее об этом см.: В.Ф. Зима. *Голод в СССР 1946–1947 годов: Происхождение и последствия*. М., 1996.

крайней дороговизны хлеба и расстройства личных подсобных хозяйств растущие налоги и пошлины не собирались. Недоимки оказали губительное воздействие на государственный бюджет страны. Правительство не видело иного выхода, кроме как в очередной раз повысить налоги и усилить правовую ответственность за несвоевременный расчет. Под предлогом укрепления дисциплины началось преследование колхозников, рабочих совхозов и единоличников. В народе это расценили как «второе раскулачивание».

На зарплату колхозникам полагались только средства после расчетов по поставкам государству за машины, отчислений на производственные нужды, выплаты по кредитам, что вызывало недовольство людей. В 1947 г. был утвержден обязательный минимум: 120 трудодней, поделенные на равные доли в период сельскохозяйственных работ. За невыполнение обязательного минимума по решению суда назначалось наказание до шести месяцев работы в колхозе с удержанием 25% зарплаты. В лучшем случае делалось предупреждение о выселении, когда колхознику давали три месяца на исправление.

Кроме того, колхозники поставляли государству продукты со своих приусадебных участков по ценам ниже рыночных. Каждое индивидуальное хозяйство, независимо от количества животных и птицы, должно было сдавать ежегодно 40–60 кг мяса, 120–280 литров молока, 30–150 яиц. За невыполнение налоговый инспектор мог конфисковать имущество колхозника. В 1952 г. за опоздание поставок мяса было описано имущество 127,3 тыс. хозяйств, а за просрочку поставок молока – 122,1 тыс. хозяйств БССР. Недовольство расценивалось как антисоветское настроение, и виновный мог получить тюремный срок[225]. Эту повинность отменили только в 1954 г.

Цензура внимательно следила, чтобы в печать не просочились любые отклики на поборы. Налог имел силу закона, а всякое сопротивление его уплате расценивалось как преступление. К государственным налогам относились сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный сбор (разрешение на ловлю рыбы), налог на лошадей единоличных хозяйств. Их дополняли многочисленные местные налоги: со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств (включая велосипеды), сбор с владельцев скота и налог со зрелищ. Почти каждая семья в сельской местности подвергалась *самообложению*[226], средства от которого предназначались для ремонта и прокладки дорог, строительства школ или больниц.

Сложная ситуация наблюдалась в западных областях республики, где после окончания войны возобновилась коллективизация сельского хозяйства.

---

[225] И. Кашталян. «Сельские трудодни» // *Аргументы и факты в Беларуси*: газ. 2007. № 15 (359). 11 апр.

[226] Самообложение считалось добровольным сбором, решение о котором принималось на общем собрании деревни и утверждалось в сельсовете.

Сначала она шла медленно, однако с конца 40-х гг. ей был придан массовый характер. Изменение прежних форм хозяйствования привело к недовольству среди крестьян. В ответ в начале 1949 г. из Западной Белоруссии выселили около 7 тыс. семей[227], имущество которых передали колхозам и государственным учреждениям. В 1952 г. по ходатайству секретаря ЦК КП(б)Б Н.С. Патоличева[228] в отдаленные районы Российской Федерации были высланы дополнительно 3 тыс. «кулаков»[229].

В результате численность коллективных хозяйств БССР удалось поднять с 5% в 1948 г. до 82% в 1950 г. Однако разрушение хозяйства единоличников повлекло за собой резкое уменьшение поступления продуктов сельского хозяйства на свободный рынок и по поставкам государству.

Выход из положения власти искали в укрупнении хозяйств, сносе хуторов и мелких деревень, а часть колхозов превратили в *совхозы*[230]. Крестьян спасали только личные приусадебные участки. Зимой они вырубали кустарник, покрывший за годы войны около трети сенокосов, весной и осенью по вспашке собирали камни, ровняли окопы, траншеи и блиндажи. Однако за использование приусадебного участка необходимо было платить налог с каждого плодового дерева, пчелиного улья, головы домашнего скота.

В 1948–1949 гг. вышли в свет ряд книг и брошюр по пропаганде колхозного строя в западных областях республики. Для партийных и советских работников, руководителей колхозов издавались информативные материалы и методические указания по советизации деревни[231]. Та часть материалов, которая была открыта для широкого доступа, игнорировала причинно-следственную связь систематических провалов в области сельского хозяйства. Издания для служебного пользования изобиловали критическими замечаниями и примерами, свидетельствами невыполнения планов и решений директивных органов. Однако и по ним нельзя было понять, почему политика советского государства

[227] В том числе 3100 «кулацких», 2600 «националистических», 638 «полицейских» и 635 «бандитских».

[228] Николай Семенович Патоличев (1908–1990) – государственный и партийный деятель; секретарь ЦК ВКП(б) в 1946–1947 гг., первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии в 1950–1956 гг.

[229] *История имперских отношений: белорусы и русские 1772–1991 гг.* / Сост. А. Тарас. Минск, 2008. С. 374.

[230] Совхоз – государственное сельскохозяйственное предприятие, где, в отличие от колхозов как добровольных кооперативных объединений крестьян, управление осуществлялось от имени государства, наемные работники получали фиксированную заработную плату в денежной форме, а не натуральную оплату продуктами в виде «трудодней», как в колхозах.

[231] Примерный «Устав сельскохозяйственной артели» был напечатан тиражом 55 тыс. экз., всего Белгосиздат выпустил в 1949 г. 10 книг и брошюр тиражом 140 тыс. экз. // ГАРФ, ф. 7201, оп. 80, д. 9, лл. 2-3, 25.

по увеличению сельскохозяйственной продукции и поднятию уровня жизни деревни обречена на провал.

Партийные органы требовали от Союза писателей БССР повернуться лицом к деревне, настраивать тружеников сельского хозяйства на достижения, которые неизбежно будут достигнуты, если следовать по начертанному пути. Все трудности и просчеты списывались на последствия войны. В романе А. Стаховича «Под мирным небом», рассказывавшем о восстановлении колхоза, главными героями были колхозники-коммунисты, незадолго до этого демобилизованные из армии. Однако в художественном отношении роман не выдерживал критики. Обращала на себя внимание поверхностность и схематичность в описании образов героев. Той же теме посвятил повесть «Веснянка» Т. Ходкевич. Несмотря на все усилия автора, повесть страдала недостатком художественных средств, излишней идеализацией, отходом от реальной действительности. Повесть В. Кравченко «Становление», посвященная осушению болот в Полесье после войны, отличалась надуманностью характеров и упрощением насущных проблем мелиорации.

Меньше возражений у цензуры вызвал сборник повестей И. Мележа «Горячий август», рассказы Я. Брыля «Лазунок» и А. Кулаковского «Сад». П. Бровка проявил незаурядные способности дипломата, чтобы обойти острые углы, – в поэме «Красный кут» (бел. «Красны кут») он показывает, как фронтовики, возвратившиеся в сожженный колхоз, становятся инициаторами восстановления деревни, в поэме «Хлеб» он поэтизирует тружеников «социалистического земледелия», а в стихах «Добры дзень, хлопцы», «Апошняя зямлянка», «Каваль» прославляет строителей новых сел, рассказывает о переселении в новые дома.

В отличие от П. Бровки, его младшие коллеги по писательскому цеху не справились с поставленной задачей. А. Белевича в связи с его поэмой «Суседзі» и М. Калачинского как автора поэмы «Сонца ў блакіцы» критиковали за то, что они не создали правдивые образы – колхозники у них примитивно мыслили и нелогично поступали. Эти недостатки объяснялись тем, что авторы оказались не в состоянии отобразить правду жизни художественными средствами[232]. В 1950 г. цензура подвергла критике роман З. Бондариной «Агроном». В основу произведения был положен сюжет, по которому Галина, молодая женщина-агроном, добровольно оставляет Академию наук в Минске и уезжает на работу в колхоз. Автора упрекали в том, что главная героиня уехала в деревню «без строго оформленной цели и неизвестно чем там занимается». Галина должна была стремиться не только помочь колхозу, но и «двигать» на селе науку. Особые нарекания вызвали образ секретаря райкома партии (интриган) и председателя

[232] Отражение труда советского народа в послевоенный период в белорусской советской литературе: Информ. справка, представленная секретарем Союза писателей БССР П.Н. Ковалевым М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии, от 7 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 22, лл. 86, 88.

колхоза (безвольный человек, который препятствует внедрению нового). От Бондариной потребовали переписать повесть так, чтобы раскрыть борьбу нового против старого, равняться на передовых, учиться жить – «догнать, обогнать и идти вперед дальше»[233].

За лучшей долей крестьяне бежали в города. Именно «убегали», потому что выезд на новое место жительства был возможен только при получении паспорта с разрешения руководства колхозов и сельсовета, которые не были в этом заинтересованы. Но поскольку для восстановления промышленности требовалось много рабочих рук, то на «нелегалов» из деревни смотрели сквозь пальцы…

Трудности в развитии аграрного сектора объяснялись не только последствиями войны. Существовал хронический дефицит людских, финансовых, технических источников для оказания помощи обнищавшей деревне. Основные ресурсы шли на восстановление городов, энергетики, тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. Все попытки сказать вслух о существующих проблемах считались нарушением государственной тайны. «Временные» трудности не должны были ставить под сомнение героический труд людей на восстановлении разрушенного хозяйства, сеять сомнения в правильности курса партии. Приукрашивание действительности было необходимым условием для того, чтобы цензура приняла произведение к печати. По выражению А.Т. Твардовского, литература занималась «подмалевыванием» жизни, построением незамысловатых сюжетов, в которые насильственно втискивались выдуманные истории, далекие от реальности[234].

Во второй половине 40-х гг. цензура сняла с печати роман Кузьмы Чорного «Бацькаўшчына» и его рассказ «Былінкавыя межы», так как в идейно-политическом отношении их посчитали вредными. Автора обвинили в том, что он показывал деревню убогой, подводил читателя к мысли о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция ничего не дала селу. Пострадал и драматург Андрей Макаенок. Главлитбел отреагировал на его пьесу «Каб людзі не журыліся», составив заключение, что в ней имеется ряд фактов, которые искажают советскую действительность. Цензуре не понравилось, как был показан райком партии, который не хотел помочь колхозникам. Пьеса была доработана автором, но увидела свет только в 1958 г.[235]

Совершенно недопустимым считалось обнародование закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и сырье. В 1945–1947 гг. в этом уличили газету «Сцяг перамогі» в Барановичской области, подобные «проступки» были обнаружены в Гродненской области. Редактору газеты «Красное знамя» Пружанского района поставили в вину то, что читателям сообщили нормы снабжения населе-

[233] Протокол заседания секции ССП БССР от 24 окт. 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 21, лл. 102-105.

[234] *Новый мир*. 1956. № 1. С. 6.

[235] Г. Ануфриев. *Титанический труд* (о работе цензора): Рукопись // Архив автора.

ния продуктами питания и товарами первой необходимости[236]. Начиная с 1948 г. цензоры отмечали, что подобные случаи в республике участились[237].

В августе 1948 г. Главлит СССР разослал в союзные республики директивное письмо «Об усилении цензуры сельскохозяйственной литературы»[238]. Предлагалось тщательно ознакомиться с опубликованными в «Правде» материалами сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина)[239] и идеями, высказанными Т.Д. Лысенко. Началась проверка всех находившихся в производстве книг, брошюр и журналов по вопросам биологических наук. Редакциям, издательствам и НИИ предлагалось предотвратить публикацию материалов, противоречащих *мичуринской биологии*[240]. Монополизм «народного академика» Лысенко имел трагические последствия и сопровождался уничтожением других научных школ, гонениями на ученых, нанес огромный ущерб отечественной генетике и биологии в целом.

Одновременно развернулась борьба с генетиками-морганистами[241]. Академик Антон Жебрак[242] лишился поста президента Академии наук БССР за публикацию в американском журнале «Science» статьи с критикой Т.Д. Лысенко и признанием недостатков биологической науки в СССР, что было расценено как «антипатрио-

---

[236] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой от 5 окт. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, лл. 30-32.

[237] Аналогичные нарушения цензура обнаружила в газетах «Перамога» Телехановского района Пинской области, «Гродненская праўда», «Сацыялістычны шлях» Ушачского района Полоцкой области, «Сацыялістычная вёска» Глусского района Бобруйской области, «Сталінскі прызыў» Зельвинского района Гродненской области, «Шлях сацыялізму» Жлобинского района Гомельской области и «Сталінскі шлях» Стрешинского района Гомельской области // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 14, л. 42.

[238] Циркуляр Главлита СССР № 13 от 23 авг. 1948 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 114, л. 29.

[239] Сессия ВАСХНИЛ (31 июля – 7 авг. 1948 г.), текст доклада Т.Д. Лысенко «О положении в советской биологической науке», прочитанный на сессии, предварительно правил И.В. Сталин.

[240] Мичуринская биология – лженаука о наследственности, изменчивости и видообразовании. Существовали практические рекомендации по ее административному внедрению.

[241] Томас Хант Морган (1866–1945) – американский биолог, один из основоположников генетики, иностранный член-корреспондент РАН (1923 г.) и иностранный почетный член АН СССР, президент Национальной АН США в 1927–1931 гг., лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1933 г.) за открытия, связанные с ролью хромосом в наследственности.

[242] Антон Романович Жебрак (1901–1965) – советский генетик и селекционер, академик АН БССР (1940 г.), избран президентом АН БССР в 1947 г., стажировался в Колумбийском университете (Нью-Йорк) у Л. Денна и в Калифорнийском технологическом институте у Т.Х. Моргана в 1930–1931 гг., заведующий кафедрой генетики растений МСХА им. К.А. Тимирязева в 1934–1948 гг.

тический поступок»[243]. Жебрака не спасло даже то, что, помимо научной, он вел большую общественную и партийную работу: заведовал отделом Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, а 1945 г. в составе делегации Белорусской ССР участвовал в подписании Устава ООН.

Осенью 1947 г. профессора А.Р. Жебрака подвергли унизительной процедуре *суда чести*[244] в большой аудитории Политехнического музея в Москве. Ученому вменили в вину забвение классовой борьбы в науке о наследственности и изменчивости живых организмов, в генетической науке и попытку опорочить своих оппонентов перед лицом зарубежной научной общественности. Жебраку объявили «общественный выговор», а газета «Правда» опубликовала его покаянное письмо[245].

Главлит БССР, руководствуясь полученными указаниями, возвратил План научно-исследовательских работ АН БССР на 1947 г., в котором якобы принижалась роль советской науки, тогда как «буржуазная» наука «идеализировалась и превозносилась», предпочтение отдавалось американским ученым как новаторам научных открытий. Например, в разделе IX Плана (тема № 24) отмечалось: «Скрещивание является сильнейшим приемом разведения животных, к сожалению, не полностью нами освоенных, американская животноводческая практика показывает громадную эффективность в промышленных и племенных стадах». В теме № 25 Плана в разделе об изучении активных методов вакцинации против бруцеллеза[246] сельскохозяйственных животных подчеркивалось, что американскими и французскими исследователями достигнуты большие успехи, тогда как в СССР эта задача еще не решена. Горецкому сельскохозяйственному институту цензура возвратила две монографии, в которых приводились ссылки на авторитетных зарубежных исследователей в сельскохозяйственной науке[247].

Весной 1949 г. цензура выдала разрешение Академии наук БССР на издание брошюры[248] тиражом 1500 экз. под названием «Навозная жижа в борьбе с мучни-

---

[243] A.R. Zhebrak. «Soviet Biology» // *Science*. 1945. Vol. 102. № 22649. P. 357–358; статья была предварительно согласована с секретарем ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым.

[244] 28 марта 1947 г. по инициативе Сталина было принято постановление СМ СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) о судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах в связи с антипатриотическими, антигосударственными и антиобщественными поступками руководящих работников и научных деятелей, если их действия или высказывания не подлежали наказанию в уголовном порядке // И. В. Сталин. *Сочинения* / Информ.-издат. центр «Союз». Тверь, 2006. Т. 18. С. 441–443.

[245] *Правда*. 1948. 15 авг.

[246] Бруцеллез – зоонозная инфекция, передающаяся от больных животных человеку, характеризуется множественным поражением организма человека.

[247] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, лл. 41-42.

[248] Приказ Главлита от 13 апр. 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 14, л. 80.

стой росой крыжовника»[249]. Ученым республики предстояло найти альтернативу хорошо зарекомендовавшей себя практике борьбы с вредителями, впервые предложенной в США[250]. Уничтожили тираж (500 экз.) брошюры Т.А. Вейса «О конструкции почвообрабатывающих и посевных машин», подготовленной издательством АН БССР. Никаких ошибок в брошюре цензоры не обнаружили. В данном случае Главлит исходил из так называемых политических соображений, поскольку автор будто бы восхвалял достижения агротехники капиталистических стран и царской России, «замалчивая» достижения Советского Союза в оснащении сельского хозяйства передовыми отечественными технологиями[251].

Вместе с тем общее состояние издательской деятельности в республике по освещению положения в сельском хозяйстве оставалось неутешительным. Из года в год повторялись разговоры о необходимости повысить урожайность зерновых и технических культур, продуктивность животноводства, решить продовольственную проблему, но ничего не менялось. Достижение урожайности в 16–18 центнеров зерновых культур с одного гектара считалось заоблачной мечтой. Панацею искали в пропаганде передового опыта и внедрении достижений науки, повышении агротехнических знаний колхозников и работников МТС. Госиздат БССР запланировал на 1950 г. десятки книг, брошюр и плакатов тиражом свыше 800 тыс. экз., посвященных сельскому хозяйству. Однако издательство не справилось с поставленной задачей (из 85 названий книг по плану было выпущено 67). В серии «Опыт работы передовиков сельского хозяйства», которая должна была печататься массовым тиражом, вышла только одна брошюра из шести[252]. Тематика предложенных публикаций тоже оставалась узкой. Почти не издавалась литература по вопросам экономики и организации крупного производства, механизации животноводства. Причина оказалась простой – недостаток рукописей. Мало что изменилось и в последующие годы. Директор Белгосиздата БССР З.П. Матузов в 1953 г. признавал систематическое невыполнение плана по выпуску литературы по сельскому хозяйству[253].

Цензура отвергла рукопись книги «Сельскохозяйственные выставки в Белоруссии», которая готовилась к изданию[254]. Материал в ней подавался сухо

---

[249] Мучнистая роса – грибковое заболевание растений, которое вызывается различными видами наружных паразитов – микроскопических грибов.

[250] Американский метод предусматривал опрыскивание пораженных растений до распускания листьев раствором железного купороса или бельевой соды.

[251] Информ. письмо Главлита БССР № 6 от 16 нояб. 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 14, л. 46.

[252] О работе Госиздата БССР в 1950 г. и задачах на 1951 г.: Доклад директора Госиздата БССР З.П. Матузова от 14 дек. 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, л. 11.

[253] Протокол пленарного заседания редакционного совета Белгосиздата от 1 нояб. 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, л. 157.

[254] Протокол заседания сельскохозяйственной секции Белгосиздата от 18 февр. 1953 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 203-206.

и схематично. О достижениях колхозной деревни было написано «устарелыми и застасканными штампами». Авторы вместо анализа ограничились общими цитатами. Главным недостатком было признано отсутствие отражения роли партийных организаций в борьбе за высокие показатели колхозной жизни.

В книге «Культура картофеля» цензура удалила сведения о потерях урожая от колорадского жука и фитофтороза[255]. Принимались во внимание и «политические» предлоги. Проверяющие обратили внимание, что в «Материалах конференции научно-исследовательских учреждений БССР» были помещены сведения о Беняковской опытной станции в Брестской области, которая работала на оккупированной территории с разрешения немецких властей[256].

Материалов, связанных с положением в деревне, которые не должны были попасть на глаза читателю и остановленных цензурой на каком-либо этапе, оказалось больше, чем таких же в других отраслях народного хозяйства. Рядовых граждан в той или иной степени, всех без исключения, волновали налоги, цены, доступность и качество продуктов питания, а государство – поставки хлеба и сельскохозяйственного сырья, лесоматериалов, состояние машинного парка, материальное обеспечение и пр.

Не спасли положение и бюрократические перестановки. В феврале 1947 г. три министерства: земледелия, технических культур и животноводства – объединили в Министерство сельского хозяйства БССР. Ожидаемого результата не было. В апреле 1953 г. министерство сельского хозяйства, министерство совхозов, министерство мелиорации, министерство лесного хозяйства, управление сельского и колхозного строительства, а также Управление по делам колхозов при Совете Министров БССР были слиты в одно Министерство сельского хозяйства и заготовок БССР. При нем открыли Главное управление сельскохозяйственной пропаганды (в него вошли управление обобщения передового опыта и науки, отдел массового обучения колхозных кадров, управление научно-исследовательских учреждений). Однако и это не принесло желаемого результата.

Хронический дефицит продовольствия, неспособность насытить рынок, отстроить сожженное жилье служили постоянным источником раздражения населения. Списывать все трудности на войну без конца было нельзя. Задача цензуры состояла в том, чтобы не позволить обнажить истинные причины отставания: отсутствие альтернативных форм собственности, колхозная система, силовой нажим, невозможность воспользоваться плодами своего труда и, как следствие этого, незаинтересованность производителя.

Крайняя чувствительность темы требовала повышенного внимания к любому произведению литературы, публицистики, газетной информации, радиопереда-

---

[255] Фитофтороз картофеля (картофельная гниль) – распространенное заболевание, которое вызывает поражение листьев и клубней.

[256] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 5.

чам, театру и кинематографу, затрагивавшим положение в сельском хозяйстве. Черно-белая палитра в оценке проблематики деревни исключала доверие между читателями, авторами и их заказчиками. Отсутствие гласности оставляло режим вне критики. Общее недовольство искусственно сдерживалось, нерешенные проблемы загонялись внутрь. Советское сельскохозяйственное производство оставалось убыточным, несмотря на то, что государство периодически списывало долги колхозов и совхозов. Кризис деревни ни для кого не был секретом, но обнаружить его следы в периодических изданиях, художественной литературе, научных исследованиях было невозможно – цензура хорошо справлялась со своей задачей.

Промышленность и строительство

Восстановительные работы начались осенью 1943 г., когда были освобождены первые восточные районы республики, и продолжались до начала 50-х гг. Общие материальные убытки, понесенные БССР, достигли 75 млрд руб., что в 35 раз превысило государственный бюджет республики за 1940 г.[257] Особенностью четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства БССР на 1946–1950 гг. стало, наряду с восстановлением разрушенного, создание новых отраслей производства. Объем капиталовложений в республике на четвертую пятилетку превысил затраты за три довоенные пятилетки вместе взятые.

Репарации из Германии и вывезенные трофеи позволили развернуть в Минске крупнейшие новостройки – автомобильный и тракторный заводы. В БССР было освоено производство тракторов, локомобилей, автоприцепов и велосипедов. Начали выпуск продукции Минский радиозавод, тонкосуконный комбинат, была восстановлена Белорусская гидроэлектростанция.

В 1946–1949 гг. заработали станкостроительные заводы в Гомеле и Витебске, Могилевский металлообрабатывающий комбинат, фабрики «КИМ» и «Знамя индустриализации» (Витебск), Гомельский завод сельскохозяйственного машиностроения («Гомсельмаш»). Вместе с тем промышленность республики целиком зависела от привозного сырья и комплектующих изделий. Несвоевременные поставки срывали выполнение производственных планов. Чрезмерная централизация препятствовала эффективному использованию производственных фондов. На многих предприятиях не хватало средств механизации и автоматизации. Передовая техника осваивалась плохо. Выпускаемая продукция часто не соответствовала современным техническим стандартам, преобладал ручной труд. При добыче торфа его доля составляла 50%, а в промышленном изготов-

[257] *Экономика Советской Белоруссии (1917–1967 гг.)*. Минск, 1967. С. 300–301.

лении строительных материалов – 80%[258]. Рабочие жили в палатках, уровень травматизма на производстве оставался высоким. Крайне тяжелые условия труда заставляли многих бросать предприятия и возвращаться в деревню. Все это считалось государственной тайной.

Цензура отвечала за то, чтобы любые конкретные сведения, связанные с восстановлением народного хозяйства, не просочились в печать. Так, в 1945 г. была задержана информация БелТА о восстановлении паровозного депо в Гродно и железнодорожного вокзала в Минске, о строительстве новых авторемонтных заводов в Борисове, Гомеле и шиноремонтного в Минске. В газете «Советская Белоруссия» цензоры сняли передовицу «Почему паровозное хозяйство спасовало перед зимой?», в то время как нужно было убрать только последний абзац с упоминанием конкретных станций и объектов, а статья в целом оставалась полезной[259]. С 1 сентября 1947 г. по 1 июля 1948 г. из 256 нарушений, обнаруженных цензорами, вопросы промышленности и транспорта составили 89 случаев, или 34,8%.

Запрещалось публиковать сведения в абсолютных цифрах. Редактор «Звязды» получил взыскание за то, что 1 мая 1947 г. газета сообщила, что завод «Перамога» в Волковыске выпустил сверх плана 500 т цемента[260]. Цензор предварительной цензуры Злотник разрешил к печати «Вестник БелТА», в котором были приведены данные о перевыполнении плана по ремонту вагонов в Лиде. Цензор Наливайко в «Чырвонай змене» от 18 октября 1949 г. пропустил сведения о наличии цеха шасси на Минском автомобильном заводе[261]. В 1953 г. «Советская Белоруссия» в заметке «На предприятиях Могилева» сообщила в абсолютных цифрах обязательства рабочих завода им. Куйбышева по выпуску продукции сверх плана[262].

Ничто не должно было прямо или косвенно раскрыть местоположение «закрытых» (связанных с нуждами обороны) предприятий, научных учреждений, конструкторских бюро, свидетельствовать об объемах и мощности производства. С этой целью были запрещены к публикации панорамные и перспективные фотоснимки. Нельзя было помещать изображение промышленных предприятий (даже гражданских), на которых виднелись дымовые трубы, и можно было их сосчитать. Предполагалось, что это косвенно раскрывает объемы выпускаемой промышленной продукции. Разрешалось писать о перевыполнении плана и выпуске дополнительной продукции, однако ни в коем случае нельзя было

---

[258] *Нарысы гісторыі Беларусі*. Мінск, 1995. Ч. 2. С. 330.

[259] Отчет Главлита БССР за 1-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 16.

[260] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой от 6 мая 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, л. 16.

[261] Приказ по Главлиту БССР от 25 сент. 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 19, лл. 54-55.

[262] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 6-7; *Советская Белоруссия*. 1953. 11 апр.

указывать конкретное время и количество сверхплановой продукции, якобы потому что можно было посчитать темпы работы (например, пять станков за пять дней…). Дело доходило до курьеза – закрывались сведения о себестоимости выпуска кирпича. В райком (горком, обком) цензоры докладывали о том, что такой-то автор привел сведения о кирпиче, составляющие государственную тайну.

Как секретные расценивались сведения о работе станкостроительного завода им. С.М. Кирова, радиозаводов, тракторного, автомобильного, других промышленных предприятий, вся информация, касавшаяся транспорта (железнодорожного, речного, автомобильного), гражданского воздушного флота, медицины, министерств финансов и внешней торговли.

Цензура изымала целые разделы из печатных изданий под предлогом охраны государственных секретов. Так случилось с книгой «Воссоединение белорусского народа в едином советском государстве», в которой было приведено общее количество тракторов, выпущенных в республике за 1950 г.[263] Посчитали, что поскольку в условиях войны тракторные предприятия легко переориентировать на выпуск танков, то указывать количество тракторов в открытой печати не следует.

Идеологический контроль касался всех направлений науки. «Буржуазными» были объявлены волновая механика, кибернетика, психоанализ. Одних ученых увольняли с работы и исключали из партии, других – подвергали административным взысканиям и понижали в должности. В Белорусской Академии наук гонениям подвергся не только академик Антон Жебрак[264], но и член-корреспондент АН БССР Александр Жирмунский[265] и действительный член АН БССР В.С. Немчинов[266]. Жирмунского осудили за выступление на Международном конгрессе геологов (1948 г.) на том основании, что советский ученый не имел права положительно оценивать достижения «буржуазной» науки. Академика Немчинова Президиум Академии наук БССР обвинил в том, что он защищал реакционные теории в области биологии и что его взгляды не отражают направления работы белорусских ученых, его даже назвали «бесплодной смоковницей»[267]. После этого доступ специалистов к иностранной технической литературе был резко ограничен[268].

---

263 Отчет Главлита БССР за 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 33, л. 26.

264 См. наст. изд-е, гл. 3. «Завеса секретности», раздел *Сельское хозяйство*.

265 Александр Матвеевич Жирмунский (1887–1970) – доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН БССР (1936 г.), профессор (1944 г.), заведующий кафедрой геологии БГУ, научный сотрудник Института геологических наук АН БССР в 1946–1949 гг.

266 Василий Сергеевич Немчинов (1894–1964) – один из основоположников экономико-математического направления советской науки, академик АН СССР (1946 г.), академик АН БССР (1940 г.), доктор экономических наук (1935 г.), профессор (1928 г.); награжден тремя орденами Ленина (1939, 1946, 1964 гг.), лауреат Сталинской премии (1946 г.).

267 Постановление Президиума АН БССР от 17 авг. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 551, лл. 154-157.

268 І. Кашталян. «Становішча інтэлігенцыі БССР у 1947–1953 гг.» (па матэрыялах Асобага сектара ЦК КП(б)Б) // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2006. № 7. С. 28–32.

В 1949 г. в «Перечне Главлита» появился специальный раздел «Вопросы науки и техники», состоящий из четырех подразделов: атомная энергия, радиолокационная, реактивная техника, открытия и изобретения[269]. Тщательно скрывались подлинные названия и номера (адреса) так называемых *почтовых ящиков*[270], в том числе многочисленных научно-исследовательских институтов, работавших на оборону под тем или иным легальным прикрытием.

Особое внимание Главлит уделял научно-технической литературе. В разделе «Промышленность и государственное строительство» запрещалось публиковать сведения, излагающие суть изобретений, хотя бы и не относящихся к целям оборонного характера, способ их работы, особенности устройства, а также чертежи, фотоснимки и иные изображения. Ограничивалась, например, публикация материалов по технологии получения гуттаперчи из бересклета (каучуконоса) по методу инженера А.Б. Войновского, технологии и проектно-исследовательские работы по гидролизу древесины, получению из нее глицерина и т. д.

В «Перечне Главлита» был выделен подраздел «Вопросы технологии производства», в который вошло все, что имело отношение к ядерным разработкам. Рекомендация была лаконичной, но чрезвычайно строгой – «какие бы то ни было сведения о циклотронах» засекречены. Если в публикации упоминались открытия или изобретения, то обязательно требовалось предоставить акт экспертизы и патентное свидетельство из опасения, что советские технические секреты могут быть использованы за рубежом.

Большие хлопоты доставляла переделка географических карт. Многие города, объявленные «закрытыми», в которых велась разработка атомного, химического, бактериологического и другого секретного оружия, исчезли с географических карт или получили условные наименования: Арзамас-16[271], Челябинск-40[272] и др. Такие объекты скрывались за аббревиатурой ЗАТО[273]. Цензура следила за тем, чтобы географические названия, вплоть до островов и мысов (пролив Сергея

---

[269] О.К. Валитов. *Печать и цензура…* С. 53.

[270] Почтовый ящик – секретный объект народного хозяйства, выполняющий военные заказы или выпускающий продукцию двойного назначения.

[271] Арзамас-16 (Саров с 1995 г.) – город в Нижегородской области, население 88 тыс. чел. (в 2010 г.), в 1946 г. после размещения секретного объекта «КБ-11» получил статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) и назывался Арзамас-16 и Горький-130. В 1952 г. переименован в Кремлёв.

[272] Челябинск-40 (Озёрск с 1954 г.) – город в Челябинской области, население 86,5 тыс. чел. (в 2010 г.), имеет статус ЗАТО, первенец атомной промышленности, здесь создавался плутониевый заряд для атомной бомбы.

[273] ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование, в пределах которого находится какой-либо объект, для которого Указом Президиума Верховного Совета СССР был установлен особый режим государственной тайны.

Каменева, мыс Иосифа Уншлихта[274] и пр.), были в срочном порядке переименованы. Приходилось перепечатывать множество карт, атласов и других изданий, несмотря на то, что это обходилось дорого.

С учетом возрастающего значения охраны научно-технических секретов раздел «Наука и техника» поместили в «Перечне Главлита» на второе место, сразу после раздела «Вооруженные Силы СССР и оборона страны». Списки перечисленных в этом разделе проблем не были исчерпывающими, а приводились только для ориентирования цензоров в работе с текстами.

Органам цензуры становилось все труднее самостоятельно решать вопросы о целесообразности публикации тех или иных материалов в области науки и техники. С этой целью Главлит СССР в 1951 г. разослал «Инструкцию о порядке подготовки и издания министерствами и ведомствами открытых печатных произведений». Было принято постановление, что издающая организация самостоятельно или по требованию органов цензуры проводит специальную экспертизу. Излагался ее порядок и ставившиеся перед экспертами задачи[275]. Ведомственные перечни фиксировали свыше 100 научных и технических тем, публикация материалов которых была возможна только в изданиях «для служебного пользования».

Главлит считал, что рецензенты рассматривали предлагавшиеся им материалы слишком либерально и выдавали положительные заключения на работы, содержавшие сведения об изобретениях, на которые распространялся гриф «секретно», или не разрешенные к печати Комитетом по делам изобретений, а также имевшие приоритетное научное и народнохозяйственное значение. Это был вечный конфликт между развивающейся наукой и бюрократическими препонами в виде устаревших цензурных соображений. В результате такой политики большинство связей советских ученых с коллегами за рубежом оказались прерванными. За редким исключением, представители советской науки перестали принимать участие в международных конгрессах и симпозиумах, во много раз сократился научный обмен. Все это наносило огромный вред прежде всего советской науке.

Одновременно Главлит в закрытых отчетах ЦК Компартии Белоруссии признавал, что многие ограничения налагались необоснованно. В 1948 г. Брестский облит запретил издание «Справочника в помощь районным уполномоченным

---

[274] С. Каменев (1881–1936) – советский военный деятель. Один из организаторов Осоавиахима, много занимался освоением Арктики, осуществляя помощь итальянской экспедиции Умберто Нобиле и зажатому льдами «Челюскину». На волне чисток в РККА 1937–1939 гг. посмертно был обвинен в участии в «военно-фашистском заговоре»; И. Уншлихт – зам. председателя РВС СССР и заместитель наркома по военным и морским делам СССР в февр. 1925 – июне 1930 гг., начальник Главного управления Гражданского флота в 1933–1935 гг. Расстрелян в 1938 г. по делу «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии».

[275] О.К. Валитов. *Печать и цензура…* С. 54.

и инспекторам по организационному набору рабочих» вместо того чтобы изъять из текста небольшую часть. Безосновательно была снята с газетной полосы информация о восстановлении насосной станции в Витебской области: цензор руководствовался параграфом «Перечня Главлита» о строительстве крупных водопроводов, однако насосная станция, о которой шла речь, безусловно, таковым не являлась. В 1952 г. в книге «Архитектурный облик будущего Минска» подозрительным показалось описание благоустройства реки Свислочь, где подробно рассказывалось о строительстве водохранилища в 12 км от столицы республики. В сборнике «Ученые записки БГУ» за 1953 г. цензура удалила характеристику планировавшегося Витебского водохранилища, в брошюре «Самостоятельные туристские маршруты по БССР» – сведения о строительстве пристани в Бресте[276].

В условиях безраздельного господства государственного сектора не могло быть и речи о конкуренции, незаконном использовании информации, составляющей коммерческую тайну, для извлечения прибыли. Поэтому опасения раскрыть производственную тайну объяснялись только внешними обстоятельствами. Советский Союз негласно использовал достижения научно-технического прогресса капиталистических стран и поэтому долго отказывался от подписания Всемирной конвенции об авторском праве.

Цензура публикаций, посвященных объектам промышленности и строительства, в послевоенный период решала несколько задач одновременно. В категорию государственных секретов были включены проблематика восстановления объектов народного хозяйства, промышленности двойного (гражданского и военного) назначения, вопросы науки и техники, модернизация производства, железные дороги и водный транспорт, наземные коммуникации и инфраструктура. Широкое распространение получила закрытая тематика. Научные учреждения публиковали итоги своих разработок в межведомственных печатных изданиях с грифом «только для служебного пользования» или «секретно». Однако ссылаться на них в открытой научной литературе не разрешалось, что значительно ограничивало сферу применения этих разработок. По идеологическим соображениям цензура изолировала специалистов от заграничного опыта. Приемлемыми считались только достижения стран народной демократии. Страны Запада и США выставлялись потенциальным противником, и поэтому все, что от них исходило, воспринималось в негативном свете. Ограниченность такого подхода, политика двойного стандарта – для внутреннего пользования и «навынос», отказ от международной кооперации и сотрудничества обрекали страну на долгие годы отставания.

---

[276] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 6-7.

Здравоохранение

Цензурные запреты в области охраны здоровья не имели ничего общего с соблюдением *врачебной тайны*. Партийные комитеты и советские учреждения БССР были больше озабочены тем, как предупредить обнародование любой невыгодной им информации о состоянии здоровья населения, статистике заболеваемости, диагнозах, результатах, полученных при обследовании и лечении. Запрет распространялся также на всех лиц, которым эта информация стала известна, если это бросало тень на власти. Все недостатки медицинского обслуживания, отсутствие финансовых возможностей, недостаток врачей, лекарственных препаратов и больниц списывались на прошедшую войну.

В 1944 г. было проведено первое массовое санитарное обследование населения БССР, которым было охвачено три миллиона человек[277]. Главную угрозу представляли инфекционные заболевания[278]. Данные о рождаемости и смертности свидетельствовали об исключительном неблагополучии с приростом населения[279]. В конце 1945 г. в республике насчитывалось почти 600 больниц, в которых работали около 17 тыс. средних медицинских работников и врачей[280].

Окончание войны привело к увольнению из Советской армии многих молодых, недавно подготовленных медицинских работников. В связи с этим было принято решение о массовом перемещении медицинских кадров в сельскую местность, поскольку после войны только 20% сельских районных центров имели трех и более дипломированных врачей, а 40% – лишь одного[281]. Необходимых медицинских препаратов и оборудования не хватало, а «скорая помощь» не справлялась с потоком вызовов.

Много сил отнимала лечебно-профилактическая работа. Несмотря на подвижнический труд медиков, обеспечить высокий уровень медицинского об-

[277] *Седьмая сессия Верховного Совета БССР, 3–5 июля 1945 г.*: Стеногр. отчет. Минск, 1947. С. 91.

[278] О помощи населению освобожденных районов республики в ликвидации эпидемии сыпного тифа: Письмо первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко – В.М. Молотову, народному комиссару иностранных дел СССР, и Г.М. Маленкову, секретарю ЦК ВКП(б), от 1 февр. 1944 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 71, лл. 24-31.

[279] О детской заболеваемости и смертности в БССР: Докладная записка наркома здравоохранения БССР М.И. Коваленка, направленная П.К. Пономаренко, первому секретарю ЦК Компартии Белоруссии, и Н.В. Киселеву, члену ЦК ВКП(б), от 19 марта 1944 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 825, лл. 12-14.

[280] *Белорусская ССР за годы Советской власти*: Стат. сб. Минск, 1967. С. 366.

[281] К. Бартон. «Всеохватывающая помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945–1953 гг.» // *Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985 гг.* / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М., 2008. С. 178.

служивания населения не удавалось, поскольку финансирование здравоохранения по-прежнему строилось на остаточном принципе[282].

Обновление медицинского оборудования в клиниках шло медленно. За десять лет (1945–1955 гг.) расходы государственного бюджета БССР на охрану здоровья увеличились всего в 2,8, а сеть больничных учреждений – 1,5 раза[283]. Каждая десятая участковая больница и третья сельская амбулатория ютились в приспособленных помещениях. Санитарно-эпидемиологические лаборатории были оборудованы примитивно, станциям «скорой помощи» не хватало транспорта, горючего, аптекам – лекарств. Все это считалось закрытой информацией, доступной узкому кругу лиц. Цензура пропускала только рапорты об успехах, объясняя трудности и ошибки последствиями войны.

Главлит засекречивал даже сведения, которые необходимо было обнародовать срочно, в том числе о вспышках инфекционных заболеваний. В 1945 г. была запрещена Белрадиокомитету информация о совещании медицинских работников Холопеничского района[284] в связи с ликвидацией эпидемиологических очагов[285]. Понятно, что достоянием гласности не могли стать сведения о радиоактивном, лазерном и сверхвысокочастотном облучении. В книге «Третья сессия Верховного Совета БССР» цензура изъяла сообщение о том, что отсутствие водопровода в Барановичах угрожает распространением желудочно-кишечных заболеваний (загрязнение колодцев от канализации). В монографии профессора П.Н. Маслова «Диагностика и лечение кишечной непроходимости» цензура удалила таблицы, в которых был показан высокий процент смертности пациентов в ходе операций (до 60%). В книге профессора В.В. Бабука «Травматический шок и острые кровопотери» были удалены сведения о безрезультатном перенесении опытов на собаках в терапевтическую практику[286].

Особое отношение существовало в Главлите к научным публикациям, связанным с выполнением фундаментальных и прикладных исследований, разработкой новых препаратов и методикой их лечебно-профилактического использования для здравоохранения и ветеринарии. В республике за эти вопросы отвечал Институт физиологии АН БССР. По свидетельству доктора Марка Тайца[287], для опреде-

---

[282] *Здравоохранение Белоруссии.*1958. № 1. С. 10.

[283] *Народное хозяйство Белорусской ССР*. Минск, 1963. С. 305.

[284] Административно-территориальная единица в составе Минской области до 1960 г. В янв. 1960 г. Холопеничский район упразднен, а его территория разделена между Борисовским, Крупским и Лепельским районами.

[285] Отчет Главлита БССР за 1-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 24.

[286] Отчет Главлита за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 3.

[287] Запись беседы с Марком Тайцем, доктором биологических наук, заведующим межлабораторной группой Института физиологии АН БССР, в Иерусалиме от 5 июня 2011 г. // Архив автора.

ления действия ядов, радиации, биологических или механических воздействий на организм человека прибегали к опытам над животными. Если полученные результаты (вес, объем, площадь кожного покрова и др.) можно было экстраполировать на человека, то цензура требовала в обязательном порядке согласовать это с Министерством здравоохранения СССР[288]. В противном случае научные результаты публиковались только в «закрытых» специализированных журналах, доступных узкому кругу лиц. В то же время если в Институте генетики производили опыты на растениях, а не на млекопитающих, то разрешения из Москвы на публикацию не требовалось.

Цензура распространяла свою власть даже на художественные произведения, имевшие к медицине косвенное или отдаленное отношение. Летом 1948 г. ЦК КП(б)Б обрушился на журнал «Вожык», потребовав от редколлегии направить сатиру и юмор против низкопоклонства, воспитывать читателей в коммунистическом духе[289]. По следам этой критики в журнале «Вожык» появился стихотворный фельетон «Пенициллин» Д. Крышана (М. Лужанина). В нем авторы сборника «Клинические рецепты» (1947 г.) профессор Трусевич и доцент Коробко обвинялись в низкопоклонстве перед заграницей на том основании, что они ссылались в своих научных трудах на авторитет английского бактериолога А. Флеминга как изобретателя пенициллина и не обмолвились о вкладе русских ученых[290].

В 1949 г. из библиотек, книжных магазинов Белорусской ССР был изъят первый номер журнала «Звезда». Это было связано с публикацией повести Юрия Германа «Подполковник медицинской службы», положившей начало известному циклу произведений автора о врачах в годы Отечественной войны. Публикацию произведения прервали на втором номере, несмотря на обещанное продолжение. Вместо этого в журнале появилось письмо Германа, который каялся, что главный герой его повести доктор Левин целиком погружен в собственные страдания и это якобы создает неверную картину жизни советского военного госпиталя, а потому он не может быть положительным героем. Письмо Германа сопровождалось примечанием редакции журнала «Звезда», которая признавала свою ошибку и прерывала публикацию повести «Подполковник медицинской службы» до окончания ее коренной переработки. Алексей Герман, сын писателя, в интервью Льву Сидоровскому вспоминал, что в 1949 г. отца исключили из

---

[288] Третье управление Минздрава СССР (с 1947 г.) занималось изучением воздействия радиации, ядов, бактериологического и химического оружия на население, проводило исследования, связанные с жизнеобеспечением космонавтов в полетах.

[289] О журнале «Вожык»: Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 16 июля 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 58, лл. 11-12.

[290] Газета «Правда» 17 апр. 1948 г. сообщала, что приоритет открытия пенициллина принадлежит русской науке.

Союза писателей, имущество семьи описали, и они ожидали ареста[291]. Истинная причина прекращения публикации названной повести заключалась не в ущербности главного героя доктора Левина, а в кампании по борьбе с космополитами, охватившей страну в то время. Полностью повесть Германа была выпущена отдельным изданием только в 1956 г., где писателю позволили сохранить фамилию и отчество главного героя[292].

В январе 1952 г. цензор по медицинской литературе Главлита СССР Е. Филимонова прислала в ЦК партии замечания по второму тому «Опытов советской медицины в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.»[293]. Претензии вызвали данные о смертности по различным типам ранений[294]. Многотомное издание выходило массовым тиражом и предназначалось для распространения не только в Советском Союзе, но и за его пределами. С точки зрения бдительного сотрудника Главлита, приведенная статистика выставляла советскую отечественную медицинскую службу по сравнению с зарубежной в невыгодном свете[295].

В течение 1951–1952 гг. в печатных изданиях Министерства здравоохранения СССР, представленных на контроль Главлита, насчитывалось свыше 300 вмешательств. В книге Н.И. Орлова «Пищевые отравления и их профилактика» обнаружили слишком большое количество сведений о случаях отравлений, связанных с употреблением в пищу бромитов и цианитов, с летальным исходом. Возвратили верстку брошюры С.М. Громбаха «Материалы к истории санитарного просвещения в России в XVIII веке», подготовленную Институтом санитарного просвещения, по причине «неправильного» освещения действий помещиков и фабрикантов – оказывается, они проявляли заботу о здоровье наемных рабочих и членов их семей. Кроме того, истоками санитарного просвещения в России указаны «антинаучные» изыскания зарубежных авторов[296].

---

[291] Т. Львова. «К истории одного письма Ю.П. Германа» // *Нева*. 2002. № 11. С. 227–231; М.И. Левин. *Дни нашей жизни*: Книга о Юрии Германе и его друзьях. М., 1984. С. 324.

[292] Л. Сидоровский. *Когда я был журналистом*. СПб., 2001. С. 108.

[293] Энциклопедия насчитывала 35 томов (1949–1955 гг.). Первая часть «Хирургия» отражала опыт лечения осложнений после ранений; вторая часть «Терапия» – заболеваний внутренних органов и нервной системы, кожных и инфекционных болезней; третья часть «Эпидемиология и гигиена» обобщала опыт по противоэпидемическому обеспечению на фронте и в тылу; четвертая «Патология огнестрельной травмы» – осложнений, развивающихся на различных этапах эвакуации.

[294] На с. 227 (т. 2) приводились данные о смертельных исходах (достигавших 23,4%) при непроникающих ранениях позвоночника.

[295] О 2-м томе «Опытов советской медицины в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)»: Докладная записка цензора Главлита Е. Филимоновой от 25 янв. 1952 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 186, л. 116.

[296] Письмо начальника 9-го отдела Главлита СССР А. Блахтина в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС от 28 февр. 1953 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 206, лл. 71-75.

В журнале «Гигиена и санитария» в 1952 г. утверждалось, что распространению гриппа на швейных фабриках способствует большая плотность размещения основных производственных цехов, близкий контакт между работниками, обусловленный конвейерной системой организации производства[297]. Такая постановка вопроса, по заключению цензуры, объективно выступала против более совершенной техники, конвейерной системы и т. п.

Уже через год, в январе 1953 г., в связи с «делом врачей» из библиотек были изъяты и уничтожены труды видных советских медиков: Н.И. Виноградова, М.С. Вовси, А.М. Гринштейна, Б.Б. Когана, М.Б. Когана, Г.И. Майорова, А.И. Фельдмана, Я.Г. Эттингера. Такая же участь постигла книгу Е. Смирнова «Советские военные врачи в Отечественную войну» (М., 1945), в которой положительно оценивалась роль впавших в немилость П.И. Егорова (арестован 13 янв. 1953 г. по обвинению во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей партии и государства) и С. Юдина (арестован в 1948 г. по обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства), а также помещен портрет главного терапевта Советской армиии М.С. Вовси и подробно рассказывалось о его заслугах. В книге были упомянуты А.П. Фрумкин, В.Д. Бершадский, заместитель главного хирурга Советской армии В.С. Левит, которые хотя и не фигурировали в «деле врачей», но тесно общались с арестованными коллегами.

К весне 1953 г. состояние здравоохранения в республике оставалось государственной тайной. По публикациям в печати нельзя было составить представление о продолжительности жизни и уровне смертности населения, наличии инфекционных заболеваний, эффективности лечения, запасах лекарств и количестве медицинских работников, финансировании здравоохранения и т. д. Информация об этом была секретной, в частности, потому что советская медицинская практика не всегда отвечала международным стандартам.

Отсутствие статистики и возможности сопоставить достижения отечественной науки с зарубежным опытом являлось огромным тормозом для развития медицины. Вместо решения насущных проблем охраны здоровья периодические издания занимались восхвалением советской медицины и пропагандой отдельных положительных примеров.

---

[297] А. Трибух. «О роли некоторых факторов в распространении гриппозных заболеваний на швейных фабриках» // *Гигиена и санитария*. 1952. № 2.

Экология

Тайной «за семью печатями» долгое время оставалась природоохранная тематика. «Перечень Главлита» предусматривал запрет на публикацию материалов о природных катаклизмах, если они имели место на территории страны, без согласования с соответствующими ведомствами. Нельзя было писать о землетрясениях, наводнениях, цунами, вулканических извержениях, селевых потоках, сходах горных лавин, лесных пожарах. В печати не могли появиться описания последствий экологических катастроф, уровня загрязнения окружающей среды, сведения об убытках и особенно о человеческих жертвах, вызванных стихийными бедствиями.

Еще более ревниво власти относились к публикациям о рукотворных бедствиях как следствии неразумной деятельности человека, непродуманной политики государства, что оборачивалось преступлениями перед природой. Начиная с 1949 г. на торфяниках Полесья стали сеять кок-сагыз[298]. В приказном порядке создавались целые колхозы для производства природного каучука. Климатические условия Белоруссии для этого не подходили, однако это не принималось во внимание. В результате расточались природные ресурсы и нарушался экологический баланс.

Серьезные проблемы возникли в результате интенсивного освоения и мелиорации земель Полесской низменности. Долгосрочную программу осушения болот в 1950 г. предложил первый секретарь ЦК КП(б)Б Н.С. Патоличев. Осуществление крупномасштабных проектов аграрной и гидротехнической мелиорации в белорусском Полесье привело к изменению ландшафта, снижению уровня грунтовых вод, потере фауны и нарушению структуры почвенного покрова, вызвало обмеление колодцев и рек, отрицательно сказалось на водном, атмосферном и тепловом режиме. Непродуманное осушение болотных площадей пагубно отразилось на лесных массивах и сельскохозяйственных угодьях, расположенных на песчаных почвах. Регулирование русла рек понизило уровень воды и вызвало пересыхание почв. Из-за потери растительности начался процесс термического и микробиологического распада торфа, ветровая и водная эрозия. Главлит прикладывал все усилия, чтобы скрыть в публикациях отрицательные стороны хозяйственного освоения Полесья, которые стали результатом просчетов в планировании, строительстве и эксплуатации мелиоративных систем.

Беду, грозящую Полесью в связи с неразумным осушением болот, предсказал Я.Н. Афанасьев[299] еще в 30-е гг. Однако после ареста ученого власти отказались

---

[298] Кок-сагыз – многолетнее травянистое растение, один из видов одуванчика; был открыт в 1931 г. на отрогах Тянь-Шаня в Казахстане, считался лучшим естественным заменителем каучука.

[299] Яков Никитович Афанасьев (1877–1938) – белорусский ученый-почвовед. Окончил Петербургский университет (1901 г.), профессор и заведующий кафедрой почвоведения Белорусской сельскохозяйственной академии в Горках с 1921 г., директор НИИ агропочвоведения и агрохимии БССР в 1931–1937 гг. Обвинен в контреволюционной деятельности, расстрелян, реабилитирован в 1956 г.

от результатов его исследований, научную школу распустили, а взгляды предали забвению. В итоге послевоенная мелиорация обернулась природной трагедией Полесья[300].

Проблемам экологии сопутствовали опасения бактериологической войны. Атмосфера подозрительности и шпиономании, характерная для начала 50-х гг., отражала растущее напряжение в обществе. Отсутствие гласности и открытости в средствах массовой информации рождало невероятные слухи. Зимой 1953 г. в Минск поступил тревожный сигнал из Могилевской области. Проверкой анонимного заявления занялось Министерство государственной безопасности БССР. Выяснилось, что на территории Велико-Борского, Смольяновского, Бороньковского сельсоветов Костюковичского района Могилевской области с 19 по 29 декабря 1952 г. на поверхности льда и в снегу были обнаружены неизвестные насекомые. Плотность их в наиболее низких местах достигала 20 особей на один квадратный метр. Работники Костюковичской районной санэпидстанции произвели дезинфекцию. Экспертиза, проведенная НИИ микробиологии и эпидемиологии в Минске, показала, что это личинки серого долгоносика – обычного вредителя древесной растительности. Жуки и их личинки зимой находились под снегом, а при температуре выше нуля ожили. Возбудителей инфекционных заболеваний обнаружено не было. Слухи о том, что жители ряда сельсоветов в этот период слышали шум мотора неизвестного летательного аппарата в вечернее время, а в деревне Ивановка Бороньковского сельсовета Костюковичского района нашли разбитые стеклянные баллоны и около них множество насекомых, при расследовании не подтвердились[301].

Засекречивалась любая информация, связанная с атмосферными осадками, даже прогноз погоды попадал в раздел военной тайны под предлогом, что знание прогноза позволит вероятному противнику подготовить засылку шпионской агентуры или спланировать провокацию на границе. Сведения о погоде были отнесены к стратегической информации. Считалось, что данные о температуре воздуха, влажности, осадках, перепадах давления помогут предсказать виды на урожай и наличие запасов продовольствия в стране, знание направления и силы ветра может быть использовано при распылении радиоактивных или химических веществ.

Советские люди должны были получать сведения об ожидавшей их погоде в строго очерченных пределах и на ограниченный срок. Циркуляр Главлита БССР от 22 июня 1948 г. напоминал о запрещении публиковать прогнозы погоды более чем на трое суток вперед. Когда в 1948 г. целый ряд районных газет

---

[300] Л. Смиловицкий. «Что приемлет душа и природа» // *Правда истории: память и боль*. Минск, 1991. С. 309–320.

[301] Письмо министра МГБ БССР М.И. Баскакова – М.В. Зимянину, секретарю ЦК КПБ, от 4 февр. 1953 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 274, лл. 293-295.

республики[302] поместил прогноз о погоде на весь октябрь, это стало предметом специального разбирательства в областных комитетах партии[303].

В начале 1954 г. Главлит обратился к Председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущеву с письмом, в котором сообщалось, что министерство сельского хозяйства просит продлить заблаговременность передачи по радио прогнозов погоды с трех дней до пяти–семи суток, что важно для получения будущего урожая. Главлит признал целесообразным разрешить Главному управлению Гидрометеорологической службы сообщать в открытом порядке о предполагаемой погоде не более чем за семь суток с указанием температуры, заморозков, осадков и силы ветра, но не о его направлении[304].

Советская цензура подменяла понятие экологии вопросами охраны окружающей среды. Классическое определение экологии как науки, изучающей взаимоотношения живой и неживой природы, отодвигалось на задний план. Считалось, что человек должен быть «хозяином» природы. В ходу оставались растиражированные еще до войны штампы: «взять», «заставить», «подчинить», «победить» природу. Вопросы экологии как «экономики» природы, необходимость всестороннего изучения взаимоотношений живых существ с органическими и неорганическими компонентами окружающей среды приносились в жертву идеям социалистического строительства.

---

[302] Газеты: «Ленінскія запаветы» Туровского района Полесской области, «Сацыялістычная праца» Василевичского района Полесской области, «Калгасная зорка» Хотимского района Могилевской области, «Новы шлях» Жабчицкого района Пинской области, «Палеская праўда», «Калгасны шлях» Славгородского района Могилевской области, «Ленінскі шлях» Василишковского района Гродненской области.

[303] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой от 16 окт. 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 14, л. 43.

[304] Письмо Главлита СССР – Н.С. Хрущеву, секретарю ЦК КПСС, от 1 окт. 1954 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 218, л. 3.

Глава 4. Как слово заковали в цепи

Типографии и издательства

Пристальное внимание цензуры к работе типографий было закономерным, поскольку здесь совмещались стороны условного треугольника: органы власти – печатная продукция – читатель. Контроль над готовой продукцией облегчался тем, что все этапы издательского процесса находились в одних руках.

Основные виды издательских работ выполняла типография им. И.В. Сталина в Минске, которую дополняли областные полиграфические предприятия в Бресте, Гомеле, Могилеве, Вилейке и литография в Гродно (плоскопечатная продукция). Утверждалось, что сеть издательств и типографий должна обеспечить дальнейшее и неуклонное развитие культуры, повышение политической активности масс в их борьбе за победу дела коммунизма.

В 1947 г. в БССР насчитывалось 192 типографии[305], а еще через два года их число выросло до 207[306]. Собственные типографии имели ЦК КП(б)Б, Совет Министров БССР, ВЦСПС, МГБ, МВД, минский обком партии, Академия наук и Белгосуниверситет, промышленные предприятия – тракторный и автомобильный заводы, радиозавод, картонная фабрика, штаб Белорусского военного округа, ремесленное полиграфическое училище и некоторые другие.

Условия, в которых приходилось работать издательствам, оставались примитивными. Государственное издательство БССР (Белгосиздат) занимало лишь небольшую часть одного этажа Дома печати в Минске на проспекте Сталина.

---

[305] Отчет Главлита БССР за 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 10, л. 44.

[306] Существовало четыре республиканские типографии, 27 ведомственных, 20 областных и городских, 159 районных и три литографии. См.: Отчет Главлита БССР за 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 10, л. 11.

В его помещении одновременно находились редакции газет «Сталинская молодежь», «Зорька», журналов «Беларусь», «Работница и крестьянка», «Полымя», «Вожык» и издательство ЦК ЛКСМБ. В одной комнате размещалось по несколько редакций, все корректоры (16 чел.) с подчитчиками и стилистами теснились в двух небольших комнатах. Неудовлетворительные условия работы сказывались на качестве редактирования и корректуры. Летом 1949 г. рассматривался вопрос о том, как высвободить часть помещений для нужд издательства. Редакцию газеты «Зорька» предлагалось разместить во Дворце пионеров, журнал «Работница и крестьянка» – в Высшей партийной школе, где она находилась до войны, а журналы «Полымя» и «Беларусь» – в Академии наук[307].

Требования цензуры были сформулированы в «Правилах выпуска в свет произведений печати полиграфическими предприятиями». Внесение правок в полосы газет после их подписи в печать категорически воспрещалось. В случае нарушений цензоры направляли свои замечания в районные и городские комитеты партии.

В послевоенные годы потребность в печатной продукции росла, и тиражи книг и периодических изданий быстро увеличивались. Государство отпускало новые средства на то, чтобы удовлетворить читательский спрос (см. табл. 10).

Таблица 10

Тираж книг и газет в БССР (1940–1956 гг.), *тыс. экз.*

Тип	1940 г.	1945 г.	1956 г.
Книги	1037	385	13736
Газеты (разовый тираж)	1115	683	1354

Составлено по: *Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах*: Стат. сб. М., 1957. С. 299.

Долгое время Белгосиздат отвечал за выпуск литературы по разным отраслям знаний. При нем существовали редакции политической, научно-технической, сельскохозяйственной, учебно-педагогической, художественной, юношеско-детской литературы (см. данные Книжной палаты республики в табл. 11).

[307] Письмо директора Госиздата БССР З.П. Матузова – В.А. Томашевичу, секретарю ЦК КП(б)Б, от 22 июля 1949 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 47, д. 233, л. 327.

Таблица 11

Издание тематической литературы в БССР (1946–1950 гг.)

Тематика	**Количество наименований**		**Тираж**	
	номинальное	*%*	*тыс. экз.*	*%*
Социально-политическая	558	42,08	11 369	26,14
Научно-техническая	179	13,5	528	1,21
Сельскохозяйственная	360	27,1	3524	8,15
Художественная	229	17,32	28 078	64,5
Итого	**1326**	**100**	**43 499**	**100**

Составлено по: А.А. Волк, А.И. Ракович. *Книгоиздательское дело в Белоруссии*: Ист. очерк. Минск, 1977. С. 155–163.

Приоритетным направлением считалось издание социально-экономической литературы, хотя тиражи художественной литературы были больше. Особое внимание уделялось произведениям лауреатов Сталинской премии. В 1947–1949 гг. было выпущено десять книг лауреатов: Б. Горбатова, М. Бубеннова, А. Прокофьева, С. Маршака и др., а в 1950 г. увидели свет еще 13 книг[308].

Важнейшей темой оставалась пропаганда мира и разоблачение поджигателей новой мировой войны (в сталинском понимании). В 1950 г. Белгосиздат выпустил сборник стихов и поэм 35 белорусских авторов «На страже мира», книги П. Панченко «За счастье, за мир», П. Приходько «Солдаты мира» и др.

Одновременно власти избавлялись от устаревших изданий, которые утилизировали. Ответственные лица больше заботились о собственной репутации, чем о режиме экономии. Считалось, что лучше уничтожить тысячи экземпляров, чем допустить, чтобы к читателю попала «вредная» информация. Любые отклонения от поставленной задачи, опечатки, типографский брак, ошибки, пропущенные по недосмотру редактора или наборщика, могли стоить им рабочего места.

Устоявшейся практикой стало изъятие газет, журналов и книг. В 1945 г. были уничтожены тиражи отдельных номеров газет «Чырвоной змены», «Палескай праў-

---

[308] Протокол заседания редакционного совета Белгосиздата от 25 сент. 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, л. 44.

ды» (Пинская область), «Віцебскага рабочага» и др. В 1946 г. четыре раза изымалась бобруйская областная газета «Савецкая радзіма», первый раз – 2,5 тыс., второй раз – 500, третий – 3,5 тыс. и четвертый – 2 тыс. экз. То же самое дважды произошло с полоцкой областной газетой (107 и 1050 экз.). По одному разу изымались газеты «Гомельская праўда» (4 тыс. экз.), барановичская областная газета «Чырвоная звязда» (5 тыс.), «Полеская праўда» (4,5 тыс.), «Віцебскі рабочы» (600), молодечненская областная «Сялянская газета» (7680), а также районные газеты: бобруйская городская газета «Ленінскі шлях» (1 тыс.), жлобинская «Шлях сацыялізму» (2 тыс.), молодечненская «Чырвоны сцяг» (1 тыс.)[309].

В 1947 г. не вышли в свет республиканские газеты: «Советская Белоруссия» (№ 24, 75 тыс. экз.), «Літаратура і мастацтва» (№ 8, 15 тыс. экз.), «Сталинская молодежь» (№ 12, 2 тыс. экз.), а также полоцкая областная газета «Бальшавіцкі сцяг» (№ 13, 4 тыс. экз.), пинская районная «Знамя победы» (№ 5, 1 тыс. экз.), чечерская районная «Стаханавец палёў» (№ 14, 1 тыс. экз.) и др. Полностью изъяли и уничтожили тираж газеты «За бальшавіцкія тэмпы» Калинковичского района, где были перепутаны страницы в тексте доклада В.М. Молотова «О тридцатилетии Великой Октябрьской социалистической революции». Вторично были отредактированы и прошли цензуру 28 книг белорусских авторов, которые уже находились в производстве, были внесенены существенные исправления и сделаны купюры. Значительной правке подвергся фольклорный сборник стихов А. Остапенко «О Ленине и Сталине», а произведения других авторов возвращены для исправлений или изъяты[310].

В конце 40-х гг. требования к работе издательств заметно выросли. В обстановке шпиономании цензоры следили, чтобы в печать не просочились никакие сведения, связанные с военной тематикой (главным образом местонахождение воинских частей). В 1947 г. в Гродненской областной типографии внесли исправления в верстку телефонного справочника уже после его подписания цензором к печати, так как в нем было «раскрыто» наличие воинского гарнизона в Гродно. Это явилось предметом обсуждения на бюро обкома КП(б)Б, по решению которого на директора типографии наложили партийное взыскание. В Пинской типографии неправильно вели книгу заказов (не все заказы имели визу Главлита), а в Бобруйской типографии отсутствовала на месте книга повседневного учета заказов воинских частей, там же не был отмечен гриф «секретно». Книгу хранили в столе заказов, и по ней можно было установить номера воинских частей, род войск, расквартированных в Бобруйске и области, узнать имена командиров частей[311].

---

[309] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 39.

[310] Там же, л. 40.

[311] Там же, л. 59.

Еще больше нарушений допускали районные типографии. Регистрации заказов (из-за их обыденности) во многих из них часто не придавали значения, считая ее пустой формальностью. В Буда-Кошелеве вышли в свет (август–сентябрь 1947 г.) 13 номеров районной газеты, в которых разрешительные цензорские штампы ставил заведующий типографией, не имевший на это полномочий. Заказы регистрировались в книге поступления через два месяца после их изготовления и выдачи. Типографии не хранили оттиски газет с цензорской визой. Такие «чрезвычайные происшествия» обсуждались на бюро обкома партии и могли быть переданы в прокуратуру[312].

Советские граждане были приучены доверять печатному слову по принципу: раз напечатано – значит, правда. Газету нельзя было использовать для выпадов против Коммунистической партии и советской власти, пропаганды неофициальных взглядов, для того чтобы посеять сомнения в законности вынесенных решений или обнародовать компрометирующие сведения. Шкала приоритетов была выстроена так, что в первую очередь выпускались произведения классиков марксизма-ленинизма, школьные учебники, агитационно-массовая литература к выборам, историко-партийная литература.

В 1951–1953 гг. количество типографий в республике сократилось до 196 за счет их укрупнения. Больше всего типографий работало в Минске как столице республики – 18, в областях – 11, районах – 166 и одна литография. Выпуск печатной продукции возрастал с каждым годом. Огромными тиражами издавались произведения классиков марксизма-ленинизма, школьные учебники, агитационно-массовая литература к выборам, историко-партийная литература. Повышались требования к художественному оформлению и полиграфическому исполнению книг и периодических изданий. Типографии оснащали новым оборудованием, улучшали шрифты и качество полиграфических красок. Всего в республике с 1946 по 1955 г. было выпущено 5,4 тыс. наименований книг тиражом 110,8 млн экз.[313]

Главлит проводил совещания и семинары, на которых разъяснял порядок оформления материалов, подпадающих под ограничения «Перечня Главлита». Директорский корпус и главные редакторы издательств подбирались из бывших партийных работников. Директором Государственного издательства БССР назначили бывшего заведующего Особым сектором ЦК КП(б)Б З.П. Матузова[314], остававшегося на этой должности три десятилетия.

---

[312] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 39.

[313] *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. М., 1957. Т. 50. С. 414.

[314] Захар Петрович Матузов (1911–1977) – заведующий Особым сектором ЦК КП(б)Б в 1944–1947 гг., директор Государственного издательства БССР в 1947–1963 гг., директор издательства «Беларусь» Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли в 1963–1973 гг.

Издательства располагали целым арсеналом средств, чтобы не пропустить книгу сомнительного содержания. Из плана изымали произведения, утратившие «злободневность», и книги провинившихся авторов. Выпуск «проблемных» книг осуществляли мизерными тиражами, чтобы сделать их недоступными массовому читателю (Цветаева, Ахматова, Мандельштам и др.).

Включение книги в издательский план проходило столько этапов (рецензирование, обсуждение на редколлегии, разрешение цензуры и т. д.), что формальный договор автора с издательством часто не заключался, поскольку фактически уже не играл никакой роли. Он нужен был для защиты авторских прав на случай судебного разбирательства, однако автор находился в настолько зависимом от издательства положении, что никогда не решался на конфликт. Тем не менее отсутствие договора было явным нарушением, и за это можно было получить взыскание. З.П. Матузов, отчитываясь за работу Госиздата БССР в 1950 г., признавал, что порядка при заключении договоров с авторами нет, даже приводил случаи, когда договор заключался уже после выхода книги из печати[315].

Цензура сопровождала весь процесс издания книги. Рукопись автору надлежало представлять в двух экземплярах с приложением всего иллюстративного материала (рисунков, таблиц, диаграмм, схем и т. п.) и официального бланка с указанием имени автора, названия рукописи и отметкой об отсутствии секретности. Тогда цензор ставил на рукописи штамп «Разрешено к печати», и только после этого она принималась издательством. Получив сигнальный экземпляр, цензор проверял идентичность этого текста и текста, разрешенного к печати, просматривал полученный экземпляр еще раз и, если все было в порядке, ставил следующий штамп: «Разрешено к выпуску в свет». Лишь при наличии этого штампа типография имела право приступать к печатанию тиража.

В случае если при тиражировании находили ошибки, требовавшие исправления, полиграфическое предприятие немедленно останавливало работу. Вся готовая часть тиража собиралась, включая контрольные экземпляры, разосланные библиотекам, в Книжную палату и Центральный коллектор научных и массовых библиотек. Если эту часть тиража исправить было невозможно, то ее пускали под нож в присутствии директора типографии.

У газеты был «свой» цензор, кабинет которого находился в том же здании, что и редакция. Официально цензор мог читать полосы только после главного редактора, однако каждый ответственный секретарь старался принести цензору полосы пораньше, ведь до получения цензорского разрешения номер печатать никто в редакции не имел права уйти домой – вдруг у него появятся вопросы или правки?

Цензура вмешивалась в деятельность Республиканской книжной палаты, куда направлялись обязательные контрольные экземпляры всей печатной

---

[315] О работе Госиздата БССР в 1950 г. и задачах на 1951 г.: Доклад директора Госиздата БССР З.П. Матузова (без точной даты) // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, л. 15.

продукции республики. Зимой 1951 г. Главлит «забил тревогу»: типография им. И.В. Сталина не прислала Книжной палате контрольные экземпляры книг и брошюр 64 наименований, типография Академии наук БССР – трех, а картонная фабрика – восьми наименований. С большими пропусками (не все номера) поступали в Книжную палату газеты «Звязда», «Советская Белоруссия», журналы «Блокнот агитатора», «Березка», «Работніца і сялянка». Начальникам отделов предварительного и последующего контроля при типографиях поручили следить за рассылкой книг, брошюр, географических карт, плакатов, листовок и мелкопечатной продукции[316].

В республике выходили издания обзорного характера: «Летопись печати БССР», «Периодическая печать Белоруссии. 1917–1958 гг.», «Книги Белорусской ССР» (по пятилетиям), биобиблиографические указатели, посвященные классикам белорусской литературы (например, Я. Коласу, П. Бровке, К. Крапиве и др.). Новые поступления в Книжную палату систематизировались и описывались в книжных летописях. В дополнение составлялись республиканские указатели по белорусской тематике в целом, по материалам печати других республик Советского Союза и зарубежных социалистических стран. Подобные списки изданий публиковались ежегодно в качестве приложения к книжным летописям («Белорусская ССР в печати СССР и зарубежных социалистических стран») или выпускались отдельным изданием. Большое место в работе Книжной палаты занимала каталогизация произведений печати (выпуск карточек для библиотечных каталогов). Статистические данные отражались в ежегодниках («Печать Белорусской ССР в 19… году») или в сборниках за определенный период времени (например, «Печать Белорусской ССР за 50 лет»). Общее научно-методическое руководство выпуском печатной продукции в БССР осуществляла Всесоюзная книжная палата.

К 1956 г. правила цензуры изменились. Для ускорения выпуска печатных материалов был отменен предварительный контроль за целым рядом изданий. Сигнальные, контрольные и обязательные экземпляры книг, газет и брошюр, не подлежащих просмотру органов цензуры, полиграфические предприятия рассылали теперь непосредственно по адресам, указанным Отделом печати ЦК КПБ, министерством культуры и министерством просвещения.

В первую очередь отменили цензуру произведений классиков марксизма-ленинизма, русской, национальной и иностранной литератур, видных деятелей науки и техники (за исключением предисловий, вводных статей и комментариев), а также реферативных журналов Академии наук СССР и союзных республик, книжных и журнальных летописей, ежегодников, информационных бюллетеней, библиографических карточек на вышедшую в свет литературу, издаваемую Всесоюзной книжной палатой, Государственной библиотекой

[316] Приказ Главлита БССР от 22 дек. 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 301.

им. В.И. Ленина или Государственным издательством культурно-просветительной литературы.

Без дополнительной цензуры выходили переиздания стабильных (постоянных) учебников для школ, техникумов и вузов, если в них не вносили никакие изменения. Это же правило распространялось на книги издательства «Иностранная литература» (за исключением предисловий, вводных статей и примечаний), словари, детскую литературу, инсценировки иностранных классиков, почтовые марки, произведения классиков изобразительного искусства и музыку, народные песни, романсы на уже опубликованные тексты.

Летом 1956 г. обязательный цензорский контроль был отменен для выступлений руководителей партии и государства, материалов ЦК КПСС, стенограмм съездов партии и сессий Верховного Совета СССР, а также постановлений Президиума Верховного Совета, Совета Министров СССР, если они были опубликованы в официальных изданиях (таких, как «Ведомости Верховного Совета СССР», «Ведомости Совета Министров СССР», газета «Известия») или получены для ТАСС[317].

Следующим шагом в облегчении цензурного бремени стало разрешение издавать учебные программы для вузов и техникумов, средних школ, ремесленных, технических училищ и школ ФЗО (за исключением программ по специальным и закрытым военным дисциплинам), а также программы Высшей партийной школы при ЦК КПСС, республиканских и областных партийных школ; методические разработки, книжные летописи, летописи журнальных и газетных статей, расписание движений пассажирских поездов; контурные карты для средних школ; все издания нот без текстов и самоучители игры на музыкальных инструментах без предварительной цензуры[318].

Полиграфические предприятия отныне стали принимать заявки на издания под личную ответственность своих директоров (тираж начинали печатать только после рассылки сигнальных, контрольных и обязательных экземпляров, согласно приказам Главлита), готовить клише и штампы с оригиналов для тех организаций, которые систематически вели издательскую деятельность (редакции газет и журналов, редакционные отделы, институты и бюро технической информации министерств и ведомств, учебные заведения)[319]. Издательствам, выпускающим научно-технические журналы, разрешалось самостоятельно увеличивать тиражи сверх плана до трех тысяч экземпляров. Однако все эти нововведения не означали настоящей либерализации издательского дела. Контроль по-прежнему находился в руках государства.

Органы цензуры разгрузили частично, но не изменили ее характер. Перестали проверять то, что было уже проверено и перепроверено неоднократно. Классики

---

[317] Приказ Главлита СССР от 20 авг. 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, лл. 20-20об.

[318] Приказ Главлита СССР от 5 нояб. 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, л. 24.

[319] Приказ Главлита СССР от 16 июня 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, л. 25.

от науки, культуры и искусства не внушали опасения, а нежелательные аналогии, которые возникали при знакомстве с их произведениями, можно было списать на эпоху культа личности Сталина.

Малые формы печати

Мелкопечатная продукция отличалась бесконечным разнообразием. Это были пригласительные билеты, календари, служебная документация, афиши, программы, либретто и др., количество наименований которых постоянно возрастало, и все это принималось к производству только с визой Главлита.

Стоило какой-либо типографии отпечатать пригласительный билет на то или иное мероприятие или торжественное собрание без согласования с Главлитом, и это расценивалось как серьезное служебное нарушение. Сразу после войны во многих типографиях (Минск, Бегомль, Березино, Борисов, Крупки, Логойск, Плещеницы, Холопеничи и др.) выполняли заказы на выпуск мелкопечатной продукции зачастую без формального разрешения цензуры. В таких случаях на виновных составляли протокол нарушения правил и сообщали по инстанции.

Продолжали действовать суточные нормы цензурирования различных видов мелкопечатной продукции, принятые еще в предвоенный период. На фотооткрытки устанавливалась норма 75 штук в день на одного цензора, на рекламные плакаты – 35 наименований, на иллюстрированные лозунги – 18, на настольные печатные игры – от трех до шести, на этикетки – 35 сюжетов, на пригласительные билеты – до 75 названий[320].

В 1949 г. выпускали сувенирные изделия, посвященные 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина[321]. Личность Пушкина после войны стала символом могучих творческих сил нации, Дантес представал как наемный убийца и безродный космополит[322]. В связи с юбилеем началось стихийное тиражирование облика поэта. В огромных количествах печатали открытки с его портретами, иллюстрациями к наиболее известным произведениям, изображения на пушкинскую тему помещали на коробки от папирос, носовые платки, спичечные этикетки, обертки конфет или печенья и т. д. Нередко качество подобных изделий было низким как в художественном отношении, так и техническом исполнении.

---

[320] *Основные директивы и законодательство о печати*. 6-е изд. М., 1937. С. 137–138.

[321] М.А. Волкова. «Два Пушкинских юбилея в советской Сталинской культуре»: *XV Ежегодная богословская конференция*: Сб. докладов / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. М., 2005. С. 108–112.

[322] К. Симонов. «А.С. Пушкин»: Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 г. М., 1949. С. 52.

Главлит запретил выдавать разрешение на подобную продукцию без предварительного письменного одобрения Всесоюзного Пушкинского комитета в Москве и соответствующих комитетов в союзных республиках[323].

Начиная с 50-х гг. объем выпуска мелкопечатной продукции стал быстро расти. В 1952 г. было разрешено в печать 713 наименований продукции малых форм, в том числе сборники песен, музыкально-инструментальных произведений, пьес и др., что составило 57 условных печатных листов, а также малотиражные газеты и журналы – 60 печатных листов[324]. Несмотря на это, контроль над типографским станком оставался не менее строгим, выполнение самых безобидных заказов требовало письменного подтверждения. Часто дело доходило до курьеза, например, в мае 1951 г. потребовалось, чтобы Главлит БССР разрешил издательству ЦК КП(б)Б напечатать плакат «Покупайте мороженое» (тираж 5 тыс. экз.)[325]. В другом случае цензура увидела «политическую крамолу» в либретто оперы «Тихий Дон», напечатанном по заказу Белорусского государственного театра оперы и балета, и не разрешила распространение из-за политической невыдержанности: в мотивах ухода в Ростов с революционным отрядом главного героя Григория Мелехова и избиения им пана Листницкого, соблазнившего Аксинью, не подчеркивалась ненависть к царизму. В 1953 г. был отозван из типографии «Список абонентов Волковысской абонентной телефонной станции», где были приведены адреса организаций, сообщать которые запрещалось, и весь тираж уничтожили[326].

С середины 50-х гг. требования к малым формам печати постепенно смягчались вслед за общими послаблениями в цензуре. Главлит перестал требовать специальное разрешение для печати и тиражирования государственных общесоюзных стандартов (ГОСТ), норм выработки и расценок на гражданские строительные работы, на прейскуранты оптовых и розничных цен на гражданскую продукцию; служебных материалов (приказы, циркуляры, инструкции), издаваемых от имени руководителей министерств и ведомств и под их ответственность; библиографических указателей и карточек на открыто изданную советскую и иностранную литературу; журналов, альбомов и выкроек модной одежды, головных уборов и обуви, а также настольно-печатных игр, каталогов грампластинок, театральных и концертных афиш. Перестали усматривать крамолу в этикетках, товарных ярлыках, наклейках, бланках удостоверений личности, командировочных предписаниях, пропусках, доверенностях, расчетных книжках –

---

[323] Циркуляр начальника Главлита СССР К.К. Омельченко № 11, от 17 мая 1949 г. // НАРБ, ф.1195, оп. 2, д. 18, л. 48.

[324] Отчет Главлита БССР за 1952 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 27.

[325] О выпуске плаката «Покупайте мороженое»: Приказ по Главлиту от 4 мая 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 87.

[326] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 6-7; *Советская Белоруссия*. 1953. 11 апр.

все это уже можно было печатать без цензуры, но при условии персональной ответственности руководителей организаций-заказчиков[327].

После 1956 г. в «Единые правила издания открытых произведений печати» внесли еще одно послабление: от предварительной цензуры освобождались почтовые марки, конверты и бланки для телеграмм, ноты, сборники песен, романсов и другие музыкальные произведения на опубликованные тексты.

Многочисленным заказчикам смягчение цензурных требований в полиграфической отрасли принесло известное облегчение. Отказ от лишних бюрократических формальностей давно назрел. Это ускоряло исполнение заявок и одновременно перекладывало ответственность за качество работы на самих типографов. Вместе с тем принципиально ничего не изменилось. Речь не шла о приеме заказов от частных лиц и тем более о разрешении на открытие частных типографий, разумеется, под контролем государства. Это были лишь минимальные уступки, соответствовавшие веяниям времени.

Неумышленные ошибки

Неумышленные ошибки и опечатки всегда были нежеланными спутниками корректоров, редакторов, печатников и цензоров. В послевоенные годы искажения текста публикаций и корреспонденций чаще всего были следствием несовершенного и изношенного оборудования, недостаточной квалификации и общей грамотности работников. Среди цензоров ходила горькая шутка о том, что ошибка находится на дне чернильницы. Иными словами, сколько ни старайся, но в последний момент нельзя исключить досадную опечатку или ошибку.

Лидия Чуковская вспоминала о редакторе газеты, которому по ночам снился кошмар, будто в очередном номере по его вине оказались перепутаны инициалы: И.В. Ленин и В.И. Сталин. Во избежание таких случаев в редакциях газет всегда выделялся дежурный сотрудник, которого называли «свежая голова». В его обязанности входило перед разрешением в печать еще раз вычитать весь выпуск, после редакторов и корректоров.

Производственный процесс оставался архаичным и многоступенчатым. Сначала набор в гранках вычитывал типографский корректор. После этого метранпаж верстал газетную полосу, и корректор читал набор второй раз. Далее газета переходила к дежурному по номеру, который читал ее в третий раз, четвертый раз набранный текст проверяла «свежая голова», а последним – цензор.

В ноябре 1944 г. накануне открытия в Минске выставки трофейного немецкого вооружения газета «Звязда» дала целую полосу под крупным заголовком

---

[327] Приказ Главлита СССР от 20 авг. 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, лл. 20-20об.

«Выстаўка пераможцаў» («Выставка победителей»). Это было обнаружено, когда 14 тыс. экз. газеты уже были отпечатаны[328].

В 1945 г. был уничтожен тираж бобруйской областной газеты (8 тыс. экз.), где осталось много опечаток[329]. Газета «Знамя победы» в Пинске поместила крупный заголовок «Товарищи *издиратели*» (вместо «избиратели»), и весь тираж уничтожили[330]. 2 февраля 1947 г. в газете «Советская Белоруссия» в подвальной статье «Трудящиеся западных областей Белоруссии под солнцем Сталинской Конституции» в ходе типографского набора была искажена фраза, что якобы сделало содержание «контрреволюционным»[331]. Тираж (17 тыс. экз.) был отпечатан и частично разослан подписчикам. Когда ошибку обнаружили, газету собрали и уничтожили[332].

В 1950 г. при визировании многотиражной газеты «Автозаводец» (Минск) корректор не обратила внимания на опечатку «векого» вместо «великого» Сталина[333]. Получили взыскания три цензора Главлита БССР за нарушение «Перечня Главлита» при публикации письма белорусского народа товарищу Сталину[334]. В результате пропуска букв, исказивших смысл цитаты из речи вождя, была уничтожена тысяча экземпляров газеты Полоцкого района «Бальшавіцкі сцяг» (11 января 1948 г.), а из-за плохого качества печати было изъято две тысячи экземпляров газеты «Сталинский маршрут» Брестской железной дороги[335].

В газете «Докшицкая правда» цензор успел «поймать» опечатку: «Каждый член коллектива школы хочет *продавать* (вместо «порадовать») нашу Великую социалистическую родину»[336]. В книгах и газетах часто можно было встретить ошибки, допущенные при переводе с белорусского языка на русский. Подобные происшествия были исключением из правила, однако резонанс, который они вызывали, заставлял власти быть настороже.

---

[328] Доклад о работе Главлита БССР с кадрами в 1944 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 4-8.

[329] Например, в информации ТАСС о том, что в Петрозаводске были восстановлены памятники *Ленину* и Кирову, было напечатано «Кенину», а в статье «Важнейшие задачи комсомольцев» было указано о выполнении плана на 13% вместо 136% // *Савецкая радзіма*. 1945. 16 янв.

[330] Письмо начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – Е.И. Бугаеву, секретарю ЦК КП(б)Б, от 27 февр. 1947 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 609, лл. 175-177.

[331] Получалось: «Трудящиеся западных областей Белоруссии… пошлют в Верховный Совет польских помещиков и капиталистов».

[332] Приказ от 5 февр. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, л. 3.

[333] Приказ № 29 зам. начальника Главлита БССР М.К. Остапенко от 9 февр. 1950 г. // НАРБ, ф.1195, оп. 2, д. 25, л. 2.

[334] Приказ начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой от 12 янв. 1950 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 25, л. 1.

[335] Отчет Главлита БССР за июнь 1943 г. – июнь 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 48.

[336] Отчет Главлита за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 4.

Если цензор не замечал ошибку, ему приходилось за это отвечать. Гонения, оргвыводы и другие последствия не заставляли себя ждать. Любая оплошность могла послужить обвинением его в антисоветской деятельности, привести к аресту и судебному разбирательству[337]. В такой ситуации партийным чиновникам важно было отвести от себя грозу из вышестоящих инстанций, несмотря даже на абсурдность обвинений.

В 1948 г. в «Гомельской правде» в связи со смертью А.А. Жданова поместили некролог с большим портретом. Тираж должны были отпечатать в типографии «Полеспечать». Рулон газетной бумаги отсырел, и, когда начали печатать, на оттисках портрета образовались две складки. Испорченные 500 экз. не уничтожили, поскольку газетная бумага считалась большим дефицитом. Последствия оказались роковыми. Когда газеты с браком попали в киоски «Союзпечать», об этом немедленно сообщили первому секретарю Гомельского обкома партии Николаю Авхимовичу[338], который переслал их в МГБ.

2 сентября 1948 г. на бюро обкома партии директора типографии И.М. Аронова исключили из партии и сняли с занимаемой должности. Вместе с ним уволили заместителя редактора газеты Хайкина и отстранили от занимаемой должности заведующего отделом пропаганды Гомельского обкома партии Майзельса, ответственного за выпуск «Гомельской правды». А.Д. Молочко[339] поручили вместе с начальником Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой проверить работу других цензоров. ЦК КП(б)Б обязал Гомельский обком партии укрепить *проверенными* кадрами «Полеспечать» и редакцию «Гомельской правды». Управлению полиграфии издательств при СМ БССР рекомендовано было усилить контроль за качеством выпускаемой печатной продукции[340].

Однако этого показалось мало. Н. Авхимович представил дело как раскрытие «антисоветской группировки» по ст. 58, ч. 2 (от 10 лет заключения и выше). Цензора Гомельского облита Зеленченка и редактора Хайкина вызвали в МГБ, где потребовали сознаться в преступных деяниях. Им устроили очную ставку с И. Ароновым, которого следователи уже допросили с пристрастием. Поскольку доказательств заговора не нашли, Аронову изменили статью с 58-й на 196 прим. (преступная халатность) и осудили на два года. Жена Аронова поехала в Москву к П.К. Пономаренко, которого к тому времени выдвинули

---

[337] В делах обвиняемых после войны вместо прежнего шифра КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность) появились новые – ВАТ (восхваление американской техники), ВАД (восхваление американской демократии) или ПЗ (преклонение перед Западом) и др.

[338] Николай Ефремович Авхимович (1907–1996) – первый секретарь Гомельского обкома КПБ в 1948–1951 гг., депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС с 1956 по 1961 г.

[339] Анатолий Денисович Молочко (1916–1986) – советский и партийный деятель, заведующий отделом культуры, науки и учебных заведений при ЦК КП(б)Б в 1948 г.

[340] Об искажениях в газете «Гомельская правда» в 1948 г.: Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 14 сент. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 21, л. 24.

в секретари ЦК ВКП(б)[341]. Как оказалось, в годы войны И. Аронов работал начальником типографского цеха при Центральном штабе партизанского движения под Москвой. Бывшего директора «Полеспечати» освободили, восстановили в партии и даже предоставили для поправки здоровья две путевки в санаторий «Беларусь» в Сочи[342].

Весной 1951 г. в газете «Колхозная правда» вместо слова *агрессивная* напечатали «прогрессивная», что изменило смысл предложения. Опечатку квалифицировали как ослабление политического контроля над газетными материалами, за что цензору объявили выговор с последним предупреждением[343].

В других случаях ошибки могли стоить рабочего места. В 1952 г. Давида Зарецкого, редактора районной газеты «Прамень камунізму» Витебской области, освободили от работы за то, что вместо «Сталин» было напечатано «Салин». После увольнения Зарецкого не приняли даже учителем в школу. Простили его только после смены политического руководства в стране весной 1953 г. – позвонили из Минска и предложили место редактора в Лепеле, где Давид проработал до пенсии[344].

Смерть Сталина и последовавшие за этим перемены в политической жизни страны неизбежно сказались на подходах к оценке неумышленных ошибок и опечаток. Летом 1953 г. в газете «Сцяг камунізму» Калинковичского района в передовой статье «Демонстрация нерушимого единства» в предложении «Своевременное раскрытие иностранного наемника и провокатора Берии, старавшегося подорвать великую дружбу советского государства и колхозный строй, вызвали *возмущение* всех коммунистов и трудящихся» была допущена конфузная ошибка, исказившая смысл: вместо нужного слова *одобрение* появилось ошибочное «возмущение». В решение бюро райкома партии, пользуясь привычными штампами, записали, что допущенная ошибка является не чем иным, как следствием «политической беспечности» и безответственного отношения к работе редактора газеты Косарицкого и районного уполномоченного Главлита Табулина. Вместе с тем бюро ограничилось тем, что Косарицкому объявило выговор с занесением в партийную учетную карточку, а Табулину поставило на вид[345].

---

341 Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984) – первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии с 1938 г. и одновременно начальник Центрального штаба партизанского движения СССР при Ставке Верховного главнокомандующего (с 1942 г.); председатель СНК БССР (с 1944 г.), секретарь ЦК ВКП(б) в 1948–1953 гг., зам. председателя СМ СССР в 1952–1953 гг..

342 Интервью с М.И. Зеленченком в Гомеле 3 февр. 2011 г. // Архив автора.

343 Об искажении в газете «Колхозная правда» от 3 марта 1951 г.: Приказ по Главлиту от 21 марта 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 60.

344 «Жыццё ў цензуры»: Беседа В.Ю. Лапина с З.Х. Зарецким 12 мая 1989 г. // Архив автора.

345 О политической ошибке, допущенной в газете «Сцяг камунізму»: Выписка из протокола заседания бюро РК КПБ Калинковичей от 21 июля 1953 г. // НАРБ, ф. 62, оп. 84 д. 352, л. 153.

Годовщина смерти Сталина была отмечена более чем скромно. Накануне, 4 марта 1954 г., на предприятиях и агитпунктах (приближались выборы в Верховный Совет СССР) состоялись беседы, посвященные его памяти, но на этот раз обошлось без торжественно-траурного заседания в Большом театре. На следующий день газета «Правда» поместила на первой полосе большой портрет генералиссимуса и передовую статью «И.В. Сталин – великий продолжатель дела В.И. Ленина», а на второй полосе – статью Г. Александрова «Могучая сила творческого марксизма». В ней речь шла о том, что было сделано за год после смерти Сталина, причем особенно подчеркивался тезис о решающей роли масс в истории[346]. В Гомеле молодая наборщица, только приступившая к работе в издательстве «Полеспечать» после окончания профессионально-технического училища, ошибочно набрала, что *съезд КПСС отверг политику партии Ленина–Сталина и принял политику Троцкого–Бухарина*. «Поймал» ошибку корректор, который доложил редактору газеты «Гомельская правда» Пахомову[347]. Дело ограничилось служебным расследованием, поскольку ошибку вовремя заметили и она не попала в печать, иначе последовали бы суд и арест.

Иногда случайная перемена буквы меняла смысл напечатанного материала до комизма. Опечатки, принимавшие порой комичные формы, не воспринимались, однако, как курьез. В Гомеле в газете «Железнодорожник Белоруссии» в статье о А.И. Герцене, посвященной 85-летию со дня смерти писателя (1955 г.), в слове *писал* при наборе упала буква «а», место которой заняла «я»... Однако сотрудникам газеты было не до смеха. Редактора вызвали на заседание бюро обкома партии и объявили строгое взыскание[348]. Дисциплина печатного слова, исходившая от властей, не допускала исключений.

---

[346] Ю. Аксютин. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953–1964 гг.*.. С. 83.

[347] Николай Ильич Пахомов (1919–1988) – бывший редактор подпольной партизанской газеты в Речицком районе в 1942–1943 гг., секретарь ОК КП(б)Б в Витебске в 1956–1968 гг., директор Высшей партийной школы в Минске в 1968–1985 гг.

[348] Письмо М. Зеличенка Л.Смиловицкому из Гомеля от 25 марта 2010 г. // Архив автора.

Глава 5. Тайны спецхрана

Специальное хранение литературных произведений, публицистики, мемуаров, сборников документов, подшивок газет, бюллетеней и даже календарей стало неотъемлемой стороной советской культуры. Единомыслие, трактовавшееся как неизбежное явление в условиях капиталистического окружения СССР, диктовало необходимость контролировать круг чтения не только обывателя, но и научного работника.

После войны в БССР насчитывалось шесть хранилищ изъятой печатной продукции. Три из них были организованы при областных библиотеках в Витебске, Гродно и Могилеве, еще три – в Минске: при Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, Правительственной им. А.М. Горького и фундаментальной библиотеке АН БССР. В 1951 г. открыли спецфонд при Белгосмузее истории Великой Отечественной войны для изданий, выпущенных в свет в годы немецкой оккупации, которые хранили наравне с совершенно секретными документами.

Доступ к спецхрану был крайне ограниченным, знакомство с его фондами позволено только узкому кругу лиц. Как правило, это были партийные и советские функционеры, представители силовых ведомств и журналисты, которым поручили подготовить заказной материал для контрпропаганды. Читателям – научным работникам, деятелям культуры, служащим государственных учреждений и др., – прежде чем получить в библиотеке литературу из спецхрана, предстояло объяснить, для чего им нужны материалы, содержащие «клевету на советский строй». Такие люди сразу попадали в поле зрения органов безопасности.

За работой спецхрана следила госбезопасность, и в связи с этим он очень скоро превратился в архивный накопитель. Работа по организации и устройству спецхранов шла очень медленно. Два хранилища из шести открыли в конце 1948 г. при Гродненской областной библиотеке и Академии наук БССР, однако остальные, три в Минске (Белгосмузей ИВОВ, Госбиблиотека им. В.И. Ленина, Правительственная библиотека им. А.М. Горького) и одно в Могилеве (при Могилевской областной библиотеке), закрыли под предлогом перерегистрации книжных

коллекций. Спецфонд при Витебской библиотеке долго бездействовал из-за нарушения правил регистрации[349]. Гродненский спецхран в 1949 г. закрылся для посетителей, потому что не закончил комплектование и инвентаризацию книг. В специальном фонде Академии наук БССР книг не выдавали, поскольку заведующий не успел получить допуск к секретной работе. В ряде областей республики: Минской, Молодечненской, Гомельской, Пинской, Полесской и Полоцкой – отсутствовали условия для хранения запрещенных изданий: не было изолированных помещений, читального зала, инвентарных книг и каталога[350].

До 1953 г. специальные хранилища при областных библиотеках республики почти не выдавали книг. Спецхран при Правительственной библиотеке БССР не функционировал, поскольку не могли подобрать ответственного. Директорам ведущих минских библиотек было предписано перепроверить литературу, вышедшую в период немецкой оккупации (газеты, журналы, листовки), и составить опись с указанием названия, места и года издания, количества имеющихся экземпляров[351]. Подход к спецхрану по своей сути не изменился даже к 1956 г., поскольку послесталинские перемены в стране не влияли на природу советского строя.

Проверка библиотечных фондов

В 1944 г. в республике действовали всего несколько сотен библиотек, многие из которых сильно пострадали и существовали в неприспособленных помещениях[352]. Восстановление книжного фонда требовало не только пополнения пострадавших собраний, но и тщательной проверки литературы, оставшейся со времени оккупации. Решить эту задачу можно было только за счет поступлений из других районов Советского Союза, поскольку полиграфическая база республики оставалась разрушенной, а немногочисленные мобильные типографии обслуживали только самые насущные нужды. Новые фонды комплектовали

---

349 В городской библиотеке имелось много книг и журналов дореволюционного издания, а также произведения запрещенных авторов. Они хранились в особой комнате, но не были приведены в порядок. См.: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 7, л. 11.

350 Докладная записка начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии, от 29 февр. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, лл. 17-17об.

351 О спецфондах минских библиотек: Письмо начальника Главлита БССР Л.В. Садовского – всем начальникам облитов республики от 4 сент. 1952 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 7.

352 О восстановлении книжного фонда Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина: Письмо зам. председателя СНК БССР К.В. Киселева – зам. НКИД СССР И.М. Майскому от сент. 1945 г. (без точной даты) // НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1495, лл. 65-66.

книгами, поступившими из восточных районов страны. В 1945–1947 гг. Государственный фонд литературы СССР выделил для республики 100 тыс. учебников и 1,5 млн книг и брошюр[353]. Это была не только учебная, но и просветительная, пропагандистская, методическая, художественная, научная литература, главным образом на русском языке.

После войны из Германии, Польши, Чехословакии в республику возвратили шестьсот тысяч томов, вывезенных из Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина. Однако более 1 млн книг, среди которых числились особенно редкие и ценные издания, разыскать не удалось[354]. К 1956 г. сеть библиотек в республике и их фонды быстро увеличивались (см. табл. 12).

Таблица 12

Библиотеки и книжный фонд БССР (1940–1956 гг.)

Год	Число массовых библиотек	Количество книг, *тыс. экз.*
1940	4172	5028
1945	2539	1411
1956	8104	20239

Составлено по: *Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах*: Стат. сб. М., 1957. С. 299.

Проверка книжных фондов осуществлялась параллельно с их формированием. «Вредная литература» условно делилась на три основные категории: 1) книги и газеты, изданные в годы оккупации; 2) книги, подлежавшие изъятию в соответствии с приказами Главлита СССР, устаревшие издания, произведения авторов, попавших в опалу, и «врагов народа»; 3) книги, которые еще не успели внести в общие запретительные списки. К последней категории, в основном, относились белорусские издания, которые выбраковывались Главлитом БССР.

[353] Л. Смиловицкий. «Страницы истории работы библиотек послевоенной школы и педагогических училищ БССР» // *Вопросы библиографоведения и библиотековедения*. Минск, 1992. Вып. 13. С. 176.

[354] А. Мальдис. «Трагические судьбы белорусских музейных, библиотечных и архивных собраний во время второй мировой войны»: *Вяртанне-3*: Сб. ст. и док. Минск, 1996. С. 9 (на бел. яз.)

Первичная проверка начиналась с инвентарных журналов. На книгу, вызвавшую подозрение, составлялся краткий отзыв с указанием страниц «засоренности» и заключение библиотекаря. Прежде всего изымалась литература, выпущенная с разрешения немецкой оккупационной администрации. В основном, это были школьные учебники, методические и пропагандистские издания на белорусском и русском языках (см. табл. 13).

Таблица 13

Книги, изъятые цензурой в библиотеках БССР (1945–1948 гг.)

Год	**Число массовых библиотек**	**Количество изъятых книг,** *тыс. экз.*
1945	211	19077
1946	3407	1891
1947	3576	1507
1948 (январь – июнь)	3714	1550

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 15, 31-32, 50; ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 56.

Особое внимание уделялось библиотекам Западной Белоруссии, в которых цензура обнаружила значительное количество «буржуазно-националистической» литературы. В Пинске, Новогрудке, Слониме, Бресте и Белостоке нашли много книг на немецком, французском, английском, польском языках, идише, выпущенных до 1939 г.[355]

Опасения властей имели под собой основание. На книжных складах хранились материалы о преследованиях в Советской России католического духовенства, памфлеты и брошюры с карикатурами на вождей Советского Союза, наделенных семитскими чертами лица, и стихотворными подписями в стиле Штрейхера[356] и Геббельса[357].

---

[355] Из письма А. Большакова от 23 июня 1945 г. по итогам отчета Главлита БССР за 1-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 18-18об.

[356] Юлиус Штрейхер (1885–1946) – гауляйтер Франконии, главный редактор антисемитской газеты «Штурмовик» (нем. «Der Stürmer», «Дер Штюрмер»), идеолог расизма, казнен в 1946 г. по приговору Нюрнбергского трибунала за антисемитскую пропаганду и призыв к геноциду.

[357] Пауль Йозеф Геббельс (1897–1945) – рейхсминистр народного просвещения и пропаганды нацистской Германии в 1933–1945 гг.

Поскольку в областных центрах не оказалось специалистов со знанием иностранных языков, Главлит БССР затребовал списки этой литературы в Минск[358]. Работа затягивалась из-за недостатка методических материалов. На 12 областей (172 района) БССР из Москвы поступило всего несколько десятков алфавитных указателей, инструкций цензору, списков авторов, произведения которых следовало изъять в обязательном порядке. Сверка литературы в соответствии с часто менявшимися рекомендациями отнимала много времени. Критерии оставались расплывчатыми, а запросы в областное или республиканское управления Главлита делом хлопотным и отнимавшим много времени. Районные уполномоченные Главлита БССР не проявляли активности: будучи совместителями, они не хотели заниматься кропотливой работой, которая плохо оплачивалась.

В ноябре 1949 г. Главлит СССР направил ЦК ВКП(б) новые предложения по чистке библиотек. По согласованию с Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) начали издавать сводные списки изданий, подлежащих изъятию из общественного пользования[359]. Первый такой алфавитный список включал около 10 тыс. наименований, за которым были разосланы три новых списка. В дополнение к ним издали «Сводный список подлежащей изъятию литературы, выпущенной за рубежом на русском языке»[360]. Следующим этапом стало составление «Списка лиц, все книги которых подлежат изъятию из библиотек общественного пользования и книготорговой сети за период с 1938 по 1950 г.»[361]. Он включал уже свыше 500 фамилий репрессированных авторов. Каждое десятое произведение имело пометку «художественная литература», иногда с расшифровкой – «поэзия», «драматургия», «проза», «литературная критика». Рассылка этого списка тоже была окутана тайной: списки поступали на ограниченный срок, а затем передавались на закрытое хранение в отдел секретного делопроизводства при библиотеке.

Цензурный надзор распространялся и на классиков русской литературы, издававшихся до 1917 г. Глеб Струве в статье «Чехов в коммунистической цензуре» сравнивает оригинальные произведения великого прозаика с советскими переизданиями. Он обращает внимание на лакуны, образовавшиеся после вмешательства цензуры. Так, были изъяты пассажи о положительной оценке английского колониального присутствия в Китае, высокая оценка искусства итальянской оперы, которую Чехов ставит выше русской, и т. д.[362]

В отличие от довоенных лет, ни одна книга не могла быть запрещена без санкции ЦК КПБ, а местные издания – без соответствующей резолюции

---

[358] Отчет Главлита БССР за 4-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 32.

[359] Письмо начальника Главлита СССР К.К. Омельченко – К. Калашникову от 2 нояб. 1949 г. // *Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 г.*: Документы… С. 357.

[360] Там же. С. 358.

[361] Главлит по согласованию с МГБ выпускал его трижды (1940, 1950, 1960 гг.)

[362] *Slavonic East European Review*. 1955. Vol. XXX. June. P. 327–341.

областного комитета партии. Литература, вызвавшая подозрение, сводилась в аннотированный список и отсылалась в отдел пропаганды и агитации ЦК, где окончательно решали судьбу той или иной книги. Списки в ЦК сопровождались лаконичными аннотациями, отмечавшими мотивы, которыми руководствовались цензоры. Чтобы сохранить ценные книги, предисловия, послесловия, комментарии и т. п., написанные «политически себя скомпрометировавшими» авторами, рекомендовалось удалять эти сопроводительные материалы (а также рекомендательные списки литературы, статьи или портреты), не затрагивая основного текста. Категорически запрещались купюры в трудах основоположников марксизма-ленинизма, стенографических отчетах съездов, конференций ЦК ВКП(б), ВЛКСМ, ВЦСПС, а также в энциклопедических словарях всех лет издания.

Исправления вносили библиотекари под наблюдением цензоров. При удалении предисловий или целых статей производили *вычерки*[363] на титульных листах, оглавлениях и даже на обложках книг. При этом изымались все ссылки на уничтожаемые статьи и фамилии авторов. Исправления делали так, чтобы нельзя было прочесть затушеванные слова или фразу и при этом не испортить внешний вид книги. Удаленные листы сдавались в спецфонд или уничтожались по акту[364]. Книги после экзекуций, казалось бы, могли хранить в общедоступных фондах библиотек, однако и их прятали подальше от глаз читателя[365].

В то же время фонды периодических изданий все эти годы оставались на особом положении – как правило, отечественные газеты и журналы изъятию не подлежали. Существовали лишь определенные ограничения их выдачи. В целом же периодические издания были доступны довольно широкому кругу читателей.

Постоянные перестановки в партийных, советских и ведомственных кругах вносили в работу цензуры значительный диссонанс. Вчерашние герои могли оказаться врагами, и наоборот. Требовалось закрыть доступ к книгам, которые до этого никоим образом не могли быть отнесены к антисоветским. В мае 1951 г. из библиотек Белоруссии требовалось изъять следующие книги и сборники стихов: «Поэты Ленинграда» (Минск, 1948), «Стихи и песни народов СССР о Сталине» (Минск, 1940), И.П. Трайнин. «Советское многонациональное государство»: Стенограмма публ. лекции 21 окт. 1947 г. в Центральном лектории (М., 1947), С. Фирин. «Красные партизаны» (Минск, 1935) и другие издания[366].

---

[363] Вычерк – купюра, изъятие фрагмента литературного, музыкального, научного или любого другого печатного произведения или сокращение его из цензурных соображений.

[364] См. подробнее: К.В. Лютова. *Спецхран Библиотеки Академии наук*: Из истории секретных фондов. СПб., 1999.

[365] А.В. Блюм. *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991 гг*… С. 10-11.

[366] Приказ по Главлиту от 19 мая 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 100.

Все послевоенные годы библиотеки аккумулировали основные достижения, накопленные в стране по всем отраслям знания. Потребность в книге и скромный достаток большинства граждан заставляли людей часто обращаться к их фондам. Несмотря на то, что книжные запасы год от года увеличивались, Главлит сумел так поставить дело, что контроль не ослабевал. Это позволяло эффективно и в сжатые сроки изымать и делать недоступными печатные издания, которые по тем или иным причинам оказывались неугодными советской власти. Повсеместное отсутствие известной книги красноречиво свидетельствовало о перемене в судьбе автора. Постоянная чистка фондов библиотек с целью удалить из обращения неугодные власти произведения и предотвратить доступ к ним как нельзя лучше характеризовала тоталитарное мышление, навязанное обществу.

Отказ от еврейской темы

Катастрофа европейского еврейства оказала огромное влияние на творчество писателей-идишистов. Литература на идише переживала значительный подъем, а давление цензуры было ослаблено. Еврейские писатели рассматривали темы войны и Холокоста с точки зрения еврейской национальной солидарности, единства и исторической преемственности. Вышли книги об участии евреев в войне, произошло сближение советской литературы с литературами других стран. Однако вскоре краткий период оживления еврейской культурной жизни сменился возобновлением гонений.

Осенью 1946 г. в Управлении кадров при ЦК ВКП(б) была подготовлена докладная записка «О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе»[367]. В документе говорилось, что писатели, трактуя судьбу евреев, выражали глубокую скорбь, настроение трагической обреченности и мистики. Однако Ицик Фефер в поэме «Я еврей» утверждал, что еврейский народ могуч и силен мудростью своих библейских пророков. Перец Маркиш призывал воина-еврея не разлучаться со своей винтовкой, «как с Библией твои не разлучались предки...» Религиозная символика была использована им в поэме «Война» и некоторых других произведениях. Шимон Гордон заключил рассказ о подвиге еврея-врача в рамки молитвы, которая совершается в синагоге при заупокойной службе. Дер Нистер (Пинхас Каганович) в рассказе «Дедушка и внук» показал раввина и его внука – руководителя подпольной организации. У виселицы раввин отказался надругаться над значком Ленина, а внук – над Священным писанием. Давид Гофштейн в стихотворении «Библия» благословлял день, когда он взял в руки это «удивительное сказание». В его

[367] О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе: Докладная записка Управления кадров ЦК ВКП(б) от 23 сент. 1946 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 459, лл. 24-35.

стихотворении «Весна» содержалось прямое утверждение Бога как высшей силы, руководящей миром.

Безыдейными были названы стихотворения Д. Гофштейна «Пенициллин», пьеса М. Пинчевского «Я жду», Л. Кацовича «На новых местах» и др. Как ошибочные цензура задержала стихотворения И. Фефера «Разве это значит быть другом?», Д. Гофштейна «День», Х. Моргентау «Я был в парке», М. Бродерзона «Нет такого мгновения», рассказы Ш. Гордона «Молящийся за упокой», Д. Бергельсона «Контрибуция». В тексты некоторых произведений были внесены существенные исправления: «Варшавское гетто» Б. Марка, стихотворения Л. Талалаевского и др.[368]

После войны тема геноцида евреев фактически оказалась под запретом. Некоторые писатели в поиске выхода переносили место действия за пределы СССР, главным образом в Польшу: «Карбонес» («Жертвы») Дер Нистера, «Милхоме» («Война») Переца Маркиша, «Аф тойт ун аф лебен» («Вопрос жизни и смерти») – поэма о восстании в Варшавском гетто Самуила Галкина. Касаться же драматических событий в Белоруссии и на Украине не рекомендовалось[369].

Деятельность еврейской секции Союза писателей Белоруссии возродили только формально. Еврейские писатели добились от секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчука[370] согласия на проведение нескольких литературных вечеров на идише и издание художественного сборника «Твердой поступью». Это был компромисс, поскольку еврейский альманах на постоянной основе в республике не разрешили.

В начале 1946 г. иллюзии на возобновление полноценной культурной жизни на идише развеялись. На приеме у П.К. Пономаренко побывали три члена Союза советских писателей БССР: Гирш Смоляр, Айзик Платнер и Гирш Каменецкий[371]. Заведующий отделом организационно-инструкторской работы при ЦК КПБ В. Закурдяев поинтересовался: почему из всех национальностей и народностей СССР только к евреям «в народе» испытывают столько ненависти?[372] А вскоре в стране началась кампания по борьбе с «безродными космополитами».

---

368 О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе: Докладная записка Управления кадров ЦК ВКП(б) от 23 сент. 1946 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 459, лл. 24-35.

369 А.В. Блюм. *Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991 гг...* С. 92.

370 Михаил Трифонович Иовчук (1908–1990) – советский партийный деятель, доктор философских наук, профессор, специалист по истории русской философии, член-корреспондент АН СССР (1946 г.), работал в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1941–1947 гг., секретарь ЦК КП Белоруссии по идеологии в 1947–1949 гг.

371 Подробнее: М. Нордштейн, Я. Басин. «Так фабриковались фальшивки» // *Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации*: Сб. науч. тр. Минск, 2005. С. 231–248.

372 Г. Смоляр. *Менскае гета: Барацьба савецкіх габрэяў-партызанаў супраць нацыстаў.* Мінск, 2002. С. 165–166.

До этого три книги успел напечатать Айзик Платнер. В 1947 г. в Москве вышел сборник его стихов на идише «С любовью и верой» под редакцией Самуила Галкина, в 1948 г. в Минске – сборник новелл на идише «Самое дорогое», а в 1949 г. книга «Сваёй краіне», в которую вошли его стихи, переведенные на белорусский язык П. Глебкой, М. Лужаниным, Н. Чернушевичем, Э. Огнецвет. Однако повесть «Из-под земли», в которой Платнер рассказывал о евреях из Минского гетто, спасавшихся в подземелье более полугода, увидела свет на русском языке только через сорок лет[373]. Летом 1949 г. Платнера арестовали и приговорили по ложному обвинению к 25 годам заключения в лагере строгого режима «за шпионаж и измену Родине»[374].

Во второй половине 40-х гг. количество публикаций о евреях резко сократилось. Зимой 1948 г. на заседании правления Союза писателей БССР состоялось обсуждение выполнения редакцией газеты «Літаратура і мастацтва» решения ЦК КП(б)Б о газете (от 2 августа 1947 г.). Председатель русской секции А. Миронов отмечал, что в республике вместе с белорусской секцией работают рука об руку русская и еврейская секции – «много и плодотворно, как и должен работать каждый советский писатель». Однако на страницах газеты полностью отсутствуют сообщения о деятельности еврейской секции ССП БССР. Между тем за это время ее члены выпустили несколько книг и проделали *другую немалую работу*[375]. Почему, спрашивал Миронов, в сборнике поэзии, изданном навстречу 30-летию образования БССР, не был представлен ни один русский и еврейский писатель? Почему не пригласили их к участию в юбилейных радиопередачах? Разве газета «Літаратура і мастацтва» не является кровной и родной и для тех и других? Разве газета не обязана болеть за них душой так, как они болеют за всю нашу белорусскую литературу? И делал вывод о том, что необходимо скорее исправить эту «досадную, неприятную, нехорошую и недопустимую» ошибку[376].

Конечно, не Союз писателей БССР и не редакция «Літаратура і мастацтва» были инициаторами такого подхода. Они только озвучивали и проводили в жизнь решения ЦК КП(б)Б. Знал ли об этом А. Миронов или делал вид, что не понимает причин подобного явления? На заседании правления СП приняли информацию Миронова к сведению и этим ограничились…

---

[373] А. Платнер. «Из-под земли» // *Неман*. 1986. № 11. С. 101–114; первая публикация повести на идише в журнале *Советиш геймланд* в 1981 г.

[374] Айзик Платнер (1895–1961) – еврейский поэт, в 1949 г. арестован за шпионаж, измену Родине, антисоветскую подпольную и националистическую деятельность, осужден на 25 лет строгого режима, отбывал срок в Иркутской области, в 1956 г. освобожден с формулировкой «за недоказанностью обвинений».

[375] Какую именно, в документе не уточняется.

[376] Протокол заседания правления ССП БССР от 1 дек. 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 24, л. 141.

Вскоре во многих редакциях и издательствах сотрудники-евреи были смещены с руководящих постов. Замалчивались сведения о тяжелом положении евреев, вернувшихся из эвакуации, дома которых были заняты русскими и белорусами[377]. Евреев-фронтовиков постоянно обвиняли в том, что они купили свои награды в Ташкенте[378]. Многие еврейские писатели и поэты, работавшие до войны в БССР, отказались вернуться в республику из мест эвакуации[379], а Гирш Смоляр уехал в Польшу[380].

По многочисленным свидетельствам людей, близких к Сталину, Хозяин верил, что любой еврей-националист является агентом американской разведки, поскольку евреи якобы считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.) и поэтому они обязаны американцам[381]. Так обрел плоть государственный антисемитизм.

Несмотря на то, что официальные запреты на публикацию произведений на идише отсутствовали, еврейские книги перестали печатать. В 1947–1948 гг. скорее по законам инерции, чем по недосмотру цензуры, в Москве вышли две последние книги о еврейском сопротивлении в годы войны на территории Белоруссии: «Мстители гетто»[382] и «Партизанская дружба»[383]. Статьи и очерки о Холокосте печатались с многочисленными купюрами и небольшим тиражом. Тема участия местного населения оккупированных территорий в массовом уничтожении евреев в них не поднималась[384].

Резкое усиление антисемитизма привело к запрещению «Черной книги» – сборника воспоминаний и документов об уничтожении нацистами евреев на

---

377 L. Smilovitsky. «Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade» // *East European Jewish Affairs*. 2000.Vol. 30. № 2 (Winter). P. 53–70. http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/restitution.htm

378 Г. Смоляр. «“Теплая” встреча евреев-партизан в освобожденном Минске» // *Возрождение* (Иерусалим). 1975. № 4–5. С. 182.

379 Среди них были Мотель Грубиян, Мойше Тейф, Мендель Лившиц и др. См.: Джессика Платнер. *Эта жизнь обернулась вот так*: Воспоминания. Иерусалим, 2010. С. 42.

380 В 1946 г. Г. Смоляр поселился в Варшаве, где стал председателем ЦК евреев Польши (культурно-общественная ассоциация), репатриировался в Израиль в 1971 г.; издал на идише книгу «На последней позиции» (Тель-Авив, 1982) и на английском языке: «Советские евреи за оградой гетто» (Нью-Йорк, 1985).

381 Р.Г. Пихоя. *Советский Союз. История власти, 1945–1991 гг*. М., 1998. С. 77.

382 Гирш Смоляр. *Фун минскер гетто*. М., 1946. Эта книга в переводе на русский язык – «Мстители гетто» (М., 1947) – долгое время оставалась единственной, рассказывающей о еврейском сопротивлении нацистскому геноциду в годы Второй мировой войны.

383 *Партизанская дружба*: Воспоминания о боевых делах партизан-евреев, участников Великой Отечественной войны. Партизанские были: Сб. записок, дневников и воспоминаний. М., 1948.

384 Дер Нистер. «Карбонес» («Жертвы»), Перец Маркиш «Милхоме» («Война») и др.

оккупированной территории Советского Союза и в лагерях Польши[385]. В состав редакционной коллегии входили ученые и писатели разных стран, деятели Еврейского антифашистского комитета (С. Михоэлс, И. Фефер, Д. Бергельсон, П. Маркиш и др.). Весной 1944 г. литературная комиссия под руководством И. Эренбурга собрала большое количество документов и материалов об уничтожении евреев. В 1944–1945 гг. в издательстве «Дер эмес» на идише вышли первая и вторая части книги под названием «Народоубийца». Осенью 1945 г. текст «Черной книги» был готов на русском языке. Главлит утвердил представленный вариант и передал рукопись в «Дер эмес», но издание книги задержало руководство страны[386]. По оценке заведующего отделом издательства Агитпропа ЦК ВКП(б) М.А. Морозова, «Черная книга» содержала серьезные политические ошибки, и поэтому ее издание не было разрешено.

К этому времени Совинформбюро[387] успело разослать рукопись книги в Англию, Францию, Италию, Мексику, Австралию, Палестину, Болгарию, Румынию, Венгрию и Чехословакию. В США «Черную книгу» издали на английском языке.

По мнению Управления пропаганды ЦК ВКП(б), материалы книги давали ложное представление о происходившем. Выходило, что немцы грабили и уничтожали главным образом евреев. Было высказано опасение, что у читателя невольно создается впечатление, будто немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев. По отношению же к русским, украинцам, белорусам, литовцам, латышам и другим национальностям Советского Союза немцы якобы не проявляли такой жестокости. Во многих свидетельствах отмечалось, что для спасения достаточно было приобрести паспорт на имя русского, не походить на еврея и т. п., что в случаях смешанных браков евреи погибали, а русские, муж или жена, оставались в живых. В. Гроссман в предисловии указывал, что у немцев была установлена своеобразная очередность в истреблении народов. В Управлении пропаганды посчитали мысль об «очередности» опасной, ссылаясь на документы ЧГК СССР о беспощадном истреблении гитлеровцами одновременно и других народов Советского Союза[388].

Здесь Главлит допускал логическую подмену. Карательные акции возмездия против мирного населения не имели ничего общего с геноцидом в отношении евреев, которые, в отличие от всех других народов, были заранее обречены

---

[385] *Черная книга*. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. В. Гроссман и И. Эренбург. Иерусалим, 1980.

[386] Письмо С.М. Михоэлса – А.А. Жданову от 18 сент. 1947 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 438, лл. 218-219.

[387] Совинформбюро – см. *Список сокращений*.

[388] Подробнее о работе над «Черной книгой» см.: И.Г. Эренбург. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1976. С. 411–418.

на поголовное уничтожение. Это и было камнем преткновения для советской пропаганды, которая отрицала вину государства, ничего не сделавшего для того, чтобы защитить целый народ от истребления. В 1948 г., после роспуска Еврейского антифашистского комитета и ареста его членов, был уничтожен готовый набор этой книги на русском языке. Вскоре закрыли издательство «Дер Эмес» под предлогом, что круг его читателей незначителен, а большая часть книг на идише не находит распространения.

Зимой 1949 г. закрыли секцию еврейских писателей при Союзе писателей СССР и альманах на идише[389]. Начальник Главлита с 1946 по 1957 г. К.К. Омельченко направил письмо Г.М. Маленкову о чистке библиотечного фонда страны и предприятий книготорговли от «буржуазно-националистической, сионистской и клерикальной» еврейской литературы. Это были книги С. Ингулова, С. Диманштейна и М. Литвакова, Т. Герцля, А. Идельсона и других авторов, принадлежавших к Бунду и сионистам.

По указанию цензуры из библиотек изымались десятки наименований книг «сионистской тематики» и еврейская литература религиозного содержания (например, «Букет роз» – книга нравоучений, которые обязан знать каждый еврей; «Эц хаим» – «Древо жизни» – книга по Каббале, написанная в 1573 г., содержащая описание еврейских религиозных обрядов, и др.)[390]. Как устаревшие были переданы в спецхраны многие художественные произведения, затрагивавшие еврейскую тему, и произведения, направленные против антисемитизма. Главлит рассылал по библиотекам списки запрещенных еврейских книг. Так, в марте 1949 г. в библиотеки поступил 46-страничный список книг, авторы которых – члены Еврейского антифашистского комитета. Вскоре этот список пополнили изданиями «Кадимы»[391], трудами и справочниками по еврейской истории[392], а в 1952 г. – сборниками «Еврейские народные сказки» и «Неодолимый враг»[393], в который входили сочинения В. Короленко, С. Юшкевича, Д. Айзмана, отрывок из романа «Разгром» (глава «Левинсон») А. Фадеева, рассказы И. Бабеля и других писателей.

---

[389] О роспуске объединений еврейских писателей и закрытии альманахов на еврейском языке: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 февр. 1949 г. // *Сталин и космополитизм 1945–1953 гг.* Документы Агитпропа ЦК / Под общей ред. А.Н. Яковлева. М., 2005. С. 263.

[390] Письмо К.К. Омельченко – Г.М. Маленкову от 12 февр. 1949 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 1, д. 749, лл. 10-11.

[391] «Кадима» – сионистское издательство на русском языке в Одессе (1905–1916 гг.) и Петрограде (1917–1922 гг.).

[392] *Евреи в СССР*. М., 1930; *Евреи в царской России и СССР*: Краткий путеводитель по выставке. Л., 1939; *Еврейские писатели СССР*. М., 1936 г. и др.

[393] *Неодолимый враг*: Сб. художеств. произведений против антисемитизма / Сост. В. Вишнев. М., 1930.

Итоговый «Алфавитный список авторов, все произведения которых изымаются из библиотек и книготорговой сети»[394] включал имена многих арестованных деятелей еврейской культуры, в том числе С. Галкина, Л. Квитко, П. Маркиша, И. Фефера, Л. Штерн, И. Нусинова. 6 июня 1949 г. Главлит издал приказ об изъятии почти 500 названий «сионистских» и «националистических» еврейских книг на русском языке. Под запретом оказались не только книги религиозного содержания (Танах, Талмуд, молитвы, сказания, описания еврейских праздников и обрядов), раввинистическая литература, труды классиков сионизма (Ахад ха-Ам, Т. Герцль, В. Жаботинский, М. Нордау, Л. Пинскер и др.), материалы сионистских конгрессов, исследования и отчеты, посвященные Еврейскому колониальному банку, Еврейскому национальному фонду, истории Палестины, всеобщей истории евреев в России, но и произведения об участии евреев в русском освободительном движении, по истории евреев в СССР, библиографические указатели книг по еврейской тематике, описания каталогов библиотек и издательств[395].

В Белоруссии эту инициативу восприняли по-своему. Летом 1949 г. МГБ сфабриковал «дело» о еврейских писателях республики, которые якобы по заданию ЕАК собирали секретную информацию для иностранных разведок, в своих произведениях извращали советскую действительность и клеветали на партийные органы, препятствовали развитию еврейской культуры в БССР и в целом искажали национальную политику в СССР[396]. В числе арестованных оказались ведущие еврейские литераторы. Их обвинили в том, что в своих корреспонденциях, стихах, очерках и рассказах они использовали материалы информационного характера о промышленных и других объектах республики, которыми интересовались американские органы. Мотл Грубиян якобы под предлогом показа трудовых подвигов евреев подробно описывал работу Минского радиозавода и давал характеристику его промышленной продукции. Айзик Платнер поместил в сборник новелл на идише «Самое дорогое», вышедший в 1948 г. в Минске, рассказ о 13 евреях, оставшихся в живых после ликвидации Минского гетто и дождавшихся освобождения города. По мнению старшего следователя по особо важным делам МГБ СССР подполковника Носова, очерк «изобиловал» тирадами из Библии, древнееврейских сказаний с националистическим привкусом. Айзик Платнер, Гирш Каменецкий, Хаим Мальтинский, Григорий Березкин и Исаак Коган были осуждены за антисоветскую деятельность на сроки от 10 до 25 лет

---

[394] Приказ начальника Главлита СССР К.К. Омельченко № 48 от 6 июня 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 18, л. 66.

[395] *Литература о евреях на русском языке 1890–1947 гг*. Книги, брошюры, оттиски статей. Библиограф. указатель / Сост. В.Е. Кельнер, Д.А. Эльяшевич. СПб., 1995.

[396] Из протокола допроса Мотла Грубияна от 19 окт. 1949 г. // Центральный архив КГБ Республики Беларусь. Уголовное дело № 9959, т. 2, л. 148.

заключения, а все их произведения изъяты из библиотек и исчезли с книжных прилавков[397].

Антисемитская кампания охватила все сферы общественной, политической и даже далекой от официальной пропаганды производственной жизни. По оценке Якова Лурье, Апокалипсис 1949–1953 гг. уступал Апокалипсису 1937–1939 гг. по масштабам арестов, но моральная атмосфера в стране была еще тяжелее[398]. По приказам Главлита, рассылаемым один за другим, изымались из продажи и хранения книги еврейских авторов. Сводный «Библиографический список устаревших изданий, не подлежащих пользованию» (1952 г.) изобиловал наименованиями книг на еврейскую тему. Не допускались никакие упоминания о евреях, о еврейской истории в художественных произведениях, научных монографиях, статьях, кинофильмах и спектаклях. Цензуру дополняли литературные критики, статьи которых и по стилю и содержанию напоминали доносы, их бдительность часто превосходила решения Главлита.

Кульминацией травли стала опубликация в «Правде» 13 января 1953 г. заявления ТАСС «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» и последовавший за ним через два дня приказ начальника Главлита СССР об изъятии из массовых библиотек и книготорговли всех произведений «врачей-вредителей», включая монографию М. Загорского «Михоэлс» (М.–Л., 1927), родного брата М.С. Вовси, бывшего главного терапевта Советской армии[399].

Не остались безучастными к преследованиям и руководители Союза советских писателей А. Фадеев, А. Сурков и К. Симонов, направившие 24 марта 1953 г. письмо на имя Н.С. Хрущева[400], в котором обосновали необходимость очередных репрессий как меры по освобождению писательской организации от балласта. Документ содержал информацию о ряде лиц, бездействующих литераторов, «мешающих» работе Союза писателей. Среди заядлых «иждивенцев, бездельников и халтурщиков» в основном указывались литераторы-евреи, писавшие главным образом на идише. Им вменялось в вину отсутствие публикаций за последние 15 лет, несмотря на то, что книги и газеты на идише под разными предлогами не финансировались государством, а частные издательства были запрещены.

Литература на идише в Советском Союзе практически не пополнялась новыми творческими силами и была обречена на исчезновение с уходом из жизни последних пишущих авторов. Предельно сузился и круг ее читателей. В 50-е гг. в стране не выходило ни одного еврейского периодического издания, кроме

---

397 Из протокола допроса Мотла Грубияна от 19 окт. 1949 г. // Центральный архив КГБ Республики Беларусь. Уголовное дело № 9959, т. 2, л. 148.

398 Я.С. Лурье. *История одной жизни*. СПб., 2004. С. 189.

399 Приказ Главлита СССР от 15 янв. 1953 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 204, л. 7.

400 Т.М. Горячева. *Политическая цензура в СССР…* С. 303.

официальной газеты «Биробиджанер штерн», издававшейся в 1950–1954 гг. тиражом 1 тыс. экземпляров. В течение 11 лет (начиная с 1948 г.) в СССР не было напечатано ни одной книги на идише. Цензура не пропускала никаких материалов по еврейской тематике, кроме откровенно антисемитских, в средствах массовой информации. В итоге послевоенное поколение евреев было лишено возможности не только читать и писать, но и говорить на родном языке. Идиш перестал быть средством общения и должен был исчезнуть вместе с его последними носителями, еще недавно составлявшими значительную часть населения Белоруссии.

Изъятие религиозной литературы

После окончания войны религия не представляла угрозы советской власти. Основные конфессии спешили засвидетельствовать свою лояльность, а государство, со своей стороны, нуждалось в поддержке всех слоев населения[401]. В республике в этот период действовали греко-православные церкви[402], римско-католические костелы[403], протестантские церкви[404], мечети[405] и синагоги[406]. Из-за стихийного оживления религиозных настроений в народе власти вынуждены были смягчить свою прежнюю позицию в этом вопросе. На начало января 1948 г. в Белоруссии существовали 634 религиозные общины разных вероисповеданий,

[401] М.В. Шкаровский. *Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве*. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 2000.

[402] В 1948 г. в БССР насчитывалось 1050 православных церквей и молитвенных домов, 778 священников, три монастыря – в Полоцке, Гродно и Жировичах. См.: *Канфесіі на Беларусі* / Пад рэд. У. Навіцкага. Мінск, 1998. С. 238–240, 250–253.

[403] С 1946 по 1950 г. количество костелов в республике сократилось с 387 до 154, ксендзов – с 225 до 111. Из 65 монастырей, действовавших в 1939 г., последний закрыли в Гродно в 1950 г., приспособив здание под больницу // НАРБ, ф. 952, оп. 2, д. 4, лл. 9-12.

[404] К 1948 г. число сектантских общин в республике уменьшилось с 277 до 235, в которые входило 15 880 чел. // НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 146, л. 67; оп. 62, д. 348, лл.15-17.

[405] Мусульмане в БССР были представлены татарами, которые в 1947 г. имели 13 общин (Минск, Новогрудок, Барановичи, Сморгонь и Ивье); к 1952 г. из них осталось две – в Ивьевском (д. Муравщизна) и Несвижском (д. Асмолово) районах // С.У. Думін, І.Б. Канапацкі. *Беларускія татары: мінулае і сучаснасць*. Мінск, 1993. С. 11; І.Б. Канапацкі, А.І. Смолік. *Гісторыя і культура беларускіх татар.* Мінск, 2000. С. 35.

[406] В конце 40-х гг. были удовлетворены просьбы о регистрации только трех иудейских общин (Минск, Калинковичи и Бобруйск): Л. Смиловицкий. «Евреи Белоруссии в первое послевоенное десятилетие» // *Вестник Еврейского университета* (Москва). М., 2004. № 9 (27). С. 213–236.

включая 17 иудейских[407], однако официальную регистрацию сумели пройти только 476 из них, в том числе две иудейские[408].

На деятельность одних государство смотрело снисходительно, других поддерживало де-факто, а третьих всеми силами ограничивало. Протестанты (евангельские христиане, пятидесятники, лютеране, адвентисты седьмого дня) оставались малочисленными. Соблюдение минимума обрядов им разрешали, чтобы избежать религиозного подполья. Белорусские татары старались выехать в Польшу, районы Поволжья, Татарии, Башкирии и Сибири. Наиболее негативное отношение режим испытывал к католикам (их обвиняли в идеологических диверсиях, срыве поставок сельхозпродуктов, сопротивлении коллективизации, бойкоте выборов, ополячивании белорусов) и религиозным евреям. Власти не только отказывали верующим в регистрации общин, запрещали восстанавливать храмы, готовить духовных лиц и издавать религиозную литературу, поддерживать связь с международными религиозными объединениями, но и пытались разрушить общины изнутри, поощряя доносительство и настраивая детей против родителей[409].

Несмотря на послабления, сущность отношения режима к конфессиям не изменилась. В 1948 г. секретарь ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчук прямо заявлял, что религия – наш враг, и все, что есть в наших руках: литература, периодическая печать, радио, устная пропаганда, учреждения искусства, – необходимо использовать, чтобы освободиться от религиозного дурмана. Человек, остающийся в плену верований, не способен стать сознательным строителем коммунизма, хотя он может оказаться хорошим работником[410].

Религиозная литература была изъята из массовых библиотек и книготорговли повсеместно. Библия, Пятикнижие, молитвенники и другие книги для верующих сохранились главным образом у тех, кто вернулся из эвакуации. Часть книг перешла к верующим после закрытия храмов и молитвенных домов[411]. В других случаях

---

[407] L. Smilovitsky. «Jews under Soviet Rule: attempts to renew Jewish Life during the post war reconstruction period: Case of Belarus, 1944-1953» // *Cahiers du Monde Russe* (Paris). French Research Centre D'études des Mondes Russe, Caucasien Etcentre-Européen. Special issue devoted to WWII Aftermath in Soviet Union / 2008. April-September. Vol. 49/2-3. P. 475–514.

[408] Н.А. Гусаров. *Отчетный доклад ЦК КП(б)Б XIX съезду Компартии Белоруссии*. Минск, 1949. С. 86–87.

[409] L. Smilovitsky. «Soviet Policy on Religious Minorities in the Post-War Period: Case of Belarus, 1944–1956» // *Belarusian Review*. 2011. Vol. 23, №4 and Vol. 24. №1.
http://thepointjournal.com/output/index.php?art_id=113&spr_change=eng
http://arche.by/by/page/science/7456

[410] Стенограмма I съезда Белорусского тетрального общества (Минск, 12 апр. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 7, л. 253.

[411] Ф. Гарковенко. *О религии и церкви*. М., 1965. С. 100.

чиновники просто отказывались возвратить книги и молитвенные предметы. Историческую, справочную и теологическую, учебную литературу забирали на том основании, что это не молитвенники, а церковь или синагога – не учебное заведение. Конфискованные издания отправляли в макулатуру для переработки на фабрики вторичного сырья. Издавать молитвенники, комментарии и толкования религиозных постановлений, литературу по истории религии, календари, как и предметы, используемые для совершения обрядов, не разрешалось, а ввоз их из-за границы был воспрещен. При этом запрет не распространялся на издание атеистической литературы, которая не встречала препятствий со стороны цензуры. В библиотеках отдел религии должен был содержать только антирелигиозные книги[412].

В областных, городских и районных отделениях Главлита скопились «горы» запрещенной литературы, отнятой после освобождения республики, которую свозили из библиотек, книжных магазинов и монастырей. Основная часть литературы была на польском, идише, иврите и немецком языках. Члены комиссий не владели иностранными языками и нуждались в помощниках из местной интеллигенции. С их помощью составляли реестр и описывали печатные издания по-русски, указывая автора, название, место и год издания, а также краткое содержание. Если в книге находили запрещенные места теологического содержания, то одно из них приводили дословно. Последняя рубрика в реестре оставлялась для резолюции начальника.

Если на обложке под именем автора стояли латинские буквы S.Y. (*Societas Jesu*), логотип ордена иезуитов, то такое издание отправляли в утиль не читая, пусть даже оно было посвящено теории Дарвина. Если фамилию автора находили в запретительных списках – все его произведения изымались из обращения. Фактически цензура исполняла роль инквизиции, подобно тому как поступали с книгами еретиков в соответствии с Папским индексом[413].

В 1947 г. в БССР было изъято 17 тыс. 343 книги религиозного содержания. Смешанные комиссии из представителей цензуры и Совета по делам религиозных культов работали во всех областях республики. Они составляли описи на изъятую литературу, которые направлялись на утверждение в Главлит, а затем книги везли в областные центры, где их уничтожали[414].

---

[412] В 1948 г. Госиздату БССР разрешили издать сверх плана: С.А. Пахуто. «Крах религиозной легенды о сотворении мира» (10 тыс. экз.); Г.И. Лившиц. «Происхождение религии» (10 тыс. экз.) и «Сборник литературных антирелигиозных произведений» (10 тыс. экз.). См.: Приказ Главлита БССР от 12 июня 1948 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 9, л. 43-44.

[413] Папский индекс (Index Librorum Prohibitorum) – Индекс запрещенных книг – впервые вышел в Риме в 1559 г. Книги, попавшие в этот список, нельзя было издавать, читать, хранить, продавать и переводить на другой язык.

[414] Отчет Главлита БССР за 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 10, л. 42.

Дефицит религиозной литературы, как и предметов для молитвы, который испытывали верующие, незнание мировой классики и произведений искусства, связанных с религиозными сюжетами, приводили порой к недоразумениям. В 1948 г. достоянием гласности стал случай, когда в киоски «Союзпечать» Орши и ряда других городов республики поступила из Москвы репродукция картины Рафаэля Санти «Сикстинская мадонна»[415], которую население раскупило и использовало в качестве иконы. Секретарь Витебского ОК КП(б)Б И.И. Красовский направил секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчуку официальное письмо, в котором указывал, что в связи с оживлением религиозных настроений продажу подобных репродукций следует запретить. Республиканской конторе «Союзпечать» предложили собрать репродукции известной картины и возвратить в Москву как товар, «нереализованный из-за отсутствия спроса»[416].

В детских хрестоматиях слова «птичка божия не знает ни заботы, ни труда»[417] цензоры предлагали изменить на «птичку милую», а, переиздавая запрещенные в царское время книги Степняка-Кравчинского, повсеместно вычеркивали восклицания «Господи!» и «Боже мой!».

Книги шведской писательницы Сельмы Лагерлеф в дореволюционной России пользовались огромной популярностью. Однако «религиозные мотивы», выявленные цензурой в ее книге «Легенды о Христе», стали причиной, по которой в Советском Союзе ее произведения не издавались. Исключение составила детская книга «Путешествие Нильса по Швеции» (в русском переводе «Путешествие Нильса с дикими гусями»). Советские критики считали Сельму Лагерлеф «одной из самых реакционных писательниц конца XIX – начала XX в.». Повод для этого был: социализм Лагерлеф считала «последним величайшим искусом антихриста». Десятилетия спустя советские критики смягчили эту оценку – якобы Лагерлеф искала выход в религиозно-идеалистической программе духовного самообновления, но только в 1991 г., после отмены цензуры, «Легенды о Христе» вновь вышли в свет в современных российских издательствах.

В 1954 г. работа по проверке библиотечной и книготорговой сети подверглась перестройке и легла на ведомства и учреждения, которым были вверены книжные фонды. Наиболее одиозные издания, допускавшие крайности в критике религии и демонстрирующие пренебрежительное отношение к верующим, изымались из библиотек. В 1956 г. были сделаны послабления в отношении русской пра-

---

[415] «Сикстинская мадонна» (итал. Madonna Sistina) – выдающееся произведение итальянского Ренессанса (1512 г.), хранится в Галерее старых мастеров в Дрездене; после 1945 г. была на реставрации в Москве и в 1955 г. возвращена в Дрезден.

[416] Письмо секретаря Витебского ОК КП(б)Б Н.И. Красовского – М.Т. Иовчуку, секретарю секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии, от 23 июня 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 146, л. 142.

[417] Из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» (1824 г.).

вославной церкви и костела. Московскому патриархату даже позволили издать полный перевод Библии со старославянского на современный русский язык, и часть тиража по разрешению попала в республику. Однако выпуск книг по еврейской традиции, молитвенников, календарей, как и любых других изданий на иврите, оставался под запретом.

Власти надеялись, что предпринимаемые действия помогут предотвратить попытки остававшихся немногочисленных групп верующих соблюдать религиозные обряды и не позволят распространить «эти предрассудки» среди молодежи. Любое уважительное отношение к религиозному представлению о мире считалось недопустимым. Опасения режима, что даже небольшое количество религиозной литературы, которая еще сохранилась, сможет нарушить атеистическую картину и внести диссонанс в материалистическое представление о мире, заставляли его ревностно следить за тем, чтобы она находилась в спецхране или уничтожалась.

Ограничение иностранных изданий

Победа в войне и переход к мирному строительству вызвали у людей ожидание перемен в сторону свободомыслия, большей открытости как внутри страны, так и в отношениях с бывшими союзниками, однако режим справедливо усматривал в этом угрозу своему диктату. Страх потери или ограничения всевластия привели сталинское руководство к отказу от международного сотрудничества и самоизоляции советского общества. Идеологически эта политика была оформлена как борьба с *тлетворным влиянием* Запада. Контакты советских граждан с заграницей, которые и без того были минимальными, сошли на нет. Иностранные языки, преподававшиеся в учебных заведениях, негде было применить. Советские люди не выезжали за границу не только как туристы или по приглашению родственников, но даже с целью воссоединения семей, а о браках с иностранцами не могло быть и речи. Прослушивание передач зарубежного радио приравнивалось в государственной измене.

Одним из инструментов этой политики запретов и ограничений стал Главлит. В феврале 1946 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о цензуре информации, исходящей из СССР[418]. Устанавливался тотальный контроль над сведениями, доступными иностранным корреспондентам. Создавались непреодолимые препятствия для передачи журналистских материалов, неугодных властям, а число

[418] О цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 февр. 1946 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 1479, лл. 158-159.

иностранных корреспондентов, особенно из Соединенных Штатов Америки, Великобритании Франции, сокращалось[419].

Контроль над информацией, передаваемой за границу, был возложен на уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати, обязанности которого одновременно исполнял начальник Главлита СССР. Поводом послужило недовольство Сталина ослаблением цензуры над телеграммами иностранных корреспондентов. В ноябре 1945 г. было дано поручение не пропускать материалы, которые: 1) разглашают военные, экономические и другие государственные тайны СССР, 2) допускают измышления о деятелях партии и правительства, 3) извращенно освещают текущие события в стране, 4) все другие материалы, могущие нанести ущерб интересам государства[420].

Осенью 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О выписке и использовании иностранной литературы»[421]. В документе говорилось, что по соображениям правильного хранения и использования иностранной литературы, а также в целях экономии валюты ассигнования на выписку иностранных изданий сокращаются с 11,8 млн до 9 млн руб. ЦК ВКП(б) по-прежнему разрешалось выписывать литературу всех видов (научную, политическую, художественную, техническую), МИД – политическую, экономическую и историческую, Академии наук – по профильным спискам, утвержденным Президиумом АН, публичным библиотекам – по спискам, утвержденным секретариатом ЦК компартии союзных республик, министерствам и ведомствам – по спискам, одобренным Советом Министров. Всю иностранную литературу следовало хранить в библиотеках и выдавать во временное пользование на ограниченный срок. Индивидуальная выписка любой иностранной литературы была запрещена, за единственным исключением для действительных членов АН СССР.

Холодная война отравила отношения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Однако многие продолжали верить, что еще не все потеряно. В мае 1947 г. группа корреспондентов 13 ведущих иностранных агентств в Москве[422] обратилась с письмом к Сталину. В нем они отмечали, что отмена цензуры содействовала бы авторитетности объективных репортажей из Советского Союза[423]. Наивность такого шага была очевидна, поскольку Сталин и

---

[419] W. Basso. *The Moscow Correspondents: Reporting from Russia from the Revolution to Glasnost.* New York, 1988. P. 121, 124.

[420] *Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг.* М., 2002. С. 195–202.

[421] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 сент. 1946 г. // РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1062, лл. 8-10; см. *Власть и художественная интеллигенция*. Документы ЦК РКП (б) – ВКП(б), ВЧК –ОГПУ–НКВД… С. 604–605.

[422] «Christian Science Monitor», «Daily Worker», «New York Times», «Associated Press», «New York Herald Tribune», «Reuters» и др.

[423] Письмо Ассоциации англо-американских корреспондентов в СССР И.В. Сталину от 14 мая 1947 г. // Архив президента РФ, ф. 3, оп. 34, д. 37, лл. 128-129.

его окружение как раз предпочитали держать международную общественность в неведении.

Запрет был распространен на массовые периодические издания из-за рубежа, которые объединили под понятием «пропаганда», а вместе с ними и на научную литературу в области естествознания, философии, экономики, финансов, статистики и др. Существовали издания, которые сразу направлялись в спецхран. Это была почти вся западная пресса: «Guardian», «Sun», «Daily Mirror», «Daily Mail», «Bild», «Die Welt», «Berliner Zeitung», «Financial Times», «Stern», «The New York Times», «American Journal», «Spiegel», «Observer», «Life» и ряд других. Газеты стран *народной демократии* Главлит не проверял, и они поступали в продажу свободно, за исключением тех номеров, в которых события освещались иначе, чем в Советском Союзе.

Излишне отмечать, что советские газеты, как и радиопередачи, распространялись на Западе беспрепятственно. Что касается прессы коммунистических партий из капиталистических стран, то она поступала в СССР выборочно, поскольку ее авторы периодически позволяли себе собственную трактовку событий международной жизни и рабочего движения. Официальные печатные органы КП США, еженедельник «People's World», литературно-политический журнал «New Masses», ежемесячники «Communist» (1927–1946), «Political Affairs Magazine», газета КП Великобритании «Daily Worker», еженедельник КП Канады «Canadian Tribune», газета КП Франции «L'Humanite» и КП Италии «Unita» время от времени отклонялись в своих публикациях от генерального курса КПСС.

С одной стороны, коммунистическая пресса зарубежных стран не желала терять лицо, а с другой – существовала за счет щедрой финансовой помощи советского правительства. Закупка и распространение в СССР газет и журналов коммунистических и рабочих партий была одной из легальных форм их поддержки. В Советский Союз поступали периодические издания этой категории 90 наименований из 42 стран. На их приобретение и авиадоставку из государственного бюджета ежегодно расходовалось до 4,5 млн инвалютных рублей. Примерно половина закупаемых газет поступала в продажу с недельным опозданием, поскольку из-за экономии иностранной валюты они доставлялись преимущественно «Аэрофлотом». Газеты *друзей*[424] не рекламировались советскими органами печати, а стоимость зарубежной периодики в три раза превышала аналогичные отечественные издания[425]. Однако стоило «газете друзей» поместить письмо читателя

---

[424] Так в документе.

[425] О закупке и распространении в СССР периодических изданий коммунистических и рабочих партий, прогрессивных организаций капиталистических и развивающихся стран: Выписка из протокола Секретариата ЦК КПСС от 22 февр. 1990 г. // Архив Владимира Буковского. КПСС, идеология и политика (печать, радио и телевидение): http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/ideolog/ct112-90.pdf

с нестандартной, по советским меркам, точкой зрения, и весь ее закупленный тираж шел под нож, невзирая на материальные затраты советской стороны.

Строго соблюдался запрет на книги эмигрантских издательств. Даже если это была русская классика: сочинения А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.И. Куприна и др., – их немедленно направляли в спецхран. Сочинения Л.Н. Гумилева и А.А. Ахматовой, вышедшие в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке, и все книги «ИМКА-Пресс» из Парижа также попали в разряд запрещенных.

Совершенно нетерпимым было отношение цензоров к эротике, под которую подводились порой самые невинные вещи. Предосудительной сочли повесть австрийского классика Артура Шницлера «Барышня Эльза», изданную ленинградским издательством «Сеятель» в 1925 г. Главлит определил ее как «бульварно-порнографическую новеллу». На самом деле повесть представляет собой исповедь истеричной барышни. Крайне негативно был расценен и рассказ Оскара Уайльда «Царь Жизни», который охарактеризовали как апологию «аморального эгоизма, праздности и... утонченной извращенности». Цензура обнаружила в нем элементы порнографии с гомосексуальным оттенком. Писателя стали считать «вредным», и поэтому его произведения не печатали до 1960 г., когда вышел двухтомник, подготовленный А. Аникстом.

Переводные книги зарубежных писателей отправляли в спецхран, если в роли литературного героя выводился реальный человек, объявленный персоной нон грата. Одно упоминание имени Л.Д. Троцкого приводило к уничтожению тысяч книг или заточению их в спецхран. Так поступили с книгой очерков известного датского писателя Мартина Андерсена-Нексе[426] «Навстречу молодому дню: путешествие в Советскую Россию», написанных по итогам поездки автора в СССР. Писатель оправдывает все действия советской власти, включая *красный террор*, однако для цензуры это значения не имело. Другие произведения Нексе на русском языке издавались неоднократно и позднее, в 1951–1954 гг., составили собрание сочинений в десяти томах.

Троцкий стал также причиной запрета известной книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». В русском переводе ее печатали много раз с предисловием В.И. Ленина. Однако после 1929 г. ранние издания этого произведения Рида были уничтожены. Под запрет попали все книги Бруно Ясенского[427], приехавшего в СССР в 1929 г. и расстрелянного в 1938 г. Началась «цепная реакция»:

---

[426] Мартин Андерсен-Нексе (1869–1954) – датский писатель, один из основателей Коммунистической партии Дании, с 1951 г. жил в ГДР.

[427] Бруно Ясенский (Виктор Яковлевич Зисман; 1901–1938) – польский и русский советский писатель, поэт, драматург, секретарь Международного объединения рабочих писателей, главный редактор журнала «Интернациональная литература». Арестован по подозрению в шпионаже в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1956 г.

русские переводы произведений венгерских писателей попадали под запрет из-за упоминания имени Бела Куна[428] – романы «Тисса горит» Бела Иллеша и «Тактика» румынского прозаика Максимилиана Каханы. Неважно, что в предисловиях к ним, написанных с марксистских позиций, были правильно расставлены классово выверенные акценты, ведь текст принадлежал перу «врага народа». Были отняты у читателей роман Джека Лондона «Железная пята» из-за того, что автором предисловия являлся Карл Радек; роман лауреата Нобелевской премии по литературе Перл Бак «Земля»[429] пустили под нож из-за послесловия к нему Сергея Третьякова[430].

Из романа Оноре де Бальзака «Цезарь Биротто» цензура потребовала удалить предисловие Виктора Сержа (псевдоним Виктора Кибальчича)[431]. Подлежали изъятию все произведения Эрнста Глезера и Ричарда Райта[432], в которых якобы содержалась антисоветская и антикоммунистическая пропаганда. В библиотеках после войны имелись пять книг Глезера в русском переводе, в том числе роман «Мир», и многочисленные популярные издания Ричарда Райта: «Дети дяди Тома», «Утренняя звезда», «Рассказ из жизни негров в южных штатах

---

[428] Бела Кун (1886–1938) – венгерский и советский политический деятель, журналист; в марте 1919 г. провозгласил Венгерскую советскую республику, просуществовавшую 133 дня; член исполкома Коминтерна с 1921 г., член ЦК Компартии Венгрии, работал в издательстве «Гослит». В 1937 г. арестован как троцкист, реабилитирован посмертно в 1956 г.

[429] Перл Бак (Сайденстрикер; 1892–1973) – американская писательница, дочь миссионера, провела детство и юность в Китае, лауреат Нобелевской премии по литературе (1938 г.); учредила первое в мире агентство по международному усыновлению (1949 г.). Ее романы позднее выходили в СССР, несмотря на обвинение, что автор, резко полемизируя с коммунистами, проповедует принципы абстрактного христианского демократизма.

[430] Сергей Михайлович Третьяков (1892–1937) – русский публицист, драматург, поэт-футурист, редактировал журнал «Новый Леф» (1928 г.), первый переводчик произведений Бертольда Брехта. Расстрелян в 1937 г., посмертно реабилитирован.

[431] Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич; 1890–1947) – уроженец Бельгии, из семьи революционных эмигрантов из России, член партии эсеров, затем анархист. С 1919 г. в России, где вступил в ВКП(б), примыкал к левой оппозиции, арестован в 1933 г. и выслан в Оренбург. Благодаря заступничеству иностранных социалистов, в частности Ромена Роллана, Сталин в 1936 г. разрешил Кибальчичу покинуть СССР; жил в Бельгии, бежал от нацистов в Мексику в 1940 г.; занимался литературным творчеством.

[432] Эрнст Глезер (1902–1963) – немецкий писатель, представитель так называемого «поколения без родины». После прихода Гитлера к власти эмигрировал, однако вскоре вернулся в Германию; Ричард Натаниэль Райт (1908–1960) – известный афроамериканский писатель. Его первая книга рассказов «Дети дяди Тома» (1938 г.) была удостоена премии журнала «Стори мэгэзин». В 1939 г. получил стипендию Гуггенхейма, что позволило ему написать роман «Сын Америки» (1940 г.) и автобиографическую повесть «Черный» (1945 г.).

Америки» и др. В каталоге спецхрана появилась карточка: «Глезер Эрнст. Изъять все произведения». Ричарда Райта не тронули, поскольку считалось, что его книги показывают судьбу чернокожего американца, «обреченного на духовное одичание и гибель». Советская критика указывала, что, несмотря на натурализм, в произведениях Райта проявлялась «ненависть художника к социальному строю, уродующему человеческую личность».

Оказалось под запретом произведение для детей немецкого писателя Вольдемара Бонзельса «Приключения пчелки Майи» (1912 г.). Аллегорически изображая отношения в мире людей, автор повествует об опасных приключениях пчелы Майи, ее друзьях и врагах, о том, как она «спасала свой народ». Цензоры нашли в первом советском издании мотивы, которые сочли непозволительными в книге для детей младшего школьного возраста. Прежде всего «царистские», пчела сообщает о себе: «Я живу в замковом парке. Наша царица Елена VIII». Пчелы подхватывают: «Во имя права и справедливости, во имя Царицы, защищайте государство!» До нее доносятся слова старой «боевой» песни пчел о том, что нужно бороться за свободу, не жалея сил и даже самой жизни[433].

Безусловно, любое суверенное государство имеет право контролировать переводную литературу и поток печатных произведений, поступающих через его границы. Однако цензура в СССР препятствовала получению информации, что наносило ущерб развитию общества, ограничивало его потенциал, тормозило научный, культурный и технический прогресс. По образному выражению Жореса Медведева, цензура напоминала няньку, которая решила, когда человек уже вырос, кормить его с ложечки и через соску манной кашей и теплым молоком, не позволять выходить на улицу[434]. Но организм, воспитанный без контакта с внешней средой, не обладает иммунитетом. Адаптация к внешней среде не развита. Даже советские функционеры, занятые контрпропагандой, не обладали нужной базой сведений в соревновании идей. Этих работников было много, но они ослабли и «закостенели», заботливо закрытые колпаком цензуры[435].

В Белоруссии нельзя было купить, найти в библиотеке или выписать наиболее известные международные журналы, которые имели репутацию флагманов мировой науки. В списке нежелательных изданий оказались американский журнал «Science»[436] и аналогичный британский журнал «Nature»[437]. Они служили

[433] См.: А.В. Блюм. «Зарубежная литература в спецхране» // *Иностранная литература*. 2009. №12. С. 131–146.

[434] Жорес Александрович Медведев (1925 г. р.) – российский писатель, диссидент и ученый, брат-близнец историка Роя Медведева.

[435] Ж. Медведев. *Тайна переписки охраняется законом*. Лондон, 1972. С. 438–439.

[436] «Science» («*The American Association for the Advancement of Science*») – печатный орган Американской ассоциации содействия развитию науки, издается с 1848 г.

[437] «Nature» – публикует исследования по широкому спектру вопросов, в основном естественно-научной тематики, полное название «Nature: a weekly journal of science», издается с 1869 г.

трибуной научной интеллигенции и местом публикации наиболее важных исследований в области естествознания, биологии, химии, физики, геологии и др. «Science» и «Nature» относятся к группе научных журналов, в которых помещали статьи, рассчитанные на специалистов. Этим они отличаются от советских научно-популярных журналов «Природа»[438] и «Наука и жизнь»[439], с которыми их иногда сравнивают. По оценке ЮНЕСКО, «Science» и «Nature» занимают первое место в списке читаемых профессиональных журналов. Советская цензура была озабочена тем, что «Science» и «Nature» выражают политические, общественные, экономические взгляды ученых США и Великобритании, являются трибуной демократической интеллигенции. Они обязательно откликались на все важнейшие события в мире, открывают дискуссию по самым актуальным проблемам современности. В 1948–1954 гг. «Science» и «Nature», например, опубликовали статьи об «открытиях» Т.Д. Лысенко и трагической судьбе Н.И. Вавилова[440].

Когда научные журналы из-за рубежа поступали в Москву в ВИНИТИ[441], их подвергали пристрастному просмотру. Цензоры удаляли все материалы, посвященные общественным проблемам. В оглавлении каждого номера затушевывался «крамольный» заголовок. Однако в итоговом списке статей в последнем выпуске тома цензор не всегда догадывался это сделать, и при желании можно было узнать, что именно удалили. Через полгода после выхода соответствующих номеров международной научной периодики ведущие советские библиотеки получали фотоофсетную их копию, изготовленную в ВИНИТИ, которой разрешалось пользоваться. Нетронутый комплект названных журналов хранился в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина в Москве.

В Минске отдел иностранного контроля находился на Центральном телеграфе Министерства связи БССР. Его сотрудникам было строго запрещено общаться с иностранцами. Принятые телеграфом материалы поступали в отдел цензорского контроля, где выдавали разрешение на передачу за границу. При этом представителей иностранных СМИ ставили в известность о запрете передачи информации только в тех случаях, когда их сообщения задерживались целиком.

На столичном почтамте просматривались все издания, отправлявшиеся за границу авиапочтой, а на таможне в Бресте – ввозимые по железной дороге.

---

[438] «Природа» – ежемесячный научно-популярный журнал Российской Академии наук (с 1912 г.), после войны возобновил свою работу в 1952 г.

[439] «Наука и жизнь» – ежемесячный научно-популярный иллюстрированный журнал широкого профиля (1890 г.), возобновлен в 1934 г.

[440] Николай Иванович Вавилов (1887–1943) – академик АН СССР, президент ВАСХНИЛ и президент Всесоюзного географического общества, директор Института генетики СССР. Арестован по ложному обвинению в 1940 г., умер в тюрьме в 1943 г., посмертно реабилитирован в 1955 г.

[441] ВИНИТИ – основан в 1952 г. как Институт научной информации, один из крупнейших центров развития информатики в СССР.

Запрещенные книги изымали, а в бандероли вкладывали извещение о конфискации. Если цензоры не успевали просматривать ввозимую литературу, то адресат ее просто не получал.

В Главлите существовала должность инспектора для выполнения технической работы. Он проверял почтовые отправления, ставил штамп, уничтожал присланную в страну «опасную» литературу и граммофонные пластинки. В дела иностранной цензуры вмешивалась служба государственной безопасности. Ко всем цензорским пунктам на таможнях и почтамтах крупных городов, через которые шел основной поток зарубежной литературы, был прикомандирован сотрудник МГБ, следивший за работой уполномоченных Главлита.

Осенью 1947 г. поступило указание не давать оглавление, краткое содержание статей на иностранных языках как на обложках, так и в тексте[442]. Это было предпринято для того, чтобы не указывать советскому читателю оригинальный источник информации. Следующим шагом стал запрет подписки на газеты и журналы для иностранных представительств (посольств, миссий, атташе и отдельных граждан). Отныне сделать это можно было только через дирекцию «Союзпечати» и только на издания, указанные в официально разрешенном каталоге. Запрет коснулся выдачи пропуска на вывоз за границу произведений печати, рукописей, схем, географических, топографических или геологических карт, чертежей, рисунков, а также фотокопий, негативов на стекле и пленке с этих материалов[443].

В 1948 г. особой опекой окружили газеты «Звязда» и «Советская Белоруссия», для которых из Москвы просили подобрать высококвалифицированных цензоров[444]. Выбор пал на цензоров Гроднер, Лавринович и Минкину. В сопроводительном письме из Минска указывалось, что это опытные работники, члены партии, которые по своим деловым качествам и идейно-политическому уровню, вне всякого сомнения, оправдают оказанное доверие[445].

Зимой 1950 г. К.К. Омельченко направил на имя В.М. Молотова предложение об установлении единых правил для всей литературы, поступающей в СССР из-за рубежа[446]. В документе говорилось, что получение иностранной литерату-

---

[442] Циркуляр начальника Главлита СССР К.К. Омельченко № 35 от 15 сент. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 6, л. 92.

[443] Циркуляр К.К. Омельченко № 46 от 23 дек. 1947 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 6, л. 104.

[444] Письмо К.К. Омельченко – Н.А. Гусарову, первому секретарю ЦК КП(б)Б, от 3 янв. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 1.

[445] Письмо начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии, от 14 янв. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 2.

[446] Об установлении единого порядка для всей поступающей в СССР литературы: Докладная записка К.К. Омельченко – В.М. Молотову от 13 февр. 1950 г. // РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 990, лл. 143-144.

ры должно быть централизовано в министерствах, ведомствах и организациях. В Минске книгообмен с иностранными научными и общественными организациями осуществляется через Государственную библиотеку им. В.И. Ленина и библиотеку Академии наук. Поступающие книги и газеты досматривали в отделе иностранной цензуры Главлита на Минском почтамте. Предусматривалось взять под контроль отдельные дипломатические представительства, которые рассылали литературу (информационные бюллетени, журналы, брошюры и книги) напрямую учреждениям и библиотекам по всей стране, которые, с точки зрения цензуры, могли содержать нежелательный материал. Начальник Главлита сообщал, что рассылку целесообразно было осуществлять только через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

Изменения в сторону большей открытости произошли только после смерти Сталина. Общение с заграницей уже не пугало руководителей в Кремле, которые теперь, наоборот, стремились к восстановлению отношений. Иностранная книга перестала быть предметом табу. В 1955 г. право международного обмена распространили на МГУ и ЛГУ, на Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы и Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Организациям, ведущим международный книгообмен, разрешили делиться не только печатными изданиями, но и микрофильмами[447]. Международные контакты оживлялись все больше. Знаменательным стало решение Президиума ЦК КПСС от 14 июля 1955 г. о возобновлении иностранного туризма и… ввозе фотоаппаратов[448].

Летом 1956 г. Главлит сообщил низовым организациям, что в крупных городах СССР в скором времени начнется продажа журнала «Америка» на русском языке, а в США – журнала «Советский Союз» на английском[449]. В письме разъяснялось, что это делается исключительно по дипломатическим соображениям[450]. Кроме того, распространение советского ежемесячного иллюстрированного журнала позволит «правдиво» знакомить американский народ с характером общественного строя, экономическими и культурными достижениями СССР

---

[447] Обмен изданиями с иностранными учреждениями и организациями: Приказ по Главлиту БССР № 27 от 9 июля 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 54, л. 69.

[448] Протокол Президиума Верховного Совета СССР № 131 от 14 июля 1955 г. // АПРФ, ф. 3, оп. 34, д. 38, л. 22.

[449] По взаимному соглашению с американской стороной 5 тыс. экз. «Америки» распространялось по подписке в 40 крупных городах, а 45 тыс. поступали в розницу в 80 городах страны через киоски «Союзпечать».

[450] О распространении в СССР журнала «Америка»: Письмо заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Ф. Константинова – ЦК компартий союзных республик от 30 июня 1956 г. // Архив Владимира Буковского. КПСС, идеология и политика (печати, радио и телевидение). http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/usa/us56-6.pdf

и отдельных союзных республик, а также освещать образ жизни советских людей, их труд и отдых. В документе содержалось предостережение, что журнал «Америка» может быть использован для пропаганды *безудержного*[451] восхваления достижений США в области экономики и культуры, особенно в производстве товаров народного потребления и организации быта, тогда как «язвы» капиталистического способа производства (безработица, расовая дискриминация, разорение фермеров, рост преступности, разложение массовой культуры) освещаться не будут.

Распространение журнала «Америка» предлагалось *всячески* ограничивать. Подписку нужно было проводить не на общих основаниях в почтовых отделениях, а с помощью общественных распространителей на предприятиях и в учреждениях. В числе подписчиков должны были оказаться *идеологически устойчивые* люди. В розничной продаже журнал не должен был оказаться в киосках в местах большого скопления людей (базары, парки, стадионы, вокзалы). Отмечалось, что нет необходимости добиваться продажи всех номеров журнала (советская сторона заранее оставила за собой право возвращать до половины тиража, если его не удастся реализовать). Партийные организации должны были позаботиться о том, чтобы вокруг журнала «Америка» не создавался нездоровый ажиотаж.

Принималось во внимание, что часть журнала будет попадать в руки малоискушенных, неустойчивых читателей, поэтому необходимо было своевременно организовать контрпропаганду, чаще помещать в печати материалы, разоблачающие американский образ жизни, но без ссылок на журнал «Америка». Материалы названного журнала запрещалось использовать в агитационной работе, в печати и на радио.

Главлит просил ЦК КПСС обязать ЦК компартий союзных республик ограничить распространение журнала «Америка» и предпринять шаги по опровержению публикуемых в нем материалов. Всякая неосторожность, указывалось в документе, недопустима и будет использована американской стороной для антисоветской пропаганды и ограничения распространения советского журнала в США. Тем не менее к середине 50-х гг. Советский Союз негласно признал, что борьба с «космополитизмом» ведет в тупик, и начал поиски выхода из изоляции и для изучения достижений науки и техники за рубежом. Это было началом долгого пути по сближению двух противоположных социально-политических систем, между которыми пролегала пропасть во взаимопонимании.

---

[451] Так в документе.

Контроль букинистической продажи

Книжный фонд букинистических магазинов, в отличие от публичных библиотек, постоянно менялся. Контроль за покупкой и продажей печатных изданий требовал дополнительных усилий и вызывал немало хлопот. Первый букинистический магазин в Минске был открыт в октябре 1945 г. Наряду с ним существовали отделы по скупке и продаже подержанных книг в системе общей книжной торговли. В каждой области был выделен цензор по контролю над букинистической продажей, имевший индивидуальный номерной штамп.

«Руководство для цензоров, работающих при букинистических магазинах» страны, изданное в начале 1941 г., действовало вплоть до начала 50-х гг.[452] Основную часть этого методического указателя составлял раздел «Об обращении в продаже дореволюционной литературы». В нем разъяснялось, что к реализации допускалась литература как отечественная, так и иностранная, выпущенная до 1850 г. Из изданий, увидевших свет во второй половине XIX в. и позднее, запрещались к продаже книги, в которых восхвалялась царствовавшая в России династия, и содержавшие черносотенную, антисемитскую пропаганду и пр. То же самое касалось бульварной и порнографической литературы, под которую подпадали все произведения, связанные с эротикой[453].

Товароведы, принимая книги для реализации, проверяли их наименования по трехтомному списку запрещенных книг[454]. В него были включены прежде всего издания русского зарубежья – произведения писателей и публицистов, политических и бывших военных деятелей белой эмиграции (Петр Врангель, Александр Кутепов, Петр Краснов, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Марк Алданов, Иван Наживин, Евгений Замятин и др. – всего более двухсот имен). В букинистическую продажу принимали книги, представлявшие историческую ценность, однако это не распространялось на труды Алексея Хомякова, Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Николая Бердяева. Среди запрещенных оказались книги Питирима Сорокина, Андрея Белого, Михаила Бакунина, Петра Кропоткина, Николая Огарева и других русских мыслителей. Подобный запрет касался произведений Платона, Эммануила Канта, Артура Шопенгауэра, Ипполита Тэна, Джона Рёскина и еще многих подобных «еретиков».

Табу распространялось на труды всех (!) религиозных философов, отечественных и зарубежных, и на богословские журналы «Православное обозрение»,

---

[452] *Руководство для цензоров, работающих при букинистических магазинах*. М.–Л., 1941.

[453] В примечании к «Руководству» пояснялось, что к названному разделу не могли быть причислены произведения Луция Апулея, Джованни Боккаччо, Джакомо Казановы, Мазаччо и др. классиков мировой литературы.

[454] Т.М. Горяева. «Культура и цензура: мифы и реальность, или История борьбы против правды» // *История советской политической цензуры*. Документы и комментарии. М., 1997. С. 8–10, 48–49.

«Вера и разум», «Богословский вестник» и пр. Нельзя было продавать и покупать не только книги религиозных сект (баптистов, евангелистов, духоборов и др.), но и Библию, Евангелие, Талмуд и Коран[455].

В букинистических магазинах не разрешалось продавать альбомы Пикассо, Матисса, Сальвадора Дали, Шагала, Ренато Гуттузо, книги о современных западных музеях. Они считались нелегальными изданиями, которые отнимали на таможне. Уникальная школа русских авангардистов находилась полностью под запретом. Знатоки живописи негласно скупали работы у нуждавшихся художников, их жен, матерей, родных и близких за бесценок[456].

По понятным причинам в букинистические магазины не могли быть приняты антисоветские и антибольшевистские издания, произведения людей, объявленных «врагами народа», а также издания, посвященные мистике и суевериям. Не подлежала принятию от населения изобразительная продукция, восхвалявшая «буржуазно-мещанский» быт.

Бесконтрольно книгами торговали только на вещевых рынках. Там можно было встретить книги и журналы, привезенные из-за границы или полученные в посылках. Наиболее востребована была профессиональная литература, техническая и гуманитарная. Студенты приобретали учебники, изданные до войны, поскольку тогда они были более качественными. Литературу по специальным предметам искали часто приезжие из провинции. Наряду с художественной литературой, пользовались спросом серии книг «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) и «Жизнь в искусстве», отечественная фантастика и книги по шахматам, а также собрания сочинений. Самыми дорогими были раритетные издания, но их доля в букинистической продаже оставалась ничтожной.

Появились люди, которые оказывали посреднические услуги. Они принимали заказы на «чистку личных библиотек» или подбор нужных книг по списку. Дело оказалось прибыльным. Доход частных букинистов был выше средней зарплаты государственного служащего. Этому не препятствовали даже укоренившийся стереотип, что торговать («спекулировать») книгами – неприлично. В связи с этим Главлит БССР просил ЦК КП(б)Б дать указание запретить любую книжную торговлю с рук. Официального ответа не последовало, однако с помощью милиции власти на местах добились существенного ограничения продажи книг на рынках[457].

---

[455] Б.В. Емельянов. «Цензура философской литературы в России: от века серебряного к веку железному» // *Вестник МГТУ*. 2010. Т. 13. № 2. С. 342–348. http://vestnik.mstu.edu.ru/v13_2_n39/articles/16_emelya.pdf

[456] Н. Максименко. «Записки бывшего цензора» // *Звезда*. 1997. № 10. С. 143.

[457] Письмо начальника Главлита БССР Ф.И. Дадиомовой – Н.И. Красовскому, зам. начальника Управления пропаганды и агитации при ЦК КП(б)Б, от 8 окт. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 609, л. 194.

Образцом для подражания выступали москвичи. В 1947 г. Главлит БССР разослал приказ министра государственного контроля СССР Льва Мехлиса «О подпольной скупке и продаже фашистской, антисоветской, бульварной и порнографической литературы»[458]. Речь шла о Книжной лавке издательства «Советский писатель», которую уличили в неразборчивости. Среди книг, которые вызвали неудовольствие цензуры, были научные исследования о взаимоотношении полов, к которым прикрепили ярлык порнографии, книги русских эмигрантских издательств в Риге совершенно нейтрального содержания. Была изъята книга Лидии Чарской «Ради семьи» (М., 1917) с такой аннотацией: «Повесть для юношества об институтской жизни в пансионах царской России». Запретили к продаже книгу стихов Игоря Северянина «Громокипящий кубок», книги с портретами «врагов народа» и большое количество изданий на русском языке, вышедших в Берлине в 20-е гг.[459]

В букинистическом магазине Минска с осени 1945 по лето 1947 г. было продано почти 20 тыс. книг. Литературу дореволюционных и советских изданий (вплоть до 1941 г.), представлявшую библиографическую редкость, оценивал лично директор магазина. Уникальные книги даже не регистрировали и не выставляли для продажи, а сразу распределяли по заявкам заинтересованных организаций.

На 1 июня 1947 г. в букинистической продаже имелось всего около 1 тыс. книг, которые были распределены в соответствии с тематикой:

- *социально-экономическая литература* – сочинения В.И. Ленина, сборник «ВКП(б) в резолюциях» (Партиздат, 1936), К. Клаузевиц «О войне» (Госвоениздат, 1934), труды французского маршала Фердинанда Фоша и немецкого военачальника Хельмута фон Мольтке, монография В.И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» и др.;
- *художественная литература* – произведения Шекспира, Добролюбова, Гоголя, Тургенева, а также «Архив полковника Хауза»[460];
- *техническая* и *справочная литература* – прежде всего 14 томов Технической энциклопедии (1927–1934 гг.), энциклопедические словари издательства «Гранат» (1910–1948 гг.), энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1890–1907 гг.), Большая советская энциклопедия (1926–1939 гг.);
- *сельскохозяйственная литература* – труды по истории аграрного дела.

---

[458] См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 1125, д. 537, лл. 30-35.

[459] *Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 г.* Документы… С. 344–345.

[460] Эдуард Хауз (1858–1938) – американский политический деятель и дипломат, участник Парижской мирной конференции (1919 г.). В 20-х гг. занялся литературной деятельностью. Его сочинение в четырех томах «Архив полковника Хауза» (1928 г.) содержало характеристики многих видных европейских дипломатов и давало представление о внешней политике США в период Первой мировой войны.

Из уникальных изданий имелись первое Полное собрание сочинений Д.И. Фонвизина (1888 г.), «Вторая Отечественная война» (изд. Скобелевского комитета, 1917 г.), «Популярные лекции по истории философии» (1901 г.), «Граф П.Д. Киселев[461] и его время» (1882 г.)

Наиболее ценные издания приобретали Государственная библиотека БССР им. В.И. Ленина и библиотеки высших учебных заведений[462].

В 1949 г. в Белоруссии было три букинистических магазина – в Минске, Витебске и Гродно, которые находились в ведении Белкнижкульторга. Литературу, поступавшую в продажу, проверяли два раза в неделю. На книгах, прошедших контроль цензуры, штамп установленного образца ставили столько раз, сколько раз книга возвращалась в магазин. Подобная практика объяснялась тем, что пока книга находилась на руках, с ее автором могли произойти непредвиденные перемены.

В случае ареста автора все его произведения изымались и из продажи, и из библиотек. Поэтому каждое новое поступление в букинистический отдел сверялось со списками Главлита. Штамп цензора означал, что предложенная на реализацию книга пока «не опасна».

Когда разногласия между Сталиным и маршалом Иосипом Броз Тито достигли апогея и советско-югославские отношения были прерваны на государственном уровне[463], из букинистических магазинов, вслед за библиотеками, исчезли произведения Константина Симонова «Славянская дружба» и «Югославская тетрадь» (М., 1945), Николая Тихонова «Стихи о Югославии» (М., 1948). Были запрещены книги Сергея Михалкова и Льва Кассиля с югославскими сюжетами. Подверглись нападкам даже успевший получить Сталинскую премию за 1948 г. роман Ильи Эренбурга «Буря», поскольку в нем солдаты Тито характеризуются как герои, и произведения других авторов, писавших об этой в недавнем прошлом дружественной СССР стране на Балканах[464].

В то же время роман Ореста Мальцева «Югославская трагедия», впервые изданный в 1951 г., сразу был удостоен Сталинской премии, выдержал в течение двух лет более десяти изданий. Только в серии «Роман-газета» эта книга вышла тиражом 500 тыс. экз. Однако едва было достигнуто примирение с Тито, которого

---

[461] Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872) – граф, российский государственный деятель.

[462] О продаже букинистической литературы: Информ. справка, составленная инструкторами ЦК КП(б)Б Н. Степанюком и В. Некрасовым для М.Т. Иовчука, секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии, от 1 июня 1947 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 47, д. 158, лл. 218-220.

[463] В 1949 г. СССР разорвал Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией, официальные советские издания писали о «кровавой клике Тито»; по некоторым данным, советские спецслужбы готовили покушение на Тито, не состоявшееся из-за смерти Сталина.

[464] Приказ К.К. Омельченко от 6 июня 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 18, л. 77.

автор изобразил в самых зловещих тонах как «предателя и наймита» западных стран, роман был запрещен и изъят[465].

После восстановления отношений с Югославией в 1956 г. книги с критикой Тито, казалось бы, должны были вернуться из спецхрана, но про них забыли. Зато попали в него те, в которых разоблачался «кровавый режим Тито–Ранковича», изданные в 1948–1953 гг. Таким образом, в спецхране одновременно находились как произведения, авторы которых прославляли Тито, так и те, кто его проклинал. Когда межгосударственные отношения СССР с Албанией и Китаем претерпели коренные изменения, то модель изъятия книг была такой же. В результате под запретом оказались «Албанские поэмы» в переводе Давида Самойлова, поскольку в тексте и примечаниях переводчика были названы многие деятели Албании, подвергнутые в СССР остракизму: Энвер Ходжа, первый секретарь Албанской партии труда, и его соратники[466].

В 1952 г. цензура представила в ЦК КП(б)Б аннотированный список устаревшей и политически вредной литературы, изданной в Белоруссии, но не подпадавшей ранее под приказы Главлита БССР[467]. Сюда попали и книги бывшего министра просвещения БССР Платона Саевича, осужденного в 1951 г. по ложному доносу. В спецхран отправили две его монографии, изданные незадолго до ареста: «Народное образование БССР за 30 лет» и «Народное образование в БССР» (Минск, 1948–1950 гг.)[468].

Стенографические отчеты съездов, пленумов и конференций ЦК ВКП(б) и Компартии Белоруссии, выпущенные до июля 1953 г., Литературную энциклопедию (издание прервано в 1930-е гг.), а также Большую и Малую советские энциклопедии (1-е и 2-е издания) можно было приобрести только по заявкам библиотек, партийных и государственных учреждений. В перечисленных изданиях встречалось большое количество имен, ставших неугодными советской власти[469].

В связи с общим строгим контролем не подлежавшие централизованному распространению книги, редко попадали на прилавок. Продавцы должны были

---

[465] Несмотря на восстановление советско-югославских отношений при Н.С. Хрущеве, посетившим Югославию с официальным визитом в 1955 г., Коммунистическая партия Югославии во главе с Тито и далее противостояла идеологическому и политическому давлению СССР, выдвинув собственную модель развития социалистического общества.

[466] См.: Ю.С. Костылев «Языковой барьер Иосипа Броз Тито в советской печати» // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, 2011. Вып. 1 (35). С. 156–163.

[467] Представление начальника Главлита БССР Л.В. Садовского – Т.С. Горбунову, секретарю ЦК КП(б)Б, от 3 сент. 1952 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 283, лл. 370, 381-382.

[468] Приказ начальника Главлита БССР Л.В. Садовского № 50 от 25 июля 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 32, л. 41.

[469] Однако то, что нельзя было купить в Минске, знатоки находили в букинистических магазинах Вильнюса, Риги и Таллина.

выписывать расходную квитанцию покупателям, и по их корешкам цензор сличал новое поступление с фактическим наличием, что позволяло контролировать продажу[470].

Мизерное количество литературы, реализованной через букинистические магазины, свидетельствовало, с одной стороны, о низкой покупательной способности населения, а с другой – о том, что в предыдущие годы книги, вызывавшие интерес у покупателя, уже были изъяты. Граждане, наблюдая, как государство сводит счеты с попавшими в опалу авторами, опасались предложить на продажу издание, которое вызывало неудовольствие властей.

После смерти Сталина «Руководство цензорам букинистических магазинов» было пересмотрено. С 1955 г. разрешили принимать на реализацию некоторые виды изданий без предварительного контроля Главлита. Прежде всего, это касалось сочинений классиков марксизма-ленинизма, учебников, справочников, словарей, географических атласов и некоторой другой литературы. Однако в сомнительных случаях и эти книги тоже рекомендовалось предъявлять цензору. В то же время запрещалось приобретать книги, включенные в списки *устаревшей*[471] литературы, а также иностранные издания.

К середине 50-х гг. букинистическая торговля выглядела жалко. Страна, объявившая себя самой читающей в мире, гордившаяся невиданными тиражами и доступностью книги, низвела букинистическую торговлю до уровня, который не играл почти никакой роли в культурной и научной жизни общества.

В Белоруссии из трех специализированных букинистических магазинов два (в Витебске и Гродно) фактически не работали. Единственный букинистический магазин, который обслуживал покупателей, оставался в Минске. Его дополняли немногочисленные отделы букинистической продажи при областных книжных магазинах, которые, безусловно, не могли удовлетворить спрос на дефицитную литературу.

Цензура следила за пополнением фонда букинистических магазинов намного строже, чем библиотек. Опасение поставить на полку крамольное издание, которое может попасть в руки «врага» советской власти или «растлить» неискушенного читателя было так велико, что не допускало никаких компромиссов со стороны режима. В конечном итоге «распятая» букинистическая торговля стала красноречивым свидетельством, насколько партия и государство боялись собственной тени.

После XX съезда КПСС драконовские меры контроля за печатной продукцией ослабли, однако необходимо было время, чтобы эти перемены были приняты общественным сознанием.

---

[470] Отчет Главлита БССР за 1949 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 21, лл. 32-34.

[471] Так в документе.

Глава 6. Сфера культуры и искусства

Сразу после войны писатели, художники, врачи, ученые все больше получали правдивую информацию о жизни за границей, демократическом политическом устройстве, несмотря на идеологические фильтры. Появилась возможность сравнивать жизненные условия в своей стране и за ее рубежами, что было не в пользу сталинского режима. Настроения в обществе, надежды на то, что жизнь после войны изменится к лучшему, вступали в конфликт с реальной действительностью, которая не спешила превращаться в «сказку». Власти рассчитывали, что трудовой энтузиазм советских людей поможет решить задачи восстановительного периода, компенсировать пережитые людьми психологические перегрузки, а для этого требовалось не только прекратить любое общение с западным миром, но и дискредитировать западную культуру, превознося советские порядки.

Литература

К концу войны среди писателей появились признаки «идеологической расслабленности». Одни пессимистически отзывались о состоянии литературы, считая, что их поставят на государственную службу и заставят писать, «что приказано», другие, наоборот, – что после демобилизации вернутся к жизни люди, которые принесут с собой новую меру вещей. Третьи считали, что современные писатели уже превратились в патефоны и «хрипят» совершенно одинаково, четвертые – что зависимость современной литературы и периодической печати привела к молчанию талантов и визгу приспособленцев[472].

---

[472] Д.Л. Бабиченко. *Писатели и цензоры*. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 9.

После войны в белорусскую литературу пришли писатели фронтового поколения, которое вынесло на своих плечах невероятное бремя. Если в 1945 г. Союз писателей БССР насчитывал 47 членов, то к середине 1949 г. – 91 чел., среди них были, в основном, новые имена: Янка Брыль, Иван Мележ, Николай Аврамчик, Алексей Кулаковский, Иван Шамякин, Тарас Ходкевич, Андрей Макаенок и др. Была и группа писателей и поэтов, которые предпочли эмиграцию, поскольку понимали, что советская власть не простит им пребывания на оккупированной территории в годы войны[473]. Неугодных власти писателей подвергли репрессиям. Были безосновательно арестованы и осуждены Владимир Дубовка, Сергей Граховский и др.

Власти лицемерно оценивали роль писателя в обществе. С одной стороны, признавалось, что литература – дело тонкое и необходимо деликатно относиться к прозаикам и поэтам, как и любому представителю творческого цеха, не допускать администрирования, помнить, что «порой» писатели видят дальше политиков. Сталину приписывали выражение «писатель – это инженер человеческих душ». Ф.И. Панферов[474] приводил высказывание Сталина о том, что не нужно навязывать писателю марксизм, что писатель сам придет к марксизму, «ибо марксизм – это стена». С другой стороны, партии нужны были послушные исполнители ее замыслов: «Наступит время, и молодые писатели пойдут в литературу, как плотва» (И.В. Сталин)[475]. Утверждалось, что творческие успехи писателей находятся в прямой зависимости от уровня их политической сознательности и общественной активности. В связи с этим необходимо коренным образом улучшить идейное воспитание художественной интеллигенции, добиться тесного общения писателей с народом и научными работниками, руководителями партийных и советских организаций.

Писателей, прекословивших требованиям властей, не было. Оставались только соблюдавшие и не соблюдавшие меру славословия режиму. Писателей, пытавшихся заявить о свободе творчества, партия давно оставила за порогом литературной жизни, и они замолчали. Р.В. Иванов-Разумник насчитал три типа советских писателей: погибших, задушенных и приспособившихся[476]. Многие художественные произведения попадали в спецхран, несмотря на лояльность и

---

[473] В послевоенной эмиграции оказались Н. Арсеньев, А. Змагар (А. Яцевич), Р. Крушина (Козак), Ф. Ильяшевич, В. Дудицкий (И. Гутько), Я. Зока (А. Данилович), В. Клишевич, М. Седнев, М. Ковыль (Я. Лещенко), А. Соловьев (А. Радзюк) и др.

[474] Федор Иванович Панферов (1896–1960) – главный редактор журнала «Октябрь» в 1931–1960 гг. (с перерывами).

[475] О положении в журнале «Октябрь»: Письмо Ф.И. Панферова – Г.М. Маленкову от 25 нояб. 1945 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 571, лл. 193-199.

[476] Р.В. Иванов-Разумник. *Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки* / Сост. В.Г. Белоус. М., 2000. С. 57.

преданность режиму их авторов. Когда поступала информация о том, что такой-то писатель лишен советского гражданства, Главлит издавал приказ об изъятии всех его произведений из общего доступа и книготорговой сети. После решения ЦК ВКП(б) и доклада А. Жданова 14 августа 1946 г., первом после войны по вопросам литературы и искусства, в журнале «Беларусь» была снята с набора статья «Ленинградские писатели», в которой положительно оценивалось творчество А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко[477].

По оценке Антона Адамовича[478], последствия ждановского «залпа» почувствовали на себе и белорусские литераторы. Первый докатился до республики в 1947 г. и пагубно отразился на писателях и поэтах[479], второй (1949 г.) – на литературных критиках, языковедах и фольклористах[480], третий (1951 г.) – снова пришелся на писателей[481].

Белорусские писатели старались осмыслить последствия войны. Прежде всего, это нашло отражение в романах Ивана Шамякина «Глубокое течение», Николая Ткачева «Згуртаванасць», повестях Янки Брыля «В Заболотье светает», пьесах К. Крапивы «Константин Заслонов», Алеся Кучера «Это было в Минске», Кастуся Губаревича «Брестская крепость» и др.

Якуб Колас завершил многолетний труд над поэмой «Рыбакова хата», Петрусь Бровка – поэму «Хлеб», Кастусь Кириенко – поэму «Моя республика», Аркадий Кулешов – поэму «Новое русло». Однако для этих произведений была характерна чрезмерная поэтизация послевоенной действительности, игнорировавшая правду жизни.

Осмыслением войны по ее горячим следам стал роман «Млечный Путь» Кузьмы Чорного. В нем – размышления писателя о судьбе народа во время войны. Из политических и идеологических соображений этот роман и первая часть романа «Украденное счастье» Кузьмы Чорного были запрещены. По мнению цензоров, в них автор идеализировал немцев, развивал идею их гуманности.

Наиболее полно военные события были отражены в романе-эпопее Михася Лынькова «Незабываемые дни», в котором жизнь в условиях немецко-фашистской оккупации подавалась в героико-патриотическом ключе. Освобождению БССР

---

[477] Задачи цензуры в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград” от 14 авг. 1946 г.»: Приказ К.К. Омельченко от 21 апр. 1947 г. См. *Приложение 8*. Задачи цензуры в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.: Приказ К.К Омельченко от 21 апр. 1947 г.

[478] А. Адамовіч. «Сорак год Беларускае літаратуры ў БССР»: *Беларускі зборнік* / Інстытут для вывучэння СССР. Мюнхэн, 1959. Кн. 10. Ч. 1. С. 112.

[479] К. Крапива, М. Танк, П. Панченко и Э. Огнецвет.

[480] М. Модель, А. Кучер, Я. Герцович, В. Гальперин, Л. Смолкин, Л. Бараг, М. Меерович и некоторые др., которые потеряли работу.

[481] П. Глебко, П. Бровка, М. Лужанин, А. Белевич, К. Буйло и др.

от немецко-фашистских захватчиков, в том числе операции «Багратион», посвящен роман Ивана Мележа «Минское направление». В нем показаны реальные исторические личности, в частности командующий 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховский. Внимание читателей привлек роман «Глубокое течение» Ивана Шамякина. Это был первый белорусский «партизанский» роман, ставший значительным явлением в литературе своего времени.

Власти подталкивали писателей показывать события и людей в выгодном свете, воссоздавая картины народного сопротивления нацистам, обещали оказать «всемерную литературную помощь» бывшим руководителям партизанских отрядов и подпольных партийных организаций для написания воспоминаний о борьбе советских людей в тылу врага.

В 1948 г. секретарь ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчук отмечал, что большинство произведений, посвященных героической эпопее партизанской борьбы в годы войны, не раскрывают духовный мир партизан. Писатели не подчеркивают, что партизаны руководствовались возвышенными идеями советского патриотизма, а не только желанием отомстить за близких родственников или отобранного подсвинка (поросенка), как это было в одном из произведений Алеся Кучара. В качестве примера обеднения образа героя-партизана приводились сборник В.И. Кравченко «Рыгор Шыбай», опера «Алеся» Е.К. Тикоцкого и др.[482]

Произведения на партизанскую тему быстро превратились в «заказные». Они настолько начали походить друг на друга, что, казалось, писались за одним столом. На общем собрании писателей республики зимой 1950 г. говорилось об упрощении типа предателей в партизанских повестях, что превысило всякую меру – все предатели приходили из ссылки, как будто их «нарочно выпускали для предательства»[483].

Главлит часто не устраивали темы, выбранные писателями, их интерпретация, выводы, к которым они приходили. М. Лужанин в поэтических сборниках «Широкое поле войны» и «Поступь» описал отступление Красной армии на восток в начальный период войны, показал огромные потери в людях и технике, картины погубленного урожая. Предосудительные намеки виделись цензорам в таких стихах, как «Верба над водою» П. Бровки, «Земля и море» А. Кулешова, «Смерть солдата» П. Глебки, «Дорогая моя» М. Танка и др.

В художественных произведениях не следовало обращать внимание на послевоенную неустроенность быта, жилищную проблему, нехватку продовольствия, товаров повседневного спроса или профессиональную некомпетентность. В январе 1947 г. ЦК КП(б)Б отметил как малохудожественную и безыдейную

[482] Выступление секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии М.Т. Иовчука на I съезде БТО, Минск, 12 апр. 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 7, л. 252.

[483] Протокол общего собрания Союза писателей БССР 16 февр. 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 31, л. 232.

пьесу Кондрата Крапивы «Милый человек» и как ошибочную пьесу Алеся Кучара «Заложники», которые искажали советскую действительность[484]. Жлукта, главный герой пьесы К. Крапивы «Милый человек», скрываясь от мобилизации, приезжает в прифронтовой город, и автор подробно излагает его взгляды, которые цензура оценила как «антисоветские» и «клеветнические». Недостаток пьесы «Заложники» А. Кучара увидели в том, что автор центральное место отвел предателям родины, которые воспитывались при советской власти. Главный герой Нечипор, до войны честный и добросовестный колхозник, превратился в активного помощника оккупантов, а его дочь Зина стала любовницей немецкого офицера. Общий вывод сводился к тому, что пьеса давала неверную картину сопротивления белорусского народа нацистам.

Белорусские писатели делали попытку отойти от традиционной для белорусской литературы сельской тематики. А. Кулаковский в повести «Закалка» показал строительство Минского тракторного завода, а М. Последович в романе «Теплое дыхание» – возведение автомобильного завода. Однако секретарь Союза писателей республики П. Ковалев весной 1948 г. отмечал, что тема мирного труда еще не нашла достойного отражения в белорусской литературе[485]. Несмотря на то, что М. Последович посвятил свое произведение рабочему классу Белоруссии и постарался дать в нем поэтический образ строителей минского автомобильного завода, второстепенные детали в нем заслонили смысл. По мнению цензуры, роман А. Стаховича «Под мирным небом», рассказывавший о восстановлении колхозной жизни, получился надуманным и поверхностным. Попытку показать возврат рабочих к мирному труду сделал И. Гурский в рассказе «Семья белоруса», но упрощенная передача реальной жизни сделала идею рассказа туманной, а изложение маловыразительным.

В первое послевоенное десятилетие успешно развивалась белорусская поэзия. Она была пронизана чувством гордости народа за победу, одержанную в войне, верой в его огромные созидательные возможности. В эти годы в расцвете творческих сил находились Петрусь Бровка, Максим Танк, Пимен Панченко, Петро Глебка, Аркадий Кулешов. Одобрение вызвали стихотворения А. Кулешова «Дом» – о восстановлении родного города; К. Киреенко «Ля вітрын» («У витрин»), «Вуліца»; А. Зарицкого «Корабль»; М. Лужанина «Грузовики»; П. Пестрака «Навагоднія агні». Строительству тракторного и автомобильного заводов были посвящены стихотворения М. Танка «Дружба», А. Велюгина «Вершы аб трактараградзе», П. Панченко «Зубр на радыятары»,

---

[484] НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 427, л. 33.

[485] Отражение труда советского народа в послевоенный период в белорусской советской литературе: Информ. справка, представленная секретарем Союза писателей БССР П.Н. Ковалевым М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии, от 7 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 22, лл. 85-91.

В. Витки «МТЗ». Однако, как отмечали в ЦК партии, еще не были созданы произведения, которые с эпической широтой передали бы «всю душевную величественность советских людей» и их трудовой подвиг в послевоенную сталинскую пятилетку[486].

Творческие неудачи объяснялись не столько недостатком мастерства белорусских авторов, сколько многочисленными искусственными ограничениями, которые ставили перед прозаиками и поэтами чиновники и их партийные кураторы. Литература не сразу впитала официальную версию послевоенной советской действительности. Если накануне и в годы войны центральное место в произведениях занимал коллективный образ, то после войны его сменило внимание к индивидуальности и ее адаптации к мирной жизни как новой реальности. Появились многочисленные образы героев восстановления народного хозяйства и культуры: директор фабрики, председатель колхоза, инженер, сельский учитель, ученый, геолог, строитель, бригадир. Их типаж должен был отражать тенденцию в развитии образа, существование которого подразумевалось в реальной жизни.

В ложном мире отражения советской реальности порок никогда не мог победить добродетель, а зло – добро. Сюжет развивался не в пользу отрицательного героя, который должен был исправиться к финалу. Разрешалось писать о «плохих» людях, но только в качестве контраста с «хорошими». Отрицательные герои никогда не должны были побеждать. В конце произведения они либо «перевоспитывались», либо садились в тюрьму, либо погибали.

Жизненные проблемы советского периода правдивее были показаны в литературе, связанной с деревней или провинциальным городом, с фабрикой или огромным строительством. Однако чаще всего психология персонажей произведений оставалась стереотипной, соответствующей заранее известному шаблону.

Художественная литература превратилась в инструмент пропаганды. Ее герои были обречены совершать положительные поступки и проявлять непреклонную верность режиму. Идеализированное представление о жизни, которое она навязывала, становилось своеобразным наркотиком, отвлекавшим от повседневных проблем: неустроенности, безденежья, неполноценного питания, отсутствия культурного досуга, невозможности общественного протеста и т. д.

В 1950 г. газета «Советская Белоруссия» и Союз писателей объявили конкурс на лучшее произведение в прозе о послевоенной жизни. Принимали очерки, посвященные восстановлению и развитию народного хозяйства, с главным положительным героем – как правило, это был молодой советский человек с богатыми и многообразными интересами, чувствами и стремлениями, строитель нового коммунистического общества. Первая премия составляла пять тыс. руб.,

---

[486] Отражение труда советского народа в послевоенный период в белорусской советской литературе: Информ. справка, представленная секретарем Союза писателей БССР П.Н. Ковалевым М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии, от 7 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 22, лл. 85-91.

вторая – три, а третья – две тыс. руб. Лучшие произведения предполагалось опубликовать в газете «Советская Белоруссия», журналах «Полымя» и «Беларусь», а в итоге публикации должны были составить книгу[487].

В 1951 г. Союз писателей отчитывался перед ЦК КП(б)Б, над чем работают его члены. Было выделено семь направлений, обозначенных как генеральные. Писателям, несмотря на то, что их называли «солдатами партии», никто не приказывал, но им настойчиво советовали обратить внимание на некоторые темы (см. в табл. 14). Условия жизни и творчества, осознание судьбы предшественников – предвоенного поколения, не оставляли писателям выбора.

Таблица 14

Направления работы писателей БССР (1951–1953 гг.)

Тематика произведений (стихи, проза, сценарии, критические статьи)	**Число авторов**	
	чел.	*%*
Великие стройки коммунизма	5	10
Производственная	10	20
Колхозная	10	20
Борьба за мир	6	12
Отечественная война, партизаны, подполье и общеисторическая	14	28
Детская	2	4
Литературная критика	3	6
Итого	**50**	**100**

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 41, лл. 242-244.

Художественное произведение, до того как попасть в печать, должно было пройти определенные ступени контроля. Сначала автор сталкивался с консультантом издательства, который давал общую оценку произведения. Если она была положительной, рукопись передавали редактору. Будучи образованнее

[487] Условия конкурса на лучший очерк, 27 апр. 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 31, л. 319.

цензоров, редакторы представляли для писателей еще большую опасность, так как они замечали порой то, на что первые не обращали внимания («скрытое цитирование», нежелательные аллюзии и т. п.). Редакторы крайне настороженно следили за тем, чтобы текст не вызывал цепь неконтролируемых ассоциаций, опасных и нежелательных «перекличек». Отредактированный таким образом текст практически не вызывал претензий, если не считать случайных нарушений «военной тайны». Затем произведение предлагали вниманию редакционной коллегии. Далее наступал черед предварительной цензуры, а с выходом книги осуществлялся последующий контроль[488].

Все больше давала о себе знать *самоцензура*. По сути, это был естественный защитный механизм, который предотвращал столкновение с официальной цензурой. Авторы старались угадать возможные претензии (идеологические, политические, эстетические и иные), которые могла встретить рукопись. По таким соображениям неоднократно вносил правки Якуб Колас. В Минске вышла его книга «Песня дружбы» (1947 г.), куда входили стихотворения «Янке Купале», «Дядька Кастусь», «Тоска о любимой», «На братских могилах», однако лирическая поэма «Три сына», написанная в военные годы история надежд и утраченных иллюзий старого финна и его детей, обманутых нацистской пропагандой, была запрещена[489]. Сергей Городецкий[490] взялся за перевод поэмы Якуба Коласа «Новая земля». Однако Колас вычеркнул в ней слово «Бог», которое заменил на «лёс» («судьба»). Кроме того, поэт опасался обвинений в том, что он якобы воспевает единоличников (писал о желании крестьян получить собственный кусок земли). Городецкий не принял изменений и отказался от этого перевода, хотя уже получил гонорар за него[491].

«Внутренний» цензор был неотделим от цензора «внешнего» и нередко оказывался еще более строгим. Автор терял оригинальность, стремился не выделиться, быть «как все», чтобы миновать фильтр Главлита и быть напечатанным.

Продолжала культивироваться концепция *социалистического реализма*[492], в которую не вписывались многие произведения литературы. Ничем не оправданные ограничения сказались не только на содержании, но и на форме художествен-

---

[488] *Русские писатели о цензуре и цензорах.* От Радищева до наших дней, 1790–1990 гг. Опыт коммент. антологии / Сост. А.В. Блюм. М., 2011. С. 425.

[489] Поэма «Три сына» увидела свет только в 1956 г.

[490] Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) – известный поэт, прозаик, переводчик и драматург. Его творчество отмечено постоянным интересом к народным истокам, живописным образам, идущим от старинных легенд и поверий, живостью и естественностью стиха.

[491] Интервью М. Мицкевича, сына Якуба Коласа // Советская Белоруссия. 2010. 7 мая.

[492] Социалистический реализм – художественный метод, использовавшийся в СССР с 1930 г., тесно связанный с идеологией и пропагандой. Идейное содержание заложено диалектико-материалистической философией, марксистской эстетикой и коммунистическими идеями. Охватывал литературу, кинематограф, живопись, скульптуру, музыку, архитектуру.

ного произведения. Господствующей была признана теория бесконфликтности, допускавшая лишь столкновение между хорошим и лучшим, а также теория идеального героя, опиравшаяся не на жизнь, а на кодекс умозрительных норм.

Советская литература должна была оставаться *партийной* – активно защищать интересы «народных масс», «правдиво и честно» отображать борьбу за осуществление коммунистических идеалов. Утверждение, что партийность и объективность совпадают, поскольку пролетариату и его партии нет необходимости скрывать свои ошибки, не выдерживает критики. Над советской культурой витал дух циничного прагматизма – что выгодно для партии, то и является истиной. Произведения, которые не подпадали под категорию «партийных», не издавались.

По оценке Василя Быкова, в послевоенной литературе разрешалась только та правда, что служила власти. Над ее регламентацией трудились партийные органы, им помогали писательские начальники, цензоры, редакторы, «закрытые» рецензенты, которых за верную службу вознаграждали квартирами, должностями, научными званиями, премиями. Все это вело к вырождению литературы, и, если в ней появлялось имя не полностью позорного автора, наделенного определенными способностями, наверху решали, что с ним делать[493]. Не вышли «Сказки для маленьких» А. Цётки[494], не разрешили набор статьи «Белорусская литература в Отечественной войне и первые дни восстановления», подготовленной для журнала «Полымя», был изъят «Блокнот агитатора»[495], в котором упоминалось, что стекольный завод в Борисове носил имя Т.Ф. Домбаля, разоблаченного «врага народа»[496].

Литературу существенно ограничивал культ личности. Творческую интеллигенцию заставляли участвовать в возвеличивании Сталина. Появились многочисленные панегирические произведения. Группу белорусских писателей и поэтов, отбывших сроки наказания, повторно арестовали после войны и отправили в места заключения[497].

---

[493] По идеологическим соображениям были сняты с набора «Мой майстра» А. Белевича, «Нядаўняя быль», «Той самы», «Мышалоўкі», «Прыгоды цуціка», «Маленства» Янки Брыля, «Сымоніха», «Домик с верандой», «Нараджэнне героя», «Две сестры», «Перед бурей» И. Гурского и др. Рассказ Б. Макарцева «Мечта» был изъят из уже отпечатанного тиража.

[494] Это произведение А. Цётки (Элаиза Пашкевич) было расценено как «антивоспитательное». См.: НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 47.

[495] *Блокнот агитатора*. 1947. № 22.

[496] Томаш Францевич Домбаль (1890–1937) – вице-президент АН БССР в 1932–1934 гг., директор Института экономики, член ЦК КП(б)Б и ЦИК БССР, редактор «Trybuna Radziecka» («Советская трибуна», польск.). Арестован в 1936 г. по делу польской военной организации, расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1955 г.

[497] Среди них Андрей Александрович, Григорий Березкин, Сергей Граховский, Борис Микулич, Станислав Шушкевич и др. См.: Л. Маракоў. *Рэпрэсаваныя літаратары, навукоуцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі...*

В результате совместных усилий партийных комитетов, творческих союзов, общественных организаций и цензуры в сознании населения должны были сложиться основные стереотипы:

- *врага внешнего* – безжалостного капиталиста, заговорщика и поджигателя войны и *внутреннего* – эгоиста, низкопоклонника, карьериста, двурушника (имелись в виду враги еще не побежденные, некоторые из них еще вчера были союзниками);
- *передового советского человека* – эквивалент всего положительного и угроза всему отрицательному;
- *исторических личностей* – прогрессивных (царь Петр I, полководцы Суворов, Кутузов, Нахимов, изобретатель Попов, борцы за народное счастье Разин и Пугачев) и реакционных (Николай II, писатель Достоевский, анархист Махно, националисты Петлюра и Бандера), а также собирательные образы угнетателей и эксплуататоров, фабрикантов, помещиков, купцов;
- *несгибаемых большевиков* – борцов за народное счастье, как погибших, так и продолжавших борьбу вождей трудового народа.

Оценка произведения в целом, мировоззрения автора, художественного мастерства не входили в обязанности Главлита. Однако на «фрагменты» той или иной книги, способные нанести ущерб государству и обществу, сеющие сомнения в верности идеалов социализма и партийного руководства, а не только проповедующие жестокость и насилие, обращали пристальное внимание. Эти ограничения распространялись и на популярную литературу, включая детективы и романы о любви.

Во второй половине 40-х гг. были запрещены к печати пьеса Кравченко «Складаны вузел», рассказы «Мае мары» Миколы Зосима, «Нядаўняя быль» Янки Брыля и повесть «Сустрэча» Янки Шероховского. Газета «Літаратура і мастацтва» не пропустила стихотворение Пимена Панченко «Перад сустрэчай», газета «Піянер Беларусі» – стихотворение Владимира Тютикова «Мечта», опасной показалась сказка «Мена» из книги «Роднае слова» для чтения в первом классе школы, а роман Кузьмы Чорного «Пошукі будучыні» не разрешен к набору. В романе «Бацькаўшчына» писатель Чорный «идеализировал» немца как организатора революционного движения в Белоруссии. Всеволод Кравченко в пьесе «Складаны вузел», по мнению цензуры, неправильно осветил проблему супружеской верности в ситуации, когда муж находится на фронте. Такие же претензии высказали и Янке Шероховскому по поводу повести «Сустрэча». Владимир Нефед в пьесе «Па сваёй ініцыятыве» «политически невыгодно» показал пионеров колхоза[498].

---

[498] Подростки 13–14 лет рассказывали старикам о тяжелой жизни при царизме, агитируя выйти на работу: «Вось што, бабуля! У той час, чым па суседках хадзіць ды плёткамі займацца, ішлі б вы лепш у калгас працаваць» («Вот что, бабуся! Вместо того чтобы по соседкам ходить и сплетничать, шли бы вы лучше в колхоз работать» – *бел. яз*). См.: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, л. 24.

При разработке исторической тематики писателей обвиняли в идеализации прошлого. Под руководством академиков Бориса Грекова[499] и Анны Панкратовой[500] разрабатывалась идеологическая концепция, по которой «великий русский народ был первым среди равных в братской семье народов СССР»[501]. Основная идея этой концепции состояла в утверждении «прогрессивного характера» присоединения к Российской империи всех без исключения «национальных окраин». Из этого делался вывод о том, что русского колониализма никогда не существовало, а русификация является сугубо положительным явлением, ставшим велением времени[502]. Понятно, что в той обстановке никаких других мнений быть не могло. Недовольство искусственным форсированием этого процесса и одновременно принижением роли культуры нерусских наций вплоть до запретов и арестов национальной интеллигенции высказывать было некому.

Претензии были предъявлены к книге «Гісторыя БССР», вышедшей под редакцией секретаря ЦК КПБ Т.С. Горбунова, в которой были обнаружены идеологические просчеты. Но виноватым сделали ректора БГУ профессора В.И. Пичету[503], приписав ему утверждение, что белорусский народ якобы не имел права на свою историю до Великой Октябрьской социалистической революции[504].

П.К. Пономаренко в докладе на Бюро ЦК КП(б)Б подчеркивал, что концепция Пичеты повлияла на некоторых историков и литераторов: «Тов. Михаил Климкович в пьесе “Отплата” сделал главным действующим лицом князя Януша Радзивилла, которого автор рисует в роли защитника народа и борца за его интересы: “...Свае цары былі б у нас, свая дзяржава, на нейкую палёгку спадзяваўся б чалавек...” (“Свои цари были ли бы у нас, свое государство, на некоторое облегчение надеялся бы человек” – *бел. яз.*)»[505].

---

499 Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) – советский историк, известен своими масштабными исследованиями по истории Киевской Руси и Золотой Орды, действительный член АН СССР (1934 г.), директор Института истории АН СССР в 1937–1953 гг., трижды лауреат Сталинской премии.

500 Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) – советский историк, изучала историю рабочего класса, революционного движения, академик АН СССР (1953 г.), АН БССР (1940 г.), АПН РСФСР (1944 г.), главный редактор журнала «Вопросы истории» в 1953–1957 гг.

501 А. Панкратова. *Великий русский народ*. М., 1952. С. 3.

502 См.: З. Шыбека. *Нарыс гісторыі Беларусі, 1795–2002 гг*. Мінск, 2002. С. 346.

503 Владимир Иванович Пичета (1878–1947) – первый ректор Белорусского государственного университета в 1921–1929 гг., академик АН БССР (1928 г.), заслуженный профессор БССР (1926 г.), член-корреспондент АН СССР (1939 г.), академик АН СССР и заместитель директора Института славяноведения АН СССР (с 1946 г.).

504 В.И. Пичета отзывался о Великом княжестве Литовском как о первом белорусском суверенном государстве, а Виленскую иезуитскую академию (1578 г.) называл первым высшим учебным заведением Беларуси и т. д.

505 Материалы Бюро ЦК КП(б) Белоруссии от 28 окт. 1946 г. // Архив автора.

Нажим на творческих работников усилился после пленума ЦК КП(б)Б в ноябре 1947 г., который рассмотрел вопрос «О политической и идеологической работе среди интеллигенции». Утверждалось, что многие ее представители не отказались от своих националистических взглядов, теории «золотого века», которую переживала Белоруссия в XV–XVI вв. Профессора М. Ларченко, заведующего кафедрой белорусской литературы БГУ, автора учебника «Образование в БССР», обвинили в том, что он выдвигал на первый план проблему национально-освободительного движения, предавая забвению классовую борьбу. Ларченко будто бы восхвалял всех писателей прошлого, замалчивая слабые и ошибочные моменты их творчества.

Под предлогом усиления идеологического контроля над произведениями печати цензура возвратила на доработку шесть книг, объявленных политически вредными, и десятки других материалов[506], расцененных как преклонение перед буржуазным Западом. «Ученые записки БГУ. Историческая серия» якобы идеализировали отношение императора Николая I к крепостному крестьянству. Монография М.Н. Никольского[507] «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» была признана политически невыдержанной[508]. При подготовке первого послевоенного переиздания трудов Янки Купалы было изъято 160 стихотворений, в которых усмотрели пропаганду национально-освободительной идеи[509].

На состоянии литературы сказывалась атмосфера холодной войны. Зимой 1948 г. А.А. Фадеев, выступая в Минске на республиканском совещании Союза писателей, говорил, что западный мир давно поставил крест на человеке. Империализм стремится оправдать самое гнусное, что он творит в мире, поэтому «они» развращают интеллигенцию. Советские писатели являются новаторами в мире литературы, а то, что нас окружает за границей, – это не литература, а распад человеческой личности[510].

По-своему символичным стало обращение П.У. Бровки к министру МГБ Л.П. Цанаве «не отказать в любезности» и предоставить писателям Центральный клуб МГБ в Минске для литературного вечера дружбы народов, посвя-

---

[506] Только в 1947 г. цензоры республики сделали 496 купюр, из них сведений, составляющих военную и государственную тайну, – 454, а политического и идеологического характера – 42.

[507] Николай Михайлович Никольский (1877–1959) – русский и советский историк, доктор исторических наук (1934 г.), член-корреспондент АН СССР (1946 г.), академик АН БССР (1931 г.), директор Института истории АН БССР в 1937–1953 гг.

[508] О повышении идеологических и деловых качеств цензоров БССР: Письмо начальника Главлита БССР Ф.И.Дадиомовой – Н.А. Гусарову, первому секретарю ЦК КП(б)Б, от 31 марта 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 13-16.

[509] См.: *Запісы*. Беларускі інстытут навукі і мастацтва. Нью-Йорк, 1983. Т. 17. С. 245.

[510] Стенограмма Республиканского совещания ССП БССР (Минск, 24–26 февр. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 25, т. 1, лл. 153-154.

щенного празднованию тридцатилетней годовщины провозглашения БССР[511]. С одной стороны, Клуб МГБ по праву считался самым благоустроенным местом в разрушенном Минске, а с другой – писатели сами принимали как норму пристальное око службы безопасности и цензуры.

В начале 50-х гг. кампания по осуждению «неверных» подходов при освещении исторического прошлого активизировалась. К печати не допускали произведения, отражавшие национальные особенности белорусов. Летом 1951 г. во время обсуждения рукописи книги М.С. Осмоловского «Минск – столица советской Белоруссии» автора критиковали за отсутствие исторического подхода. Осмоловский писал, что в XVI–XVIII вв., в период войн Московского государства с Польшей и Швецией, Минск неоднократно разрушался вражескими войсками (намек на русских)[512]. Ссылки автора на «Живописную Россию», где рассказывалось о старом Минске, были признаны ненаучными[513]. Из рукописи цензура потребовала убрать утверждение, что Минск до революции имел ничтожную кустарную промышленность[514]. Очень мало говорилось о I съезде РСДРП и совершенно ничего о том, почему именно Минск был избран местом его проведения[515]. При описании советского периода отсутствовала «страстная партийность» и не был отражен пафос послевоенного восстановления[516].

Нельзя было напоминать о безвозвратных потерях в годы войны, чтобы избежать разговоров о цене победы (о дискуссии не могло быть и речи). На обсуждении рукописи С. Щуцкого «Герой Советского Союза Николай Гастелло» к недостаткам книги были отнесены ее «бесстрастность и хладнокровие»[517]. Щуцкий якобы допускал скоропалительные выводы, не утруждая себя доказательствами. Неубедительными показались слова матери летчика-героя о том, что

---

[511] Письмо члена ССП БССР П. Бровки – министру МГБ Л. Цанаве от 22 дек. 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 22, л. 238.

[512] В ходе русско-польской войны (1654–1667 гг.) Минск был взят войсками царя Алексея Михайловича и удерживался до 1667 г. В городе осталось только 2 тыс. жителей и 300 домов. Во время Великой северной войны со Швецией (1700–1721 гг.) Минск был захвачен войсками Карла XII, а затем Петром I, город при этом серьезно пострадал.

[513] *Живописная Россия.* Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семенова. М., 1898. Считается одним из наиболее полных трудов, посвященных истории Российской империи.

[514] Поскольку это отрицало наличие пролетариата (русских и белорусов) и оставляло намек на преобладающее количество ремесленников (евреев).

[515] Инициатива принадлежала Бунду (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), который располагал в Минске абсолютным большинством в рабочем движении.

[516] Протокол заседания секции политической литературы Госиздата БССР от 23 июня 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 79-86.

[517] Протокол заседания секции редакционного совета при Госиздате БССР от 12 июля 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 87-93.

сын погиб, выполняя ее наказ, а не веление Родины, совести коммуниста и патриота[518].

В 1952 г. неудачной была признана книга стихотворений Д. Ковалева «Близкие сердцу». Раздел «Беларусь родная» состоял из стихов, отражающих в основном дореволюционный период. У Ковалева не было «ярких и запоминающихся» произведений о социалистических преобразованиях в городе и на селе за годы советской власти. Стихи о войне были проникнуты тоской по погибшим в боях товарищах вместо рассказов о героизме и пламенного советского патриотизма. Стихотворение «Беларуси», как показалось рецензентам, явно перекликалось с «Любіть Україну» В. Сосюры[519]. Досталось и редактору сборника «Близкие сердцу» Пимену Панченко, который подписал его к сдаче в Главлит, назначив другого редактора[520]. Вопрос об издании книги Ковалева был передан на рассмотрение правления Союза писателей БССР[521].

Нельзя было писать о бездомных. Большинство населенных пунктов республики были разрушены, а население ютилось в землянках[522]. Тем не менее в 1948 г. с трибуны сессии Верховного Совета БССР утверждалось, что жилищная проблема решена. Одновременно в Полоцкой областной газете по недосмотру цензуры появилась публикация о лишениях тех, кто еще не вышел из землянок, за что начальник Полоцкого управления Главлита получил строгое партийное взыскание[523].

Игнорировалась тема геноцида еврейского населения на территории Белоруссии. В художественных произведениях удалялись места о зверствах нацистов, вызвавших панику среди советских людей в плену. Запрещалось упоминать, как немецкое гражданское население в ужасе искало спасения на Западе при приближении частей Советской армии.

В строках стихотворения П. Глебко:

> Привет вам, люди республик, дорогие братья и сестры,
> Привет вам, наши соседи – подневольных стран борцы!

---

[518] Имелось в виду отсутствие в книге высказываний Ленина и Сталина о советском патриотизме и его истоках.

[519] Владимир Николаевич Сосюра (1898–1965) – украинский советский поэт, лауреат Сталинской премии (1948 г.), стал объектом травли после статьи в газете «Правда» (1951 г.), в которой обвинялся в «буржуазном национализме» за стихотворение «Любіть Україну» (1944 г.).

[520] П. Панченко лишили гонорара за выполненную работу.

[521] Протокол заседания редакционного совета Госиздата БССР от 16 июня 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, лл. 123-126.

[522] В 1947 г. министр совхозов БССР И. Крупеня сообщал ЦК КП(б)Б: «Многие продолжают оставаться в землянках, которые пришли в ветхость, грозят обвалом, заливаются водой, и это приводит к серьезным заболеваниям рабочих» // Е. Жирнов. *Коммерсант «Власть»*. № 44. 8 нояб. 2010 г.

[523] Письмо Аркадия Бляхера из Бреста от 24 марта 2010 г. // Архив автора.

цензору показались подозрительными слова «подневольных стран борцы», поскольку «нашими» соседями являются страны народной демократии[524].

Неуемной порой оказывалась и критика внешнего врага. Страны Запада и США, на которые советское руководство было готово переложить ответственность за трудности своего послевоенного развития, изображались часто в неправдоподобном виде. В ноябрьском (1953 г.) номере журнала «Полымя» был опубликован памфлет, подписанный псевдонимами Вирка и Зурба, в котором американцы «сыпали» белорусскими поговорками как из рога изобилия[525].

Власти не только использовали «кнут», но и «пряник» в отношении деятелей культуры. Главным мерилом успеха были Сталинские премии[526]. Награждения проводились ежегодно до конца 1952 г. В БССР самой престижной премии был удостоены Якуб Колас[527], Янка Брыль[528], Кондрат Крапива[529], Аркадий Кулешов[530], Иван Шамякин[531] и некоторые другие писатели и поэты.

Присуждение Сталинской премии не означало, что лауреатам разрешали писать все, как они того захотят. Предполагалось, что удостоенные счастливцы останутся осмотрительными, не захотят терять авторитет и привилегии. Премии радовали друзей лауреатов, но и прибавляли завистников. Если за два первых послевоенных года среди отмеченных премией произведений доля сугубо конъюнктурных работ была незначительной, то в дальнейшем она все более возрастала[532].

После смерти Сталина предпринимались попытки реанимировать советское прошлое. По оценке Григория Свирского[533], началось половодье фальшивок,

---

[524] Отчет Главлита за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 2-3.

[525] Протокол заседания ССП БССР от 25 дек. 1953 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 47, л. 265.

[526] Сталинские премии (с 1939 г.) присуждали за «выдающиеся заслуги» в области музыки, живописи, графики, скульптуры, архитектуры, драматургии, оперы и балета, кино и художественной прозы: первая премия – 100 тыс., вторая – 50 тыс., третья – 25 тыс. руб.

[527] Якуб Колас (1882–1956) – лауреат двух Сталинских премий за стихотворения «Салар», «Голос земли», «На запад», «Моему другу», «Родной путь», «В майские дни», «Дорогой победы» (1946 г.) и поэму «Хата рыбака» (1949 г.).

[528] Янка Брыль (1917–2006) – лауреат Сталинской премии (1952 г.) за повесть «В Заболотье светает» (1950 г.).

[529] Кондрат Крапива (1896–1991) – лауреат двух Сталинских премий за пьесы «Кто смеется последним» (1941 г.) и «Поют жаворонки» (1951 г.).

[530] Аркадий Кулешов (1914–1978) – лауреат двух Сталинских премий за поэмы «Знамя бригады» (1946 г.) и «Новое русло» (1949 г.).

[531] Иван Шамякин (1921–2004) – лауреат Сталинской премии (1951 г.) за роман «Глубокое течение» (1949 г.).

[532] *Сталинские премии: две стороны одной медали*: Сб. документов и материалов / Сост. В.Ф. Свиньин, К.А. Осеев. Новосибирск, 2007. С. 213.

[533] Г. Свирский. *На лобном месте*… С. 98.

подобных пьесе Александра Штейна «Персональное дело» (1954 г.)[534]. В ней был выведен образ инженера Хлебникова, который сохранил веру в идеалы и непорочность КПСС, несмотря на свое исключение из партии и отстранение от работы. Дочь Хлебникова Марьяна, переживая за отца, не хотела подавать заявление в партию. На вопрос, почему она так поступает, Марьяна отвечала: «Пока тебя не восстановят, не могу». Тогда Хлебников возмутился: «На партию обиделась? Да чем была бы моя жизнь без нее? Дышал бы чем?» И завершает: «Стыдно!»

В то же время начиналась новая эпоха. В конце 1954 г., впервые после двадцатилетнего перерыва, состоялся II Всесоюзный съезд советских писателей[535]. «Инженеров человеческих душ»[536] призывали к глубокому изучению действительности, к показу реальных противоречий и конфликтов, правды жизни в условиях борьбы между империализмом и социализмом, к пониманию процессов развития, происходящих в стране[537].

Однако это был общий антураж. Когда делегаты съезда писателей вошли в Колонный зал Дома Союзов, то увидели выставку карикатур, немыслимых до того. На одной была изображена девочка-грязнуля с хитреньким лицом угодливой ябеды. Рядом был помещен ее безликий силуэт с красным галстуком. Под первым рисунком было написано: «Вот Лиза-подлиза», а под соседним: «А вот Лиза в издании “Детгиза”». Тут же был портрет Корнея Чуковского во всю стену, стихами которого «Мойдодыр» зачитывались все дети. Чуковского долго поносили, когда якобы было найдено и отправлено «куда следует» его письмо И.Е. Репину, в котором Чуковский умолял его не возвращаться в сталинскую Россию[538]. И вдруг на всю стену – добрый шарж с ободряющей подписью: «Нашдодыр»[539].

---

[534] Александр Штейн (1906–1993) – советский писатель, драматург, сценарист, лауреат двух Сталинских премий (1949, 1951 гг.); своей пьесой «Закон чести» (1948 г.) поддержал пропагандистскую кампанию против космополитизма.

[535] Съезд проходил в Москве 15–26 дек. 1954 г., на нем присутствовали 738 делегатов 45 национальностей СССР.

[536] Выражение, которое обычно приписывается И.В. Сталину, поскольку он использовал его на встрече с советскими писателями в доме у Максима Горького (26 октября 1932 г.). Однако Сталин лишь повторил понравившееся ему высказывание Юрия Олеши (1899–1960) и таким образом официально ввел эти слова в круг крылатых выражений своего времени.

[537] См.: *Литературная газета*. 1954. 16 дек.

[538] В дневниках Репина есть упоминания о приезде Чуковского в Финляндию в 1924 г., но нет ничего о том, что поэт отговаривал его от поездки на родину. Репин относился к советской России настороженно, несмотря на это, когда весной 1925 г. в Русском музее была организована юбилейная репинская выставка, художник собирался ее посетить, но не получил визу. См. Е. Чуковская. «Почему Репин не приехал в СССР?» История одного вымысла // *Литературная газета*. 1997. 11 сент.

[539] Г. Свирский. *На лобном месте*… С. 100.

Литературный процесс имел самостоятельную логику развития, многие писатели невольно нарушали границы дозволенного. Поэты, писатели и другие творческие работники пользовались внутренней борьбой в партийных верхах и все больше касались «пограничных» тем, что ранее было немыслимо. Люди умели читать между строк, а писатель – писать между строк. Используя образное сравнение В. Жабинского, художественные произведения представляли собой «зеркало, хотя и далеко не ровное, туманное, местами в старых пятнах, но в котором впервые можно было разглядеть советскую жизнь такой, какой она была»[540]. Когда начали печатать рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», поэму С. Кирсанова «Семь дней недели», Е. Евтушенко «Станция Зима», то повсюду пошли разговоры о литературной оттепели[541]. Кризис цензуры нарастал, в ее монолите обнаруживалось все больше трещин.

В Белоруссии увидели свет такие правдивые произведения, как повесть Янки Брыля «На Быстрынцы» и роман-эпопея Михася Лынькова «Векапомныя дні». Среди драматургов выделялся талант Андрея Макаенка. В 1953 г. он написал комедию «Выбачайце, калі ласка!» – о советском карьеризме, показухе, непрофессионализме властей. В эти годы в литературу возвращаются реабилитированные писатели: Андрей Александрович, Григорий Березкин, Язэп Пуща, Ян Скрыган, Станислав Шушкевич, Владимир Дубовка и др. Они привнесли свой взгляд на проблемы сталинизма, жизни общества и страны.

Литература оказывала громадное влияние на умы и настроения людей. Марина Цветаева утверждала, что Россия (в широком смысле этого слова) в состоянии осознать себя только через литературу, и замедление литературного процесса равносильно генетическому преступлению против будущего нации[542]. Чтение оставалось прежде всего обменом идеями, а не только развлечением, времяпровождением людей, лишенных свободного доступа к информации[543]. Люди вчитывались в критические произведения художественной литературы и публицистики и думали: что за этим стоит? Почему цензура «вдруг» разрешила то, что, безусловно, запрещено?

---

[540] В. Жабинский. *Просветы*. Заметки о советской литературе 1956–1957 гг. / Объединение политических эмигрантов из СССР. Мюнхен, 1958. С. 17.

[541] Понятие «оттепель» возникло после выхода в свет одноименной повести И. Эренбурга, которая была опубликована в журнале «Знамя» еще до созыва XX съезда партии – весной 1954 г., а осенью 1953 г. «Новый мир» напечатал стихотворение Н. Заболоцкого «Оттепель», весьма созвучное духу времени.

[542] См.: И. Бродский. Предисловие // М. Цветаева. *Поэт и проза.* Избранные произведения: В 2 т. Нью-Йорк, 1979. Т. 1. См. также: *Новый мир*. 1991. № 2. С. 156.

[543] М.Р. Зезина. «Из истории общественного сознания периода “оттепели”». Проблема свободы творчества // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1992. № 6. С. 17–18.

Подспудно шла борьба между партийными руководителями, выходцами из хозяйственников и технической интеллигенции, с одной стороны, и партийными аппаратчиками – с другой. Положительными героями художественных произведений становились руководители промышленности и сельского хозяйства, специалисты, деловые люди с государственным мышлением, а отрицательные роли чаще всего принадлежали «людям партии»: секретарям партийных комитетов, парторгам ЦК и другим доверенным лицам режима.

В целом белорусская литература первого послевоенного десятилетия сделала определенный шаг в своем развитии. Проза избавлялась от риторики и схематичности, отвергала бесконфликтность, углубляла свое гуманистическое содержание. Общим для белорусской литературы этого времени был поиск более тесных связей с действительностью, большое внимание уделялось проблеме героя современности. Но не все получалось должным образом. Чаще всего главный герой произведения становился рупором идей, придатком к приглаженным и приукрашенным обстоятельствам. Однако влияние литературы на жизнь было несомненным.

Писательские союзы

Роковую роль в судьбе художественной интеллигенции сыграли «творческие союзы». Союз писателей был разделен на секции, соответствующие различным литературным жанрам. Авторов поощряли публично читать произведения, над которыми шла работа, их творчество обсуждали на заседании секции Союза, следили за соответствием указаниям партии. Дальнейшая проверка проходила в редакциях «толстых» журналов, так как лучшая литература, даже романы, появлялась сначала в этих изданиях. Главная задача состояла в соблюдении идеологической корректности рукописей.

Творческие союзы осуществляли контроль за подведомственными им издательствами, редакциями журналов, выставками и зрелищными представлениями и во многом дублировали цензоров. Среди руководителей союзов встречались талантливые и неравнодушные люди, пытавшиеся противостоять идеологическому диктату, однако со временем их сменило новое поколение чиновников от искусства, которые выступали с цензурой единым фронтом.

Сталинские наследники хотели использовать литературу для своих целей. Цензура разрешила критиковать некоторые советские порядки, но так, чтобы недостатки обозначались как временное явление, порождение недомыслия или злоупотребления отдельных личностей. Однако читатель увидел, что недостатки и пороки не случайны и проистекают из самой природы господствующего строя. Советская литература приобрела новые для себя черты – человечность и гуманность. Все это очень напоминало настроения творческой интеллигенции стран Восточной Европы перед событиями в Польше и Венгрии в октябре и ноябре 1956 г. и, в сущности, было следствием одной и той же беды, одних и тех же надежд. Это и настораживало власти.

Н.С. Хрущев считал, что государство призвано руководить творческим процессом, что литература и искусство должны «исправлять» ошибки, допущенные в период культа личности, но только под контролем партии. Нечаянное его определение «писатели-автоматчики» точно указывало место писателя в обществе – бойца, действующего по команде. Однако реальная жизнь не укладывалась в это прокрустово ложе. Противоречия между творческой практикой и идеологическими формами стало особенно заметным на второй волне «оттепели», наступившей после XX съезда.

Литературные переводы

К середине 50-х гг. в республике появилось больше переводной литературы. На белорусском языке в первую очередь издавали произведения русской классической литературы: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н.Толстого, А.П. Чехова, Т.Г. Шевченко. Их дополняли произведения прозы и поэзии XX в. – сочинения А.М. Горького, В.В. Маяковского, Н.А. Островского, А.А. Фадеева, М.А. Шолохова (Россия), М.Ф. Рыльского, П.Г. Тычины (Украина), А.Н. Чейшвили (Грузия), Г. Леберехта (Эстония), М. Ибрагимова (Азербайджан). Как правило, это были однотомники избранных произведений, антологии русской, украинской и польской поэзии. На белорусский язык перевели отдельные произведения советской прозы, ставшие культовыми для своего времени, – «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Честь смолоду» А. Первенцева, «Водители» А. Рыбакова и др. Всего, по оценке директора Белгосиздата З.П. Матузова, в переводе на белорусский язык за 1951–1953 гг. было выпущено более 50 книг русской классики, произведений лауреатов Сталинской премии и писателей союзных республик[544].

Русскую классику переводили Я. Колас, К. Крапива, П. Бровка, А. Кулешов, В. Вольский и некоторые другие известные белорусские писатели. При этом общее качество переводов еще оставляло желать лучшего, так как часто ими занимались случайные люди – неудавшиеся или попавшие в опалу литераторы, которые рассматривали переводы художественных произведений как временный заработок. При Главном управлении издательств и полиграфической промышленности Министерства культуры БССР отсутствовала соответствующая долговременная программа. Выбор книги для перевода на белорусский язык часто зависел от вкуса того или иного литературного «начальника».

На III съезде Союза писателей БССР в 1954 г. общее количество переводов художественной литературы союзных республик было признано недостаточным.

---

[544] Стенограмма заседания III съезда ССП БССР (Минск, 15–18 сент. 1954 г.) // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 61, л. 282-283.

Отмечалось, что нет переводов на белорусский язык произведений ведущих писателей Латвии, Армении, Молдавии, Карело-Финской ССР, республик Средней Азии[545]. Как выяснилось, до середины 50-х гг. не было переведено на белорусский язык ни одного произведения Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, В.Г. Короленко. Можно предположить, что без злого умысла. Скорее всего, их произведения, изданные массовым тиражом на русском языке, были доступны читателю в библиотеках республики.

Из зарубежной литературы переводили только те произведения, авторы которых считались «своими» – т. е. одобряли и пропагандировали сталинский социализм, или из тех стран, с которыми «дружили». По оценке Главлита, переводы таких произведений «идейно обогатили» национальную литературу республики. На белорусском языке увидели свет произведения Тудора Аргези и Михаила Садовяну (Румыния), Юлиуса Фучика (Чехословакия), Шандора Надя (Венгрия), Дин Лина (КНР) и некоторых других писателей стран народной демократии. Своей очереди ждали «лучшие», с точки зрения советского режима, произведения албанских, болгарских и немецких (ГДР) писателей.

По понятным причинам начиная с 1946 г. на белорусский язык не переводились произведения современной прозы Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Италии, Испании и Западной Германии. В БССР, как и в целом в Советском Союзе, читатели плохо представляли себе культурную жизнь в несоциалистических странах.

Под предлогом борьбы с иностранным влиянием страна всячески отгораживалась от зарубежья. Эрнеста Хемингуэя назвали «потерявшим совесть снобом», Лиона Фейхтвангера – «литературным торгашом», Синклера Льюиса – «грязной душонкой»[546]. Можно было услышать такое: «Чему учат советских детей книги Жюль Верна? Все эти герои – человеконенавистник капитан Немо (роман “20 тысяч лье под водой”) или бесшабашный Дик Сэнд (роман “Пятнадцатилетний капитан”)?»[547]

В порядке обмена была расширена практика переводов произведений белорусских авторов на языки дружественных стран. Государства Европы и Азии, попавшие в орбиту советского влияния, охотно переводили за свой счет литературу союзных республик. Считалось, что это поможет сблизить народы, покажет общность их судьбы, борьбу с классовым угнетением, за национальное освобождение и мир во всем мире. Для переводов придирчиво отбирали романы, очерки, повести, рассказы, стихи, которые должны были рисовать облик советской Белоруссии как гармонично развивающегося общества, успешно решающего все

[545] Стенограмма заседания III съезда ССП БССР (Минск, 15–18 сент. 1954 г.) // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 61, л. 436.

[546] Р. Медведев. *К суду истории*. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974. С. 1072.

[547] Г.И. Мирский. *Жизнь в трех эпохах*. М., 2001. С. 89.

проблемы, встающие на его пути[548]. В 1952 г. в список художественной литературы, рекомендованной к переводам в странах народной демократии, были включены произведения 49 белорусских авторов (стихи, проза, критические литературные обзоры, сборники избранных произведений)[549]. Книги Я. Коласа, М. Лынькова и А. Стаховича вышли на польском языке, М. Последовича – на немецком, К. Крапивы – на румынском и польском, И. Шамякина – на польском и болгарском, Т. Ходкевича – на чешском, польском и немецком, М. Танка – на венгерском и польском, Я. Купалы и А. Кулешова – на китайском[550].

Многоцветная палитра переводов не только служила удовлетворению культурных потребностей читателей, но и выполняла важную представительскую функцию. Переводы должны были демонстрировать расцвет национальных литератур при социализме и разоблачать «клевету» врагов о подавлении самобытности и национального своеобразия литературы и искусства в СССР.

Перевод на белорусский язык работ Ленина и Сталина

Выпуск сочинений Ленина и Сталина расценивался как серьезное событие в идеологической работе по коммунистическому воспитанию народов СССР. По данным Книжной палаты БССР, с 1917 по 1950 г. в республике увидели свет произведения В.И. Ленина 296 наименований, в том числе на белорусском языке – 248, общим тиражом почти 2 млн 800 тыс. экз. Многие из них издавались по 5–10 раз. «Чемпионами» оказались «Очередные задачи советской власти», «Государство и революция», «Задачи союзов молодежи», «Шаг вперед и два шага назад», «Что делать?» Только с 1945 по 1951 г. были изданы на белорусском языке ленинские работы 39 названий тиражом 730 тыс. экз., в 1951 г. успешно завершилось издание его 35-томного собрания сочинений.

Масштабы изданий на белорусском языке работ И.В. Сталина оказались скромнее, но только потому, что его письменное наследие было намного меньше. Сравнивать интеллектуальный потенциал двух «самых великих людей» советской эпохи не позволялось никому. Вместо этого тиражировалось выражение Анри Барбюса «Сталин – это Ленин сегодня». Всего на белорусский язык было переведено и издано 178 произведений Сталина тиражом почти 5 млн 170 тыс.

[548] Советский Союз обвинял страны Запада в стремлении развязать Третью мировую войну, тогда как Запад вполне обоснованно опасался распространения советского влияния с Восточной, Центральной и части Южной Европы на ее западную часть. Помощь США по восстановлению Европы преподносилась Москвой как создание плацдарма для нападения на СССР.

[549] Приложение к протоколу Президиума ССП БССР от 10 июля 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 47, л. 166-167.

[550] Из плана работы ССП БССР на 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 67, л. 15.

экз., в том числе после 1945 г. – 17 работ (420 тыс. экз.). Книги Сталина на белорусском языке переиздавались неоднократно: «Вопросы ленинизма» – восемь раз, речи на предвыборных собраниях – 11 раз, доклад о проекте Конституции СССР – 12 раз, Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б) – 17 раз, «Краткий курс истории ВКП(б)» – четыре раза. В 1949 г. было переведено на белорусский язык и издано собрание сочинений Сталина в 12 томах (240 тыс. экз.). В связи с выходом в свет краткой биографии Сталина (1 млн экз.) в республике было образовано свыше семи тысяч кружков по изучению жизни и деятельности «великого кормчего коммунизма». В дополнение к этому было выпущено три сборника отдельных работ Сталина и Ленина (238 тыс. экз.)[551].

Произведения Ленина и Сталина на белорусском языке выходили массовыми тиражами, и это было обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, соображениями государственного престижа, поскольку издание считалось обязательным для каждой союзной республики (по мысли советских идеологов, перевод на национальные языки свидетельствовал о признании и претворении на практике идей современных классиков марксизма), с другой – потребностями действовавшей сети политического просвещения (кружков, курсов, семинаров, вечерних университетов марксизма-ленинизма) и высшей и средней специальной школы.

Гуманитарные, технические, медицинские или театральные высшие учебные заведения имели кафедры истории ВКП(б), научного коммунизма и политической экономии, и советские студенты обязаны были в течение двух лет прослушать курс лекций и сдать экзамен на знание первоисточников – работ Ленина и Сталина.

Такое дорогостоящее предприятие, как издание этих трудов, вынуждало к большим расходам, привлечению резервов, что при затратной экономике было крайне обременительно. Послевоенная разруха, дефицит бумаги, оборудования, квалифицированных специалистов отодвигали исполнение многие других срочных заказов на издание научной, технической, справочной и детской литературы. Однако условия существования советского режима требовали, чтобы экономическая целесообразность уступала место идеологии.

Новояз

При активном участии цензуры возник новый, советский язык, или новояз, которому отводилась роль универсального заменителя традиционного русского языка. Это был суррогат, который постепенно проникал во все сферы духовной

[551] Протокол заседания секции политической литературы Госиздата БССР от 29 мая 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 11, оп. 1, д. 705, л. 70-78.

деятельности – литературу, искусство и науку. Семантика новояза отражала идейное мифотворчество Коммунистической партии. Слова и выражения нового языка напоминали сжатые пружины политического манипулирования, при помощи которых, по выражению Ильи Земцова, в «человека вгоняются заряды идеологической энергии»[552].

Новояз строился на двух основных компонентах: *словах-фикциях* и *словах-явлениях.* Слова-фикции передавали понятия, лишенные всякого социального смысла («авангард», «боевитость», «внутрипартийная демократия», «дружба народов», «идейность» и пр.). Они были очень пластичны и откликались на любое изменение политической или социальной ситуации. Если один из компонентов утрачивал эффективность, то его меняли на другой, более современный, для воздействия на массовое сознание. «Гегемония пролетариата» превращалась в «гегемонию народа», а словосочетание «пролетарский образ жизни» изменялось на «советский», «социалистический» или «коммунистический».

Слова-явления опирались на искажаемые, но реально существующие факты и процессы советской действительности («встречный план», «доска почета», «колхоз», «очковтирательство», «анонимка» и др.). Они представляли собой более или менее постоянные формулы, которые не сразу распадались при столкновении с жизнью («атеистическое воспитание», «коммунистическая мораль», «коллективное руководство» и т. п.).

Оба слоя советского языка не были абсолютно изолированы друг от друга и, в случае необходимости, менялись местами. Усилия коммунистической пропаганды были направлены на поддержание стабильности слов-явлений и обновлении слов-фикций.

Цензоры хорошо ориентировались в новоязе, который таил своеобразные психологические «ловушки». Этому способствовала бедность оборотов, шаблон фраз и стандартность выражений. Одни понятия, такие как «распределитель», «закрытые магазины»[553], «литерный паек», «вертушка»[554], были закодированы и ничего не говорили людям непосвященным, а другие – оказывались чрезмерно информативными: «коммунизм», «антисоветизм», «оппортунизм».

Советский язык эксплуатировал приемы риторики. Такие обороты, как «волей партии», «активная жизненная позиция», «гвардейцы труда», «коммунистическая смена», должны были привести людей в состояние социальной экзальтации. Успешно совершалась подмена понятий. Если речь шла о социалистическом обществе, то «безработные» именовались как «люди, ищущие работу». «Кризисы» объявлялись «временными трудностями», а «диктатура» подменялась словосочетанием «демократический централизм». Труд советских людей должен был

---

[552] И. Земцов. *Советский политический язык*. Лондон, 1985. С. 7–10.

[553] Система распределения дефицитных товаров по государственным ценам для номенклатуры.

[554] Закрытая система партийной и правительственной телефонной связи.

вызвать в сознании ассоциативный ряд: «героический», «самоотверженный» или «доблестный». В то же время труд на Западе преподносился как «подневольный», «унизительный» или «непосильный»; советский народ именовался «великим», а народ США – «многострадальным». Кроме того, многим словам придавался характер символов: «партия», «труд», «план», «соревнование» и др.

Сфера применения советского языка была очень широкой. С его помощью не только называли и определяли явление, но разоблачали и осуждали неугодных режиму лиц. «Отщепенец», «оппортунист», «отребье» – звучали как приговор. Новояз призывал к нужным ассоциациям и действиям. С этой целью гигантские лозунги выставлялись на центральных площадях городов, вывешивались на зданиях и витринах магазинов, заполняли стены кинотеатров, клубов и стадионов.

Так с помощью цензуры происходила мистификация подлинного значения слова и активная подмена реального смысла – иллюзорным. Сознательное ограничение этимологии слова, разрыв традиционного значения в интересах агитации и пропаганды вызывали омертвление языка.

Русский язык, отличающийся богатством, образностью, гибкостью, яркостью, скудел, зажатый в советские штампы. В недрах общественного сознания оформились два параллельных мира: реальный, с противоречиями и конфликтами, и искусственный. В поведении людей наблюдался разлом – внешне оно оставалось политически приемлемым, а в частном выражении – не укладывалось в систему коммунистических идеалов.

Контроль над репертуаром

Вскоре после войны обострился конфликт между Главлитом и Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР (Главрепертком). Нередко одна инстанция что-либо разрешала, а другая то же самое – запрещала, и наоборот. В 1946 г. был предложен компромисс: Главрепертком получал контроль над выставками и музеями, утверждал модели и эталоны для массового копирования, а Главлит – над печатной продукцией изобразительного искусства (портреты, плакаты, графические издания).

Несмотря на это, интересы двух охранительных инстанций постоянно сталкивались. Конфликт между ними длился до начала 50-х гг. и пагубно отразился на работе эстрады, театра и музыкальных учреждений.

Белгосэстрада

Главрепертком БССР отвечал за работу эстрады и культурно-просветительных учреждений, которые должны были, говоря языком документов тех лет, отсеивать произведения, чуждые советской идеологии, аполитичные, беспринципные, беззубые и низкие по художественному уровню[555].

При Белгосэстраде было образовано два творческих коллектива: передвижные Ансамбль драмы и комедии (19 чел.) и Ансамбль музыкальной комедии (36 чел.). Первый возник в 1948 г. из артистов расформированных театров в связи с решением Совета Министров СССР о сокращении штатов, а второй – образован в 1951 г. Их дополняли концертные группы, собранные на договорных началах, два детских кукольных коллектива, ансамбль светящихся красок[556].

Главлит и Комитет по делам искусств указывали на слабую связь эстрады с белорусскими писателями и композиторами, недостаточную популяризацию музыкального народного творчества[557].

Личность композитора, исполнителя, артиста являлась общественно значимой. Работу тех, кто находился на творческом Олимпе, хорошо оплачивали. Ведущие композиторы и музыканты занимали видные позиции в организационных структурах – Союзе советских композиторов, Комитете по Сталинским премиям, учебно-образовательных заведениях. Их выдвигали на депутатские должности и награждали орденами, им присуждали премии и присваивали почетные звания.

Давали себя знать последствия войны. Часть художественной интеллигенции, среди которой оказались известные композиторы и исполнители, не успела эвакуироваться. Обстоятельства заставили одних (вольно или невольно) продолжить творческую и художественно-исполнительскую работу с разрешения немецких властей[558]. Накануне освобождения республики кто-то из этих людей выбрал эмиграцию[559], а другие ожидали прихода Советской армии.

Первые послевоенные годы белорусское музыкальное творчество существовало почти исключительно за счет партизанской темы. Характерным примером служат опера Е. Тикоцкого «Алеся» (героический сюжет о белорусской девушке-партизанке), кантата А. Богатырева «Белорусским партизанам», вокальный цикл П. Подковырова «Партизаны», симфоническая поэма Н. Аладова «Из дневника

---

[555] Докладная записка начальника Главреперткома БССР А.Е. Атрощенко в ЦК КП(б)Б от 23 сент. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, д. 158, лл. 312-314.

[556] Отчет директора Белгосэстрады Л. Царьковой о художественно-творческой и производственно-финансовой деятельности за 1946–1952 гг. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 25, лл. 57-67.

[557] Постановление коллегии Управления по делам искусств при СМ БССР от 12 сент. 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 14, лл. 1-5.

[558] Композиторы А.Туренков, Ф. Самохин, Н. Иванов и др.

[559] Композиторы М. Щеглов, М. Ровенский, музыковеды А. Карпович, Э. Зубкович и др.

партизана» и его же опера «Андрэй Касьценя» (о вожде белорусских повстанцев), а также многочисленные партизанские песни Г. Пуксdüşta, Н. Соколовского, Н. Чуркина и др. Большинство из них представляли собой образчик агитационного искусства.

Среди типичных слабых сторон деятельности музыкальных учреждений Главлит и Комитет по делам искусств отмечали:

- нехватку тематических программ, посвященных актуальным проблемам современности;
- отсутствие продуманных мероприятий к знаменательным и памятным датам;
- медленное обновление репертуара;
- невыполнение планов выступлений ансамблей драмы и комедии;
- отсутствие условий для творческого роста исполнителей;
- недостаток общей культуры у молодых артистов («не прислушивались и не присматривались» к опыту актеров старшего поколения) и нежелание поднимать свой политический уровень.

Осенью 1952 г. Белгосэстрада просила оказать содействие в распределении заказов композиторам республики, чтобы они написали произведения для конкретных исполнителей:

О.Ф. Гаскарова (лирико-колоратурное сопрано)
– песня о новом Минске (белорусская);
– лирические песни (белорусские).

В.А. Александрович и *В.А. Лисневская* (вокальный дуэт)
– песня о Сталине (белорусская);
– песня о мире;
– шуточная (белорусская);
– лирические (белорусская и русская).

А.А. Кардымон (баян)
– песня о токаре-скоростнике тракторного завода;
– лесная партизанская (белорусская).

Н.Я. Наследник (меццо-сопрано)
– песня о девушках-строителях нового Минска;
– шуточная белорусская.

Т.В. Макарова (исполнительница русских народных песен)
– белорусские частушки;
– шуточная белорусская колхозная.

В.И. Михедо и Н.И. Гильзинец (танцевальная пара)
– танец на корейские мотивы (труд корейских крестьян);
– шуточный белорусский танец;
– русский боярский танец;
– молдавский танец.

А.М. Ковбасинский (балалайка)
– сюита на белорусские народные песни для балалайки с роялем.

Однако, несмотря на уговоры и обещанные гонорары[560], эта работа не спорилась[561]. Зимой 1953 г. после неоднократных напоминаний и нареканий была организована встреча в Союзе писателей БССР, на которой обсуждался вопрос о создании новых произведений для Белгосэстрады на оригинальном белорусском материале[562]. В результате некоторые авторы[563] «кое-что написали»[564]. Под нажимом Главного управления по делам искусств отдельные композиторы начали создавать вокальные и инструментальные произведения для эстрады (Е. Тикоцкий, Ю. Семеняко, В. Оловников и Д. Каминский), однако эта работа не удовлетворяла Главлит, который апеллировал к «возросшим потребностям современного дня». Рецензентов меньше всего волновали структура произведения и особенности исполнения. Прежде всего нужно было обеспечить «программность» (соответствие задачам, поставленным партией) и идеологическую направленность.

Решающим критерием художественной оценки музыкального произведения являлась его пригодность для целей агитации и пропаганды. Произведение, которое не удовлетворяло этим требованиям, объявлялось неактуальным и не оплачивалось. Чтобы оградить советских композиторов от напрасной траты времени и сил, использовалась практика государственного заказа. Немалую роль в этом играл Музыкальный фонд при Союзе композиторов. Перед началом работы композитор, как правило, получал аванс, который учитывался при выплате гонорара по итогам работы, если она принималась заказчиком (министерство культуры, Белгосфилармония, Белгосэстрада, Радиокомитет или др. учреждения)[565].

---

[560] Одна песня (текст) стоила 300 руб. (половина заработной платы цензора в месяц), а реприза для конферанса – 400 руб.

[561] Письмо директора Белгосэстрады Л. Царьковой – П. Люторовичу от 19 нояб. 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 18, лл. 173-174.

[562] О творческих связях Белгосэстрады с Союзом писателей и Союзом композиторов БССР: Докладная записка директора Белгосэстрады Г. Кривавуса – А.М. Румянцеву, зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС, от 7 дек. 1953 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 25, лл. 100-104.

[563] Приводились фамилии Острейко, Мовзона, Атрощенко, Дубравина.

[564] Так в документе.

[565] М. Гольдштейн. «Музыка в тисках цензуры» // *Новый колокол*: *Литературно-публицистический сборник* / Сост. А.В. Белинков. Лондон, 1972. С. 170.

Творческий кризис объяснялся не отсутствием желания композиторов создавать музыкальные произведения на белорусском языке, а жесткими идеологическими требованиями, искусственностью, показным оптимизмом и приукрашиванием действительности. В результате исполнители подбирали репертуар из периодической печати или материалов, предложенных Главным управлением музыкальных учреждений, что не вызывало интереса публики.

Артисты передвижных эстрадных коллективов выступали в любое время года. Чаще всего их привлекали в ходе посевных и уборочных кампаний на селе и перед военнослужащими Белорусского военного округа, к концертам в парках культуры и отдыха. Помещения домов культуры не были приспособлены для концертной деятельности, поскольку в основном были превращены в кинотеатры. Зрительные залы вмещали небольшое число зрителей. Нередко отсутствовали освещение, отопление, музыкальные инструменты. Однако Главлит интересовали не эти трудности, а то, что в репертуаре приезжавших артистов отсутствовали пьесы на производственную тему, о колхозной жизни или проблемах социалистического строительства. На самом деле артисты выступали с тем репертуаром, который был востребован и хорошо принимался публикой, не избалованной культурными событиями в белорусской глубинке. Передвижные концертные бригады привозили с собой пьесы «Поют жаворонки» К. Крапивы, «За горизонтом» И. Гайдаенко и И. Беркуна, «Ночь ошибок» О. Гольдсмита, «Земной рай» О. Васильева. До конца 1952 г. передвижной драматический театр должен был сдать Главлиту пьесу А. Мовзона «Когда расходятся пути».

Ансамблю музыкальной комедии цензура разрешила поставить оперетты «Вольный ветер» И. Дунаевского, «Сильву» И. Кальмана, «Морской узел» Е. Жарковского, «Свадьбу в Малиновке» Б. Александрова, «Трембиту» Ю. Милютина и некоторые другие. Это были произведения, уже хорошо известные на общесоюзной сцене, к которым не имелось никаких претензий.

Важное место в репертуаре занимала политическая сатира. На подмостках часто исполнялись фельетоны «Поджигатели», «Поезд идет в Чикаго», «В когтях желтого дьявола», «Громкое помешательство», «Пожар в Белом доме», «Обращение к президенту», «Короткая память» и др. Их уравновешивали патриотические номера: «Партии – слава, Сталину – хвала» М. Рыльского, «Заздравная Сталину» и «Москва–Пекин» В. Мурадели, «Колыбельная» М. Блантера, «Юмор народов СССР», танец «Парень в новых сапогах» и др.[566]

Отклики зрителей носили порой воинственный характер, показывая в то же время их неосведомленность. В декабре 1951 г. в дирекцию Белгосэстрады поступило благодарственное письмо от военнослужащих Полоцкой области[567]. Авторы

---

[566] Протокол заседания художественного совета Белгосэстрады от 24 янв. 1953 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 24, лл. 1-2.

[567] Письмо из воинской части № 15707, ст. Боровуха Полоцкой области от 14 февр. 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 14, л. 59.

сообщали, что концерт прошел хорошо, поскольку все номера были насыщены «идейностью». Больше других хвалили артиста Шишкина, критиковавшего захватническую политику «англо-американских гитлеровцев». По-своему это было логично, поскольку советская периодическая печать, радио и устная пропаганда успели создать в общественном сознании соответствующие стереотипы.

Цензура отвечала за выступления приезжавших в республику на гастроли артистов Московской и Ленинградской государственной эстрады, Новгородской и Смоленской филармоний. В Главлите БССР получали разрешение Центральный театр кукол под руководством С. Образцова, ведущие мастера сцены балерина Галина Уланова, оперный певец Александр Пирогов, артисты эстрады Аркадий Райкин, Афанасий Белов и Елена Гоголева, Зоя Кавецкая, певцы Леонид Утесов, Владимир Канделаки и Клавдия Шульженко, артист оперетты Николай Рубан и др.

На работе эстрады сказалась антиеврейская кампания послевоенных лет[568]. После смерти Сталина преследования прекратились, однако урон, нанесенный музыкальной культуре, оказался невосполнимым. Композиторы не могли обращаться к национальному самосознанию, собирать фольклор или писать музыку на темы, далекие от соцреализма. В своем творчестве они постоянно сталкивались с «вводными указаниями» партийных и государственных органов.

Крайне редко разрешали концерты еврейской песни и народного юмора. Так, летом 1955 г. директор Белгосэстрады Г. Кривавус просил Управление по делам искусств утвердить композиции-инсценировки А.Е. Треппеля «Менахем Мендл» по Шолом-Алейхему и Е.М. Виногуро «Заколдованный портной», чтобы включить их в репертуар Белгосэстрады[569]. Осенью того же года поступил запрос разрешить в Минске выступление концертной бригады с программой «Вечер еврейского юмора», а в типографии армейской газеты «Во славу Родины» напечатать соответствующую афишу (2 тыс. экз. на русском и 300 экз. на белорусском языках)[570].

Наряду с этим национальное происхождение многих артистов, музыкантов, композиторов продолжали замалчивать. Считалось непатриотичным отмечать вклад музыкантов и исполнителей, если они не являлись белорусами, русскими или украинцами по происхождению, писать о композиторах-евреях,

---

568 О снятии с производства и запрещении использования произведений еврейских авторов: Приказы по Главреперткому СССР от 5 нояб. 1946 г.; 7 янв., 14 февр., 16 нояб. 1949 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 72, 374, 376, 402. См. *Приложение 29.* О снятии с производства и запрещении использования в концертах, трансляции по радио произведений еврейских авторов (на идише и русском языке): Приказы по Главреперткому СССР от 5 нояб. 1946 г., 7 янв., 14 февр., 16 нояб. 1949 г.

569 Письмо директора Белгосэстрады Г. Кривавуса – П. Люторовичу от 10 авг. 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 42, л. 200.

570 Письма директора Белгосэстрады Г. Кривавуса – П. Люторовичу от 12 сент., 10 и 18 нояб. 1955г. // Там же, лл. 241, 281, 288.

работавших в жанрах легкой, джазовой и эстрадной музыки, массовой песни. В Белгосфилармонии после войны работали Юрий Бельзацкий[571], Иосиф Жинович (Жидович)[572], Генрих Вагнер[573], Эдди Тырманд, Ежи Петерсбургский[574], Генрих Гольд и др. Их вклад в развитие белорусского музыкального наследия трудно переоценить (см. табл. 15).

Таблица 15

Национальный состав Белгосэстрады (1953–1956 гг.)

Год	**Всего,** *чел.*	**белорусы**	**русские**	**украинцы**	**евреи**	**другие**
1953	108	32	37	11	24	4
1956	105	38	28	8	30	1

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 25, л. 205; д. 42, л. 303.

До середины 50-х гг. БССР оставалась единственной союзной республикой, где не было областных филармоний. Главрепертком не давал разрешения на создание областных концертно-эстрадных бюро, что не всегда соблюдалось. Категорический запрет был наложен на «левые» (не разрешенные) спектакли, исполнение духовной музыки, демонстрацию гипнотических сеансов и прочие «несоветские выкрутасы».

Однако жизнь предъявляла свои права. Куда важнее было выполнить финансовый план, поэтому руководители эстрадных и музыкальных учреждений

[571] Юрий Давидович Бельзацкий (1909–1963) – композитор, дирижер киностудии, театра оперетты, симфонического оркестра, главный дирижер Театра музкомедии, киностудии «Беларусьфильм», худ. руководитель Эстрадного оркестра радио и телевидения БССР.

[572] Иосиф Иосифович Жинович (1907–1974) – дирижер, композитор, народный артист СССР.

[573] Генрих Матусович Вагнер (1922–2000) – композитор, пианист, отв. секретарь правления Союза композиторов БССР, автор песен, музыки к балету, драматическим спектаклям и фильмам.

[574] Ежи Петерсбургский (1897–1979) – дирижер и композитор, автор музыки танго «Утомленное солнце» и вальса «Синий платочек».

на местах предпочитали рискнуть и получить административное взыскание, чем остаться с пустой кассой или быть уличенными в нарушении финансовой дисциплины. Многие местные чиновники смотрели сквозь пальцы на нарушения инструкций и оформление разрешений на выступление приезжих гастролеров.

В 1946–1951 гг. директор Белгосфилармонии без согласования с министерством культуры заключил договор на гастроли Игоря Ильинского[575] и провел их в Минске. Директор Белгосэстрады отказывался «очищать» республику от незаконно приезжавших с гастролями «диких» концертных бригад. В Гомеле давали представления коллективы Черниговской и Одесской филармонии, имевшие разрешение …от Речицкого райлита. В Бобруйске в Доме офицеров работал «без присмотра» Главреперткома Московский театр миниатюр, а в Минске давал концерты «неизвестный» еврейский драматический коллектив. Был «разоблачен и изгнан»[576] за пределы республики цыганский ансамбль, гастролировавший по поддельным документам, запрещена программа театрализованного джаза[577].

Начальник Главреперткома БССР А.Е. Атрощенко жаловался на низкий уровень подготовки своих уполномоченных. Специалисты с высшим музыкальным и художественным образованием не соглашались работать на ставку 500 руб., а совместителями часто оказывались некомпетентные люди.

Общий уровень профессиональной подготовки начальников областных управлений по делам искусств, уполномоченных по контролю над зрелищами и репертуаром, руководителей музыкальных учреждений оставался невысоким. Из 12 уполномоченных Главреперткома специальное образование имели только два сотрудника. Большинство не выражали желания поступить на заочные курсы повышения квалификации работников искусств при Государственном институте театрального искусства им. А.В. Луначарского в Москве или Ленинградском театральном институте им. А.Н. Островского[578].

Невысокие зарплаты были и у самих артистов. Наиболее благополучными в этом отношении считались работники Театра оперы и балета и Театра музыкальной комедии (см. табл. 16).

---

[575] Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987 гг.) – актер театра (МХАТ, Московский Малый художественный театр) и кино, кинорежиссер, народный артист СССР (1949 г.), лауреат Сталинской премии СССР (1941, 1942, 1951 гг.).

[576] Так в документе.

[577] Приказ Главреперткома от 12 авг. 1946 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 6.

[578] Приказ начальника Управления по делам искусств при СМ БССР от 17 янв. 1949 г. // БГАМЛИ, ф. 164, оп. 1, д. 37, лл. 4-8.

Таблица 16

Размер оклада работников Театра оперы и балета и Музыкальной комедии в БССР (1952 г.)

Должность	**Зарплата,** *руб.*
Режиссер	1250
Дирижер	1000
Артист балета	1100
Скрипач	880
Артист-вокалист	690
Артист разговорного жанра	1000
Оркестрант	690
1-й ведущий	1200
2-й ведущий	800
Электрик	450
Рабочий сцены	425
Реквизитор	385

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 18, лл. 22-23, 200.

Низкие денежные оклады и отсутствие жилья не позволяли пригласить в Белоруссию мастеров сцены, известных артистов, музыкантов, режиссеров и драматургов. Высшие и средние музыкальные и театральные учебные заведения республики не готовили специалистов с профилем эстрадных исполнителей. Это приводило к тому, что в эстраду приходили артисты, потерявшие по разным причинам работу в других театрах или музыкальных учреждениях.

ЦК КП(б)Б обещал укомплектовать репертуарный комитет Управления по делам искусств при СМ БССР «знающими людьми». Редакторам республиканских газет «Советская Белоруссия», «Звязда», «Літаратура і мастацтва», «Сталинская молодежь», «Чырвоная змена» поручили развернуть кампанию против «фальши, шаблона и безыдейности» в работе Белгосэстрады, побуждать авторов к созданию высокохудожественных произведений.

Однако следить за репертуаром было нелегко. Цензоры сетовали, что им приходится перечитывать все тексты, звучащие с подмостков, поскольку списки

разрешенных и запрещенных к показу эстрадных номеров своевременно не составлялись. Мотивами для снятия с репертуара могли послужить:

- несоответствие требованиям, предъявляемым к пьесам о героях советской Родины;
- несоответствие требованиям, предъявляемым к классическим произведениям;
- устаревшее содержание;
- переработка произведения;
- неверное освещение исторических событий;
- отсутствие ясно выраженной идейно-художественной направленности;
- перевод западных оперетт и пьес (без объяснения мотивов);
- еврейская тематика.

По свидетельству Главреперткома, артисты эстрады имели огромный запас «всякого» репертуара и часто исполняли произведения, не указанные в программе. Цензоры сообщали, что, желая добиться «дешевого успеха» у публики, артисты декламировали произведения, «давно выброшенные за борт эстрадного искусства».

Большие нарекания вызывали постановщики эстрадных программ. Ссылаясь на творческие соображения, режиссеры часто вносили существенные коррективы в сценарии, не согласуя эти изменения с Комитетом по делам искусств, который, в свою очередь, перекладывал ответственность на органы цензуры, а те обычно оправдывались тем, что не имеют постоянных мест в зрительном зале[579].

Впервые после войны был поставлен вопрос об «излишней простоте» произведений белорусских композиторов, прямолинейности и неуместной импровизации, перепевах и неоправданных заимствованиях творческого наследия Бородина, Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова. В адрес белорусских авторов раздались упреки в невыразительности и однотипном развитии советской тематики. Некоторые композиторы, например Полонский, заслужили обвинения в низкопоклонстве[580].

В идейной противоречивости обвинили автора оперы «Машека» Г. Пуксты, других композиторов – в неспособности найти убедительные решения, незнании законов музыкальной драматургии. Опера «Алеся» Е. Тикоцкого (1943 г.) переписывалась каждый театральный сезон, но так и не достигла требуемого

[579] Практика резервирования служебных мест отсутствовала главным образом на концертах артистов-гастролеров, которые таким образом хотели избежать проверок. Для стационарных коллективов в республике такое правило существовало с конца 40-х гг.; служебные места Главлита находились рядом с проверяющими контролерами МГБ.

[580] Г. Виноградов. «У композиторов Белоруссии» // *Советская музыка*. 1947. № 5. С. 87–93.

уровня. В области симфонической музыки отсутствие мастерства обнаружили у А. Богатырева и Е. Тикоцкого, уклон к формализму[581] – у Н. Аладова и П. Подковырова.

После постановления ЦК ВКП(б) о борьбе с формализмом (1948 г.) белорусские композиторы не создали ни одного значимого произведения. Все показы творчества белорусских авторов на декадах культуры республики в Москве характеризовали как «упрощенное понимание художественного задания»[582].

Цензура диктовала правила творчества, которые чувствовал на себе каждый композитор. В качестве контролеров музыкальных произведений выступали выпускники советской консерватории, которые руководствовались выданными инструкциями. Из года в год повторялись одни и те же призывы к творческим работникам повысить качество музыки и усилить внимание к партийной тематике[583]. Без конца повторялись такие выражения, как «идеологическая битва», «боевая готовность советской музыки», «сражение», «фронтальное наступление», «атака», и другая подобная терминология.

При Союзе композиторов действовала комиссия военно-патриотической музыки. Знакомство с ее работой оставляло впечатление, что советские композиторы находились в состоянии мобилизации[584].

В марте 1948 г. Главрепертком разослал приказ, по которому все произведения (за исключением классики), разрешенные до 1 сентября 1946 г., подлежали пересмотру. Договоры, заключенные до указанной даты и не подтвержденные на 1 января 1948 г., объявлялись недействительными[585]. На деле это означало генеральную ревизию всего, что предлагалось советским слушателям. По всем зрелищным учреждениям прокатилась новая волна запретов и чисток репертуара, заподозренного в отсутствии патриотичности, идеологической невыдержанности или космополитизме. Подобные проверки проводились и в последующие годы. Считалось, что это преградит проникновение к зрителю произведений с нежелательным подтекстом, намеками и аллегориями.

В 1951 г. был пересмотрен репертуар эстрадных площадок и Белорусской государственной филармонии, который потребовали очистить от «безыдейных»

---

[581] Формализм – направление в эстетике, искусстве, литературе и др. науках, сторонники которого обвинялись в том, что понимают сущность вещей в форме, пренебрегая содержанием; часть идеологической кампании в СССР по борьбе с космополитизмом (1948–1953 гг.).

[582] С. Нисневич. «Композиторы БССР за 30 лет» // *Советская музыка*. 1949. № 3. С. 29–33.

[583] Под лозунгом партийности искусства подразумевалось возвеличивание вождей, воспевание несуществующей действительности, мнимых благодеяний, пропаганда идей панкоммунизма и прославление военной непобедимости.

[584] М. Гольдштейн. «Музыка в тисках цензуры»… С. 169.

[585] Приказ по Главреперткому СССР от 13 марта 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 124.

и «халтурных» произведений. В качестве иллюстрации приводился отрывок из интермедии «Синонимы»:

«– Какие в столовой синонимы?

– А как же? Написано: котлеты, биточки, а подают одно и то же. Слова разные, а значение...»

«В чайной чая нет – одни градусы». «Крыша протекает – зонтик возьми и сиди»[586].

Работу эстрадных организаций, филармоний и театров в начале 50-х гг. осложнила мнимая борьба за режим экономии. Комитет по делам искусств по поручению Совета Министров республики потребовал прекратить выдачу бесплатных пропусков на концерты, представления, спектакли и другие художественные мероприятия, передачу сборов от них кассам взаимопомощи или местным профсоюзным организациям[587]. Бесплатные пропуска были объявлены грубым нарушением служебной дисциплины, формой расхищения государственных средств, наносящим серьезный ущерб бюджету культурных учреждений, а виновных рекомендовали привлекать к строгой ответственности. Единственное исключение было сделано для генеральных репетиций перед сдачей концертной программы или спектакля. На генеральную репетицию разрешалось приглашать представителей общественности (передовиков производства и колхозников) или коллег по творческому цеху – критиков, драматургов, театроведов, композиторов, музыкантов, режиссеров, художников и артистов других театров, студентов музыкальных и театральных вузов, а также партийных и советских работников.

Бесплатные концерты разрешалось проводить только в порядке «шефства»[588] для рядового состава Советской армии и флота, рабочих фабрик и заводов как форму встреч творческих работников со зрителями непосредственно на предприятиях и в учреждениях. Даже смотры творческой молодежи и концерты молодых исполнителей отныне должны были проводиться как платные мероприятия. Директорам эстрадных и театрально-зрелищных предприятий запретили выдавать пропуск в служебные ложи лицам, не имеющим прямого отношения к театру.

Такие ограничения, принимая во внимание особенности советской жизни послевоенных лет, себя не оправдывали. Отсутствие бюджетных средств и, сле-

[586] Отчет Главлита БССР за 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 33, л. 53.

[587] Приказ председателя Комитета по делам искусств при СМ СССР Н. Беспалова от 30 сент. 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 18, лл. 33-34.

[588] Шефство, шефская помощь – общественная деятельность в форме оказания безвозмездной экономической или культурной систематической помощи более слабому лицу или организации; была особенно распространена в СССР, где промышленные предприятия оказывали помощь учебным заведениям или колхозам, отличники учебы – неуспевающим и т. д.

довательно, низкие зарплаты артистов эстрады и сферы развлечений заставляли искать обходные пути. Бесплатные разовые пропуска служили своеобразным способом расчета администрации и артистов, которым часто нечем больше было отблагодарить разного рода «нужных людей». Члены семей артистов, которые с трудом сводили концы с концы с концами, относились к бесплатным просмотрам как компенсации за то, что они часто не видели своих кормильцев, пропадавших на репетициях или гастролях. Если билеты были дорогими и зрительные залы и концертные площадки оставались пустыми, то их заполняли «шефскими» концертами. Эти концерты могли считаться безвозмездными только условно, поскольку военнослужащие, рабочие и колхозники сами находились на содержании у государства. По понятным причинам в приказе не упоминались цензоры и представители МГБ, которые пользовались правом бесплатного просмотра, не имея прямого отношения к учреждениям культуры.

Начиная с сентября 1952 г. установили обязательный порядок утверждения программ выступлений коллективов художественной самодеятельности, ввели контроль над танцевальными вечерами в клубах, садах и парках. В единые маршрутные листы вписывали произведения, разрешенные на гастролях. Исполнителей обязали иметь тексты эстрадных номеров разговорного жанра[589].

Существовало правило, по которому концертная бригада Белгосэстрады или коллективы артистов областных филармоний РСФСР, Украины, Прибалтики, прибывшие на гастроли, регистрировали свой приезд в местном отделении милиции, а затем отправлялись к уполномоченному Главлита. Цензор, ознакомившись с репертуаром, ставил в маршрутном листе артистов штамп «разрешается» с указанием срока гастролей в данном районе (городе). При переезде на новое место эта процедура повторялась (столько раз, сколько мест посещала концертная бригада). После гастролей маршрутные листы сдавали на хранение в Главлит[590]. Предполагалось, что эти меры усилят контроль над артистами эстрады и теми, кто составлял их репертуар.

В 1952 г. Главлит БССР рассмотрел десятки оригинальных пьес и в переводе на белорусский язык, свыше 100 музыкально-вокальных произведений разговорного жанра для эстрады и цирка, 40 киножурналов, подготовленных на киностудии «Беларусьфильм»[591]. Цензура в целом осталась недовольна. По ее мнению, Комитет по делам искусств республики резко снизил свою требовательность к идейно-художественному уровню исполнения. Концертная работа в профсоюзных клубах, дворцах культуры, сети ресторанов, санаториях, домах отдыха,

---

[589] Письмо К.К. Омельченко – В. Кружкову, зав. Отделом художественной литературы и искусства ЦК ВКП(б), от 19 сент. 1952 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 186, лл. 64-65.

[590] Образцы маршрутных листов были обнаружены автором в архиве Главреперткома БССР, который хранится в БГАМЛИ.

[591] Отчет Главлита БССР за 1952 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 27.

пионерских лагерях и других общественных местах оказалась вне контроля[592]. В результате на эстраде вновь получили распространение «идейно-порочные и антихудожественные» произведения. В клубах можно было услышать эстрадные скетчи В. Левшина[593] и марши Ю. Хайта[594]. В гостиницах и парках исполнялись взятые из домашних коллекций американские граммофонные записи, а массовики-баянисты в санаториях разучивали с отдыхающими «упадочные песни» Петра Лещенко[595]. Оживилась деятельность «частных» музыкальных и эстрадных бригад. В отчете Главлита за 1952 г.[596] говорилось, что они распространяли низкую по художественному уровню и вредную в идеологическом отношении продукцию. Имели место и «безответственные» выступления киноартистов с неутвержденными текстами на тему об исполнении ими образов деятелей партии и правительства и пр.[597]

Неудовлетворительно, по мнению цензуры, был организован контроль за уже разрешенным репертуаром. Главлит отмечал, что устаревшие спектакли, эстрадные и оркестровые произведения, потерявшие злободневность фельетоны, скетчи, конферанс, репризы своевременно не снимались с репертуара. Комиссия, образованная в конце 1952 г. из представителей Главлита, Комитета по делам культпросветучреждений, Министерства кинематографии СССР и ВЦСПС, искала более действенные формы контроля. Главлит реорганизовали и включили в систему МВД. Однако МВД отказывалось принять на себя контроль над эстрадой и музыкальными учреждениями, и оставалось только сосредоточить эти функции в самом министерстве культуры с привлечением органов Главлита. В мае 1953 г. это предложение было отклонено в ЦК КПСС и отправлено в архив.

После смерти Сталина перестали звучать многочисленные опусы, воспевавшие культ великой личности. Вместе с тем гимн Советского Союза, в котором

---

[592] Об ослаблении идеологического контроля над содержанием и качеством исполнения репертуара в концертно-зрелищных учреждениях страны: Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС – П.Н. Поспелову, секретарю ЦК КПСС, от 19 мая 1953 г. // РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 444, лл. 52-54.

[593] Владимир Артурович Левшин (1904–1984) – прозаик, драматург, поэт, автор одноактных пьес для эстрады.

[594] Юлий Абрамович Хайт (1897–1966) – советский композитор, автор маршей для духового оркестра, включая «Авиамарш» (1923 г.). Арестован в 1950 г. по доносу, что мелодию «Авиамарша» использовали нацисты. Освобожден через пять лет «в связи с недоказанностью обвинений».

[595] Петр Константинович Лещенко (1898–1954) – русский эстрадный певец, эмигрировал в Румынию в 1918 г., исполнял песни на русском, украинском, румынском, французском и немецком языках.

[596] Отчет Главлита БССР за 1952 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 27.

[597] Докладная записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС от 19 мая 1953 г. // РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 444, л. 54.

упоминалось имя Сталина, продолжали исполнять, но только только без слов. В период «оттепели» его пытались заменить и даже объявили конкурс. Были написаны новые гимны, более интересные и по музыке, и по стихам. Однако замена так и не произошла.

От композиторов по-прежнему требовали создавать в первую очередь произведения патриотической тематики. Этой теме посвящались оратории и кантаты, многочисленные песни, оперы и балеты. Был наработан определенный музыкальный штамп: маршевые ритмы, помпезность фанфарных призывов, нарочито сдержанное полифоническое построение музыки, что очень напоминало музыку сталинской эпохи. По едкому замечанию Б. Лятошинского[598], в советской музыке ничего не меняется, только даты под произведениями.

Художественная самодеятельность

Не осталась без внимания цензуры и художественная самодеятельность как одна из форм народного творчества. Она включала в себя создание и исполнение художественных произведений силами любителей, выступающих коллективно (кружки, студии, народные театры) или индивидуально (певцы, чтецы, музыканты, танцоры, акробаты и др.). В 1951–1954 гг. в Белоруссии были открыты многочисленные городские, районные, сельские дома культуры и клубы[599], на сцене которых выступали восемь тысяч самодеятельных коллективов. Только в 1953 г. их силами были даны 45 тыс. концертов[600].

Самодеятельность на селе остро нуждалась в пьесах, особенно одноактных, на «волнующие темы современности». По словам заместителя министра культуры БССР В. Степина, Союз писателей республики много лет обещал привлечь к работе лучших драматургов, но почти ничего не сделал. Большие пробелы оставались в песенном творчестве.

Главлит жаловался на отсутствие «полноценных» текстов для песен о партии, борьбе за мир, о дружбе народов, во славу советской Родины, о великих достижениях нашего народа, стройках коммунизма, лирических и шуточных песен. Для выступлений необходимы были конферанс, фельетоны, скетчи, частушки. Однако местные авторы не могли позволить себе критику районных и городских руководителей, от которых целиком зависело их благополучие. Надеяться на приезжие концертные бригады от Белгосфилармонии и Госконцерта не при-

---

[598] Борис Николаевич Лятошинский (1895–1968) – советский украинский композитор, дирижер и педагог, лауреат двух Сталинских премий (1946 и 1952 гг.).

[599] В БССР в 1953 г. работало 12 городских, 175 районных домов культуры, 607 сельских клубов, 2017 изб-читален и 1348 колхозных клубов.

[600] См.: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 61, л. 276.

ходилось, поскольку это уже были профессиональные артисты, незнакомые с местным колоритом и спецификой жизни.

Сатира и юмор

Цензуре было поручено контролировать и такую деликатную сферу культуры, как сатира и юмор. До войны многим партийным и советским деятелям казалось, что жанр сатиры себя изжил, так как в социалистическом обществе объект для сатирического изображения якобы исчез. После войны эта оценка изменилась. Народу-победителю нельзя было запретить шутить и смеяться. Единственный путь, который оставался у властей, – направить юмор в «нужное русло».

Писатели и журналисты, со своей стороны, наученные горьким опытом 30-х гг., старались избегать прямого цензурного давления и редакторского диктата. Оправдалось высказывание Астольфа де Кюстина о том, что всякая угнетенная нация имеет ум, склонный к осмеянию и сатире, к карикатуре, – она мстит за свое бездействие и унижение сарказмом[601].

Возникло два направления для критики недостатков через сатиру и юмор – внутри страны и за ее пределами, которые разительно отличались друг от друга.

В числе немногих разрешенных сатирических журналов в СССР долгое время оставался «Крокодил»[602]. Он выходил в издательстве «Правда» и отражал официальную точку зрения по всем вопросам общественно-политической жизни страны. «Крокодил» не ограничивался мелкими бытовыми темами – разоблачением бюрократов, алкоголиков, взяточников, халтурщиков, стиляг[603], а также критикой некомпетентных руководителей среднего и низшего звена. Его публикации затрагивали ключевые вопросы внутренней и внешней политики партии и государства: от обличений Льва Троцкого, «шпионов» и «врагов народа» до бичевания «западногерманского реваншизма», «американского империализма» и его сателлитов, «колониализма», НАТО и т. д. Сатира носила воинственный

---

601 *Воспоминания о России*. Нью-Йорк, 1982. С. 9 [репринт издания СПб.,1910].

602 В 1917–1920-х гг. сатирических журналов выходило много, наиболее известны «Соловей», «Пересмешник», «Пулемет», «Трепач», «Красный дьявол», «Красный ворон», «Красный перец», «Смехач», «Бегемот», «Лапоть» и др. – всего свыше 90. Почти все сатирические журналы в СССР были закрыты к 1934 г.

603 Стиляги – молодежная субкультура в СССР (конец 1940-х – начало 1960-х), выразившая стихийный протест против принятых в советском обществе стереотипов поведения. Отличались нарочитой аполитичностью, показным цинизмом, отрицательным отношением к некоторым нормам советской морали, выделялись яркой одеждой, манерой поведения, интересом к музыке и танцам из-за рубежа.

и даже агрессивный характер. «Крокодил» привлек к сотрудничеству лучших сатириков страны.

Для создания образа врага (как правило, западных держав) использовались косвенные признаки: одежда (цилиндр, фрак, военный мундир, каска и т. п.), символика (свастика, Железный крест, автомат «шмайсер», эмблема доллара, фунта стерлингов, монокль, мешок с деньгами и др.) – или внешние физические недостатки (выпирающий живот, подчеркнутая худоба, отсутствие волос или пышная шевелюра)[604].

Тон журнала порой оказывался настолько резким, что его одергивали. Осенью 1946 г. Управление пропаганды ЦК ВКП(б) отказало редакции журнала в просьбе не направлять материалы, имевшие отношение к вопросам внешней политики, для согласования в отдел печати министерства иностранных дел. Рисунок Б. Ефимова «Желтая синица», фельетон Д. Заславского «Записки козы», рисунки художников Л. Бродаты и Е. Евгана и тексты «телеграмм» из рубрики «От собственного корреспондента» были признаны составленными неумело, неостроумно и невыразительно[605].

Сдерживание партийным аппаратом критики внутренней жизни государства выбивало творческую почву из-под ног художников и снижало их общий профессиональный уровень. Сатирические и юмористические рисунки на страницах «Крокодила» часто не отличались остротой и изобретательностью. В сентябре 1948 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «О журнале “Крокодил”», в котором редколлегии ставилось на вид, что «журнал не является боевым органом советской сатиры и юмора»[606].

В начале 1950-х годов существование государства Израиль вызвало всплеск антисемитской карикатуры. В Москве сделали ставку на Египет как потенциально более сильного партнера, а в Вашингтоне поддержали Тель-Авив. Антиеврейские карикатуры перепечатывали (без ссылки на источник) из дореволюционных черносотенных изданий и нацистской прессы. Советские художники наделяли израильтян сходством с Гитлером, а звезду Давида – со свастикой. Карикатуристы подчеркивали выраженные семитские черты, а пропагандисты ставили знак равенства между понятиями «сионист» и «еврей».

---

[604] Б. Сандлер, И. Сандлер. *Парк советского периода.* Советско-израильские отношения в зеркале политической карикатуры / Сост. и автор предисловий к главам Нати Канторович. М.–Иерусалим, 2009. С. 18.

[605] О контроле над внешнеполитическими материалами журнала «Крокодил»: Докладная записка Агитпропа ЦК ВКП(б) А.А. Жданову от 10 сент. 1946 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 434, л. 170.

[606] О журнале «Крокодил»: Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 12 сент. 1948 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 375, лл. 13-14.

Среди авторов карикатур было немало художников-евреев[607]. Считалось, что это был политический заказ, который не направлен против еврейского народа в целом. Однако, когда в 1949–1953 гг. начались кампания по разоблачению «космополитов» и «дело врачей», то советские газеты и журналы заполнили антисионистские выпады с использованием все тех же антисемитских стереотипов (горбоносый еврей с магендавидом, врач-еврей с окровавленным ножом и т. п.)[608].

В Белоруссии аналогом всесоюзного «Крокодила» стал журнал «Вожык» («Ёж»). Это издание возникло как продолжение сатирического листка «Раздавім фашысцкую гадіну», который в годы Великой Отечественной войны распространялся среди партизан и населения партизанских зон. После войны «Вожык» превратился в полноценный сатирический журнал общественно-политического направления, который выходил два раза в месяц на белорусском языке[609]. К участию в журнале были привлечены известные белорусские писатели и сатирики[610]. Это издание было хорошо иллюстрировано, его опорой явился широкий актив внештатных корреспондентов[611].

«Вожык», копируя «Крокодил» как старшего собрата, откликался на темы внутриполитической и международной жизни. В феврале и апреле 1946 г. на его страницах появились карикатуры о судебном процессе по делу немецких военных преступников в Минске 15–29 февраля 1946 г. (художники Д. Красильников и Л. Замах). В 1947 г. – против фабрикантов оружия (карикатура Д. Красильникова «Узел, который необходимо рассечь»). В 1950 г. – о выдвижении на Нобелевскую премию мира Г. Трумэна, У. Черчилля и короля Греции Павла I (рис. Д. Красильникова, тема Б. Гинзбурга), о политике Франции во Вьетнаме и США в Корее (рис. В. Тихоновича «Кровная связь», рис. П. Островского «Вечные спутники нового года – голод, кризис, безработные»). В 1951 г. – на тему «Янки, вон из Европы» (рис. В. Тихоновича «Пусти свинью за стол …»[612],

---

[607] Б. Телингатер, С. Уманский, Б. Шаповал, Ю. Ганф, А. Каневский, Л. Каплан и Б. Фридкин, Б.Ефимов (Фридлянд), В. Брискин, Б. Малкин, Н. Лисогорский, А. Резниченко, Л. Самойлов, Л. Сойфертис и др.

[608] Самым «знаменитым» среди них стал фельетон В. Ардаматского «Пиня из Жмеринки», который сопровождала карикатура «Убийцы в белых халатах». См.: *Крокодил*. 1953. 20 марта.

[609] До 1958 г. «Вожык» печатался на восьми, затем на 12 с., с цветными иллюстрациями. Тираж журнала увеличился с 13 тыс. экз. в 1945 г. до 60 тыс. экз. в 1956 г.

[610] Журнал редактировали в 1945–1947 гг. К. Крапива, в 1947–1955 гг. М. Чаусский и с 1955 г. П. Ковалев. В состав редакционной коллегии в разное время входили: Я. Брыль, В. Бурносов, И. Грамович, К. Крапива, А. Макаенок, И. Новиков, П. Панченко, С. Романов и М. Чаусский.

[611] Часто свои услуги журналу предлагали художники А. Волков, Н. Гурло, Д. Красильников, С. Романов, В. Тиханович и др.

[612] Под «свиньей», судя по карикатуре, подразумевался генерал Дуайт Эйзенхауэр, командующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе в 1950–1952 гг. См.: *Вожык*. 1951. № 18.

рис. С. Романова «От нашего порога – вон в свою берлогу»); об открытии американских баз в Европе (рис. В. Тихоновича «Люди строят, а свиньи роют»). В 1952 г. – о югославских событиях (рис. С. Матусевича «Шаткий трон палача Тито»[613]); об отправке американского десанта в Корею (рис. Е. Ганкина «Как вас кормят? Как на убой»).

Карикатуристы совмещали в одном лице обязанности художника, режиссера, драматурга и декоратора. Для иллюстраций использовали не только карикатуру, но и коллаж, фотографию. Однако именно карикатура лучше всего раскрывала текст. Требовался рисунок, рассчитанный не на интеллектуала, а на «простого» читателя. «Вожык» давал подсказку, как реагировать на то или иное событие. Сделать так, чтобы картинка «без слов» оказалась понятной не только советскому, но и зарубежному читателю.

«Вожык» часто приглашал к сотрудничеству коллег из стран народной демократии. Под рубрикой «Иностранный юмор» в эти годы были напечатаны фельетоны и рисунки из журнала «Popular Democrata Romania» («Американская дипломатия», «Не вышло», «Садовник», «Тито – сателлит денежного мешка»): «Rzeczpospolita» («Югославская мельница», «Шпионы в подрясниках»), «Trybuna Ludu» («Кандалы дружбы»), «Daily Woker» («Чудесная страна свободы») и др.

Что касается израильской темы, то редакция «Вожыка» сначала поддерживала идею образования независимого еврейского государства на Ближнем Востоке. В 1946–1948 гг. художник М. Житницкий поместил ряд антиарабских карикатур («Арабские сказки на англо-американский лад» и «Арабский легион»), а в период охлаждения отношений – о высадке военного десанта (рис. В. Ждана «Техника на Суэцком канале»). Однако во время «дела врачей» 1953 г. белорусский юмористический журнал, в отличие от «Крокодила», не поместил ни одной антисемитской карикатуры.

Символом журнала стал образ ежика, стоящего на задних лапках (т. е. в той же позе, что и крокодил – символ журнала «Крокодил»), в образе народного грамотея в очках. «Вожык», в отличие от «Крокодила», держал не вилы, а гигантский карандаш. Это был намек на то, что любой недостаток, просчет, ошибку немедленно возьмут на заметку и предадут гласности.

Основной задачей сатирического журнала считалась борьба с пережитками капитализма в сознании людей, с недостатками в социалистическом общежитии, содействие построению коммунистического общества. Журнал должен был обличать расхитителей общественной собственности, рвачей, бюрократов, нерадивых хозяйственников и администраторов, очковтирателей, лодырей и т. п. отрицательных персонажей. Редакция использовала такие жанры, как политические памфлеты в прозе и стихах, фельетоны, юмористические рассказы,

---

[613] См.: *Вожык*. 1952. № 10. В этой карикатуре в качестве символов были использованы изображения окровавленного топора, нацистской свастики и автомата «шмайсер».

басни, карикатуры, фотомонтажи и т. п. Публиковались открытые письма хозяйственным и административным деятелям, письма читателей с комментариями «Вожыка», материалы проверочных рейдов и т. п. Наряду с оригинальными произведениями постоянных сотрудников редакции и рабселькоров (внештатных корреспондентов), журнал помещал переводы произведений своих коллег – русских, украинских авторов, сотрудников сатирических изданий стран социалистического содружества.

Имелись постоянные рубрики: «Выбачайце, калі ласка», «Як ні дзіўна, але...», «Музей непатрэбных рэчаў», «Калючкі “Вожыка”», «Пошта “Вожыка”», «МСЭ» («Малая сатирическая энциклопедия»), «“Вожык” з фотапаратам» и др. Существовал отдел «Сатыра мінулага», в котором приводились перепечатки из сатирических журналов периода первой русской революции, газет и журналов времен гражданской и советско-германской войны.

Редакция регулярно выпускала «Библиотечку “Вожыка”» – шесть книжек в год, каждая из которых составлялась из лучших юмористических произведений Белоруссии и союзных республик. По оценке С. Стыкалина и И. Кременской, «Вожык» являлся одним из самых популярных массовых изданий Белоруссии – читатели любили журнал за остроту и принципиальность, меткую шутку, веселое слово, они охотно писали в редакцию, информировали ее как о недостатках, так и о том хорошем, что постоянно рождается в гуще народных масс[614].

«Вожыкаўцы» создали своеобразную энциклопедию белорусской сатиры и юмора, по которой можно судить, с какими недостатками боролась республика и над чем смеялась. Однако атмосфера недоброжелательности и подозрительности не позволяла белорусским сатирикам полностью раскрыть творческий потенциал.

Образно говоря, журналу отводилась роль клоуна при дворе, когда в виде шутки можно было высмеять провинившегося из свиты «короля», но не его самого. Разрешалось критиковать райком партии, но не его первого секретаря и уж тем более секретаря горкома партии, не говоря о министрах или сотрудниках аппарата ЦК КП(б)Б. Позволялось только комментировать критику, прозвучавшую с высоких трибун. Сатирическая типизация отрицательных явлений жизни рассматривалась как попытка ревизии политики партии и государства, стремление опорочить советскую действительность.

В июле 1951 г. исполнялось десять лет со дня выхода первого номера белорусского сатирического журнала. В связи с этим редакция «Вожыка» просила секретаря ЦК КП(б)Б Т.С. Горбунова разрешить отметить это событие[615].

---

[614] С. Стыкалин, И. Кременская. *Советская сатирическая печать (1917–1963 гг.)*. М., 1963. С. 84–86.

[615] Письмо главного редактора «Вожыка» М.М. Чаусского – Т.С. Горбунову, секретарю ЦК КП(б)Б, 1951 г. (без точной даты) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, лл. 183-185.

В результате была организована республиканская выставка «Политическая карикатура в борьбе за мир», установлены на видных местах столицы «Окна “Вожыка”». Радиокомитет БССР выпустил в эфир три передачи по литературным материалам со страниц журнала. На творческой встрече в Союзе писателей и Союзе художников республики по указанию ЦК Компартии Белоруссии был сделан доклад «Некоторые итоги перестройки работы “Вожыка” в свете решения ЦК ВКП(б) о журнале “Крокодил”» [616].

Новые установки прозвучали в выступлении зам. председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова на XIX съезде партии, где он заявил, что стране нужны советские Гоголи и Щедрины, которые «огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, что тормозит движение вперед»[617].

Призыв партии возродить сатиру писатели восприняли с горьким юмором, и из уст в уста передавалось четверостишие: «Мы за смех, но нам нужны подобрее Щедрины и такие Гоголи, чтобы нас не трогали»[618]. Новая партийная установка была изначально невыполнима, поскольку свобода творчества отсутствовала.

После разоблачения культа личности Сталина некоторые сатирические и юмористические книги и журналы были упрятаны в спецхран. Оказался запрещенным хорошо известный альбом политических карикатур Бориса Ефимова «За прочный мир, против поджигателей войны» (тираж 25 тыс. экз.), который содержал 65 карикатур, выполненных в 1924–1950 гг.[619] В послевоенное время художник активно работал в самых разных жанрах, в 1948 г. вышел сборник его карикатур «Мистер Доллар».

Начальник Главлита СССР К. Омельченко запрашивал ЦК КПСС о продаже альбома «Сатира»[620], изданного в 1954 г. Альбом содержал карикатуры худож-

---

[616] В постановлении Секретариата ЦК ВКП(б) «О недостатках журнала “Крокодил” и мерах его улучшения» в сентябре 1951 г. отмечалось, что «журнал “Крокодил” является малоинтересным, ведется на недостаточно высоком идейном и художественном уровне, печатает много надуманных, бессодержательных рассказов и стихов, слабых рисунков и карикатур, не имеющих серьезного общественного значения, допускаются ошибки в освещении вопросов внутренней жизни страны и международных событий... Журнал слабо выполняет задачу борьбы с пережитками капитализма в сознании советских людей». См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 618, лл. 53-54.

[617] *О партийной и советской печати*: Сб. документов. М., 1954. С. 635.

[618] Эпиграмма принадлежит Юрию Благову. См.: М.Р. Зезина. «Из истории общественного сознания периода “оттепели”». Проблема свободы творчества // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1992. № 6. С. 19.

[619] «За прочный мир, против поджигателей войны». М., 1950 г.; Приказ Главлита СССР № 258 (1956 г.) // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, л. 15.

[620] Письмо К.К. Омельченко в ЦК КПСС от 25 авг. 1955 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 204, л. 237.

ника Марка Абрамова[621] и стихи Сергея Михалкова[622] на международные темы, в том числе связанные с политикой США, Англии и ФРГ. Карикатуры названных художников было решено удалить, а альбом изъять.

Возобновился выход приостановленных ранее сатирических изданий и появились новые. Однако все они обязаны были по-прежнему иметь так называемый советский характер. М. Семенов в предисловии к сборнику «Сатира и юмор» вполне серьезно писал, что нас интересуют не все улыбки подряд (добродушная, ехидная, веселая, грустная, лукавая, вымученная, ослепительная, ироничная, чарующая, мечтательная, блаженная, кислая, задумчивая и др.), а только одна – *улыбка советского человека*. И далее следовал вывод о том, что сатирики и юмористы острым словом призваны помочь советским людям жить лучше и успешнее преодолевать житейские трудности[623].

В мае 1953 г. начинают выходить сатирические журналы таджикский «Хорпуштак» («Ёж»), с января 1954 г. – туркменский «Токмак» («Колотушка»), с апреля того же года – армянский «Возни» («Ёж»), с июля – азербайджанский «Кирпи» («Ёж»), узбекский «Муштум» («Кулак»), татарский «Чаян» («Скорпион»), молдавский «Кипэруш» («Перчик»), грузинский «Нианги» («Крокодил»), казахский «Ара» («Шмель»), литовский «Šluota» («Метла»), латвийский «Dadzis» («Репейник»), эстонский «Pikker» («Громовержец»), украинский «Перець», киргизский «Чалкан» («Крапива»), в Коми АССР «Чушканзі» («Оса»), в Чувашской АССР «Капкан», в Марийской АССР «Пачемыш» («Оса»), в Башкирской АССР «Хэнэк» («Вилы»), в Удмуртской АССР «Шекыч» («Шершень»).

Обращает на себя внимание однообразие и шаблон наименований журналов, наиболее распространенным названием сатирического журнала было «Ёж», что камуфлировалось переводом на национальные языки. Точно так же как в наименовании почти любой областной газеты присутствовало слово «правда».

В хрущевские времена со страниц сатирической печати исчезает ранее привычный карикатурный типаж женщины, читающей журнал мод. Теперь по советским канонам дамам следовало интересоваться новинками модной одежды,

[621] Марк Александрович Абрамов (1913–1994) – художник-карикатурист, автор графических альбомов «Они без маски», «Сатира над врагом мира», «Колонизаторы – вон!», «Быть начеку!», «Конгресс мира в Москве», «Мусор» и др., участвовал в создании образа сиониста-израильтянина с использованием антисемитских стереотипов.

[622] Сергей Владимирович Михалков (1913–2009) – поэт, автор стихов, басен и пьес, автор слов к советскому гимну; исполнял заказы социальные заказы партии и правительства в ходе политических кампаний, лауреат Сталинских, Ленинских и Государственных премий, Герой Социалистического Труда, действительный член Академии педагогических наук СССР.

[623] М. Семенов. «Биография улыбки»: Вступ. статья к т. 5 *Сатира и юмор* // Библиотека произведений советских писателей: В 5 т. М., 1964. С. 5, 8.

только не менять свой гардероб слишком часто[624]. Главную роль в рекомендациях и запретах в отношении внешнего вида людей играли идеологические, а не эстетические принципы[625].

Сатирические журналы высмеивали образ стиляги. Термин «стиляга» предложил журналист Д. Беляев в 1949 г., но до 1953 г. «стиляжничество» было крайне редким. Мужчину-стилягу рисовали с прической а-ля Элвис Пресли (бродвейка), в клетчатом пиджаке с ватными плечами, в рубашке яркой расцветки и пестрых носках, с галстуком «пожар в джунглях». Он любит все западное. Обязательным атрибутом женщины-стиляги были узкие укороченные брюки, водолазка, остроносые туфли на шпильках, прическа «бабетта». Она все знает о моде, умеет танцевать рок-н-ролл, «извиваясь змеей, курит, интересуется кино, копирует киноактрис, меняет мужей»[626].

Объектом критики являлась неработающая женщина, девушки, которые хотели выйти замуж за того, кто позволил бы им не работать, но получать желаемое. Художник А. Каневский проиллюстрировал это положение по-своему. Он изобразил нарядную кошку в комнате среди мышей, которая жалуется на свою судьбу: «Эх, поймать бы кота хорошего, и тогда не нужно мышей ловить!»[627] Авторы карикатур подчеркивали, что разводы не только разрушают советскую семью, но и мешают строительству нового общества. Люди, которым предстояло жить при коммунизме, должны стремиться к гармонии души и тела, моральному и физическому совершенству[628].

Бескомпромиссной критике подвергали знахарей, спекулянтов, алкоголиков. Авторы фельетонов подчеркивали, что следует лечиться только у врачей, не верить гадалкам, не заниматься йогой, не пользоваться услугами экстрасенсов. При помощи сатирических журналов власти старались держать под контролем частную жизнь граждан: изживать корыстные браки с целью получения жилья и прописки, выгодного родства, осуждать разводы, несамостоятельность детей и пр. Партия хотела, чтобы все сатирики и юмористы горели желанием помочь советским людям преодолеть трудности и жить лучше.

Традиция партийной журналистики требовала обратной связи. Подобно любому официальному изданию, каждая критическая публикация «Вожыка»

---

[624] Г. Кимерлинг. «Платформа против калош, или Стиляги на улицах советского города» // *Теория моды*. 2007. № 3. С. 83–99.

[625] Б. Ефимов. *Основы понимания карикатуры*. М., 1961.

[626] М. Антонова. «Сатира как инструмент дисциплины тела в эпоху хрущевских реформ: формирование идентичности» // *Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985 гг.* / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М., 2008. С. 304–305.

[627] Рисунок А. Каневского «Совсем, как у людей» // *Крокодил*. 1956. № 51. С. 12.

[628] Л. Захарова. «Советская мода 1950–1960-х гг.: политика, экономика, повседневность» // *Теория моды*. 2007. № 3. С. 54–80.

рассматривалась как сигнал, требовавший ответа. Не только внештатные корреспонденты, но и рядовой читатель могли написать в журнал и рассказать о том или ином «безобразии», невыполнении обещания, нерадивом отношении к порученному делу, хищении, бездушном отношении начальства и т. д. Редакция журнала на особом бланке направляла запрос в заинтересованную организацию, требовала расследования и ответа. Отсутствие реакции на подобное обращение было немыслимо – за «Вожыком» стоял ЦК КП(б)Б, и редакция чувствовала себя уверенно. Попасть на страницы сатирического журнала, тем более повторно, означало стать предметом публичного осмеяния. Поэтому с официальными сатириками и юмористами предпочитали не связываться. Проще было взять вину на себя, покаяться, провести «работу над ошибками» и доложить.

Вместе с тем огласке никогда не придавали проблемы, касающиеся национальных отношений, русификации, антисемитизма, пренебрежения белорусской культурой, целесообразности колхозной системы, расходов на военные нужды, просчетов советской внешней политики, скрытой безработицы, детской смертности. Не были отражены и такие актуальные темы, как экология, истощение природных ресурсов, изменение климата, исчезновение многих видов животных и растений и др. Смех по команде, по сути, был горькой иронией в обстоятельствах советской действительности, в которые поставил себя режим, ревностно следивший за своим имиджем.

Театр

Летом 1947 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О репертуарном плане театров БССР». В документе говорилось, что репертуар драматических театров республики не выполняет задачи коммунистического воспитания трудящихся масс и мобилизации их на выполнение задач пятилетнего плана[629]. Это был ответ на постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г.[630]

Деятелей театра упрекали в том, что в репертуаре большое место занимали пьесы западноевропейских и американских писателей[631], которые якобы оказывали буржуазное влияние на белорусского зрителя. «Дама-невидимка» П. Кальдерона, «Мое кафе» Т. Бернара и др. «пропагандировали чуждую советскому зрителю

[629] Таким образом партийные органы отказались от основополагающих принципов искусства: познание, воспитание и развлечение.

[630] *Власть и художественная интеллигенция*. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева; Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 1999. С. 591–596.

[631] Они оказались наиболее востребованными зрителем и имели коммерческий успех.

идеологию», а отечественные пьесы «Факир на час» М. Слободского, «Ночное радио» братьев Тур (Л. Тубельского и П. Рыжея), «Свадебное путешествие» В. Дыховичного не помогали выполнению задач, поставленных партией перед советским искусством[632].

Требования цензуры вынуждали авторов переписывать произведения. Исправления порой оказывались настолько существенными, что приходилось менять название. Так, вместо запрещенных «Пограничников» М. Тевелева и М. Сагаловича появилась «Крепость на границе»[633]. После многочисленных переделок допустили к зрителю пьесы А. Суркова «Сталинград», П. Малевского «Костер»[634] и Л. Никулина «После бури»[635]. Однако случалось, что только что разрешенные пьесы внезапно запрещали, часто без указания мотивов. В мае 1948 г. цензура разрешила новую редакцию пьесы А. Штейна «Честь», изменив название на «Закон чести». Пьеса «Софья Ковалевская» братьев Тур стала называться «Цель жизни»[636], но в июне того же года ее все-таки запретили[637], как и пьесу М. Алигер «Первый гром» и драматические произведения по мотивам книг О. де Бальзака, Э. Фабра и Н. Погодина[638].

Из 31 театра, существовавшего в республике до войны, уцелели только те немногие, которые успели эвакуироваться. Первый Белорусский театр драмы им. Янки Купалы (БДТ-1) работал в Томске (Западная Сибирь), БДТ-2 им. Якуба Коласа – в Уральске (Западный Казахстан), Белорусский государственный Большой театр оперы и балета – в Горьком (Нижнем Новгороде), а Белорусский еврейский государственный театр (БелГОСЕТ) – в Новосибирске[639].

Начиная с 1946 г. часто звучали упреки в том, что драматурги и режиссеры недостаточно работали над созданием белорусских советских спектаклей. Ведущие театры республики – им. Янки Купалы и им. Якуба Коласа имели в репертуарном плане только по одной белорусской пьесе. В четырех областных театрах была предусмотрена к постановке всего одна пьеса – «Нестерка» В. Вольского, написанная еще до войны[640].

---

632 Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 27 авг. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 61, д. 315, л. 9.

633 Приказ Главреперткома СССР от 30 авг. 1945 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 2.

634 Приказ Главреперткома СССР от 30 окт. 1946 г. // Там же, л. 91.

635 Приказ Главреперткома СССР от 3 марта 1948 г. // Там же, л. 127.

636 Приказ Главреперткома СССР от 25 мая 1948 г. // Там же, л. 137.

637 Одновременно запретили пьесы «Профессор математики», «Жизнь в цвету» и «Начало» согласно приказу от 16 июля 1948 г. // Там же, л. 153.

638 Приказы Главреперткома СССР от 5 февр. 1948 г. и 23 дек. 1948 г. // Там же, лл. 105, 374.

639 Л. Лыч, У. Навіцкі. *Гісторыя культуры Беларусі*. Мінск, 1996. С. 349.

640 Виталий Фридрихович Вольский (Зейдель; 1901–1988) – белорусский советский писатель. Пьеса «Нестерка» была написана им в 1940 г. по мотивам белорусского фольклора, в ней поэтизируются героические народные характеры.

Режиссерам поставили в вину отсутствие прочных творческих связей с писателями и сценаристами, низкий художественный и идейный уровень театральных постановок. Досталось и газете «Літаратура і мастацтва», которая не критиковала репертуарный план белорусских театров.

В декабре 1947 г. заведующий Отделом литературы и искусства Управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б И. Гуторов[641] направил в адрес секретаря ЦК КП(б)Б И. Игнатьева докладную записку «Об идеологической стороне оперы "Кастусь Калиновский" (музыка Д. Лукаса, либретто М. Климковича)». В документе говорилось, что в белорусской художественной литературе, изобразительном и вокальном искусстве, историографии, фольклоре нет единства в трактовке образа Калиновского[642]. Белорусские «контрреволюционные нацдемы»[643] оценивали крестьянское движение во главе с Калиновским как борьбу против России и Москвы. Они называли Калиновского *шляхтичем*[644] и замалчивали его связь с русским революционным движением. Выпущенный до войны в Минске художественный фильм «Кастусь Калиновский» теперь расценивался только как приключенческий. В либретто одноименной оперы Калиновский трактовался как борец в духе Герцена, выступающий одновременно против царской России и панской Польши. Основным недостатком оперы, по мнению Гуторова, являлось одностороннее отображение России и пассивность народных масс[645].

---

[641] Иван Васильевич Гуторов (1906–1967) – литературовед и фольклорист, член-корреспондент АН БССР (1953 г.), доктор филологических наук, профессор (1949 г.), зав. отделом литературы и искусства, зам. заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б в 1947–1951 гг.; исследовал вопросы марксистско-ленинской эстетики, теории и истории русской и белорусской литературы.

[642] Кастусь (Викентий Константин) Калиновский (1838–1863) – революционный демократ, публицист и поэт, один из руководителей восстания 1863 г. против царского правительства на территории современной Белоруссии и Литвы.

[643] Национал-демократизм (нацдемы) – направление общественно-политической мысли в Белоруссии, включавшее в себя общедемократические идеи в сочетании с задачами социального и национального освобождения и имевшее целью создание белорусского национального государства. В 1929 г. объявлен большевиками «контрреволюционным течением» (неприятие диктатуры пролетариата, защита частной собственности, национализм и буржуазно-демократическая государственность). Национал-демократы, или нацдемы, были репрессированы в 30-е гг., реабилитированы в 1956–1988 гг.

[644] Шляхта – привилегированное сословие в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском; конфликты между польской монархией и шляхтой стали одной из основных причин упадка Речи Посполитой в XVIII в.

[645] Докладная записка зам. заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б И.В. Гуторова – С.Д. Игнатьеву, второму секретарю ЦК КП(б)Б, от 30 дек. 1947 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 570, лл. 30-34.

Каждый театр должен был поставить не менее двух-трех новых спектаклей в год. К обсуждению репертуарных планов театральных коллективов предлагалось привлечь драматургов, композиторов, художников и широкую общественность. Главное место в репертуаре требовалось уделить современной тематике. За подбор пьес отвечали Управление по делам искусств и Союз писателей. С этой целью в ЦК КП(б)Б состоялось совещание писателей, драматургов, режиссеров и театральных критиков, был объявлен конкурс на лучшую современную белорусскую пьесу[646].

В театрах республики поставили пьесы небелорусских авторов: «Улица мира» Л. Никулина, «Братья» Г. Мдивани, «Одна семья» В. Нефеда, «Друзь» Т. Мухтарова, «Черная тень» А. Самсония, «Аттестат зрелости» Л. Гераскиной, а также две одноактные пьесы белорусских писателей «Родные бацькі» А. Рылько, «Крымінальная справа» А. Макаенка. Правда, с точки зрения цензуры, пьеса Макаенка «На рассвете» имела крупные недостатки в идейном отношении: автор не сумел убедительно показать руководящую роль коммунистической партии Франции в борьбе за мир. Главное действующее лицо пьесы – дочь капиталиста Жанна – выступает как носитель лучших традиций освободительного движения французского народа. Автор сравнивает ее с Жанной д'Арк и даже Раймондой Дьен[647]. Не коммунисты, а Жанна провозглашает светлое будущее Франции. Управление по делам искусств не согласилось с такой критикой и рекомендовало пьесу к постановке. Однако в ЦК КП(б)Б после просмотра спектакля приняли сторону Главлита и заставили изменить пьесу[648].

Из сборника «Верность» цензура исключила пьесу В. Витки «Прамень будучыні» («Луч будущего»), посчитав ее идейно порочной. Фабула пьесы заключалась в том, как «отсталого и грубого» председателя колхоза Николая Саковича снимают с должности. В ответ он собирает бригаду из лодырей, которые ушли из колхоза в поисках «легкой жизни» и выводит колхоз в передовые, получив высокий урожай. По мнению цензуры, пьеса искажала действительность, когда не честные и работящие колхозники выходят в передовые, а люди, которые бежали от трудностей.

Была задержана одноактная пьеса С. Дубравина «Сложная профессия». Секретарь комсомольской организации Коля, чтобы выяснить, как относится продавщица к покупателям, трижды изменял свой облик. Молодые люди, по оценке цензора, выглядели ограниченными, невежественными и глупыми.

Среди произведений, которые, по мнению цензуры, свидетельствовали об обращении белорусских драматургов к современной тематике, рецензенты выделяли «Хлеб» и «Новоселье» И. Гурского, «Прамень будучыні» В. Витки, «Дарагі госць» Ю. Рудько, «Песня наших сердец» В. Полесского и некоторые

---

[646] Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 27 авг. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 61, д. 315, лл. 10-11.

[647] Раймонда Дьен (1929 г. р.) – французская общественная деятельница, активная участница антивоенного движения 1940–1950-х гг.

[648] Отчет Главлита БССР за 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 33, лл. 50.

другие. Секретарь Союза писателей П. Ковалев, составляя отчет в ЦК КП(б)Б о проделанной работе, отмечал, что большинство авторов правильно понимают задачи, поставленные партией перед белорусской литературой. Все драматурги стремились показать лучшие качества советских людей. Однако благие намерения авторов не всегда воплощались в полноценные художественные произведения. Основным недостатком пьес оставалось неумение показать героя в такой жизненной ситуации, когда бы он с наибольшей полнотой раскрыл свои душевные качества[649].

В качестве примера П. Ковалев приводил пьесу В. Полесского «Песни наших сердец», в которой автор «правильно нащупал грань», которая пролегает между передовыми и отсталыми людьми. С одной стороны, Полесский показывал людей, которые принимают идеи советского государства как свои собственные, а с другой – отсталых, приверженных старой капиталистической морали, заботящихся лишь о себе и пренебрегающих интересами государства[650].

В пьесах «Прамень будучыні» В. Витки, «Дарагі госць» Ю. Рудько цензоры отмечали образный, сочный язык, благородство мыслей и поступков героев, любовь к советскому человеку. Однако везде вершителем судеб выступал один персонаж (вновь присланный председатель колхоза или инструктор партийного комитета), а деятельность самих колхозников и местных коммунистов оставалась за пределами произведения. Художественные же достоинства пьес оставляли желать лучшего, не достигая, как правило, среднего уровня.

Весной 1948 г. положение в театрах республики резко ухудшилось в связи с новой политикой экономии в сфере культуры. Постановление Совета Министров СССР от 4 марта 1948 г. «О сокращении государственной дотации театрам и мерам по улучшению их финансовой деятельности» поставило театральное искусство на грань выживания. Управлению по делам искусств было поручено проверить «идейный рост» работников театров, актерскую культуру, художественную ценность репертуара и качество выпускаемых спектаклей.

Было решено созвать I съезд Белорусского театрального общества (БТО), которое было создано еще в 1946 г., но до этого ни разу не собиралось[651]. На съезде театральные деятели – критики, театроведы, режиссеры и актеры – должны были обсудить изменения, которые произошли в театрах после войны, и ответить на вопрос, как выживать в новых условиях.

---

[649] Об отражении труда советского народа в послевоенный период в белорусской художественной литературе: Информ. справка, представленная секретарем Союза писателей БССР П.Н. Ковалевым – М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б по идеологии, от 7 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д.22, лл. 85-88.

[650] Там же, л. 89-90.

[651] БТО было образовано в целях «всемерного содействия идейно-художественному росту белорусского театрального искусства». См.: Постановление СМ БССР от 7 июня 1946 г. // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 2, л. 1.

Никто из театралов не посмел открыто осудить драконовские меры, навязанные из Москвы. Однако было ясно, что если артисты будут думать только о том, как заработать на жизнь, то о творчестве придется забыть. Из 12 театров, существовавших в республике в конце 1940-х гг., половина не имела собственных помещений. В Минске оставались неустроенными Еврейский и Русский театры, кукольный и театр оперетты.

Белорусский государственный Большой театр оперы и балета отметил новоселье только в 1947 г., а до этого его приютил окружной Дом офицеров. Из прежних 8 млн руб. дотаций (до 1947 г.) театру оставили только 1 млн руб., на которые требовали показывать старые и ставить новые оперные и балетные спектакли… Репертуар театра охарактеризовали как плохой. На сцене шла только одна русская опера «Русалка» А.С. Даргомыжского, одна белорусская опера «Алеся» («Девушка из Полесья») Е.К. Тикоцкого, которая «выдохлась», и несколько спектаклей западноевропейских классиков («Севильский цирюльник», «Чио-Чио-Сан», «Кармен»). О.М. Брон, художественный руководитель театра оперы и балета каялся, что это «неприлично», но спрашивал: зачем обвинять руководство театра в антирусских настроениях?[652]

В БДТ им. Я. Купалы отказались от оркестра. В результате пришлось снять спектакли «Павлинка», «Ромео и Джульетта» и др. Стали приглашать музыкантов в разовом порядке, что неминуемо повлекло за собой снижение общего художественного уровня. Музыканты удивлялись: разве театральный оркестр, исполняющий сложную музыку, не требует сыгранности и согласованности? Завтра начнут сомневаться в необходимости грима и заменят его углем, заставят отказаться от декораций, пользоваться дорогостоящим освещением и т. д.[653]

М.Б. Сокол, заслуженный артист БССР, сокрушался, что из всех театров Белоруссии полностью без дотации были оставлены Еврейский, кукольный, Гродненский и Брестский театры. БелГОСЕТ по возвращении из эвакуации, не имея собственного помещения, тем не менее, поставил пять спектаклей и подготовил еще три новых. Режиссер В. Головчинер заверял, что, когда у БелГОСЕТа появится свое помещение, он сможет выйти из «прорыва» собственными силами[654].

Однако важнее всего было заявить о своем верноподданстве. Многим казалось, что в этом главное условие спасения театра. Режиссер Л.М. Литвинов говорил, что I съезд БТО собрался именно в то время, когда «фашистское искусство Европы и Америки обливает грязью нашу родину и наше светлое дело, когда прогрессивных художников встречают в штыки мракобесы и человеконенавистники из Америки…»[655].

---

[652] Стенограмма I съезда БТО (Минск, 12 апр. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 7, л. 56.

[653] Там же, л. 71.

[654] Там же, л. 80.

[655] Там же, л. 162.

Театральный критик В.И. Нефед спрашивал: в чем отличие между советским и старым русским патриотизмом? И отвечал, что советский патриотизм основан на понимании несравнимых преимуществ социализма перед капитализмом (в культуре и идеологии), а не на национальных корнях. Вопрос о советском патриотизме – один из главных вопросов советского искусства в целом, без которого невозможно решить задачи, стоящие перед театром[656].

М.Т. Иовчук, секретарь ЦК КП(б)Б по идеологии, заявлял, что работники советского искусства и литературы являются самыми активными оруженосцами партии. Искусство есть форма классовой борьбы, и в этой связи идеология большевистской партии должна лежать в основе *любого* произведения искусства. По словам Иовчука, литература и искусство призваны помочь советским людям побороть пережитки капитализма, суеверие и национализм, а также:

- глубоко осознать свое духовное превосходство перед людьми капиталистического мира;
- развенчать буржуазную культуру, мораль и жизненный уклад, которые внешне оставляют благоприятное впечатление;
- воспитывать бодрый, оптимистический взгляд в будущее и уверенность в завтрашнем дне;
- осознать особую ответственность перед трудящимися всего человечества за построение коммунизма[657].

В мае 1948 г. В. Пименов, начальник Главного управления драматических театров при СМ СССР, сообщал в Минск, что постановление правительства о сокращении государственных дотаций затрагивает все стороны жизни театра. В связи с этим Управлению по делам искусств БССР поручалось «изучить вопрос» и представить свои рекомендации[658]. По итогам проверки в наиболее затруднительном положении оказался Белорусский государственный еврейский театр.

БелГОСЕТ

Еврейский театр вернулся из эвакуации в 1946 г. Заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б С. Гилилов сообщал, что артисты не поднимали тему коммунистического воспитания, не заботились о репертуаре, который

---

[656] Стенограмма I съезда БТО (Минск, 12 апр. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 7, л. 72.

[657] Там же, л. 235.

[658] Письмо В. Пименова – П. Люторовичу от 20 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 6, л. 42.

помогал бы воспитывать трудящихся евреев в духе братской дружбы со всеми народами, признательности русскому народу за его ведущую роль в разгроме Германии. Вместо этого артисты заявляли, что евреи – это многострадальный народ, что они заслуживают волнующих произведений о непобедимой воле к жизни и сохранению национальной культуры. Гилилов выражал опасение, что в БелГОСЕТе не хотят думать о функциях искусства в советском обществе и «с трудом поворачиваются к современному репертуару»[659].

Из Еврейского театра вынудили уйти главного режиссера Виктора Головчинера после многодневного собрания, которое продолжалось с 17 по 22 октября 1946 г. и имело повестку «Итоги работы театра в период Великой Отечественной войны в свете постановления ЦК ВКП (б) "О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению"»[660].

В 1947 г. положение еще казалось поправимым. Обсуждалась постановка двух современных пьес. В первой – «Под каштанами Праги» К. Симонова – говорилось о бдительности после войны и величии Советского Союза, объединившего семью славянских народов. Вторая пьеса – «Беловежская пуща» П. Маркиша – должна была отразить героическую борьбу евреев гетто против нацистов, подчеркивая роль партии и помощь партизан.

В середине марта в Минск был приглашен П. Маркиш для обсуждения новой пьесы «Москва–1941», которая прославляла необыкновенную мудрость Сталина и его генералов. Поскольку главным героем выступал сам Сталин, в театре задумались над исполнителем этой роли. БелГОСЕТ не мог пойти на подобный риск, и от пьесы пришлось отказаться. Вместо этого хотели поставить пьесу о Советском Союзе как «единственной отчизне еврейского народа», чтобы противостоять «шовинистическим и националистическим настроениям среди евреев». Однако и эта идея оказалась невоплощенной. Тем не менее театр успел поставить три новые пьесы, включая «Восстание в гетто» П. Маркиша, возобновить «Тевье-молочника» и «Гершеле Острополера». Семь новых пьес планировалось поставить в 1948 г., в том числе пьесу «Стоит жить» – о послевоенном восстановлении экономики советской Белоруссии после войны[661].

Для закрытия еврейских театров использовали тактику экономического удушения – постановление Совета Министров СССР 4 марта 1948 г.[662] Однако,

[659] О настроениях артистов и репертуаре еврейского театра в Минске (1946 г.): Докладная записка зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б С. Гилилова – М.Т. Иовчуку, секретарю ЦК КП(б)Б, от 11 авг. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 339, л. 375.

[660] Доклад В. Головчинера и его обсуждение в БелГОСЕТ 17–22 окт. 1946 г. // БГАМЛИ, ф. 222, оп. 1, д. 24, лл. 1-120.

[661] А.Г. Герштейн. *Судьба одного театра*. Минск, 2000. С. 87–89.

[662] «Agony and Liquidation of the Jewish State Theatre of Belorussia (1948–1949)» / Introduced by Mordechai Altshuler: *Jews in Eastern Europe*. 1994. Vol. 3 (25). P. 65–72.

несмотря на это, большинству нееврейских театров в виде исключения деньги продолжали поступать[663].

В начале февраля 1949 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б Н.И. Гусаров писал на имя Г.М. Маленкова, что Белорусский государственный еврейский театр ведет идеологически неправильную репертуарную политику, идеализирует патриархальный быт мелкобуржуазных слоев дореволюционного еврейского населения и восхваляет жизнь в капиталистических странах. В марте 1949 г. Еврейский театр закрыли[664], а реквизит и имущество передали Русскому драматическому театру[665], который занял отремонтированное помещение Минской хоральной синагоги[666]. БелГОСЕТ стал жертвой сталинской национальной политики, направленной на отказ от еврейской культуры в Советском Союзе. Одновременно были закрыты еврейские театры в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Биробиджане, Львове, Черновцах, Вильнюсе и Риге.

Спектакли для детей

Разрешение цензуры необходимо было иметь произведениям не только для взрослых, но и для детей (спектаклей, сказок, музыкальных историй). Принимая во внимание, что большинство претензий носили, как правило, идеологический характер, Главлит, казалось, должен был снисходительно относиться к постановкам для дошкольного и школьного возраста. Однако никаких исключений не делалось[667].

Вредными были признаны книги К. Чуковского на том основании, что дети не в состоянии разобраться в его шутках и принимают за правду «дикие» рассказы про животных, несмотря на ма́стерские, звучные, ритмичные стихи. В сказке

---

663 О работе Белорусского государственного еврейского театра: Докладная записка Комитета по делам искусств при СМ СССР в ЦК ВКП(б) от 2 марта 1949 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 239, лл. 6-7.

664 О закрытии БелГОСЕТа в Минске: Постановление СМ БССР от 12 марта 1949 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 239, л. 6.

665 Государственный русский драматический театр основан в Бобруйске в 1932 г., эвакуирован и восстановлен как фронтовой с базой в Москве в 1943 г., работал в Могилеве, затем в Гродно, вернулся в Минск в 1947 г.

666 Часть артистов БелГОСЕТа перешла в труппу Русского театра в Минске, в том числе М. Сокол, А. Новосельский, А. Треппель, Ю. Арончик и др.

667 См.: *Приложение 30.* Разрешение к постановке спектаклей для детей: Приказы по Главреперткому СССР от 25 окт. 1947 г., 12 марта, 16 июля, 31 авг. 1948 г.; Разрешение цензора Главлита БССР 24 февр. 1954 г.; протокол заседания художественного совета Белгосэстрады от 14 марта 1955 г.

«Муха-Цокотуха» под Мухой рецензенты признали переодетую принцессу, а под Комаром – принца. Кроме того, цензоры увидели, что Муха на картинках стоит очень близко к комарику и улыбается «слишком кокетливо». Чуковский горько шутил, что так можно утверждать, что его Крокодил – это Чемберлен (премьер-министр Великобритании), а Мойдодыр – переодетый Милюков (министр иностранных дел Временного правительства), Клоп – это Распутин, а Пчела – Вырубова (друг семьи царя Николая II и фрейлина императрицы Александры Федоровны).

До этого неугодной оказалась сказка П. Ершова «Конек-горбунок», которую пытались запретить дважды. Сначала ее признали недопустимой к выпуску из-за агитации в пользу царя («за царем – стрельцов отряд, вот он въехал в конный ряд, на колени все тут пали и “ура” царю кричали»), а в разгар коллективизации в ней усмотрели историю карьеры сына деревенского кулака. Нападки усилились после августовского (1946 г.) постановления ЦК ВКП(б). В статье В. Крушинского разносу подверглись журнал «Мурзилка» и сказка «Бибигон» К.И. Чуковского: «Свалившийся с Луны на дачу писателя в Переделкино маленький человечек Бибигон – хвастун и враль. Он возле мыса “Барнаул убил четырнадцать акул”. Он хвастает: “вот этой рукою свирепому льву косматую голову я оторву”. Он трус. От пчелы “как от лютого волка. В чернильницу весь с головою нырнул”. Он злобен и глуп. Выступает под пышным именем – граф Бибигон де Лилипут. Писатель говорит об этом очень значительно. Этот уродец то плюхается в банку с вареньем, то в чернильницу, то он тонет в дырявой калоше писателя. Дурная проза чередуется с дурными стихами:

Спасибо, старуха Федосья
Схватила его за волосья.

Натурализм и примитивизм и местами совершено непозволительная грубость:

Вон, погляди: бежит Барбос.
Ты думаешь, что это пес?
Нет, это – старый Агафон,
Наш деревенский почтальон.

“Бибигон. Самая волшебная сказка”, – снабдил таким заглавием писатель свое произведение»[668].

Секретарь ЦК ВЛКСМ В. Иванов просил секретаря ЦК КП(б)Б Н.С. Патоличева ознакомиться со сказками Чуковского «Собачье царство» и «Одолеем Бармалея», которые он определил как антихудожественные и антипедагогические произведения[669].

---

[668] В. Крушинский. «Серьезные недостатки детских журналов» // *Правда*. 1946. 29 авг.

[669] *Русские писатели о цензуре и цензорах.* От Радищева до наших дней, 1790–1990 гг… С. 404.

В 1947 г. Белгосэстраде потребовалось получить разрешение на постановку детских пьес «Колокола-лебеди», «Петрушкин отдых», «Кот и заяц», «Родная земля», «Товарищи», «Слон и муравей» и др.

В 1948 г. – «Зеленый сундучок», «По щучьему велению», «Умная уточка», «Сказка о царе Салтане», «Мистер Твистер», «Верные друзья» и др.

В 1949 г. – «Сказка об Иване-царевиче и сером волке», «Путешествие в сказочную страну», «Три поросенка», «Принцесса Клякса», «Чудесный горшок», «Мальчик из Князь-озеро», «Большая награда» и др.

В 1950 г. – «Зеленый сундучок», «По щучьему велению», «Умная уточка», «Мистер Твистер», «Верные друзья», «Похождения адмирала-бедняка», «Лиса-разбойница», «Чудесный горшок».

После получения разрешения нужно было искать место, где согласились бы напечатать афиши к представлению. В 1952 г. афиши эстрадной бригады лилипутов под руководством Н.А. Эренгроса «Дети для вас», а также сказок «Теремок», «Дед Мороз и Снегурочка» позволили напечатать в типографии газеты «Во славу Родины»[670]. Программу концерта «Кот-гусляр» и «Гусенок», сказки «Медведь и лиса» кукольного театра Белгосэстрады – в типографии «Красный печатник» и т. д.[671]

Часть спектаклей для детей запретили под разными предлогами. Это коснулось сказок Я. Тайца («Алена-сластена» и «Про кукушку»), композиции И. Голубцева «В поисках утраченного времени» и др. В 1953 г. из сборника детских пьес исключили пьесу С. Свиридова «Тройка», которая якобы воспитывала неуважение к родителям. Не разрешили пьесу Е. Садовского «Остров мудрости» по мотивам китайских народных сказок, в ней будто бы извращалось величие победы китайской революции под руководством Мао Цзэдуна. Кроме того, отмечались случаи, когда пьесы, разрешенные к постановке, предлагались зрителю после доработки театрами, т. е. в измененной редакции. В связи с этим Главлит получил право назначать собственных представителей членами художественных советов по приему спектаклей[672].

После 1954 г. цензурные ограничения в целом сместились от идеологических запретов в сторону соблюдения *советскости* – норм поведения, моральных ценностей, сохранения облика советского труженика, беззаветно преданного партии и государству. В марте 1955 г. на заседании художественного совета Белгосэстрады состоялся прием детского спектакля «Сказка о лисе, медведе и тете Дуне» по пьесе М.И. Померанцева. Комиссия Министерства культуры БССР признала спектакль удовлетворительным и имеющим воспитательное значение. Однако куплеты музыкального сопровождения, маски мальчиков предлагалось

---

[670] Из письма зам. директора Белгосэстрады И. Кагановича – П. Люторовичу от 6 дек. 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 18, лл. 155, 157.

[671] БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 33, лл. 111, 158-160.

[672] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 26.

изменить, а образ тети Дуни облагородить и сделать более привлекательным – «тетя Дуня должна быть обаятельная, и дети должны ее полюбить»[673].

Идеологическое давление на театр

Партийные органы требовали ставить в театрах «высокоидейные» спектакли. С 1948 по 1953 г. белорусскими драматургами было написано 40 пьес, из которых на сцене поставлено 14, а сохранилось в репертуаре только шесть. Такие пьесы, как «Цветок Тянь-Шаня» М. Горцева и М. Последовича, «Наталья Кривцова» А. Мовзона, были напечатаны в журнале «Полымя», однако из-за низкого качества не приняты театрами[674].

Крупные недостатки обнаружили в пьесах «Неспокойные сердца» А. Кучера, «Брестская крепость» и «Простая девушка» К. Губаревича. Командиры Красной армии в пьесе «Брестская крепость», в предчувствии войны предавшись унынию, страху и панике, стараются заглушить свою тревогу музыкой. Цензоры предложили заменить часть текста, где говорилось, что пограничная застава «скоро будет перенесена под Берлин», под тем предлогом, что советское государство никогда не собиралось расширять свою территорию за счет других стран и не отличается агрессивностью. В другом месте недовольство цензуры вызвал пример, когда командир на случай собственной гибели просит комиссара дать клятву стоять насмерть. Это показалось двусмысленным и якобы намекало на недоверие командного состава армии к политработникам.

В пьесе «Простая девушка» цензоры потребовали исправить текст, который якобы порочил светлую мечту советского народа построить коммунизм: «Выходит, что он строил этот самый коммунизм, а понюхать его и не придется». С обвинением в идейной несостоятельности и низком художественном уровне были сняты с репертуара пьесы «Что посеешь, то и пожнешь», «Месть» С. Свиридова, «Аксиньина телушка» и «Жизнь требует» А. Макаенка, «В дни жатвы» П. Ковалева[675].

В Главлите считали, что неясные сюжеты, схематичные образы, бледный, грубый язык, отсутствие конфликта снижали идейное воздействие пьес. Получалось, что созданные авторами образы не соответствовали реальной жизни[676].

---

[673] Протокол заседания художественного совета Белгосэстрады от 14 марта 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 36, л. 11.

[674] БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 61, л. 270.

[675] Например, пьеса «Жизнь требует» пропагандировала строительство кирпичных заводов в колхозах, что зам. Председателя СМ СССР Г.М. Маленков в докладе XIX съезду КПСС назвал ошибочным увлечением со стороны руководителей сельского хозяйства на местах.

[676] В пьесе «Простая девушка» К.Л. Губаревича, по мнению цензуры, образ главной героини был наделен чертами характера, которые не согласуются с передовым человеком, – бюрократка-казнокрад вызывает только жалость, но не разоблачается и не наказывается по заслугам.

Облик партийных руководителей показался невыразительным. По мнению проверяющих, бесплотные и схематичные, они становились носителями контрольно-наблюдательных функций, подражать которым не хочется. Тогда как коммунисты – это самый деятельный, передовой отряд советского народа, самоотверженно отдающий силы делу построения нового общества[677].

Большое неудовольствие вызывала практика, когда после передачи пьесы в Управление по делам искусств она параллельно поступала в театр, который сразу начинал репетиции. Спектакль выпускался, а пьеса еще не прошла цензуру. После многочисленных согласований на подмостки театров вышли новые пьесы: «Заинтересованное лицо» К. Крапивы, «Извините, пожалуйста» А. Макаенка, «Девушка с Полесья» Е. Романовича – всего восемь произведений. Главлит разрешил к исполнению 17 пьес из русской классической и современной драматургии и художественной литературы в переводе на белорусский язык[678].

От театральных деятелей требовали «резко улучшить» сотрудничество с белорусскими писателями и ускорить создание спектаклей на современные советские темы. Видное место в репертуаре должны были занять постановки, разоблачающие капитализм, буржуазную идеологию и мораль.

Совершенно недостаточно была представлена историческая тематика. Пьесы на историко-революционную тему «Свет с Востока» П. Глебко, «Вся власть Советам» М. Климковича, «Фрунзе» М. Горцева остались незавершенными. Перестала устраивать цензуру и пьеса В. Вольского «Машека» (1946 г.), созданная по мотивам белорусского национального фольклора, поэтизирующая героические народные характеры.

В середине 50-х гг. в репертуар зрелищных учреждений были внесены изменения в связи с постановлениями ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля 1954 г.) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября 1954 г.)[679]. В письме Управления по делам искусств говорилось, что борьба с религиозно-мистическими предрассудками и пропаганда научно-атеистических знаний являются важнейшей задачей всех учреждений министерства культуры. Между тем в ряде спектаклей драматических и оперных театров («Иван Сусанин», «Борис Годунов», «Великий государь» и др.) религиозным церемониям и процессиям уделяется преувеличенное внимание, которое нельзя объяснить исторической достоверностью или авторским замыслом. Главное Управление театров и музыкальных учреждений СССР просило внести соответствующие коррективы, учитывая при этом задачу сохранения художественной цельности

---

[677] Отчет Главлита БССР за 1952 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 31.

[678] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 26.

[679] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*: В 12 т. М., 1971. Т. 6. С. 502–507, 516–520.

и исторической правдивости спектаклей[680]. Получив это указание, начальник Управления Белгосэстрады Г. Кривавус потребовал пересмотреть *все* спектакли репертуара и внести необходимые коррективы[681].

Художественное оформление спектаклей

Финансовый бюджет, с которым оказались театры с 1946 г., заставлял экономить на самом необходимом, включая декорации, бутафорское оборудование и принадлежности, костюмы, грим. Это пагубно сказывалось на сценическом оформлении спектаклей. Однако другого выхода не видели.

В театре им. Я. Коласа на постановку спектакля «Васса Железнова» по М. Горькому израсходовали 7 тыс. руб. вместо требуемых 25 тыс. руб., в театре им. Ленинского комсомола комедию «Замужняя невеста» А. Шаховского, А. Грибоедова, Н. Хмельницкого оформили за 5 тыс. руб. вместо 18 тыс. руб., а в Гродненском театре на постановку комедии «Большие хлопоты» Л. Ленча потратили всего 4 тыс. руб.

Главлит больше всего волновало не тяжелое экономическое положение театральных трупп, вынужденных экономить на самом необходимом, а «идейно-творческое» звучание спектаклей. Особое раздражение чиновников вызывало то, что декорация или костюмы из спектакля, отображающего нравы американской жизни, переносились в пьесу, раскрывающую советскую действительность. Как пример приводился случай, когда бутафория из спектакля «Преступление директора Рикса» (по пьесе Чод Дорффа, США) в Могилевском областном театре была использована в спектакле «Машенька», а костюмы без всякой переделки – в спектакле по пьесе «Вас вызывает Таймыр» А. Галича и К. Исаева[682].

Языковая политика

Театральных деятелей Белоруссии призывали брать пример со старшего брата – великого русского народа как образца для подражания. Престиж республики требовал играть на языке титульной нации, однако финансовые условия и отсутствие дотаций вынуждали ориентироваться на русскоязычную аудиторию.

---

[680] Письмо начальника Главного управления театров и музыкальных при СМ СССР А. Солодовникова – П. Люторовичу, 1954 г. (без точной даты) // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 29, л. 50.

[681] Письмо зам. начальника Главного управления по делам искусств при СМ БССР Е. Порватова – Г. Кривавусу, директору Белгосэстрады, от 10 сент. 1954 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 29, л. 50.

[682] Стенограмма заседания III съезда ССП БССР (Минск, 15–18 сент. 1954 г.) // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 61, л. 273.

В эту сторону клонили «весы» режиссеры и ведущие актеры, приглашенные на работу в БССР. Сказывался дефицит популярных белорусских пьес, обеспечивавших коммерческий успех. Белорусские драматурги не могли составить конкуренцию своим коллегам по цеху, работавшим на русском языке в целом по стране. Значительную часть зрителей в республике составляли приезжие, командировочные и гости Белоруссии, которые охотнее посещали спектакли на русском языке. При выезде труппы на гастроли успех во многом зависел от языка, который свободно понимали зрители. Особенно это касалось областей РСФСР (Псковская, Новгородская, Смоленская и др.), республик Прибалтики, Молдавии и Средней Азии, не говоря уже о театральных площадках Москвы и Ленинграда.

К середине 50-х гг. подавляющее большинство спектаклей в театрах Белоруссии шли на русском языке (см. табл. 17).

Таблица 17

Спектакли на русском и белорусском языках в театрах БССР (1955 г.)

Название театра	На русском и белорусском языках	На русском языке		На белорусском языке	
		количество	*%*	*количество*	*%*
Театр оперы и балета	33	31	93,9	2	6,0
БДТ-1	25	16	64,0	9	36,0
БДТ-2	31	25	80,6	6	19,4
Русский театр	22	21	95,5	1	4,5
Театр Лен. комсомола	19	17	89,5	2	10,5
Могилевский	16	14	87,5	»	12,5
Гродненский	18	17	94,4	1	5,6
Гомельский	4	4	100	–	–
По всем театрам	**168**	**145**	**86,3**	**23**	**13,7**

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 79, лл. 25, 31-33.

Положение, при котором из 168 спектаклей только 23 (13,7%) шли на белорусском языке, сложилось в республике в силу целого ряда обстоятельств, указанных выше. Выбор языка и в последующие годы представлял собой очень деликатную проблему. Все попытки заинтересовать деятелей театра и вынудить увеличить количество спектаклей на белорусском языке или хотя бы сбалансировать общую картину, не давали результата.

Власти с недоверием относились к национальной пьесе, которая таила в себе семена идеи возрождения белорусской государственности. В этом крылась подлинная причина почти полного исчезновения из репертуара белорусских театров белорусской классики дореволюционного времени: В. Дунина-Марцинкевича, А. Вериго-Даревского, К. Каганца, З. Бедули, Е. Мировича. Не увенчались успехом и попытки переработать на советский лад ранее популярные пьесы: «Раскиданное гнездо» Я. Купалы, «Соловей» З. Бедули, «Машека» Е. Мировича и некоторые др. Нельзя было увидеть на сцене и послереволюционные пьесы Ф. Олехновича (арестован в 1926 г.), В. Голубка, В. Шашалевича и М. Чарота (расстреляны в 1937 г.), М. Громыко (обвинен в национал-демократизме) и др., которые составляли костяк белорусского репертуара в 20-е гг. Из пьес Я. Купалы и Я. Коласа уцелели только «Павлинка» и «На росстанях».

Большие хлопоты доставляла современная белорусская пьеса. Авторы предпочитали смотреть трезвыми глазами на окружавшую их действительность и неохотно шли на ее отображение в розовом свете, как того требовали заказчики из министерства культуры и Управления по делам искусств. Большинство современных пьес в той или иной степени можно было уличить в очернении советской действительности («На крутом повороте» К. Губаревича, «В тихом переулке» А. Мовзона, «Как веревочку не вить» А. Рылько и др.).

Драматург не мог уклониться от партийных рекомендаций, и получалось, что чем пьеса была более современной, тем меньше в ней было художественности. Даже такие признанные мастера жанра, как К. Крапива, И. Мележ, А. Мовзон, А. Макаенок, не могли преодолеть это препятствие.

Советская тематика на белорусской сцене плохо воспринималась зрителем. Чувствуя искусственность и надуманность таких пьес, люди не посещали спектакли, поставленные по канонам социалистического реализма. Это немедленно отражалось на выполнении театром финансового плана и заставляло его администрацию отказываться от неходовых произведений. В итоге авторы и театры годами «бились» за белорусскую пьесу, которую приняли бы не только зрители, но и руководящие органы. Представленный вариант поправляли, уточняли, дополняли, согласовывали, но все эти усилия часто заканчивались ничем. Обычные заверения о выпуске новых белорусских спектаклей не выполнялись, и театр срывал репертуарный план.

Зритель испытал недоверие к белорусской советской драматургии, и театральные залы пустовали. Оставалось только уповать на «организованных зрителей» – военнослужащих, учащихся, спектакли по льготным абонементам, гастроли в сельской местности и т. д.

Одновременно партийные и советские руководители опасались, как бы излишнее внимание к постановкам на белорусском языке не восприняли в Москве как националистические устремления. Министр культуры БССР Г.Я. Киселев, выступая на II съезде БТО, распекая режиссеров за то, что они не ставят спектакли на белорусском языке, пояснял: «Мы должны заботливо относиться и как можно шире использовать общесоветскую драматургию, русскую и зарубежную классику. Только на этой основе можно обеспечить творческий рост наших театров»[683].

В республике не ставили спектакли на идише, польском и украинском языках, отсутствовали профессиональные театральные и музыкальные коллективы национальных меньшинств, несмотря на существовавшую потребность[684]. Национальная культура в советских условиях не давала полноценных всходов. Сказывались и демографические перемены, произошедшие в республике после войны, которые создали значительный перевес в пользу русского языка. Все шаги властей, направленные на популяризацию белорусской пьесы, не выходили за рамки формального призыва. Принципы социалистического реализма, партийность и единомыслие оставались незыблемыми. Ограниченность такого подхода ускорила кризис театра и эстрады, которых лишили возможности самостоятельного развития. То, что не позволяли набрать в типографии, нельзя было произносить вслух. Выступление со сцены могло содержать аллегорию или намек, однако в условиях закрытого общества и это считалось неприемлемым. Всеохватывающий контроль над репертуаром драматических театров, клубов, художественной самодеятельности, концертных площадок стал неизбежным шагом, дополнившим цензуру печатного слова.

Кинематограф

С большими предосторожностями цензура выпускала на экран трофейные киноленты, которые пользовались у зрителей большим успехом. Это было необходимо, чтобы снять напряжение тяжелых послевоенных будней. В отличие от конфискованных в ходе войны книг или архивных документов, кинотрофеи из Германии были включены в коллекцию Госфильмофонда без каких-либо пометок и сведений об авторах или предыдущих владельцах кинолент[685].

Собрание зарубежных фильмов в пять раз превысило количество советских

---

[683] Стенограмма II съезда БТО (Минск, 4 апр. 1955 г.) // БГАМЛИ, ф. 156, оп. 1, д. 79, л. 33.

[684] В БССР в 1959 г. проживало почти 540 тыс. поляков, 150 тыс. евреев, 133 тыс. украинцев, 8,6 тыс. татар, 8,4 тыс. литовцев, 4,7 тыс. цыган // Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР: Сводный том. М., 1962. С. 206.

[685] Примером может служить к/ф «Девушка моей мечты», снятый немецким режиссером Георгом Якоби в 1944 г. и появившийся в советском прокате в 1947 г.

кинолент, регулярно создававшихся в стране с 30-х гг. Из огромного массива трофейной кинопродукции ежегодно отбирались фильмы, как правило, «легкого» жанра – комедии, мюзиклы, приключения, и после дубляжа или снабжения титрами их распределяли по сетям Главкинопроката. Однако не все из них соответствовали советскому пониманию жизненных ценностей.

Осенью 1947 г. заместитель заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ЛКСМБ Г.И. Гужавин сообщал начальнику Управления пропаганды и агитации при ЦК КП(б)Б И.Е. Войничу, что Республиканская контора кинопроката в августе–октябре 1947 г. допустила на экраны республики большое количество заграничных фильмов. В результате в Гомельской, Полоцкой, Минской областях свыше двух месяцев они не сходили с афиш. ЦК ЛКСМБ просил показывать не «безыдейные заграничные фильмы», а ленты, отображавшие жизнь и борьбу рабочих и крестьян капиталистических стран, героику будней страны социализма[686].

Министр кинематографии БССР Н.Ф. Садкович, выступая в Минске зимой 1948 г. на республиканском совещании Союза писателей утверждал, что современное искусство на Западе отражает гниение капиталистического общества. По его словам, американские фильмы – это отвратительное зрелище, после которого зритель вынужден уходить оскорбленным, испачканным «чем-то». И, наоборот, такие кинокартины, как «Сказание о земле Сибирской», «Сельская учительница», свидетельствуют о расцвете советского искусства. Белорусская кинематография должна встать с ними в один ряд[687].

Тем не менее показ зарубежных кинокартин, составлявших классику мирового игрового кино, имел коммерческое значение, поэтому отказываться от больших кассовых сборов никто не собирался. В августе 1948 г. Д.Т. Шепилов и Л.Ф. Ильичев докладывали Г.М. Маленкову, что Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) просмотрел 69 заграничных фильмов трофейного фонда, предназначенных для выпуска на широкий экран. Было рекомендовано допустить к массовому прокату 24 фильма немецкого и итальянского производства, а на ограниченный экран – 26 американских и французских фильмов[688]. При этом оговаривалось, что каждый из названных фильмов должен сопровождаться вступительным текстом и субтитрами, чтобы «правильно» ориентировать зрителя. По отдельным кинолентам предлагались монтажные сокращения. 19 фильмов из 69 определили

---

[686] Письмо зам. заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ЛКСМБ Г.И. Гужавина – И.Е.Войничу, начальнику Управления пропаганды и агитации при ЦК КП(б)Б, от 15 окт. 1947 г. // НАРБ, ф. 4-п. оп. 29, д. 571, л. 141.

[687] Стенограмма республиканского совещания ССП БССР (Минск, 24–26 февр. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 25, т. 1, л. 301.

[688] РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 88.

как «политически вредные» и запретили их демонстрацию советскому зрителю[689]. В последующие годы ЦК ВКП(б) неоднократно возвращался к этому вопросу. Только в 1949 г. (в мае и июне) было принято два постановления Политбюро о выпуске на экран заграничных фильмов из трофейного фонда[690].

Не один прагматизм и экономическая заинтересованность определяли показ на территории СССР трофейных зарубежных фильмов. Часть популярных советских лент («Небесный тихоход», «Сердца четырех») снимали с проката по цензурным соображениям после известного постановления ЦК ВКП(б) в августе 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград». Образовавшийся после этого «вакуум» заполняли зарубежным кино. Кроме того, трофейные фильмы часто использовали в качестве агитационно-пропагандистского материала, после того как в них сделали монтажные вырезки и перестановки кадров, оставляя неизвестными для советских зрителей страну производства, авторов и исполнителей главных ролей.

Можно предположить, что ощутимое вторжение западного кино на советские экраны оказало заметное влияние не только на формирование и развитие киноязыка советских режиссеров и операторов, но и на мировоззрение рядовых зрителей.

К началу 50-х гг. к работе в области кинодраматургии Белоруссии привлекли А. Мовзона, А. Миронова, М. Последовича. Кроме них, в написании сценарных планов и дикторских текстов к документальным фильмам участвовали писатели Я. Брыль, П. Ковалев, Г. Нехай, К. Губаревич, Е. Садовский и М. Блистинов.

Сценарии художественных кинолент для белорусского зрителя рекомендовалось посвящать следующим темам:

- люди Полесья, борющиеся за богатый урожай на осушенных болотах;
- электрификация села;
- индустриализация республики;
- преобразования в западных областях БССР;
- репатрианты, советский патриотизм и любовь к родине;
- творчество Янки Купалы[691].

---

[689] Просмотр каждого заграничного фильма, допущенного к массовому прокату в стране, приносил государству от 45 до 50 млн руб., а на ограниченном экране (в клубах и Домах культуры) – 30 млн руб.

[690] Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая и 9 июня 1949 г. // РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д.1075, лл. 82-83; д. 1076, л. 25.

[691] Докладная записка П. Бровки на имя члена Секретариата ССП СССР В. Кожевникова и председателя кинокомиссии Ю. Калашикова от 22 февр. 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 41, лл. 20-21.

Производительность белорусского кинематографа была невелика. В начале 50-х гг. из 150 художественных фильмов, которые выпускались в целом по стране, на долю «Беларусьфильма» приходилось всего три-четыре художественные кинокартины[692]. В 1954 г. началось строительство республиканской киностудии, что должно было увеличить выпуск художественной кинопродукции до пяти-шести фильмов в год.

Почти все сценаристы были молодыми людьми без достаточного профессионального опыта. Для них предполагалось организовать киносекцию при Союзе писателей, а министерство культуры обещало оказать посильную помощь.

Пробовали свои силы в кинодраматургии А. Кулаковский, В. Витка и В. Кравченко, но неудачно. К работе над сценариями привлекли К. Крапиву и В. Вольского. В кинотеатрах с успехом шли новинки белорусского кино: «Поют жаворонки» (1953 г.), «Дети партизана», «Кто смеется последним» (1954 г.).

Производство фильмов шло крайне медленно из-за отсутствия подходящих сценариев. К 1955 г. было подготовлено только два: «Зеленые огни» А. Мовзона и «Певчие люди» Н. Фигуровского. Не укладывались в отведенные сроки К. Губаревич и И. Дорский (сценарий к/ф «Алазанская долина»), И. Шамякин не выполнял обещания сдать сценарий по мотивам своего романа «В добрый час», а М. Лыньков и Н. Садкович только планировали «Миколку-паровоза». Заместитель министра культуры БССР Степин, выступая на III съезде писателей БССР (1954 г.), призывал к тому, чтобы работа в кино стала для писателей не только почетным творческим долгом, но и «кровным делом».

Граммофонные записи

Музыкальное исполнительство являлось важной сферой массовой культуры. С одной стороны, музыка и пение поощрялись. Лауреаты всесоюзных и международных музыкальных конкурсов возводились в ранг национальных героев даже вопреки их неблагозвучным фамилиям и имели щедрые дивиденды. С другой стороны, низвержение с пьедестала могло случиться при любом неосторожном слове, реплике, двусмысленном намеке в исполняемом произведении.

Граммофонные записи делились на политические тексты, музыкальные произведения, народные песни, эстрадные мелодии, танцевальные ритмы и народный фольклор. Любое из этих направлений могло оказаться неугодным и запрещенным к публичному прослушиванию. Все зависело от того, как сложилась судьба того или иного автора, артиста, певца или государственного деятеля, голос которого тиражировался в грамзаписи.

---

[692] Не считая выпуска киножурналов и хроникально-документальных лент. См.: БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 61, л. 281.

За политические тексты отвечал Комитет радиоинформации при СМ БССР, а за музыкально-вокальные и литературно-художественные произведения – Комитет по делам искусств. Традиции музыкальной цензуры были заложены еще в первые годы советской власти. Опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» придумали новое название – «Иван Сусанин». В 1945 г. увертюру П.И. Чайковского «1812 год», одним из кульминационных мотивов которой был призыв из старого русского гимна «Боже, царя храни», советский дирижер Н.С. Голованов заменил на мелодию «Славься» из оперы «Иван Сусанин» Глинки, и т. д.

После постановления ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и особенно пленума Союза композиторов СССР, прошедшего в октябре того же года, началась борьба с «безыдейностью». В атмосфере того времени отразился нарастающий трагизм бытия советского человека. Он начался со строительства «корабля дураков» в послереволюционные годы, кардинальной перекройки сознания и дошел до мутации человеческой природы, выразившейся в агрессивном обличении коллег и составлении запретительных списков композиторов. Они оказались вынуждены выживать, по меткому выражению профессора музыки Л. Ковнацкой, под надзором агитпропа на «просторах родины чудесной» (начальная строка песни «О Ленине и Сталине» муз. М. Блантера, сл. А. Суркова)[693].

Многие популярные лирические песни начали расценивать как «уводящие в интимный мирок», «не зовущие» и «не ведущие». Вскоре появились целые списки нежелательных граммофонных записей, в том числе многочисленных произведений для эстрады (инструментальных, вокальных, струнных), цыганских романсов и песен, арий опер, скетчей, фельетонов.

Главлит дал указание изъять из продажи грампластинки, на которых были песни на стихи В. Лебедева-Кумача, на музыку И. Дунаевского, Н. Богословского («Шаланды, полные кефали…» из кинофильма «Два бойца»), «Лунная рапсодия» на музыку О. Строка в исполнении Л. Утесова, «Случайный вальс» (слова Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина).

Исчезло большинство песен в исполнении К. Шульженко, в том числе «Записка», «Руки», «Часы», «Синий платочек», «Встречи», «Не жалею» и многие другие[694].

Как псевдонародные, антихудожественные и пошлые были запрещены к исполнению такие пользовавшиеся широкой известностью песни, как «Зачем ты, безумная, губишь…», «Златые горы», «Окрасился месяц багрянцем», «По старой

---

[693] Л.Г. Ковнацкая. Рецензия на кн. Е.С. Власовой «1948 год в советской музыке (М., 2010) // *Opera Musicologica*. 2010. № 3(5). С. 143.

[694] См. *Приложение 19.* О снятии с производства и изъятии из продажи граммофонных пластинок: Приказ № 109 Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром при Совете Министров СССР от 21 окт. 1946 г.

Калужской дороге», «Любовь Степана Разина», «Чудный месяц плывет над рекою», «Комарики-мушки» и др.[695]

Целый ряд изъятых из продажи и фонотек грамзаписей касался сугубо белорусской тематики, в том числе: «Белорусская рапсодия» в исполнении И. Жиновича и П. Клауса, ария «Катерины» в исполнении Л. Александровской, ария Надейки из оперы «Цветок счастья», «Привет Москве» в исполнении хора Белорусской филармонии, сюита на белорусские темы в исполнении оркестра народных инструментов под управлением П. Алексеева, фантазия на белорусские темы в исполнении оркестра народных инструментов под управлением А. Семенова и др.[696]

Цензура обращала внимание не только на название музыкального произведения, но и на фамилию автора или переводчика. Например, спектакль «Анна Каренина» по роману Л.Н. Толстого в инсценировке И. Рубинштейна был снят, однако в инсценировке А. Волкова – оставался в репертуаре. В списке запрещенных пьес были указаны три инсценировки разных авторов по роману «Приваловские миллионы» Д.Н. Мамина-Сибиряка. В то же время саму пьесу по этому произведению разрешали к постановке. Аналогичное положение существовало с переводами пьес и концертно-эстрадным репертуаром. В роли редакторов часто выступали более образованные люди, которые обращали внимание на то, что цензоры пропустили. Это могло оказаться «скрытое» цитирование запрещенных текстов, опасные аналогии, двусмысленные сравнения и т. п.

В списке № 4 (опера, оперетта, музыкальная комедия и балет) были произведения, в которых сняли либретто, написанные указанными в списке авторами. Отдельные арии и сцены, включенные в запретительный список, в то же время могли исполняться в концертах и по радио[697]. Подобные списки оказались настолько обширными, а критерии и мотивы изъятия музыкальных произведений неопределенными, что летом 1948 г. Главрепертком разослал специальное разъяснение о принципах отбора репертуара.

Духовым и джазовым оркестрам, ансамблям, играющим в городских садах, кинотеатрах, клубах, ресторанах, на танцплощадках и в других общественных местах, разрешалось исполнять эстрадную музыку и марши советских композиторов, старые русские марши и бальные танцы[698]. Что же касается танцевальной

---

[695] См. *Приложение 24*. О снятии с репертуара и запрещении к исполнению произведений для эстрады [фельетоны, юморески, шутки, скетчи, сказки, рассказы]: Приказ по Главреперткому СССР 24 окт. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 66).

[696] Приказ Главреперткома от 3 июня 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 132.

[697] См. *Приложение 23*. О снятии с репертуара «западных» и советских оперетт: Приказы по Главреперткому СССР 8 авг. 1945 г., 31 янв., 17 марта, 18 апр. 1951 г.

[698] См. *Приложение 26*. Разрешение к исполнению инструментальных произведений для духового оркестра без указания автора: Приказ по Главреперткому СССР от 7 февр. 1947 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 79).

музыки западных композиторов, то более либерально можно было поступать с произведениями, написанными в XIX в. (вальсы, польки, галопы). В качестве примера приводились имена Иоганна Штрауса, Франца Зуппе, Йозефа Ланнера и Эмиля Вальдтейфеля.

Танцевальную музыку современных западных композиторов Главрепертком допускал только в виде исключения и с большими предосторожностями. Прежде всего рекомендовалось исполнять инструментальную музыку без пения. При этом нельзя было называть авторов этих произведений. Предпочтение предлагалось отдавать мелодии, «светлому и бодрому» характеру, отсутствию ритмической «тупости» и «самодовлеющей изощренности». Допускались также отдельные отрывки и попурри из произведений для музыкального театра (опера, балет, оперетта).

Безусловному запрету подлежали произведения, снятые приказами Главреперткома, танцевальная, маршевая и другая музыка из немецких изданий «фашистского периода». Исключалась также современная танцевальная музыка западных композиторов, если в ней доминировала ритмическая «назойливость» и «изощренность», «бессмысленный» шум и треск, отсутствие мелодии, «упадническое» и мрачное настроение[699].

Особые списки составляли грампластинки, запрещенные к ввозу в страну с грифом «не подлежит оглашению»[700]. В них упоминались исполнители и музыкальные произведения (фокстрот, танго, частушки, романсы, арии из опер, куплеты и др.), перечислялись записи певцов-эмигрантов, которые вопреки запретам цензуры сохранили популярность. Среди них были Петр Лещенко, Юрий Морфесси, Станислав Сарматов и др. Пластинки попадали в страну как трофеи, их привозили немногие бывавшие в заграничных командировках специалисты, а затем подпольно размножали кустарным способом тысячными тиражами[701]. Наиболее распространенными были пластинки американской студии звукозаписи «Columbia Records», прежде всего ее лондонской студии, отличавшиеся высоким качеством. Эта фирма имела также отделения в Японии, Франции и Румынии.

Известностью пользовались записи Федора Заркевича, музыканта и композитора, который после гражданской войны эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке и Флориде. Заркевич создал несколько оркестров, с которыми выступал в течение 40 лет, являлся главным советником по славянскому репертуару американской граммофонной компании «Victor», с которой выпустил 60 своих пластинок[702].

[699] Письмо зам. начальника Главреперткома СССР Н. Болберга – всем уполномоченным Главреперткома от 20 июля 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 144.

[700] *Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе*: Каталог выставки. М., 1993. С. 9–10.

[701] Одним из способов была нарезка звуковых дорожек на рентгеновской пленке.

[702] *Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 г.* Документы… С. 354–355.

В 1946 г. были удалены все грамзаписи и музыкальные произведения, посвященные Югославии. Главрепертком запретил распространение сборника «Песни народов мира» (издание Музфонда, 1946 г.), поскольку в нем была напечатана «Песня о Белграде» (муз. М. Логара, русский текст Т. Сикорской), «С маршалом Тито» (муз. О. Данона, русский текст С. Болотина), «Югославские долины» (муз. С. Каца, слова А. Софронова)[703].

Холодная война вновь изменила лицо советской эстрады. Все, что было связано с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, теперь нельзя было упоминать. Из репертуара эстрадных исполнителей исчезли популярные песни, джазовые композиции, скетчи, оркестровые миниатюры: «Американская солдатская песня» в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии, «Джордж» (джаз-оркестр под руководством Ш. Аранова), «О'Кей» (джаз-оркестр под руководством А. Цфасмана), «Три флага» (музыка А. Фрадкина, слова М. Фатьянова), «К нам Джонни придет опять» (обработка И. Сигмейстера, слова С. Болотина) и др.[704]

Граммофонные пластинки подлежали изъятию в установленном порядке. Учреждения и организации, располагавшие коллекцией пластинок, были обязаны сверять их с последним списком Главлита. При рассмотрении репертуара и отборе граммофонных записей, используемых в общественных местах, следовало обращать внимание на дату разрешения и выпуска пластинок. Количество посылаемых экземпляров инструктивных писем было рассчитано по числу представителей органов цензуры на местах, включая районных уполномоченных. Списки направлялись несекретной почтой[705].

1948 г. в советской музыкальной культуре был обозначен как исторический перелом в борьбе двух направлений – агитационного (так называемого реалистического) и художественного (обозначенного как «формалистический»). Летом 1948 г. газета «Советская Белоруссия» опубликовала письмо группы читателей, которые упрекали творческие союзы в пассивности и недостатке новых массовых белорусских песен в канун празднования 30-летия образования БССР[706].

Отвечая на этот упрек, Петрусь Бровка и Павел Ковалев от имени Союза писателей БССР признавали, что писатели, как и все советские люди, любят и ценят мелодичную, задушевную современную народную песню. Они соглашались, что следует «крепко упрекнуть» наших композиторов и поэтов за отсутствие

---

[703] Приказ Главреперткома СССР от 16 июля 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 146.

[704] Приказ Главреперткома СССР от 3 июня 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 133.

[705] Об изъятии из общественного пользования устаревших произведений репертуара и граммофонных пластинок, запрещенных к исполнению: Приказ начальника Главлита СССР К.К. Омельченко от 17 февр. 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 41, лл. 17-18.

[706] Письмо читателей Аниковича, Захарова, Короткова и др. в редакцию газеты «Советская Белоруссия» // *Советская Белоруссия*. 1948. 20 июня.

«хорошей белорусской песни». Тут же называлась и причина этого – композиторы мало пишут и не всегда хорошо.

К подготовке новых песен привлекли «лучшие силы» – Максима Танка, Петро Глебко, Анатолия Острейко, Кастуся Кириенко и др. Союз писателей БССР обещал сделать все от него зависящее, чтобы помочь композиторам скорее создать популярные массовые песни, «зовущие людей на героические подвиги»[707].

В последующие годы к этому вопросу возвращались неоднократно. Зимой 1952 г. П. Бровка на заседании правления Союза писателей республики констатировал, что дело с созданием новых песен обстоит плохо, так как поэты не представляли текстов, отражающих чувства белорусского народа к тов. Сталину и к Москве[708]. Обсуждались тексты А. Бачилы «Развітальная», М. Танка «Праменняў і гукаў…», которые были приняты для написания музыки. Однако тексты А. Бачилы «Прими поклон, Москва», А. Русака «Приезжайте к нам» и М. Танка «Ад Сожа і да Палесся» были отклонены как слабые и неудавшиеся. Тексты песен М. Танка «Вяселле», Г. Нехая «О Минске», М. Климковича «Сказ о Сталине» и «Сказ о Москве» возвращены для доработки.

Одновременно из репертуара белорусской эстрады удаляли произведения, написанные в ходе советско-германской войны, которые теперь были признаны устаревшими по содержанию[709]. Слушателей отлучили от многих произведений отечественной и зарубежной эстрады, произошло забвение целых пластов массовой культуры, что пагубно отразилось на мироощущении послевоенного поколения.

Значение граммофонных записей в те годы трудно переоценить. Слушатели не были избалованы плодами музыкальной культуры, потребность в которой остро ощущали. Досуг зачастую ограничивался книгой, прослушиванием немногих музыкальных передач по радио и выступлениями художественной самодеятельности. Попасть на концерт, который давали профессиональные музыканты, могли единицы. Граммофонные записи считались редкостью и стоили дорого, поэтому не были широкодоступными. В таких условиях цензурные ограничения и изъятия неугодных произведений воспринимались болезненно. Популярные песни и мелодии запретить было трудно, а слушатели не хотели вникать в аргументы и объяснения, почему тот или иной исполнитель, певец или артист оказался неугодным властям.

К середине 50-х гг. наведение «порядка» в музыкальной сфере получило логическое развитие. Десятилетие запретов и изъятий привело к настоящему кризису

---

[707] Письмо члена СП П. Бровки и секретаря Союза писателей БССР П.Н. Ковалева – в ЦК КП(б)Б, 1948 г. (без точной даты) // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 22, лл. 132-133.

[708] Протокол заседания ССП БССР от 18 дек. 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 47, лл. 249-250.

[709] См. *Приложение 20.* О снятии с производства музыкальных произведений как устаревших по содержанию: Приказы по Главреперткому СССР от 26 нояб. 1946 г., 26 мая, 16 июля 1948 г., 19 сент. 1951 г.

в композиторском и исполнительском искусстве. Летом 1955 г. появился приказ министра культуры СССР, название которого было красноречивым: «Об улучшении пропаганды советской музыки»[710]. После обязательного славословия о том, что в последние годы советская музыкальная культура обогатилась значительными произведениями советских композиторов[711], в документе приводились примеры недостатков и просчетов, но в таком количестве, что это не оставляло места благодушию.

На роль виновного выбрали Главное управление театров и музыкальных учреждений, которое «не справилось» с музыкальной пропагандой. В приказе говорилось, что лучшие симфонии, оратории, инструментальная музыка исполнялись редко и не на должном художественном уровне. Филармонические концерты советской музыки ограничивались несколькими гастрольными авторскими концертами.

В репертуаре большинства певцов, пианистов, скрипачей и виолончелистов почти полностью отсутствовали произведения советских композиторов. Даже наиболее популярные советские песни исполнялись лишь ограниченным кругом артистов и зачастую отсутствовали в репертуаре видных вокалистов. То же самое относилось к репертуару хоровых коллективов. Незначительное место занимала советская музыка и в лекционной пропаганде. При этом в приказе министра умалчивалось о причинах этого явления. Репрессии, запреты и ограничения, окрики и назидания, одергивания и запугивание оставили многих мастеров музыкальной сцены без репертуара, а слащавость и ура-патриотизм набили оскомину слушателям, которые перестали воспринимать официальную музыкальную культуру.

«Революция сверху» предусматривала созыв пленумов и съездов композиторов республики (впервые за последние 20 лет). Их должны были сопровождать песенные фестивали, издание сборников избранных концертов фортепианных пьес, романсов, хоров, песен, новые записи граммофонных пластинок советских композиторов, организация радиопередач и т. д.

Каждая советская республика должна была разработать собственный план работы. Управление по делам искусств при СМ БССР подготовило на 1956 г. впечатляющую программу мероприятий[712]. Однако слова «советский» в ее названии

---

[710] Приказ министра культуры СССР Н. Михайлова от 21 июля 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 113, оп. 1, д. 4, л. 49.

[711] В пример приводились С.С. Прокофьев, Н.Я. Мясковский, Д.Д. Шостакович (с которых к тому времени уже были сняты обвинения в формализме), А.И. Хачатурян, Д.Б. Кабалевский, Т.Н. Хренников, О.В. Тактакишвили, К.А. Караев, Э.А. Капп, Н.И. Пейко, А.А. Бабаджанян и некоторые др.

[712] План мероприятий по пропаганде музыки в г. Минске на 1956 г. // БГАМЛИ, ф. 113, оп. 1, д. 8, лл. 155-156.

уже не было. Это свидетельствовало о том, что речь отныне шла не только о произведениях советских, но и российских (до 1917 г.), а также зарубежных композиторов, поскольку гроза борьбы с космополитизмом миновала.

Программа предполагала организацию музыкальных лекториев, выступления камерного, хорового оркестров и оркестра народных инструментов при Дворце культуры Белорусского совета профессиональных союзов, автомобильном и тракторном заводах, высших учебных заведениях.

В центральных городских парках планировалось проводить бесплатные симфонические концерты, музыкальные вечера вопросов и ответов при библиотеках; открыть специализированный магазин при Доме книги и нотные отделы в крупнейших книжных магазинах; устраивать нотные базары, издавать массовым тиражом (не менее 1000) произведения белорусских композиторов и выпустить справочник «Композиторы БССР».

Одновременно планировалось начать открытую (прямой эфир) трансляцию белорусской музыки, организовывать встречи белорусских композиторов и исполнителей со слушателями, а в парках и скверах давать концерты популярной музыки в исполнении духовых оркестров МВД, БВО, Управления трудовых резервов, освещать события музыкальной жизни в периодической печати.

Такое внимание к музыкальной жизни можно было приветствовать. После долгих лет размеренной немоты, дозированного, идеологически стерильного эфира, придирчивого предварительного прослушивания, заранее одобренного репертуара эти перемены должны были произвести неизгладимое впечатление.

Однако в целом после смерти Сталина никакого переворота в музыкальной сфере не произошло. Режим, с одной стороны, соглашался дать народу «зрелища», поскольку «хлеба» по-прежнему не хватало, а с другой – необходимо было заполнить идейный вакуум, образовавшийся в умах с закатом эпохи сталинизма.

Власти сохраняли полный контроль над творческими организациями (Союз композиторов, Союз писателей, Союз художников), их общественными объединениями (Музыкальный фонд, Художественный фонд), государственными учреждениями (Белгосэстрада, Белгосфилармония, Управление по делам искусств), муниципальными структурами (отделы культуры при исполкомах Советов). На верхнем этаже этой многоступенчатой пирамиды продолжал оставаться Главлит как инструмент Коммунистической партии.

Музеи и выставки

В поле зрения Главлита также находились музеи и выставки. В годы войны музейное дело значительно пострадало. С разрешения оккупационных властей отдельные энтузиасты старались сохранить музейные коллекции, но это мало кому

удалось. В годы оккупации Минский исторический музей пытался восстанавливать и реставрировать бывший учитель А. Шукелойц (постоянной экспозиции не было). В 1942 г. открыли для посещения Слонимский краеведческий и Барановичский краеведческие музеи (под руководством С. Новика-Пяюна и И. Стабровского). В законсервированном состоянии оставались Белорусский музей им. И. Луцкевича в Вильно и Историко-археологический музей в Гродно[713].

Ущерб от потери музейных экспонатов и произведений искусства за годы Великой Отечественной войны в республике превысил 150 млн руб.[714] Больше всего пострадали Государственная картинная галерея и Государственный исторический музей БССР. В Пруссию были вывезены сотни произведений живописи, и среди них работы мастеров с мировыми именами[715]. В Вену нацисты переправили картины, книги, рукописи, предметы декоративно-прикладного искусства, религиозного культа, связанные с еврейской культурой[716].

Решение о восстановлении Государственной картинной галереи[717] было принято весной 1944 г. После освобождения белорусской столицы картинной галерее предоставили четыре комнаты в Доме профсоюзов на площади Свободы. В октябре 1944 г. в Минске была развернута первая выставка, привезенная из Москвы и пополненная работами белорусских художников. Посетители знакомились с произведениями на тему борьбы с нацистами – живописью, графикой, детским рисунком[718].

После войны правительство БССР активно финансировало пополнение коллекции музея. В 1946 г. в фонде имелось уже 317 произведений. В ноябре следующего года открылась постоянная экспозиция[719].

---

713 А. Гужалоўскі. *Музеі Беларусі. 1941–1991 гг*. Мінск, 2004. С. 13.

714 Опись художественных ценностей (живопись, графика, скульптура, прикладное искусство, мебель, переданные из Эрмитажа, фарфор, бронза, стекло, ткани, кость, ковры и пр.), вывезенных в Германию или уничтоженных в ходе военных действий // БГАМЛИ, ф. 164, оп. 1, д. 2, лл. 11-18, 22, 25.

715 В частности, полотна Айвазовского, Брюллова, Куинджи, Левитана, Маковского, Поленова, Репина, Серова, Шишкина и др. См.: *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944 г.*: Сб. документов и материалов. Минск, 1963. С. 23–24.

716 А. Мальдис. «Трагические судьбы белорусских музейных, библиотечных и архивных собраний во время второй мировой войны» // *Вяртанне-3*: Сб. статей и документов. Минск, 1996. С. 8.

717 Позднее: Национальный художественный музей Республики Беларусь (*Нацыянальны мастацкі музей Рэспублікі Беларусь*), Государственная картинная галерея (1939–1957), Государственный художественный музей (1957–1993).

718 «О работе Государственной картинной галереи БССР (1944-1947 гг.)»: Информ. справка Е.В. Аладовой от 23 сент. 1947 г. // БГАМЛИ, ф. 164, оп. 1, д. 28, лл. 1-2.

719 *Государственный художественный музей БССР*. М., 1953. С. 4.

В ближайшие несколько лет наиболее заметными стали экспозиции, посвященные 10-летию воссоединения БССР (фойе Театра оперы и балета), 70-летию со дня рождения Сталина (Государственная библиотека им. В.И. Ленина), 30-летию провозглашения республики (см. табл. 18).

Таблица 18

Выставки в Государственной картинной галерее БССР (1949 г.)

Название	**Период работы,** *дней*	**Количество экскурсий**	**Число экскурсантов,** *чел.*		
			организованных	**неорганизованных**	**всего**
«30 лет образования БССР»	14	45	3150	10 000	13150
«10 лет воссоединения БССР»	40	–	–	31818	31818
«70 лет И.В. Сталину»	20	152	4645	8807	13452
Итого	**74**	**197**	**7795**	**50625**	**58420**

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 164, оп. 1, д. 38, лл. 7-11.

Главным выставочным павильоном республики считался Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Музею отвели одно из немногих сохранившихся зданий на площади Свободы (до 1917 г. Соборная площадь). Первой экспозицией стала выставка немецкого трофейного оружия. Сначала показывали разбитые самолеты, танки и артиллерию под открытым небом, а потом вдоль улицы Пролетарской (сейчас Я. Купалы) для них построили несколько деревянных павильонов[720].

Всего в 1945 г. в Минске было открыто четыре выставки: «Печать в годы Великой Отечественной войны» (по материалам Государственной публичной библиотеки им. В.И. Ленина), «Предметы широкого потребления, выпускаемые

[720] В. Кириченко. *Минск. История послевоенного восстановления, 1944–1952 гг.* Минск, 2004. С. 9.

на восстановленных предприятиях БССР», «Архитектурные проекты реконструкции Минска»[721] и «Продукция предприятий легкой промышленности БССР»[722].

Сотрудники Белгосмузея ИВОВ подготовили выставки «Вооружение белорусских партизан» (трофейное и самодельное оружие), «Освобождение и восстановление Минска». Здесь можно было увидеть подпольные газеты, брошюры и листовки, отпечатанные на обойной и оберточной бумаге. Однако научная работа велась бессистемно, музейные экспонаты собирали плохо и хранили небрежно. Директора Сальникова за «развал работы музея» в 1947 г. сняли с должности, исключили из партии и завели на него уголовное дело. Новым директором музея назначили Н. Гракова[723], а отделу кадров ЦК КП(б)Б поручили подобрать пять сотрудников с опытом работы в музеях[724].

История минувшей войны излагалась избирательно. Нельзя было демонстрировать облик врага: обмундирование, личные документы солдат и офицеров противника и т. д. Не отражались и действия добровольных пособников нацистских преступлений из местного населения. Почти ничего не сообщалось о быте гражданского населения в годы оккупации, и тем более о противоречиях в партизанской среде, несправедливых репрессиях партизан в отношении местного населения и др.

Задачей выставок было приблизить искусство к «народу». Предполагалось, что они скрасят однообразные будни, привнесут в них атмосферу праздника. Выставочных залов еще не было. Экспозиции размещали не только в картинной галерее, краеведческом музее, но и в Доме офицеров, фойе кинотеатров, домах культуры или производственных мастерских Художественного фонда.

Одновременно выставки использовали как средство психологического воздействия и пропаганды. Об этом свидетельствовали тематика и строгий отбор экспонатов. Часть выставок носила плановый характер, а другие устраивали по мере необходимости. Большинство вернисажей было посвящено памятным событиям и знаменательным датам (см. табл. 19).

[721] В комиссию входили академики А. Мордвинов, А. Щусев, В. Семенов, Н. Колли, профессор И. Лангбард, архитекторы М. Осмоловский и И. Сергеев.

[722] Отчет Главлита БССР за 1-й квартал 1945 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 14-17.

[723] Никита Ермолаевич Граков до прихода в Белгосмузей ИВОВ был секретарем по пропаганде Гродненского ОК КП(б)Б.

[724] О состоянии дел в Белгосмузее истории Великой Отечественной войны: Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 23 янв. 1946 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 61, д. 241, лл. 31-32.

Таблица 19

Выставки, организованные Союзом художников и Управлением по делам искусств БССР (1950 г.)

Город	Категория или тематика	Число участников, *чел.*	Количество экспонатов	Место экспонирования
Барановичи	областная	17	250	фойе кинотеатра
Гомель	областная	16	220	клуб железнодорожников
Брест	областная	18	300	производственные мастерские
Витебск	областная	12	80	производственные мастерские
Могилев	областная	15	125	краеведческий музей
Гродно	областная	14	140	мастерские театра
Минск	карикатур журнала «Вожык»	15	200	библиотека им. В.И. Ленина
Минск	театрально-декорат. искусства	10	90	республиканская картинная галерея
Минск	книжной графики	17	250	окружной дом офицеров
Минск	молодых художников Москвы	51	175	окружной дом офицеров
Минск	политического плаката	80	135	клуб автопромстроя
Минск	графики	21	72	клуб автопромстроя
Минск	республиканская	25	70	фойе кинотеатра «Победа»

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, л. 28.

В январе 1951 г. в Минске открылась Республиканская художественная выставка, посвященная выборам в Верховный Совет БССР. Для участия в ней отобрали 280 произведений живописи, скульптуры, графики и театрально-декоративного искусства, лучшие из них были выставлены в залах Государственной Третьяковской галереи и приобретены Комитетом по делам искусств при СМ СССР и Управлением по делам искусств при СМ БССР[725].

Отчетные художественные выставки проводились в Бресте, Гродно, Барановичах, Гомеле, Витебске и Могилеве. На октябрь 1951 г. была запланирована республиканская выставка, которая должна была показать современный облик Белоруссии и людей, «строящих коммунизм». Тематический план выставки предусматривал произведения по событиям, связанным с деятельностью и пребыванием Сталина и его соратников в Белоруссии, в том числе:

- «И.В. Сталин в 1919 г. в Минске»[726];
- «И.В. Сталин в штабе Юго-Западного фронта» (в годы гражданской войны);
- «И.В. Сталин в 1945 г. в Минске»[727];
- «Строители Сталинграда в гостях у минчан»[728];
- «К.Е. Ворошилов – депутат белорусского народа».

Для сбора материала к этим картинам в фондах Государственной библиотеки им. В.И. Ленина группа художников получила специальное разрешение, согласованное в МГБ БССР[729]. Следующим шагом должно было стать Республиканское совещание мастеров народного творчества и приглашение на работу в БССР выпускников художественных вузов Москвы и Ленинграда. Союз художников

---

[725] Докладная записка председателя Союза художников БССР А.О. Бембеля – А.Е. Клещеву, председателю СМ БССР, февр. 1950 г. (без точной даты) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, лл. 151-155.

[726] Картина Натана Воронова «По поручению ленинского ЦК РКП(б). Минск. 1919 год», законченная в 1953 г. Для сбора материала к этой картине в фондах Государственной библиотеки БССР художники В. Цвирко, А. Моносзон и В. Гусев получили специальное разрешение. См.: Письмо А.О. Бембеля – Е.И. Ураловой, наркому просвещения БССР, от 13 марта 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, л. 154.

[727] Использован эпизод краткосрочной остановки Сталина на вокзале в Минске 15 июня 1945 г. по пути из Москвы на Потсдамскую конференцию. См: Э. Иоффе. «Сталин в Белоруссии» // *Советская Белоруссия*. 2002. 28 мая.

[728] О разрешении попасть на строительство Дворца профсоюзов в Минске для сбора материала к картине: Ходатайство Союза художников, направленное в МВД БССР // Письмо А.О. Бембеля – С.С. Бельченко, наркому МВД БССР, от 24 мая 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, л. 167.

[729] Письмо А.О. Бембеля – Е.И. Ураловой от 13 марта 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, л. 167.

просил руководство республики поддержать его ходатайство о строительстве в Минске производственных помещений для комбината изобразительного искусства, которые включали бы цехи живописный, скульптурный, оформительский, художественной обработки дерева, прикладного искусства и художественного литья[730].

В то же время руководители крупных областных и промышленных центров республики не уделяли необходимого внимания монументальной пропаганде. Отлитые в бронзе памятники С.М. Кирову, Ф.Э. Дзержинскому, К.К. Рокоссовскому и С.И. Грицевцу не находили применения. На складах оставались бюсты героев Отечественной войны 1812 г., изготовленные для установки в памятных местах Белоруссии. Строительный трест по восстановлению Минска и министерство торговли не могли собраться с силами, чтобы завершить фасад ГУМа, который включал скульптурную многофигурную группу «Слава труду»[731].

Наряду с Главлитом выставки и музеи контролировал Комитет по делам культпросветучреждений. По понятным причинам исключался даже намек на материалы антисоветского, антирелигиозного и эротического содержания[732]. Экспозиции освещали события начиная с момента провозглашения Белорусской советской социалистической республики (1919 г.). Основной акцент делался на событиях прошедшей войны.

После войны не возобновили свою работу музеи революции, природоведения, Центральный педагогический музей, Музей труда, Художественная галерея Юделя Пэна, мемориальные музеи Тадеуша Костюшки, Элизы Ожешко, Серго Орджоникидзе, антирелигиозные музеи в Витебске, Гомеле и Могилеве, а также ряд краеведческих, сельскохозяйственных и промышленных музеев. Однако за счет создания новых музейных учреждений в республике общая довоенная сеть была восстановлена.

За десять послевоенных лет количество музеев в республике выросло с восьми до 27. Увеличилось и количество посетителей. Если в 1950 г. они составляли 438 тыс. чел., то в 1955 г. – 636 тыс. чел.[733]. Наибольшей популярностью пользовались краеведческие музеи, за ними следовали мемориальные.

К началу 50-х гг. цензура контролировала Республиканскую картинную галерею и 21 музей, включая археологический и зоологический (в целом представление о сети музеев и их деятельности в республике дает табл. 20).

---

[730] Докладная записка А.О. Бембеля – А.Е. Клещеву, председателю СМ БССР, февр. 1950 г. (без точной даты) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, л. 153.

[731] Там же, л. 154.

[732] Изображение обнаженного женского до пояса считалось эротикой, а ниже – порнографией.

[733] *Народное хозяйство Белорусской ССР*: Стат. сб. М., 1957. С. 297.

Музеи БССР (1951 г.) *Таблица 20*

Название	Ведомственная подчиненность	Количество единиц хранения	Число посетителей, *чел.*	
			постоянная экспозиция	выставки
Барановичский областной краеведческий музей (Слоним)	областной отдел культпросветработы	4571	6537	7800
Бобруйский областной краеведческий музей	областной отдел культпросветработы	6800	68000	17000
Борисовский краеведческий музей	городской отдел культпросветработы	919	нет данных	нет данных
Брестский областной краеведческий музей	областной отдел культпросветработы	22320	нет данных	18400
Кобринский военно-исторический им. А.В. Суворова	областной отдел культпросветработы	4588	30321	12000
Витебский областной историко-краеведческий музей	областной отдел культпросветработы	36240	38023	20310
Волковысский краеведческий музей	областной отдел культпросветработы	6130	22103	нет данных
Гомельский областной историко-краеведческий музей	областной отдел культпросветработы	11253	нет данных	146200
Гродненский областной историко-краеведческий музей	комитет по делам культпросветучреждений при СМ БССР	57317	23373	20000
Могилевский областной краеведческий музей	областной отдел культпросветработы	5403	нет данных	нет данных
Оршанский музей им. К.С. Заслонова	городской отдел культпросветработы	786	105239	нет данных
Пинский областной историко-краеведческий	областной отдел культпросветработы	22320	22320	8645
Полоцкий областной краеведческий	областной отдел культпросветработы	2000	нет данных	нет данных

Окончание табл. 20

Название	Ведомственная подчиненность	Количество единиц хранения	Число посетителей, *чел.*	
			постоянная экспозиция	выставки
Полесский областной историко-краеведческий (Мозырь)	областной отдел культпросветработы	917	917	нет данных
Туровский районный краеведческий	районный отдел культпросветработы	306	нет данных	нет данных
Государственная картинная галерея БССР	Управление по делам искусств при СМ БССР	1500	нет данных	нет данных
Белорусский гос. музей истории Великой	Комитет по делам культпросветучреждений при СМ БССР	62962	46596	200000
Дом-музей I съезда РСДРП	Комитет по делам культпросветучреждений при СМ БССР	315	19831	нет данных
Геолого-минералогический музей БГУ	Министерство высшего образования СССР	2000	нет данных	нет данных
Зоологический музей БГУ	Министерство высшего образования СССР	5093	нет данных	нет данных
Литературный музей Янки Купалы	АН БССР	2000	17000	нет данных
Геологический музей Института геологии	АН БССР	нет данных	нет данных	нет данных

Приводится по: А.А. Гужалоускі. *Музеі Беларусі (1941–1991 гг.)*. Мінск, 2004. С. 47–48.

Летом 1950 г. Бюро ЦК КП(б)Б заслушало отчет о выполнении постановления ЦК ВКП(б) от 9 июня 1950 г. и СМ СССР от 4 июля 1950 г. «О мерах по устранению фактов разглашения государственной тайны в музеях»[734]. В постановлении правительства утверждалось, что в экспозициях музеев (союзных республик, Академии наук и некоторых министерств) допускались нарушения, повлекшие за собой разглашение государственной тайны – о наличии военных заводов, характере их производства. То же самое относилось к выпуску гражданскими промышленными предприятиями военной продукции, местам нахождения и мощности промышленных предприятий, электростанций, судоверфей, радиостанций, к наличию и промышленному использованию полезных ископаемых и редких металлов[735].

ЦК КП(б)Б немедленно отреагировал на вышеназванное решение из Москвы и распорядился о проведении необходимой проверки всей сети музеев в республике. Однако уровень «крамолы», которую удалось обнаружить в музеях Белоруссии, не шел ни в какое сравнение со страхами, которые нагнетались. Например, отмечалось, что в экспозициях музеев для всеобщего обозрения выставлялись карты и схемы военных действий, приводились абсолютные цифры, характеризующие дислокацию и итоги партизанской войны, число жертв среди гражданского населения и военнопленных, потери немецких войск в белорусских «котлах» (окружении, в ходе операции «Багратион»), обобщенные данные по военному производству, народному хозяйству, условные обозначения и производственные показатели местной промышленности и важнейших объектов электрификации БССР, наличие цехов особого назначения крупных промышленных комбинатов и т. д.

Как правило, музеи проверялись один раз в три месяца. В Главлит представляли описи экспонатов, а потом цензоры осматривали сами стенды. Если замечаний не было, то в описи ставили штамп «разрешается к экспозиции».

Много документов, «разглашающих тайну», обнаружили в фотосерии «БССР в 1919–1949 гг.», изданной Обществом по распространению политических и научных знаний, а также в брошюре И.Р. Левтова «Белорусский народ в период Великой Отечественной войны», напечатанной в издательстве АН БССР. ЦК КП(б)Б требовал удалить из экспозиции Государственного исторического музея и другие «неправильные» экспонаты. Например, условные обозначения объектов народного хозяйства, сведения о поголовье скота, прибывшего в 1947–1949 гг. в счет репараций из Германии, карты дислокации партизанских отрядов и бригад. Секретными были объявлены почти все сведения о минских автомобильном и тракторном заводах.

---

[734] Постановление Бюро ЦК КП(б)Б от 18 июля 1950 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 322, лл. 26-27.

[735] О мерах по устранению фактов разглашения государственной тайны в музеях: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 июня 1950 г. // РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1082, л. 28.

В 1951 г. из музеев республики изъяли 312 экспонатов, включая перечень восстановленных промышленных предприятий, фотографии цехов гражданской продукции на военных заводах, номера воинских частей и др. Белгосмузей ИВОВ передал Центральному архивному управлению 200 тысяч фотоснимков, которые поступили в Белорусский республиканский архив кинофотодокументов в Дзержинске[736].

После получения указаний Главлита СССР от 17 августа 1951 г. началась всеобщая проверка книг отзывов посетителей в музеях и на выставках. Только в Слонимском краеведческом музее (Барановичская область) цензура сделала 142 *вычерка*, в Гродненском областном историко-археологическом музее – 96, в Мозырском областном краеведческом музее – 14[737]. Однако не все цензоры, по мнению партийных органов, добросовестно относились к порученному делу. Цензор А. Бляхер при контроле постоянно действующей выставки в Бресте не удалил экспонаты, разглашающие государственную и военную тайны. Это сделали только при повторной проверке выставки. Такие же факты были отмечены в Слонимском музее.

В 1951 г. в БССР работали 204 постоянные и временно действующие выставки. Областные управления Главлита проверили в течение года 15 музеев в Могилевской, по 16 – в Гомельской и Брестской, по 18 – в Витебской, Гродненской, Барановичской, 14 – в Пинской, 17 – в Полоцкой областях.

При проверке Барановичской областной сельскохозяйственной выставки был удален плакат с указанием заготовительных цен на льнопродукцию. В Бобруйске сняли диаграмму, показывающую количество крупнорогатого скота, свиней и овец в колхозах и совхозах области. Из экспозиции убрали информацию о заготовительных ценах на лен всех сортов, о себестоимости лесопильной рамы по отдельным хозяйствам Бобруйского района за 1946–1951 гг., а в историко-археологическом музее Гродно – телеграмму с текстом о выпуске сверх плана 3500 т цемента[738].

В августе 1952 г. в ходе проверок музеев Могилева, Бобруйска, Барановичей, Витебска, Бреста и Гродно были изъяты фотодокументы с изображением «врагов народа», денежные знаки Временного правительства, «белогвардейские» банкноты времен гражданской войны и немецкие оккупационные марки. Отмечались случаи, когда выставки открывались без согласования с Главлитом (Республиканская библиотека им. В.И. Ленина, ЦК ЛКСМБ, министерство просвещения)[739]. Цензоров насторожили книги отзывов, в которых «раскрывалось» местонахождение воинских гарнизонов. Эти книги отзывов немедленно упрятали в спецчасть облитов, а директоров музеев строго предупредили.

---

[736] А. Гужалоўскі. «Цэнзурны кантроль ў музеях БССР»: *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў*: Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 2011. 10–11 лістапада). Мінск, 2011. С. 360.

[737] Отчет Главлита БССР за 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 33, л. 47.

[738] Отчет Главлита БССР за 1953 г. // Там же, д. 44, лл. 29-30.

[739] Отчет Главлита БССР за 1952 г. // Там же, д. 37, л. 35.

В 1953 г. в республике насчитывалось три государственных, девять областных краеведческих и десять районных музеев, подчиненных Министерству культуры БССР. Два музея принадлежали Академии наук БССР, два – Белгосуниверситету. Проверки фондов музеев продолжали проводить систематически. В Волковысском краеведческом музее проверяющие обнаружили 12 книг дореволюционных лет издания, денежные знаки Керенского, Деникина и Юденича, а также литературу на немецком и польском языках. Все они были уничтожены в соответствии с составленным актом[740].

В Барановичском музее была изъята брошюра «Паны болтают о мире и провоцируют войну», изданная в Минске в 1932 г., где были помещены предисловие и речь Н.В. Крыленко, объявленного «врагом народа». В книге отзывов было сделано 14 купюр, а с плаката удалена надпись: «Немецкие душегубы истребили в Барановичской области 269 тыс. 568 чел., в том числе 88 тыс. 407 советских военнопленных»[741].

Практика цензуры предусматривала исправления в картинах, коллективных портретах, представленных в музейных экспозициях. С фотографий, из кадров кинохроники вымарывали нежелательных лиц, «врагов народа», в том числе деятелей культуры и искусства, репрессированных до войны. Так, на фотографии членов литературного объединения «Узвышша»[742] при помощи ретуши не стало Антона Адамовича[743]. В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства в фонде артиста К.Ф. Былича, который состоял в труппе В.И. Голубка[744], хранится групповой снимок, из которого просто вырезаны лица[745].

---

[740] В документе по проверке было сказано, что изъята литература, «не представлявшая научного и исторического значения».

[741] Материалы ЧГК СССР, откуда были почерпнуты сведения о потерях, считались секретными до распада СССР в 1991 г. Власти опасались, что их обнародование заставит задуматься о цене победы над нацистской Германией.

[742] «Узвышша» – литературно-художественное объединение белорусских писателей (1926–1931 гг.), членами которого были Кузьма Чорный (председатель), Кондрат Крапива, Змитрок Бедуля, Максим Лужанин, Алесь Адамович, Язэп Пуща, Петрусь Глебка и др.

[743] Антон Евстафьевич Адамович (1909–1998) – белорусский литературовед, историк, публицист, прозаик, доктор филологических наук, репрессирован (1930, 1931 и 1937 гг.), вернулся из заключения в 1938 г., остался в оккупированном Минске, выехал в Германию в 1943 г. Автор книг «Очерки истории большевизма» (1954 г.), «Советизация белорусской литературы» (1955 г.), «Пантеон писателей БССР» (1959 г.); один из организаторов Радио «Свобода», с 1960 г. жил в США.

[744] Владислав Иосифович Голубок (1882–1937) – белорусский советский режиссер, крупный театральный деятель, драматург, художник, декоратор, пейзажист, первый народный артист БССР (1925 г.), художественный руководитель и директор Третьего Белорусского государственного театра. Репрессирован, реабилитирован посмертно в 1957. Несмотря на это, долгое время о его таланте, влиянии и истинном масштабе личности в Белоруссии не упоминали.

[745] А. Запартыко. «О “живом журнале” и дырах в коллективных фотографиях» // *Советская Белоруссия*. 2007. 31 окт.

После 1953 г. ретушировали портреты политических деятелей, которые не подвергались репрессиям, но были отлучены от советской истории. Так, в частности, поступали с изображениями Сталина и его ближайших соратников[746]. В советской справочной литературе, энциклопедиях и словарях нельзя было найти каких-либо упоминаний о персоналиях нацистских преступников, начиная с Гитлера и кончая его сподвижниками, не говоря уже об их пособниках из местного населения.

Музейное дело, экспозиции и выставки, призванные хранить образцы материального и художественного наследия народа, считались идеологическим полем и чаще использовались для пропагандистских целей. После войны они были лишены альтернативных материалов, а антисоветские документы надежно упрятаны в спецхран. Тяжелое материальное положение музеев республики объяснялось не столько объективными экономическими трудностями, сколько результатом действия остаточного принципа, который сложился в отношении к музейным учреждениям у партийно-государственного аппарата. В основе этого подхода лежала общая незаинтересованность режима в сохранении правдивого прошлого и непонимание важности национального историко-культурного наследия Белоруссии.

Изобразительное искусство

Строгий контроль существовал над произведениями изобразительного искусства (живописью, графикой, скульптурой), которое в силу своего эмоционального заряда часто влияло на сознание людей не меньше, чем слово. Все, что выходило из-под кисти художника или было создано скульптором, подлежало цензуре. Натюрморты, пейзажи, портреты вождей, станковая скульптура, офорты, гравюры, изделия народных промыслов (Палех, Федоскино, дымковские игрушки, даже плетеные корзиночки), выставки детских рисунков и пр. имели на обороте холста маленький кружок с индивидуальным номером цензора.

Советское изобразительное искусство объявлялось самым передовым. Творческую интеллигенцию просили не слишком ворошить прошлое, а искать то, что необходимо для «нашего народа» сейчас. Трудности послевоенного развития не должны были омрачать настроение людей и отодвигались на задний план. Вместо этого необходимо было показывать триумф партии на всех направлениях ее деятельности и гениальность государственных руководителей.

Художников призывали создавать «глубоко жизненные» произведения, вдохновляющие на построение нового общества, обогащать художественную

[746] Д. Кинг. *Пропавшие комиссары*. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. М., 2005.

культуру, утверждать «передовые идеи» социалистической эпохи – мира, демократии и коммунизма и доставлять эстетическое удовольствие. С одной стороны, людей искусства манили высокими гонорарами, льготами, официальными почестями, премиями и званиями[747], а с другой – их ожидала творческая несвобода, обязанность создавать произведения на заданную тему, «по велению партийной совести». Это были условия, пагубные для таланта, и почва для конъюнктуры, первопричина последовавшего потока посредственных и однообразных работ.

Художникам рекомендовалось изображать жизнь, лишенную общественных конфликтов, материально обеспеченную, полную веры в счастливое будущее и обязательно под руководством партии. В итоге появлялись работы с ложной монументальностью, отличающиеся надуманной композицией, парадностью и заурядным официозом. Утверждалось, что в Советском Союзе творческая свобода зависит от самого художника, от того, насколько глубоко он постигает внутренние законы, которым подчинено его искусство, насколько верно оценивает свои талант и мастерство. Социалистическая революция якобы сняла вопрос о свободе творчества в том смысле, в каком он стоял при капитализме. Истоки же тоски по свободе творчества кроются в мещанском индивидуализме.

В действительности положение художника было противоречивым. Режим использовал его талант в своих целях. Без ответа оставался вопрос: как человеку искусства существовать независимо от власть предержащих? Как не встать на путь конформизма и не променять творческий дар на личное благополучие?

Основной темой художественного творчества в послевоенный период стало увековечение подвига народа в борьбе против немецко-фашистской агрессии. Теме войны посвятили работы Валентин Волков, Абрам Кроль, Заир Азгур, Николай Гуциев, Павел Гавриленко, Евгений Зайцев, Евгений Тихонович, Виталий Цвирко, Владимир Хрусталев и др. В скульптуре наиболее заметным достижением стал ансамбль на площади Победы в Минске с обелиском воинам Советской армии и партизанам, погибшим в боях с нацистами (авторы Заир Азгур, Андрей Бембель, Алексей Глебов, Сергей Селиханов, Владимир Король и Георгий Заборский).

Все больше места занимал тематический жанр, посвященный революции, гражданской войне, и обязательное отображение в этих событиях роли «отца народов». Большинство художников, скульпторов, графиков, дизайнеров были вынуждены превозносить роль Сталина и Коммунистической партии[748]. В 1949 г. кандидатом на присуждение Сталинской премии от БССР выдвинули художницу Софью Ли за серию полотен о ссылке Сталина в Туруханский край (Восточная

---

[747] С 1946 по 1951 г. в целом по стране свыше ста произведений изобразительного искусства были удостоены Сталинской премии. См.: Материалы XII Пленума оргкомитета Союза художников СССР на совещании с творческим активом 19 апр. 1952 г. в Москве // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 25, л. 108.

[748] См. *Приложение 31*. О выделении денежной помощи (возвратных ссуд) художникам БССР, запечатлевшим образ Сталина (1948–1952 гг.): По материалам БГАМЛИ.

Сибирь). Исаак Давидович и Евгений Тихонович создали многофигурную композицию «Слава великому Сталину» (1950 г.) и посвятили ее параду физкультурников Белоруссии на Красной площади[749]. Это был образчик внутренне обезличенной живописи с использованием стандартных образов советской молодежи, которые больше походили на истуканов, чем на живых людей. Накануне 70-летия со дня рождения И.В. Сталина всплеск конъюнктуры превзошел ожидания. Заведующий Республиканскими оформительскими мастерскими сообщал, что спрос на художественные произведения, посвященные сталинской теме, настолько велик, что Художественный салон в Минске едва успевает пополняться[750].

На состоянии изобразительного искусства сказывалась атмосфера общей враждебности к загранице и обстановка холодной войны[751]. Председатель Союза художников БССР Е.А. Зайцев осенью 1947 г. так охарактеризовал основные черты западной культуры:

- безыдейность, идеологическая враждебность, аполитичность и пошлость;
- карикатурное изображение жизни и облика советских людей;
- дух пессимизма и упадничества;
- буржуазно-аристократическое эстетство.

Главлит устами Зайцева учил работников изобразительного искусства, что в основе художественного восприятия мира на Западе лежит буржуазный индивидуализм, посредством которого ведется наступление на простых тружеников и интеллигенцию. Простому человеку якобы в качестве идеала предлагается «тупая ненависть» к смелой мысли, одиночная камера, мертвая пустыня декадентского сознания, рвущего связи с окружающим миром, чтобы превратить трудящихся в рабов монополистического капитала[752].

Основные пороки несоветского искусства воплотил в себя космополитизм, который, как утверждалось, стирал границы современного искусства Англии, Франции и Америки, где перекликаются и живут рядом рьяный формализм с самым «дохлым» натурализмом.

---

[749] Л. Смиловицкий. «Парад физкультурников». 65 лет со дня Всесоюзного парада физкультурников в Москве // *Секрет*: Приложение к газ. «Новости недели» (Тель-Авив). 2010. 850 (15 авг.). С. 44–45.

[750] Протокол заседания правления Белорусского отделения ХФ СССР (Минск, 12 дек. 1949 г.) // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 17, л. 118.

[751] О реакции советской интеллигенции на начало в открытой печати кампании против космополитизма: Докладная записка агитпропа ЦК И.В. Сталину от 4 февр. 1949 г. // РГАСПИ, ф.17, оп. 132, д. 237, лл. 71-74 (цит. по: «Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953 гг.». М., 2005. С. 259–262).

[752] Стенограмма общего собрания художников, посвященного обсуждению Республиканской художественной выставки, приуроченной к 30-летию Советской власти (Минск, 10 окт. 1947 г.) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 7, лл. 1-3.

По словам заведующего Отделом литературы и искусства Управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б И. Гуторова, формализм был порождением эксплуататорских классов. В искусстве он проповедует безыдейность, отрицает классовую природу и связь с общественной жизнью. Это маниакальная игра социальных вырожденцев, попытка «одеть» свои мысли так, чтобы скрыть их реакционность. И. Гуторов сетовал, что художники, как и писатели и композиторы, самостоятельно не разобрались в этом вопросе, а идею борьбы против формалистических извращений в искусстве им подсказал ЦК ВКП(б)[753].

Руководители Союза художников Белоруссии, хорошо понимая требования своих партийных кураторов, не стеснялись в выражениях, заявляя, что искусство в капиталистических странах пришло к «маразму и растлению, откуда ему никогда не выбраться». Досталось различным течениям в изобразительном искусстве, прежде всего импрессионизму – «насквозь идеалистическому мировоззрению, которое выродилось в экспрессионизм, футуризм, кубизм»[754].

По свидетельству Георгия Поплавского[755], каждому художнику, творчество которого было связано с социальной тематикой, приходилось становиться «лакировщиком» окружающей действительности. Представитель Главлита мог задать вопрос: почему колхозницы босые? Автор отвечал, что по полю ходят босиком. Но его не слышали: надо их обуть, или снимаем эту картину! Художников заставляли изображать комбайнера с венком на голове и в чистом комбинезоне, чего не могло быть в принципе. Если живописца направляли в творческую командировку на стройплощадку, то нельзя было писать советского труженика «замасленным» и грубым[756].

Художников, которые не вписывались в официальные рамки, подвергали нещадной критике. Особые гонения на свободу творчества начались во второй половине 40-х гг. Евгения Красовского критиковали за то, что при создании картины он шел не от содержания, а от формальных моментов, злоупотребляя светотенями. Льва Лейтмана обвинили в том, что он оказался на позициях буржуазного искусства и что его работы, посвященные современной тематике, оказались далеки от социалистического реализма[757]. Осипа Бескина укоряли за уважительное отношение к мастерам западного изобразительного искусства (Полю Сезанну и Камилю Писсарро, Пьеру-Огюсту Ренуару, Клоду Моне и

---

[753] Стенограмма Республиканского совещания Союза писателей БССР (Минск, 24–26 февр. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф.78, оп. 1, д. 25, том 1, л. 322.

[754] Стенограмма открытого партийного собрания Союза художников БССР (Минск, 4 марта 1949 г.) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 13, лл. 1-3, 7-44, 55-67.

[755] Георгий Поплавский (1931 г. р.) – народный художник Беларуси, действительный член Национальной академии наук и Российской академии художеств, лауреат международной премии им. Дж. Неру.

[756] Г. Поплавский. «Я – суровый романтик» // *Советская Белоруссия*. 2011. 23 марта.

[757] Л. Лыч, У. Навіцкі. *Гісторыя культуры Беларусі*. Мінск, 1996. С. 357–358.

Альфреду Сислею), тогда как белорусское искусство всегда «питалось животворными соками» русской художественной школы.

В лакейском угодничестве перед буржуазным искусством оказался виноват Антон Усс, утверждавший, что искусство Ренессанса зародилось в Италии, но его принципы оказали влияние и на белорусскую культуру. Художника И.М. Гурвича называли пропагандистом теорий «злобствующих эстетов от искусства», а И.Н. Шредера, В.В. Воровского и В.И. Сильванович – представителями польской католической культуры, которые ставили развитие белорусской культуры в зависимость от западноевропейской[758].

Перемены внутриполитического курса немедленно сказывались на творчестве художников. Заир Азгур вспоминал, что после появления в газетах сообщения о разоблачении Соломона Михоэлса как буржуазного еврейского националиста к нему в мастерскую пришел Петр Абрасимов (первый заместитель председателя СМ БССР, 1948–1950 гг.) и с порога сказал: «Заир, сломай Михоэлса, иначе тебя сломают!» Все знали, что у Азгура был «свой» Михоэлс. Это был скульптурный портрет, выполненный сразу после войны, когда великий артист и режиссер позировал художнику[759]. Азгур сломал скульптуру, о чем потом сожалел, но остались фотографии, и через сорок лет скульптор восстановил эту работу[760].

Летом 1950 г. А.О. Бембель, председатель Союза художников БССР, сообщал секретарю ЦК КП(б)Б Т.С. Горбунову, что, несмотря на огромную помощь, оказанную партией и правительством, художники БССР значительно отстали от Украины и других братских республик. Выставка белорусских художников в Москве, республиканские и областные выставки (1948–1950 гг.) показали, что творчество белорусских художников уступает уровню советского изобразительного искусства в целом[761]. Не все художники выполнили заказы, полученные от Комитета по делам искусств (12 из 20 договоров), а другие работы не отвечают заданным стандартам по качеству. Далее в документе говорилось, что ряд ведущих мастеров позволили себе самоуспокоенность, нежелание «активно» преодолевать недостатки в области профессионального мастерства и в решении актуальных вопросов современной тематики[762].

[758] Стенограмма открытого партийного собрания Союза художников БССР (Минск, 4 марта 1949 г.) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 13, лл. 12, 13, 21, 37.

[759] Композиция повторяла сцену из знаменитой кинокартины «Цирк» (1937 г.), где Михоэлс держит на руках негритенка. Замысел подчеркивал советский интернационализм.

[760] Л. Смиловицкий. «Не судите и не судимы будете» // *Евреи Беларуси. Из нашей общей истории, 1905–1953 гг.* Минск, 1999. С. 305.

[761] Половина членов Союза вообще не принимали участия в выставках, а в Москву (1949 г.) отправили свои работы только 10 художников.

[762] О состоянии и задачах работы Союза советских художников БССР: Докладная записка А.Бембеля, П. Гавриленко, Н. Туровникова – Т.С. Горбунову, секретарю ЦК КП(б)Б, от 14 июня 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 22, лл. 127-133.

Недовольство партийных органов и Главлита вызывало то, что обсуждение в Союзе вопросов «формализма, импрессионизма и эстетства» оказалось пассивным (особенно в секциях живописи, графики и театрально-прикладного искусства). Мероприятия по созданию графических произведений, иллюстрирующих биографию Сталина, дали слабые результаты, несмотря на оказанную материальную помощь[763]. Постановления по идеологическим вопросам, которые художники принимали на собраниях, носили отвлеченный характер. В творческих отчетах не заострялось внимание на овладении методом социалистического реализма.

Союз художников БССР и Управление по делам искусств искали выход в организации поездок бригад художников для сбора материалов и написания пейзажных и жанровых картин, индивидуальных и групповых портретов «знатных людей» (передовиков производства) и Героев Социалистического Труда. Маршруты поездок предполагали новостройки, передовые колхозы и «будущие агрогорода», памятные места боев белорусских партизан и сражений Советской армии, живописные и заповедные места белорусской природы. Однако значительная часть художников, по мнению руководителей Союза, замкнулась в кругу узких профессиональных интересов, их произведения не отражали современность должным образом. Вместо того чтобы показывать достижения республики в первую послевоенную пятилетку, ряд членов Союза обратились к темам далекого прошлого. В итоге не было создано значительных современных произведений национального характера, особенно в области живописи и графики. Критику своих работ художники воспринимали болезненно, как личную обиду.

Нереализованными оставались крупные проекты и заказы: архитектурно-художественное оформление Белорусского павильона на Выставке достижений сельского хозяйства в Москве (1950 г.), сооружение памятника К. Заслонову в Орше и скульптурной группы для здания ГУМа в Минске. Особое место отводилось восстановлению Минска как столицы республики. Предполагалось, что лучшие работы могли быть приобретены историческими и краеведческими музеями БССР.

Все успехи белорусского изобразительного искусства второй половины 40-х и начала 50-х гг. были достигнуты под административным нажимом, путем задабривания наиболее успешных художников или обещаний улучшить бытовые условия для основной массы членов Союза, находившихся в конце общей очереди. О свободе творчества вне рамок социалистического реализма речи не велось. За мастерство художника выдавалось умение воплощать «большое идейное содержание в яркой образной форме».

---

[763] См. *Приложение 31.* О выделении денежной помощи (возвратных ссуд) художникам БССР, запечатлевшим образ Сталина (1948–1952 гг.): По материалам БГАМЛИ.

Создание образов возвышенного и благородного, насыщенных неиссякаемым оптимизмом, которых требовала от художников партия, плохо вязалось с окружающей действительностью. Если не принимать во внимание недостаток у художников мастерских и материалов к ним, красок и инструментов, средств на освещение и отопление, несправедливость при распределении заказов, то для исполнения выдвинутых задач требовалась по крайней мере искренняя вера в справедливость послевоенного мира.

Искусство плаката

Пристальное внимание цензура уделяла политическому плакату как массовому виду советского изобразительного искусства[764]. В резолюциях Главлита второй половины 40-х гг. утверждалось, что к этой работе мало привлекали ведущих мастеров живописи и графики. Плакаты не охватывали важнейшие события внутренней и международной жизни, слабо отражали успехи в народном хозяйстве, недостаточно пропагандировали социалистическое соревнование. На многих плакатах подавался «искаженный» или «обедненный» образ советских людей – строителей коммунизма. Персонажи изображались с одинаковыми лицами, застывшими улыбками и жестами. Причину этих недостатков цензоры объясняли тем, что художники плохо изучают социалистическую действительность и редко бывают в колхозах и на заводах…

В 1948 г. по решению Художественного фонда навстречу 30-летию образования БССР был объявлен конкурс на лучший плакат. По итогам конкурса первая премия (2500 руб.) была присуждена художнику Е. Тарасу за плакат «Няхай жыве 30-годдзе БССР!» с изображением цветного герба республики, а вторая (1500 руб.) премия художнику Н. Гуциеву за работу «Праз буры свяціла…» с изображением скульптуры Ленина и Сталина. К печати были рекомендованы также плакаты «Слава» и «Тост за товарища Сталина» – как хорошо исполненные[765].

В последующие годы художников не один раз обязывали готовить проекты плакатов, как правило, к той или иной памятной дате. К 1951 г. Белгосиздат выпустил плакаты 23 наименований тиражом почти 200 тыс. экз. Многокрасочные плакаты были посвящены 30-летию образования БССР, 5-й годовщине освобождения республики от немецкой оккупации, 10-летию воссоединения Белоруссии и годовщине Октябрьской революции[766].

---

[764] О недостатках и мерах улучшения издания политических плакатов: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 нояб. 1948 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 71, д. 185, л. 239.

[765] Протокол заседания жюри Белорусского отделения ХФ СССР (Минск, 25 дек. 1948 г.) // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 14, лл. 315-317.

[766] В числе лучших были названы плакаты художников С. Романова, Н. Гуциева, Н. Тараса, А. Герасимова // НАРБ, ф. 974, оп. 1, д. 143, лл. 4-16.

В 1952 г. был организован Республиканский конкурс политического плаката по темам:

«Ленин и Сталин – создатели Советской Белоруссии»
«За мир, против поджигателей войны»
«Стройки коммунизма – всенародное дело»
«Беларусь индустриальная»
«За новый мощный подъем сельского хозяйства Белоруссии»
«Расцвет белорусской культуры»
«На страже Родины любимой»
«За миллион физкультурников в Белоруссии!»

По итогам конкурса Госиздат БССР созвал совещание художников-графиков[767]. Однако из-за перестраховки наиболее интересные работы отклонили. По воспоминаниям Л.М. Смиловицкого, отвечавшего за организацию конкурса, после его встречи с секретарем ЦК КП(б)Б Т.С. Горбуновым выбор пал на самые заурядные проекты. Почему? Ответ оказался прагматичным – реакция Москвы на «проверенные», стандартные плакаты в Минске была известна, а на новые и оригинальные – нет[768].

Наряду с Главлитом в контроле над произведениями искусства участвовал Главрепертком. По его инициативе создавались комиссии с присутствием цензоров, представителей городских комитетов партии, художников и скульпторов. Комиссии выявляли организации, занятые выпуском изопродукции, проводили осмотр общественных помещений, где она демонстрировалась. Организациям, не имевшим отношения к искусству (промышленные артели, мебельные фабрики, стадионы), предлагалось не выходить за рамки наглядной агитации.

Комиссии имели право снимать с производства антихудожественные с точки зрения цензуры произведения, рекомендовать художникам профиль работы, исходя из их творческих возможностей и производственной базы. Решением горсоветов запрещалось частным лицам и госучреждениям приобретать произведения изобразительного искусства, не имеющие штампа уполномоченного цензуры.

Вся неутвержденная продукция удалялась из обращения. Горкомы партии могли принимать решения о персональной ответственности секретарей первичных парторганизаций за состояние идейно-художественного оформления предприятий и учреждений. Аналогичную работу на периферии должны были

[767] Ответ Софьи Ли на письмо Дм. Налбандяна от 8 авг. 1952 г. // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 25, лл. 137-138.

[768] Воспоминания Л.М. Смиловицкого, заведующего лекторской группой ЦК ЛКСМБ в 1952–1958 гг. // Архив автора.

проводить уполномоченные райлита, заведующие районными партийными кабинетами и другие ответственные лица[769].

Политическая изопродукция

Особое место отводилось контролю над изображениями классиков марксизма-ленинизма, членов Политбюро ЦК ВКП(б), руководителей партии и правительства, братских компартий или маршалов Советского Союза. Перед тем как такой портрет появлялся в общественном месте, его придирчиво оценивали в Главлите[770].

Управление по делам искусств в Минске получило расценки, которые строго регламентировали оплату работы художников (см. табл. 21).

Таблица 21

Расценки Художественного фонда СССР за изготовление портретов маслом (1946 г.)

Портретируемый	**Время работы,** *час.*	**Оплата,** *руб.*
Член Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства	70	1200
Маршал	90	1750
Исторический деятель	90	1750
Писатель, ученый, деятель искусства и др.	90	1750

Составлено по: БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 11, лл. 225-227.

[769] Письмо начальника Главреперткома СССР Е. Свитнева – уполномоченным облитов союзных республик от 14 июня 1951 г. // БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 288-289.

[770] См. *Приложение 32*. Расценки, утвержденные Главлитом БССР портретов руководителей партии и правительства, написанных маслом на холсте (1946 г.): По материалам БГАМЛИ.

При этом уточнялось, что оплата за создание портретов членов Политбюро в гражданской одежде и мундире отличались. Последние (с орденскими планками) писались значительно дольше и стоили дороже, как и портреты маршалов в парадной форме.

В 1948 г. Художественный фонд СССР установил максимальные расценки авторского вознаграждения за произведения живописи, скульптуры и графики. При этом подчеркивалось, что предпочтение следовало отдавать произведениям с «высоким идейным содержанием»[771].

В среднем почасовая оплата художника при изготовлении копии составляла 18 руб. Однако количество часов, которые отводились на эту работу, существенно отличалось. Например, если на копию картины А.В. Моравова «Ленин и Сталин у прямого провода» отводилось 170 час., а оценивалась она в три тысячи рублей, то на копию картины Ю.Н. Трузе-Терновской «Ледовое побоище» – соответственно 110 час. и две тысячи рублей. Копия портрета Сталина работы А.В. Васильева оценивалась в 2700 руб. (150 час.), а «Золотая осень» И.И. Левитана – 150 руб. (75 час.)[772].

Подобный подход сохранялся и в отношении к скульптуре. Для получения точного рельефа с модели для воспроизведения необходимого числа копий широко пользовались эталонами[773]. Формы были простыми, состоящими из одной части (раковины), или сложными, составленными из нескольких отдельно сформованных раковин[774].

Стоимость изготовления эталонов из гипса зависела от значимости заказа. Один час работы скульптора оценивался в 4 руб., независимо от того, был это бюст (фигура) Ленина, Сталина, деятеля культуры и науки, жанровая скульптура («Девушка с веслом», «Школьник», «Нахимовец», «Пионер с горном») или скульптурная композиция (лев и львица, верблюд и верблюжонок). Однако объем работы и ее сложность существенно влияли на цену.

Бюсты и статуи руководителей Коммунистической партии и советского государства изготавливались в натуральную величину, тогда как бюсты А.М. Горького, А.С. Пушкина, Я. Купалы или Я. Коласа, как правило, неболь-

---

[771] Письмо Комитета по делам искусств при СМ СССР от 27 февр. 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 14, л. 108.

[772] См. *Приложение 33.* Расценки на оплату заказов по изготовлению портретов и копий художественных произведений (1946–1952 гг.): Протокол заседания комиссии Белорусского отделения ХФ СССР от 16 апр. 1946 г.

[773] В лепном производстве были распространены чистая (кусковая), эластичные клеевые и комбинированные – цементные, бетонные, деревянные, металлические – формы.

[774] См. *Приложение 34.* Расценки на оплату за скульптурные статуи Ленина (Сталина) высотой 2,35 м при Центральных художественных оформительских мастерских в Минске (1949 г.): По материалам БГАМЛИ.

ших размеров – 30х40 см[775]. На изготовление, например, железобетонной статуи Сталина в 2,5 м уходило более полутора месяцев (53,5 дня)[776]. Ясно, что в одиночку выполнить такой заказ было невозможно, значит, над ним работала бригада, состоявшая из трех или четырех человек.

Что касается оригинальных работ художников и скульпторов, то к ним был другой подход. Произведения живописи, графики и скульптуры, имеющие «музейно-выставочное» значение, приобретались по повышенным расценкам[777]:

Станковая живопись

Картина исторического, жанрового или батального характера – до 30 тыс. руб.
Групповой портрет – до 20 тыс. руб.
Пейзаж – 7 тыс. руб.
Натюрморт – 3 тыс. руб.

Станковая скульптура

Композиционная группа – до 30 тыс. руб.
Портретная фигура – до 20 тыс. руб.
Портрет (бюст) – 8 тыс. руб.

Графика (акварель, гуашь, пастель)

Картина исторического, жанрового или батального характера – до 6 тыс. руб.
Портрет – до 4 тыс. руб.
Пейзаж – 2 тыс. руб.
Натюрморт – 1 тыс. руб.

Станковый рисунок (уголь, карандаш)

Композиция исторического, жанрового характера – до 2 тыс. руб.
Портрет – до 1,5 тыс. руб.
Пейзаж – 1 тыс. руб.

Основываясь на таких расценках, в апреле 1948 г. Комитет по делам искусств заказал народному художнику БССР З.И. Азгуру скульптурную статую И.В. Сталина[778]. Работа над образом «вождя всех народов» считалась делом

---

[775] См. *Приложение 35*. Стоимость изготовления эталонов (гипс) для скульптуры при Центральных художественных оформительских мастерских в Минске (1948 г.): По материалам БГАМЛИ.

[776] Имеется в виду изготовление формы, отливка скульптуры, ее покраска и установка.

[777] Письмо Комитета по делам искусств при СМ СССР от 27 февр. 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 14, л. 108.

[778] Письмо директора Белорусского отделения ХФ СССР А. Гайтельбунда – М. Сахновскому, начальнику Комитета по делам искусств СССР, от 24 мая 1948 г. // Там же, л. 116.

государственной важности. Если до войны его следовало изображать с взглядом мыслителя, руками рабочего и в одежде солдата, то после 1945 г. Сталина нужно было запечатлеть в облике победителя – таким его и изваял З.И. Азгур.

Величественный памятник, высота которого вместе с постаментом достигала 15 м, был установлен на Центральной площади Минска в 1952 г., открытие приурочили к началу работы XX съезда КП(б)Б. Для того чтобы укрепить фигуру, которая весила 40 т, железобетонный фундамент углубили в землю на 6 м. Для украшения постамента использовали 600 кв. м красного полированного гранита, который привезли из Житомирской области. В нижней части постамент обрамлял народный орнамент как символ сыновней преданности белорусского народа. Одновременно секретарь Минского обкома КП(б)Б И.Д. Варвашеня объявил, что главный проспект столицы отныне будет носить имя Сталина. Статуя вождя была задумана на века, но простояла только девять лет[779].

Второй памятник Сталину в столице республики, меньших размеров, находился в парке им. А.М. Горького, а многократно тиражируемая по всему Советскому Союзу скульптурная композиция беседующих на скамейке Сталина и Ленина размещалась у входа в здание Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина на ул. Красноармейской. Кроме того, имя «великого кормчего коммунизма» красовалось на стенах общественных зданий в центре Минска, Витебска, Могилева, Гомеля – среди лепных украшений на передних фасадах.

Комплекс зданий на Привокзальной площади в Минске, построенный в 1947–1952 гг. в стиле сталинского классицизма по проекту архитектора Бориса Рубаненко, является парадным въездом в город и его визитной карточкой. Это впечатление создавалось благодаря двум 11-этажным домам-башням на углах пятиэтажных жилых домов. Барельефами в виде развернутых книг были украшены фасады здания минского Суворовского училища на ул. М. Богдановича (до 1917 г. там помещалась Минская духовная семинария). На ее входе были запечатлены имена Ленина, Сталина, Маркса и Энгельса[780].

На высокооплачиваемые заказы могли рассчитывать только именитые художники, а остальные продолжали испытывать материальные затруднения. Средний заработок большинства художников и скульпторов не превышал 1500–2000 руб. в месяц. Другими словами, при существовавших расценках было необходимо за 24 рабочих дня изготовить десять заказных портретов или две-три копии с картин. Написать за два дня полноценный художественный портрет или за десять дней сделать копию картины Ильи Репина «Запорожцы» на высоком

[779] Памятник И.В. Сталину в Минске снесли по решению XXII съезда КПСС в ночь с 29 на 30 окт. 1961 г. По свидетельству очевидцев, военные оцепили Центральную площадь под предлогом подготовки к параду 7 ноября, при помощи двух танков свалили скульптуру, затем в течение трех дней взрывали и уничтожали фундамент и постамент.

[780] В. Семашко. «Сталин в Минске: возрождение культа или дань истории» // *Советская Белоруссия*. 2006. 12 сент.

уровне немыслимо. Тиражирование картин приводило к деквалификации художников, потере интереса к творчеству, превращало их в ремесленников. Все это требовало отказа от устаревшей системы оплаты труда и принципиально иного отношения к практике копирования. Выход был в переходе к полиграфическому исполнению копий произведений искусства.

Всесоюзная художественная выставка 1949 г. была посвящена трем основным датам: 25-летию со дня смерти Ленина, 70-летию со дня рождения Сталина и завершению первой послевоенной пятилетки восстановления и развития народного хозяйства страны. На премирование победителей было выделено 75 тыс. руб. Художников призывали по-новому, *свежо и ярко* раскрыть чувства советских людей, строящих коммунизм. В этих произведениях требовалось изжить низкопоклонство перед Западом, подражание его упадочным нормам, мешающим развитию реалистического искусства[781]. Из Белоруссии в Москву поступило шесть заявок:

А.В. Волков
Картина «Янка Купала – белорусский поэт»

В.Я. Хрусталев
Картина «Заслонов дает боевое задание»

Л.С. Ран
Портрет народной артистки БССР Л. Ржецкой
Портрет лауреата Сталинской премии артиста Б. Платонова

Н.И. Гусев
Картина «Ленин и Сталин»

Б.Е. Малкин (литография, офорт)
Ссылка Сталина в Нарымский край (1912 г.)
Места, связанные с творчеством Я. Купалы
Суворов в Белоруссии

Г.Ф. Бржозовский
Картина «Стахановцы литейного цеха»

В 1950 г. Художественный фонд СССР организовал конкурс работ на тему «Ленин и Сталин – вожди ВКП(б) и советского государства». Белорусские худож-

---

[781] Письмо председателя правления ХФ СССР Ф. Федоровского – Е. Зайцеву, председателю Союза художников БССР, от 10 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 14, лл. 163-164.

ники, которые приняли в нем участие, предложили свои произведения живописи, скульптуры, графики, прикладного искусства[782].

В 1951 г. было разрешено к распространению 460 так называемых политических портретов. В дополнение к ним было выполнено 65 портретов ученых и писателей и «прочих»[783]. При этом отмечалось, что 60 копий «разных» произведений искусства не соответствовали оригиналу и не были допущены к распространению как недоброкачественные[784].

В 1952 г. органам цензуры были представлены на контроль портреты руководителей партии и правительства, художественные картины, портреты *сухой кисти*[785], фотооткрытки и др. (см. табл. 22).

Таблица 22

Продукция художественных мастерских БССР (1952 г.)

Категория	Всего	Разрешено	Запрещено
Портреты руководителей партии и правительства	1989	1900	89
Картины	214	192	22
Портреты сухой кистью	7702	7152	550
Фотооткрытки	2669	2650	19
Другие произведения	1125600	1108627	16973

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 34.

Существовавшая практика изготовления произведений изобразительного искусства часто не устраивала Главлит. Копирование производилось с неполноценных репродукций, открыток, фотографий, газетных или журнальных вырезок и даже календарей. Воспроизведение работ (советских художников) не согласовывали с их авторами или наследниками. Тиражированием и распространением

[782] Письмо председателя правления ХФ СССР Ф. Федоровского – Е. Зайцеву, председателю Союза художников БССР, от 10 мая 1948 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 14, лл. 276-277.

[783] Так в документе.

[784] Отчет Главлита БССР за 1951 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 33, л. 51.

[785] Сухая кисть – живописный и графический прием на основе использования масляной краски, которая растирается кистями на бумаге, холсте или негрунтованном полотне.

портретов и копий часто занимались организации, далекие от изобразительного искусства[786].

Время от времени власти начинали перерегистрацию всех предприятий и учреждений, имевших художественно-производственные мастерские, с целью проверки квалификации и профессиональной подготовленности художников.

Образцы произведений всех видов (картины, портреты, скульптура, барельефы, медали, значки, жетоны и пр.) с изображениями руководителей партии и правительства должны были утверждаться. Запрещалось «массовое» (свыше 10 экз. каждого названия) распространение копий без визы Главлита. На каждое выпускаемое произведение (как подлинник, так и копии) нужно было наклеивать этикетку или ставить штамп с указанием названия работы, ее автора, места, года изготовления и даты утверждения художественным советом, заверенные подписью ответственного лица.

Категорически запрещалось выполнять работы на дому тем, кто не являлся членом Союза художников[787]. Это якобы мешало правильно организовывать труд вне мастерской. На самом деле, это был скрытый запрет на индивидуальную трудовую деятельность[788].

Наиболее тщательно проверяли художественные мастерские, которые были заняты выпуском «политической» изопродукции. О нарушениях докладывалось в Комитет по делам искусств при Совете Министров республики и министру торговли БССР.

В 1952 г. контроль над выпуском изделий областных художественных мастерских вновь был признан неудовлетворительным. Портреты артели «Фото-Труд» из Гомеля не отвечали выданным образцам. Художники писали портреты классиков марксизма-ленинизма и руководителей правительства, маршалов Советского Союза со случайных репродукций, фотографий, выбранных произвольно. Аналогичные замечания звучали в адрес художественной мастерской Дома офицеров артели «Фото-Хим» из Бобруйска и артели художников из Могилева[789].

Как непрофессиональные распустили мастерские в Гродно (цехи изопродукции при горпромкомбинате и райпотребсоюзе), Лиде (мастерские облместропрома), Мозыре (артель «Объединенный труд»), Барановичах (артель «Возрождение»), Молодечно, Пинске и Полоцке (мастерские горпромкомбинатов)[790].

---

[786] Существовали художественные цеха при мебельных фабриках, артели парикмахеров, тресте ресторанов и т. п.

[787] Союз художников БССР насчитывал в этот период 105 членов и 113 чел., не состоявших в союзе, но занятых исполнением художественных заказов при мастерских.

[788] Протокол заседания правления Белорусского отделения ХФ от 15 июля 1950 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 20, л. 60.

[789] Из торговой сети республики изъяли свыше 130 тыс. фотооткрыток и 17 тыс. портретов деятелей партии и правительства, плакатов и стендов низкого качества, которые поступили из других регионов страны.

[790] Отчет Главлита БССР за 1952 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 37, л. 34.

В 1953 г. в республике оставались девять мастерских, из которых четыре принадлежали белорусскому отделению Художественного фонда СССР. Три из них не изготавливали *политические портреты* из-за отсутствия образцов. К концу года были закрыты два цеха в Гомеле и Барановичах и одна мастерская при артели «Фото-Хим» (Бобруйск). В Полоцке областной комитет партии разрешил изготовление портретов только для учреждений и массовых праздников.

В связи с либерализацией общественной жизни Главлит изъял эталоны портретов руководителей партии и правительства. Правда, это было сделано под тем предлогом, что со временем они пришли в негодность[791]. Однако новых образцов не присылали, и художники Минска, Гомеля, Гродно и Витебска оказались без работы. В течение нескольких месяцев, пока не поступили новые указания, мастерские были парализованы. Цензоры требовали теперь не оригинал, а фотографию произведения, которое нужно было тиражировать. Однако если на них имелись лики классиков марксизма-ленинизма, руководителей партии и правительства, то нужно было предъявлять на проверку и сам образец[792].

К 1955 г. в республике оставалось всего восемь мест, где писали портреты «вождей», делали копии с картин, выполняли заказы на оформительские работы. Среди них четыре были прикреплены к домам офицеров Политуправления Белорусского военного округа (Минск, Бобруйск, Борисов, Слуцк). Главные претензии к нарушению канонов оставались за мастерскими Треста отделочных работ городского и сельского строительства БССР. Главлит отмечал, что там еще имели место «бесконтрольные» барельефы, геральдические изображения, «политические» бюсты и скульптуры[793].

Главлит жаловался, что мастерские, неподотчетные Художественному фонду, устанавливали в общественных местах (на площадях, в парках, на вокзалах, в кинотеатрах и др.) продукцию, которая наносит вред делу воспитания советского человека. Художники зависели от вкуса и материальных возможностей заказчиков, что отражалось на качестве работ. Директора предприятий имели собственные фонды на развитие наглядной агитации и искали исполнителей на стороне, чтобы не связывать себя дополнительными обязательствами. Они предпочитали тех, кто обещал выполнить оформительскую работу скорее и дешевле.

Своеобразным подведением итогов стала выставка мастеров искусства Белоруссии, проведенная в Академии художеств СССР зимой 1955 г.[794] На ней были

---

[791] Письмо директора Белорусского отделения ХФ СССР Н. Михайлова – В. Максимову, директору ХФ СССР, от 5 июня 1954 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 48, л. 97.

[792] Приказ Главлита СССР от 25 янв. 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 36, л. 7.

[793] Письмо Н. Михайлова – В. Володину, начальнику ХФ СССР, от 20 июня 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 55, л. 81.

[794] Стенограмма обсуждения выставки изобразительного искусства и народного творчества БССР в Академии художеств СССР (Москва, 24 февр. 1955 г.) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 36, лл. 69-70, 80-81.

представлены не только живопись, скульптура, графика, но и художественное ткачество. Однако выбор сюжетов для тканых панно следовал политической конъюнктуре – среди них выделялись портреты Ленина и Хрущева. Благосклонная критика отмечала в них «благородный» колорит и вышивку, отличавшуюся самобытным художественным решением. При подведении результатов говорилось о том, что белорусское искусство весь советский период шло «идейным путем» и не «вихляло», а отдельные рецидивы были редким явлением и своевременно ликвидировались[795].

В целом контроль над произведениями искусства имел непреходящее значение. С одной стороны, это было важно для формирования «фасада» режима, который должен был внушать доверие и силу, а с другой – демонстрировать народную любовь и преданность, готовность советских людей следовать предложенному партией курсу. В этой связи не оставалось места сомнениям и двусмысленности. Творческий поиск вне заданных рамок не приветствовался, а вызывал подозрение. Искусство для народа представляли безликие стандартные гипсовые фигуры – пионер-герой, девочка с книжкой, школьник с горном, юноша с веслом. Они «украшали» парки культуры и отдыха, санатории и школы. Портреты членов Политбюро ЦК КПСС и советского руководства сделались неприметными атрибутами всех присутственных мест. Творческая несвобода и боязнь нарушить заранее заданные цензурные правила неизбежно вели к кризису изобразительного искусства.

---

[795] Стенограмма обсуждения выставки изобразительного искусства и народного творчества БССР в Академии художеств СССР (Москва, 24 февр. 1955 г.) // БГАМЛИ, ф. 82, оп. 1, д. 36, л. 149.

Глава 7. «Король умер – да здравствует король!»

К середине 50-х гг. общественное мнение оказалось почти подготовленным к переменам, последовавшим после смерти Сталина. Однако режим не был заинтересован в окончательном развенчании человека, стоявшего у руля партии и государства последние 30 лет, поскольку это расшатывало основы существующего строя.

Н.С. Хрущев и Г.М. Маленков, избранные своими сторонниками на пост первого секретаря ЦК КПСС и Председателя СМ СССР, осудили культ личности Сталина, хотя и с большими оговорками. Признавалось, что в послевоенные годы Сталин нарушил принцип коллективного руководства и единолично принимал неоправданные решения по многим жизненно важным вопросам, что искусственно тормозило развитие общества и наносило огромный ущерб экономике страны. Серьезные просчеты были допущены в области внешней политики. Утверждалось, что после смерти Сталина «враги социализма во всем мире» надеялись, что в рядах КПСС наступит растерянность и удастся свернуть советский народ с социалистического пути, однако все расчеты врагов социализма потерпели крах.

Далее следовал общий вывод о том, что советский народ «всем сердцем» поддержал решения XX съезда партии, в которых была намечена программа строительства коммунизма, сохранения и упрочения мира, укрепления единства социалистических стран и интернациональных связей между коммунистическими и рабочими партиями мира.

Реабилитация книги

Масштаб предстоящей проверки книжных хранилищ, библиотек и магазинов оказался настолько велик, что потребовал изменить прежнюю методику. Отныне книжные фонды пересматривали сами министерства и ведомства по

присланным из Главлита библиографическим указателям. Ход и итоги этой работы заслушивались на заседаниях коллегий министерств и ведомств. Отличившихся сотрудников отмечали в особом порядке.

В 1954 г. в приказе Главлита БССР по итогам проверки книжных запасников Министерства культуры БССР за «напористость и оперативность», добросовестную и активную работу по выполнению правительственного задания ряду цензоров объявили благодарность (приводились фамилии отличившихся)[796]. В 1956 г. в целом по республике из 18 464 библиотек было проверено 6229 (33,7%), в которых обнаружили и изъяли 13 514 запрещенных книг. В дополнение к этому цензоры проинспектировали 795 книжных магазинов, оптовых баз, киосков из 1487 (53,5%), которые «очистили» от 325 762 экз. нежелательных изданий[797].

Характер литературы, направлявшейся в утиль, во многом изменился. Главным образом это были произведения соратников Сталина, на которых новое поколение руководителей переложило ответственность за массовые беззакония в стране в 30-е – начало 50-х гг. Вместе с «трудами» Л. Берии и Л. Цанавы браковали литературу, которая восхваляла вдохновителей и исполнителей массовых репрессий[798]. В числе первых в апреле 1953 г. был изъят сборник статей «Бдительность – наше оружие» (100 тыс. экз.) и плакат «Будьте бдительны!» Виктора Иванова[799], выпущенный в свет тиражом 300 тыс. экз. всего несколько месяцев назад в Москве[800].

При этом оставленные читателю книги не должны были бросить тень на политику Коммунистической партии и советского государства. По-прежнему утверждалось, что вся деятельность Сталина была связана с великими социалистическими преобразованиями, а его имя неотделимо от марксизма-ленинизма[801].

---

[796] Объявление благодарности цензорам по итогам чистки фондов библиотек 1954 г.: Приказ Главлита от 25 нояб. 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 26, л. 29.

[797] Отчет Главлита БССР за 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 63, л. 35.

[798] С. Хоміч. «Амнісціраванне і рэабілітацыі рэпрэсіраваных у Беларуская ССР (сакавік 1953 – люты 1956 гг.)» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*: Сб. науч. тр. Вып. 3. Минск, 2007. С. 254–266.

[799] Виктор Семенович Иванов (1909–1968) – российский художник, автор агитационно-политических плакатов («Вперед! На Запад!», 1942; «Великий Сталин – светоч коммунизма», «Враг коварен – будь начеку!», «Жизнь хороша – и жить хорошо»), лауреат Сталинской премии СССР (1946, 1949 гг.), заслуженный деятель искусств России (1955 г.), член-корреспондент Академии художеств СССР (1958 г.).

[800] Циркуляр Главлита СССР № 1214 от 20 апр. 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 41, лл. 27, 29.

[801] О культе личности и его последствиях: Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февр. 1956 г. // *Реабилитация: Политические процессы 1930–50-х годов*: Сб. документов и материалов / Под общей ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 19–67.

Для того чтобы не допустить необоснованных изъятий книг, включенных в «Алфавитный список устаревших изданий» и «Сводный библиографический указатель», Главлит СССР разослал в союзные республики директивное письмо, запрещавшее самостоятельные чистки. Особое внимание предлагалось сосредоточить на проверке книжных магазинов, складов и киосков в городах и районах по «Спискам изданий, не подлежащих распространению в торговой сети». К изъятию рекомендовалось подходить «осторожно»[802]. При обнаружении подозрительных книг белорусские органы цензуры должны были запрашивать кураторов в Москве. Уточнялось, что по мере пересмотра библиографических указателей Главлит будет дополнительно сообщать о книгах, подлежащих возврату в открытые фонды библиотек.

Для того чтобы ускорить частичный возврат литературы из спецхрана, Главлит начал пересмотр «Сводных списков книг, изъятых приказами местных органов цензуры». В первую очередь требовалось проверить издания, посвященные жизни и деятельности В.И. Ленина, историко-партийную литературу, книги об Октябрьской революции и другие издания, содержащие полезный фактический материал.

Гриф секретности был снят с методической литературы, программ, брошюр, учебников, статистических сборников по вопросам сельского хозяйства и промышленности. Всего из упрятанных после окончания войны в спецхраны Белоруссии возвратили книги 8424 наименований (51,5%), включая 2315 изданий белорусских авторов[803]. Объем работы цензоров возрастал с каждым годом (см. табл. 23).

Таблица 23

Выпуск газетно-журнальной продукции в БССР (1948–1953 гг.)

Категория	**Тираж,** *экз.*		**Объем,** *авт. печ. л.*
	1948 г.	**1953 г.**	
Республиканские	1789	1997	5367
Областные	4755	4600	9510
Районные	25726	28384	12863

Составлено по: НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, л. 34; ф. 1195, оп. 2, д. 44, лл. 7-8.

---

802 Приказ Главлита СССР от 19 нояб. 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 32, л. 42.

803 Отчет Главлита БССР за 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 63, л. 36.

В 1953 г. дополнительно к данным, указанным в таблице, цензоры проверили 163 номера областной газеты «Мінская праўда» (326 авт. печ. л.), 136 номеров многотиражных газет «Автозаводец», «За сталинские кадры», а также материалы Управления радиоинформации и БелТА (2641 авт. печ. л.). Количество изъятий по политическим мотивам резко сократилось. Из 1027 *вычерков* только 22 (2,1%) были сделаны по политическим мотивам. Республиканские цензоры вмешивались в книжно-журнальную и газетную продукцию 434 раза, в том числе в связи с «совершенно секретными» сведениями – 72 раза (16,6%). По-прежнему оставались секретными наименования подразделений военизированной пожарной охраны, а в служебных бланках и реестрах нельзя было использовать слова «спецсвязь», «совершенно секретно» и т. п.[804]

Партийные и советские инстанции в целом были удовлетворены усердием Главлита. В ежегодных отчетах указывалось, что качество работы цензоров улучшилось, из библиотек и торговой сети по-прежнему изымали политически вредную литературу, хотя о характере запрещенных изданий чаще всего умалчивали.

В 1954 г. общее количество эпизодов разглашения государственной тайны стало еще меньше[805]. Эта тенденция сохранилась и в последующий период[806]. Изменился характер обучения цензоров: на политзанятиях уже разбирали понятия культа личности в истории, особенности развития стран народной демократии. Были проведены семинары по пьесе Л. Зорина «Гости» и повести И. Эренбурга «Оттепель».

В 1955 г. ослабление контроля коснулось непериодических изданий (книги, брошюры, буклеты и др.), которые выпускали бюро технической информации и редакционно-издательские отделы министерств и ведомств, учебные заведения и научно-исследовательские институты. Книги, подписанные в производство руководителями названных организаций, сдавались в набор без предварительного предъявления цензуре.

Вместе с тем возврат литературы к читателям проводился с большой осторожностью. По словам Лидии Чуковской, отношение к сталинскому периоду советской истории, «вцепившемуся когтями в наше настоящее», определяло человеческое достоинство писателя и плодотворность его работы[807].

---

[804] Отчет Главлита за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 7.

[805] Если в 1953 г. имели место 66 случаев разглашения государственной тайны, то в 1954 г. – 29 случаев. См.: Отчет Главлита за 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 50, л. 2.

[806] В 1956 г. цензоры Главлита предупредили 344 нарушения «Перечня Главлита», а уполномоченные по областям – 208; количество необоснованных вмешательств Главлита сократилось до 20 против 44 в 1955 г., а в областных управлениях – 14 против 37. См. Отчет Главлита БССР за 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 63, лл. 3, 33.

[807] Л. Чуковская. *Открытое слово*. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1976. С. 40.

Весной 1955 г. исполняющая обязанности начальника Главлита БССР Я.М. Савицкая передала в ЦК КПБ «Аннотированный список белорусских изданий» на 11 листах, содержащий, по ее мнению, политически вредный материал, но не включенный еще в документы на изъятие[808]. В сопроводительном письме отмечалось, что в Списке приведены книги, в которых положительно характеризуются лица, в свое время репрессированные как «враги народа», а также указаны их опубликованные произведения. Подготовленные цензурой характеристики оказались красноречивыми. На книгу «Обзор преподавания на медицинском факультете Белгосуниверситета» (Минск, 1927) была наложена резолюция: «Содержит высказывания врагов народа и лиц, все произведения которых были ранее изъяты – Лёсик, Горецкий, Игнатовский, Смолич, Бухарин, – необходимо запретить к выдаче», а на книгу «Белорусский язык» (Минск, 1936) – « на страницах издания помещены отрывки из произведений авторов: Головача, Александровича, Гикало, в свое время репрессированных органами НКВД. Книга написана “нацдемовским”[809] языком – необходимо удалить из библиотек»[810].

Однако время нельзя было повернуть вспять. В числе первых сняли запрет на труды П.Е. Саевича по истории народного образования республики[811]. Заместитель прокурора БССР А. Вербицкий направил ответ Я.М. Савицкой на ее запрос о бывших членах Союза писателей, арестованных НКВД, в отношении которых уголовные дела были пересмотрены[812]. В документе говорилось, что постановлением Президиума Верховного суда БССР от 29 декабря 1954 г. дела в отношении перечисленных писателей прекращены за отсутствием состава преступления, в том числе дело Дмитрия Жилуновича (Тишка Гартный) – за недоказанностью состава преступления[813]; композитора Алексея Туренкова

[808] Письмо зам. начальника Главлита БССР Я.М. Савицкой – Т.С. Горбунову, секретарю ЦК КП(б)Б, в ЦК КПБ от 12 мая 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 56, лл. 51-62.

[809] Нацдемовский язык – самобытное правописание в белорусском языке, попытки создания которого были предприняты на рубеже 1920–1930 гг. в Институте белорусской культуры. В связи с ним было выдвинуто надуманное обвинение белорусской интеллигенции в заговоре с целью отторгнуть БССР от СССР и образовать самостоятельное Белорусское государство под протекторатом Польши.

[810] Письмо зам. начальника Главлита БССР Я.М. Савицкой – Т.С. Горбунову, секретарю ЦК КП(б)Б, от 12 мая 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 56, л. 52.

[811] Об отмене приказа Главлита № 5 от 25 июля 1951 г. об изъятии произведений П.Е. Саевича: Приказ начальника Главлита БССР Л.В. Садовского от 27 авг. 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 48, л. 54.

[812] В письме перечислялись: Дмитрий Астапенко, Семен Баранов-Барановых, Михаил Богун, Алесь Звонак, Сергей Клопов-Знаёмый, Сергей Середа-Дорожный, Сергей Ракита, Борис Микулич, Иван Скриган, Станислав Шушкевич и Владимир Ходыко.

[813] Ответ зам. прокурора БССР А. Вербицкого на запрос Я.М. Савицкой, от 19 окт. 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 56, л. 63.

решено считать не имеющим судимости на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Отечественной войны 1941–1945 гг.»[814]

В общие фонды библиотек были переданы труды М.И. Калинина, М.П.Томского, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова и С.В. Косиора[815]. Вернули читателям книги Я. Бобрика, А. Звонака, Я. Тумиловича, Ф. Войткова, Н. Гикало, П. Постышева, Иллеш Бела и др.[816] Было пересмотрено научное наследие профессора М.В. Довнар-Запольского и академика В.И. Пичеты[817].

Вместе с тем либерализация печатных изданий только увеличила общую нагрузку на цензоров[818]. В 1956 г. в БССР по полкам, каталогам и инвентарным книгам было проверено 395 библиотек, 39 книготорговых *точек* (книжных магазинов)[819]. В отчетах всегда присутствовало многозначительное утверждение, что работники цензуры «повседневно ощущают конкретное руководство и практическую помощь со стороны ЦК КПБ и Главлита СССР». Эта преамбула подчеркивала готовность цензуры принять любые директивные указания режима, не подвергая сомнению их обоснованность.

Реабилитация книги снимала многие болезненные вопросы, помогала разрешить накопившиеся противоречия, позволяла обществу вздохнуть и начать новый этап развития. Из мест заключения приходили тысячи бывших авторов и кумиров, незаслуженно отнятых у читателя. Спадала пелена страха, сковывавшая многие десятилетия интеллектуальную активность во всех сферах науки, культуры, искусства и образования. Это был не только акт восстановления справедливости по отношении к незаконно пострадавшим гражданам, но и попытка выработать иммунитет от подобных преступлений на будущее.

Представители нового советского руководства, выпускавшие при помощи Главлита «пар» общественного недовольства, делали это с большими предосторожностями, чтобы не упустить бразды правления. Сталин еще считался верным

[814] Ведомости Верховного Совета СССР. 1955 г. № 17, ст. 345; Алексей Евлампиевич Туренков (1886–1958) – композитор, заслуженный деятель искусств БССР (1939 г.), депутат Верховного Совета БССР, арестован 22 июля 1944 г. по обвинению в пособничестве немецким оккупантам, осужден на 10 лет ИТЛ, пять лет поражения в правах с конфискацией имущества // Центральный архив КГБ РБ, д. 14878, л. 6.

[815] Приказ № 48 зам. начальника Главлита при СМ СССР А. Котеленца от 23 дек. 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 64, лл. 1-1об.

[816] Приказ начальника Главлита БССР Л.В. Садовского от 30 марта 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 64, лл. 14-15.

[817] Приказ начальника Главлита БССР Л.В. Садовского от 5 июля 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 64, л. 24.

[818] В 1956 г. 12 цензоров Главлита в Минске прочитали 15 549 а. п. л. против 15314 а. п. л., или по 1295 а. п. л. на одного цензора.

[819] Отчет Главлита БССР за 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 63, л. 34.

соратником Ленина, борцом за идеалы социализма, организатором победы над фашистской Германией. Потребовалось еще почти десять лет, чтобы окончательно развенчать культ личности «великого кормчего коммунизма».

Возвращение еврейской литературы

Чистки библиотек и книжных магазинов продолжались по инерции еще некоторое время после кончины диктатора 5 марта 1953 г. И сегодня в ведущих библиотеках Белоруссии можно встретить поврежденные издания с вымаранными страницами, вырезанными портретами и затушеванными фамилиями. Лишь заявление ТАСС от 4 апреля 1953 г. озвучило отбой. Тогда же вышло директивное письмо Главлита, отменявшее приказ от 15 января 1953 г. Всю «арестованную» литературу вернули в библиотеки и разрешили к продаже в торговой сети[820].

Массовая антисемитская кампания в прессе прекратилась так же неожиданно, как и началась. Это не замедлило сказаться на отношении к произведениям арестованных авторов. Осенью 1953 г. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина обратилась с запросом к начальнику седьмого отдела 5-го Главного управления МВД СССР о судьбе произведений членов Еврейского антифашистского комитета[821]. В документе указывалось, что научные труды в области медицины Л.С. Штерн и С.С. Юдина не являются «криминальными». Однако в 1950 г. их изъяли из открытого фонда и передали в отдел специального хранения библиотеки. Медицинские работники выражали недоумение, что эти произведения находятся на особом режиме хранения. Директор библиотеки просил дать указание, должны ли произведения названных авторов находиться в спецхране или их вернуть в открытый фонд[822].

Затем последовало частичное возрождение еврейской культурной жизни, был снят запрет на издание еврейской классики. В 1954 г. были переизданы отдельные произведения Шолом-Алейхема[823], а также Цодика Долгопольского и Ури Финкеля[824]. Еще через некоторое время наступила очередь сочинений

---

[820] ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 200, л. 20.

[821] *Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 гг…* С. 373.

[822] Книги Л.С. Штерн и С.С. Юдина, как и других осужденных членов ЕАК, возвратили читателю в 1954–1956 гг., после того как в ноябре 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело против ЕАК и отменила приговор 1952 г. за отсутствием состава преступления.

[823] Однако в следующий раз это произошло только в 1959 г., когда в свет вышли четыре книги на идише; с 1961 г. в Москве начал издаваться журнал на идише «Советиш геймланд».

[824] Обращение Ури Финкеля в Президиум ССП БССР от 27 авг. 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 5, лл. 37-38; д. 66, л. 135.

Изи Харика[825] и некоторых других. Разрешили проведение эстрадных представлений и литературные вечера на идише[826].

По иронии судьбы имена поэта Айзика Платнера и Лаврентия Цанавы (жертва и ее палач) оказались рядом в «Списке политически вредной и устаревшей литературы», подлежавшей изъятию и уничтожению по приказам Главлита[827]. Начиная с 1953 г. все упоминания о Цанаве, портреты и книги с его изображением были запрещены, включая двухтомник «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», подписанный его именем. Разумеется, никто кроме компетентных инстанций, это совпадение не мог заметить[828].

Литературному критику Григорию Березкину в октябре 1955 г. судебная Коллегия по уголовным делам за высказывания националистического характера[829] определила наказание – два года лишения свободы, однако по амнистии от 27 марта 1953 г. судимость сняли[830], а в ноябре того же года его восстановили в Союзе писателей республики[831].

В 1955 г. секретариат Союза писателей СССР обратился в ЦК КПСС с письмом, в котором отмечал, что произведения реабилитированных еврейских писателей имеют общесоюзное идейно-художественное значение и их необходимо издавать в переводах на русский и другие языки[832]. Аналогичное обращение было направлено Союзом писателей БССР в ЦК КПБ в отношении судьбы еврейских писателей республики[833]. В списке авторов белорусской лите-

[825] Л. Смиловицкий. «Певец и жертва эпохи» // *Евреи Беларуси: из нашей общей истории*. Минск, 1999. С. 127.

[826] См. наст. изд-е, гл. 6. «Сфера культуры и искусства», раздел *Контроль над репертуаром*.

[827] Приказ начальника Главлита БССР Л.В. Садовского от 9 дек. 1954 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 48, лл. 85-87.

[828] О книге Л. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» (в 2 ч.; Минск: Белгосиздат, 1950–1951) см.: Докладная записка начальника Главлита БССР Л.В. Садовского – Н.С. Патоличеву, секретарю ЦК КП(б)Б, от 25 мая 1952 г. // НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 283, лл. 224-236.

[829] «…Лелеял старую бундовскую мечту о сохранении обособленного еврейского мира, оценивал мероприятия советской власти как недостаточно дружелюбные по отношению к еврейским трудящимся (осуждал закрытие еврейских школ и борьбу с космополитизмом)»: Из постановления ОСО при МГБ СССР от 28 июня 1950 г. // Центральный архив КГБ РБ, д. 5545, лл. 93, 446.

[830] Ответ зам. прокурора БССР А. Вербицкого – Я.М. Савицкой, зам. начальника Главлита БССР, от 19 окт. 1955 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 56, л. 63.

[831] Протокол заседания ССП БССР от 14 нояб. 1955 г. // БГАМЛИ, ф. 78, оп. 1, д. 66, лл. 220-222.

[832] О реабилитации еврейских писателей: Письмо секретаря Союза писателей СССР А. Суркова в ЦК КПСС от 16 дек. 1955 г. // *История советской политической цензуры*: Документы и материалы. М., 1997. С. 119–120.

[833] Гирш Релес. *Еврейские советские писатели Белоруссии*. Минск, 2006. С. 13.

ратуры, все произведения которых возвращались в общие фонды в 1956 г., евреи насчитывали 114 из 301 чел.[834]

Этот процесс стал развиваться естественно после того, как большинство еврейских литераторов, незаконно осужденных за «антисоветскую деятельность», вышли на свободу[835]. Летом 1956 г. из «Списка авторов, все произведения которых подлежали изъятию в соответствии приказам Главлита СССР за период 1938–1950 гг.» было исключено еще 58 писателей, и среди них Х. Мальтинский, Г. Березкин, М. Грубиян, Г. Каменецкий, Н. Кампман, А. Левин, А. Платнер, а также Ф.И. Вольфсон и И.Э. Бабель, Х.А. Вайнерман и Н.М. Лурье, а немного позднее – еще одиннадцать авторов, в том числе В. Вайнберг, А. Залкинд и др.[836]

Вместе с тем отношение к еврейскому вопросу мало изменилось и в период «оттепели». К середине 50-х гг. выросло новое поколение советских евреев, не имевших представления о национальной традиции. Советская идеология рассматривала еврейскую культуру как атавизм, часть исчезающего прошлого. Власти готовы были терпеть проявления интереса к традиции лишь со стороны пожилых людей, но ни в коем случае не «нового поколения, родившегося при социализме».

Цензурные запреты не давали возможности писателям, поэтам и журналистам публиковать правдивую информацию о положении евреев в БССР, проявлениях антисемитизма или сведения о государстве Израиль. Голословно утверждалось, что никакого еврейского вопроса не существует. Главлит не допускал в печать научные исследования по иудаике, кроме трудов по гебраистике. В страну нельзя было ввозить иностранную литературу с еврейской проблематикой и даже учебники иврита. Цензура запрещала почти все выступления, лекции на еврейские темы, скрывалась еврейская линия в происхождении В.И. Ленина. Невозможно было напечатать произведения современных зарубежных авторов, в которых затрагивалась еврейская тема, за исключением книг антиизраильского и антисионистского направления.

В произведениях отдельных советских писателей еще встречалось упоминание о быте евреев черты оседлости или отдельные штрихи еврейской жизни. Однако никаких художественных описаний еврейских общин найти уже было нельзя, за исключением редких случаев, которые лишь подчеркивали правило[837]. Из 30-томного сочинения А.М. Горького, предпринятого в СССР в 1949–1958 гг.,

---

[834] Подсчитано по материалам НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 64, лл. 28-32.

[835] Л. Смиловицкий. «Евреи Белоруссии в первое послевоенное десятилетие»… С. 233–236.

[836] Письмо начальника Главлита БССР Л.В. Садовского сотрудникам Молодечненского облита от 3 нояб. 1956 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 64, лл. 60-62.

[837] В. Чернин. «Нет тут Божьих казаков». Религиозная жизнь советского еврейства и еврейская советская литература 1960–80-х гг. // *Вестник Еврейского университета*. М., 2009. № 13 (31). С. 101.

были исключены новелла «Легенда о еврее», протест «По поводу Кишиневского погрома», речи «О евреях» и «О Бунде», статьи «Об антисемитизме» и «Об антисемитах» и др.[838]

В целом официально принятое отношение к еврейской истории и культуре не отражало процессов, происходивших в советском еврействе после войны. Главлит следил, чтобы любое проявление интереса к национальному самосознанию оказалось вне рамок советской литературы. «Еврейский вопрос» подавался как пример буржуазного еврейского национализма. Такой подход был вызван идеологическими требованиями и самоцензурой, а также тем обстоятельством, что большинство авторов, писавших на идише, принадлежало к старшему поколению, лишенному возможности передать свой опыт молодым, «приговоренным» к ассимиляции.

Устранение упоминания о Берии

К началу 50-х гг. Л.П. Берия был на гребне власти. Несмотря на то, что с декабря 1945 г. он уже не возглавлял органы внутренних дел и систему государственной безопасности, но по-прежнему входил в ближайшее окружение Сталина. Берия был включен в состав нового советского правительства, назначен министром МВД и одновременно первым заместителем Председателя СМ СССР Г.М. Маленкова. Министерство государственной безопасности и министерство внутренних дел образовали единое целое. Главлит влился в это гигантское ведомство. В качестве основных задач обновленного МВД, наряду с противостоянием вредительской деятельности, разведывательной и контрразведывательной работе, значилась охрана военных и государственных тайн в печати. Отныне аббревиатура «Главлит» расшифровывалась как *Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати (11-е главное управление МВД СССР)*.

После смерти Сталина претензии Берии на «наследство» и отсутствие союзников в высшем партийном руководстве привели к его аресту 26 июня 1953 г.[839] Этим драматическим переменам предшествовали события, связанные с историей Белоруссии. Весной и в начале лета 1953 г. Берия попытался укрепить свои позиции за счет смены состава руководства в союзных республиках[840]. 12 июня

[838] Максим Горький. *Из литературного наследия* / Сост. М. Агурский и М. Шкловская. Иерусалим, 1986. С. 24.

[839] Л.П. Берия был обвинен в шпионаже в пользу Великобритании и других стран, в стремлении к ликвидации советского строя, моральном разложении и злоупотреблении властью.

[840] 8 мая 1953 г. Л.П. Берия подготовил докладную записку о деятельности органов МГБ Литовской ССР, а 26 мая 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Вопрос западных областей Украинской ССР». См.: *Зеркало недели* (Киев). 2001. № 25 (7 июля).

1953 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Вопросы Белорусской ССР», в котором все просчеты, допущенные в сталинское время, объяснялись нарушением принципов ленинской национальной политики[841]. ЦК КПБ было предложено избрать на пост первого секретаря вместо русского Н.С. Патоличева белоруса М.В. Зимянина, бывшего второго секретаря ЦК компартии республики, работавшего в это время на должности заместителя министра МИД СССР[842].

Партийная дисциплина, казалось, не оставляла выбора. В речи М.В. Зимянина на июньском Пленуме ЦК КПБ ответственность за нерешенные вопросы, связанные с трудностями послевоенного восстановления республики, перекладывалась на белорусских буржуазных националистов, которые не были «добиты до конца, глубоко замаскировались и готовили почву для контрреволюционной работы своих покровителей из числа агентов американо-английского империализма»[843]. Для того чтобы лишить «националистов» поля деятельности, предлагалось немедленно перевести на белорусский язык работу партийных органов и государственного аппарата, включая делопроизводство, использовать белорусский язык на совещаниях, собраниях и съездах. М.В. Зимянина поддержал К.Т. Мазуров, первый секретарь Минского ОК КПБ, который предал гласности неприглядную картину русификаторской политики в республике. Однако события вышли за рамки предварительного сценария. Работа пленума в Минске (25–27 июня 1953 г.) совпала с арестом Л.П. Берии. Его обвинили в намерении посеять недоверие и рознь между русским и белорусским народами, опорочить бескорыстную помощь, которую Россия оказывала Белоруссии. Президиум ЦК КПСС отменил свою рекомендацию об отзыве из республики Н.С. Патоличева, которого Пленум переизбрал первым секретарем ЦК КПБ[844]. Основную часть вины за ошибки национальной политики в республике принял на себя А.Е. Клещев, которого перевели в Москву, а новым председателем Совета Министров БССР стал К.Т. Мазуров[845].

23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством маршала И.С. Конева приговорило Берию и его ближайших помощников к смертной казни. Вслед за этим были упразднены многие

---

[841] Имелись в виду грубые нарушения и репрессии, особенно в западных районах республики, поднимался вопрос о поддержке развития национальной культуры, языка, предлагалось учредить национальные ордена и др.

[842] Н. Зенькович. *Границы, споры, обиды*. Тайны ушедшего века. Минск (июньский 1953 г. пленум ЦК КПБ). Минск, 2002. С. 216–219.

[843] Речь М.В. Зимянина на июньском 1953 г. пленуме ЦК КПБ // НАРБ, ф. 4, оп. 20, д. 296, лл. 14, 25.

[844] Н.С. Патоличев. *Совестью своей не поступлюсь*. М., 1995. С. 206–207.

[845] Алексей Ефимович Клещёв (1905–1968) – в годы войны командир Пинского партизанского соединения, генерал-майор, Герой Советского Союза (1944 г.), председатель СМ Белорусской ССР (1948–1953 гг.). Некоторое время находился не у дел, а потом был направлен в Казахстан первым секретарем Кокчетавского обкома КПСС (1955–1960 гг.).

управления МВД. 20 октября 1953 г. Главлит выделили в самостоятельное Главное управление при СМ СССР[846]. В Белоруссии эти организационные перемены заняли целый год: в середине марта 1953 г. Главлитбел передали в состав МВД БССР, а 4 ноября 1953 г. выделили из МВД в самостоятельное Управление при Совете Министров БССР[847].

Краткое сообщение в советской прессе об аресте Л.П. Берии вызвало большой резонанс. В конце июля 1953 г. 2-е Главное управление МВД СССР предписало повсеместно удалить все изображения бывшего «маршала советской разведки». Первыми, по свидетельству генерала П.А. Судоплатова[848], портреты Берии сняли в здании МВД на Лубянке в день ареста. Это указание распространялось на индивидуальные и групповые портреты, картины, репродукции, диапозитивы, диафильмы, на которых присутствовал Берия. Картины на холсте, исполненные маслом, запрещалось демонстрировать до их исправления[849]. Не забыли и о диафильмах, использование которых разрешалось только после изъятия портрета Берии или упоминания о нем (список диафильмов прилагался на трех листах)[850].

Однако темпы этой работы не устраивали новых хозяев, и Главлит потребовал активизировать действия[851]. Осенью 1953 г. новый министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов представил в ЦК КПСС список из 64 наименований книг, в которых упоминался или цитировался Л.П. Берия. Круглов предложил изъять из массовых библиотек и книготорговой сети 34 книги, содержащие прямое восхваление Л.П. Берии, а в 30 книгах, имеющих цитаты из его речей, удалить отдельные страницы. В закрытые фонды был отправлен сборник статей, подготовленный к 60-летию со дня рождения И.В. Сталина (1939 г.), поскольку в нем статью Берии нельзя было удалить без ущерба для других материалов этого издания[852].

---

846 Т.М. Горяева. *Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг.…* С. 302–304.

847 В таком виде Главлит БССР просуществовал до 21 сентября 1963 г., когда был образован Государственный Комитет по делам печати, в состав которого вошел Главлит, что означало понижение его общего статуса.

848 Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) – советский разведчик, генерал-лейтенант МВД СССР, репрессирован (1953 г.) – осужден на 15 лет, полностью отбыл наказание, реабилитирован в 1992 г.

849 Об изъятии портретов Берия: Циркуляр № 46 для МВД союзных и автономных республик, УМВД краев и областей от 27 июля 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 41, л. 32.

850 Циркуляр зам. начальника 2-го Главного управления МВД СССР И. Исаченко от 10 авг. 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 41, л. 33.

851 Об изъятии портретов и произведений Л.П. Берии: Письмо К.К. Омельченко начальникам главлитов союзных и автономных республик от 16 авг. 1953 г. // ГАРФ, ф. 9425, оп. 2, д. 218, л.12.

852 Докладная записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС П.Н. Поспелову, секретарю ЦК КПСС, от 4 сент. 1953 г. См.: *История советской политической цензуры*: Документы и материалы. М., 1997. С. 104–105.

Наиболее масштабным вмешательством стало изъятие портрета Л.П. Берии из «Большой советской энциклопедии». Пятый том ее увидел свет в 1950 г. с портретом Берии на отдельной вклейке и хвалебной статьей о нем (с. 22–23). В августе 1953 г. в типографии БСЭ отпечатали дополнительный тираж, но без упоминания о Лаврентии Павловиче и о поселке городского типа имени Л.П. Берия, центре Бериевского района в Армянской ССР. Их место теперь заняли шесть фотографий: «Китобоец с добычей китов», «Убитые моржи на льдине», «Кашалот в водах Берингова моря» и еще три скучных вида северного побережья. Редакция БСЭ разослала обращение ко всем подписчикам, включая библиотеки. В нем настоятельно рекомендовалось «ножницами или бритвой» вырезать и портрет, и страницы, посвященные Л.П. Берии, а вместо них вклеить другие статьи, присланные в том же письме.

Аналогичная работа проводилась в союзных республиках. В Минске подготовили аннотации к печатным изданиям, в которых помещались статьи Берии, цитаты из его выступлений, портреты, и просили указаний, как с ними поступать (см. табл. 24).

Таблица 24

Аннотации Главлита на печатные издания со статьями, цитатами из выступлений и портретами Л.П. Берии (1939–1953 гг.)

Название	Краткая характеристика
Идеологи империалистической буржуазии – проповедники агрессии и войны. М., 1952. 341 с. [100 тыс. экз.]	на с. 71, 77, 82, 211, 225, 240 – цитаты из речи Берии. *Удалить страницы или произвести вымарки свободно нельзя*
И. Лаврухин, А. Куропатов. *В великой стране победившего социализма.* М., 1953. 166 с. [100 тыс. экз.]	на с. 37–42 приводится текст из выступления Берии на XIX съезде КПСС. *Свободно удалить эти страницы нельзя*
Четвертая сессия Верховного Совета СССР. М., 1953. 29 с. [1 млн экз.]	на с. 6–8 выступление Берии, на с.13, 15, 21, 30 – упоминания о нем *Вмешательство в брошюру свободно сделать нельзя и нецелесообразно. Необходимо изъять из массовых библиотек и книготорговой сети*
XIX съезд КПСС и задачи строительства коммунизма в СССР: Библиографич. и метод. материалы в помощь массовым библиотекам. М., 1953. 40 с. [30 тыс. экз.]	на с. 15, 16 – краткое содержание речи Берии на XIX съезде КПСС, на с. 25, 38, 39 – упоминание о нем

Окончание табл. 24

Название	Краткая характеристика
И.В. Сталин: Альбом к 70-летию со дня рождения. М., 1949, 32 с. [10 тыс. экз.]	на 12 с. – групповые снимки с Берией. Альбом очень ценный и любые *вмешательства (вырезки, вымарки) свободно сделать нельзя*
Верный сын партии Ленина–Сталина. Тбилиси, 1940. 63 с. [15 тыс. экз.]	брошюра о Берии. *Необходимо изъять*
План беседы для партактива и кружков по изучению докладов и решений VII конгресса Коминтерна. Воронеж, 1935, 58 с. [1 тыс. 200 экз.]	на с. 2–5 – план беседы по книге Берии. *Брошюру необходимо изъять*
Нано Вачнадзе. *Встречи и впечатления.* М., 1953. 150 с. [30 тыс. экз.]	на с. 6, 85, 86, 149–150 – положительные воспоминания о Берии
Рассказы о Великом Сталине. Тбилиси, 1941. 94 с. [10 тыс. экз.]	на с. 26 – упоминание о Берии как ученике Сталина

Составлено по: НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 43, лл. 26-28.

Больше всего упоминаний о бывшем сталинском фаворите оказалось в альбоме «Советская Грузия»[853]. В этом издании 14 раз приводились снимки учебных заведений, стадионов, площадей и других учреждений, которые носили имя Берии, объявленного врагом народа и советского государства[854]. В целом по БССР за 1953 г. было изъято 38 466 книг, портретов и картин с изображением Л.П. Берии[855].

Однако, несмотря на все усилия, книжные фонды БССР нельзя было немедленно освободить от литературы с упоминанием о Л.П. Берии. Подобные издания оказались многочисленными, и остро недоставало работников, которые успели бы в самые сжатые сроки справиться с дополнительной нагрузкой. Сил цензоров не хватало. Тем не менее каждый раз, когда обнаруживали

[853] *Советская Грузия, 1921–1951 гг.*: Альбом. М.–Тбилиси, 1951.

[854] Письмо начальника Могилевского облита В. Шурыгина – Л.В. Садовскому, начальнику Главлита БССР, от 12 июля 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 43, л. 25.

[855] Отчет Главлита за 1953 г. // НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 44, л. 28.

в фондах такого рода литературу, это становилось предметом отдельного разбирательства[856].

В библиотеках по-прежнему рекомендовались книги, содержавшие положительные материалы о Л.П. Берии и цитаты из них. Главлит потребовал подготовить отчет о состоянии книжных фондов каждого района республики, обсудить этот вопрос на бюро комитетов КПБ и заседаниях исполкомов Советов. По итогам этой работы рекомендовалось провести совещания директоров школ, заведующих школьными библиотеками, работников библиотек, заведующих массовыми библиотеками и избами-читальнями.

Изъятие книг, как и любых других печатных изданий, в которых были помещены статьи Л.П. Берии, цитаты из его выступлений и портреты, знаменовало существенный поворот в оценке советской истории и мифов, с которыми предстояло расстаться. Падение Берии, одиозной политической фигуры, имевшего репутацию жестокого и коварного человека, от которого зависели судьбы многих людей, ни у кого не вызвало сожаления. В то же время это была попытка нового советского руководства отвести удар от личности Сталина как главного виновника преступлений, унесших миллионы человеческих жизней. Об этом свидетельствует оперативность, с какой Главлит принялся удалять малейшие упоминания о Л.П. Берии и любые его изображения в печатной продукции страны. Однако немногие догадывались тогда, что в недалеком будущем история поставит эти два имени рядом.

Развенчание культа личности Сталина, последовавшее на XX съезде КПСС в 1956 г., отразилось на политической ситуации в республике. В обществе возникли две тенденции: демократическая и консервативная. Сторонники первой ратовали за отказ от искажений сталинской эпохи в советской истории, а второй – стремились приспособить сталинскую модель к новой реальности. Те и другие использовали цензуру в своих интересах, чтобы не позволить скомпрометировать советскую власть. С этой целью было решено объявить партию инициатором обновления в обществе и гарантом перемен к лучшему.

В марте 1956 г. коллегия Министерства культуры БССР разработала план мероприятий по пропаганде и осуществлению решений XX съезда партии[857]. В документе говорилось о необходимости сделать указания съезда основой работы всех учреждений культуры и искусства. Главному управлению радиоинформации, редакции газеты «Літаратура і мастацтва» было поручено организовать систематические передачи, лекции и обзоры по материалам съезда. Начальники областных управлений культуры были обязаны не реже одного раза в месяц докладывать о ходе выполнения этих поручений. При этом подчеркивалось,

---

[856] Осенью 1954 г. в Червенском районе Минской области выборочно обследовали 14 библиотек, два книжных магазина и два склада, обнаружив при этом 117 экз. запрещенных изданий.

[857] Постановление коллегии Министерства культуры БССР от 20 марта 1956 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 42, лл. 55-65.

что долг работников культуры состоит в том, чтобы преодолеть отрыв идеологической работы от практики коммунистического строительства.

Анализ «примерной тематики» лекций, докладов и бесед по материалам XX съезда КПСС обнажает стратегию сохранения контроля партии и государства над общественным мнением:

- *незыблемость цели* (тема: «КПСС – вдохновитель и организатор строительства коммунизма в СССР»);
- *претензии на мировое господство* (темы: «Превращение социализма в мировую систему – главная черта нашей эпохи», «О своеобразии форм перехода разных стран к социализму»);
- *дезинформация о восстановлении экономики стран Запада* (темы: «Обострение экономических противоречий в странах капитализма», «Рост забастовочного движения»);
- *выдача желаемого за действительное* (темы: «Демонстрация решающих преимуществ социалистической системы хозяйствования перед капиталистической»; «Социализм – основа всестороннего развития и расцвета экономики и культуры всех наций и народностей»);
- *распространение советского влияния на страны третьего мира* (темы: «Распад колониальной системы империализма»», «Народы Востока – новый мощный фактор международных отношений», «КНР и ее успехи на пути строительства социализма»);
- *контроль над международным рабочим движением* (темы: «Коммунистические партии капиталистических стран – последовательные борцы за национальную независимость», «Сотрудничество и взаимопомощь в странах социалистического лагеря»);
- *уклонение от прямой военной конфронтации с Западом* (темы: «Предотвращение войны в современную эпоху», «О мирном экономическом соревновании между социализмом и капитализмом»);
- *демонстрация благих намерений* (тема: «Равноправное сотрудничество и братская взаимопомощь в странах социалистического лагеря – источник растущей и крепнущей экономической мощи социалистической системы»)[858].

Советский вариант не предусматривал международное сотрудничество со странами Запада и США, получение займов и кредитов, свободный выезд из страны, обмен информацией, независимый суд, сменяемость власти, не говоря уже о признании альтернативных видов собственности, свободы вероисповедания, независимых контактов между людьми и общественными организациями.

[858] Примерная тематика лекций, докладов и бесед по решениям и материалам XX съезда КПСС для работы с населением, от 30 марта 1956 г. // БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 42, лл. 66-71.

Экономический блок в политике КПСС принципиально сохранялся: господство государственного сектора не знало ограничений. В промышленности упор делался на развитии экстенсивных факторов. В сельском хозяйстве все преобразования планировались только в рамках скомпрометировавшей себя колхозной системы. Обещанное повышение благосостояния не обеспечивалось ростом материальных благ.

XX съезд КПСС лишь приоткрыл завесу над областью запретного знания. Партия полностью сохранила контроль над распространением идей и информации. В известных пределах разрешалась критика «культа личности» (так официально именовались ужасы и преступления сталинской эпохи). Однако при этом исключалась критика партии и социально-экономической системы, с неизбежностью вызвавшей культ личности. Сама критика событий советской истории строго ограничивалась «сталинским» временем советской истории и не допускала распространения на ее предшествующий и последующий периоды.

Осмысление пережитого происходило подспудно, лишь изредка прорываясь слабым всплеском на поверхность официальной литературы или прессы. Главным тормозом самопознания общества оказалось отсутствие знаний граждан о самих себе, поскольку обмен идеями и информацией оставался полностью монополизированным государством.

Заключение

История Главлита вобрала в себя все основные черты эпохи, которые характеризовали взаимоотношения государства и общества. Она отразила огромное напряжение, существовавшее в стране, когда совершался трудный поворот от ограничений военного времени к мирному строительству. Если до войны главная задача цензуры состояла в борьбе с внутренним врагом, то после ее окончания это место занял внешний враг в лице «международного империализма». Мировые державы, со своей стороны, справедливо опасались, что СССР, распространивший после 1945 г. влияние на Восточную Европу, замышляет новый виток экспорта революции, чтобы подчинить себе Западную Европу, а затем и остальной мир.

Отказ сталинского режима от международного сотрудничества по восстановлению разрушенной экономики только укрепил эти подозрения, привел к холодной войне и гонке ядерных вооружений. Союзники поневоле в Восточной Европе и зависимые режимы в отдельных странах Азии и Африки поддерживали иллюзию, что социализм советского образца воспринимается как пример для подражания.

Без цензуры существование советского государства как системы насильственного подавления личности, игнорирования экономических законов развития и навязывания воли Коммунистической партии своим гражданам оказывалось невозможным. Ограничение свободы получения и обмена информацией становилось неизбежным для изоляции советского общества в интересах продления существования одиозного режима.

Цензура исправно выполняла свою роль, обеспечивая контроль над всеми сферами жизни государства – от экономики, культуры, науки, просвещения и до общественного самосознания. В результате перестали существовать целые пласты знаний и идей, исчезли имена многих политических и общественных деятелей и ученых, направления мысли. Забвению были преданы проблемы, прежде волновавшие умы. Сведения каждого человека о реальной жизни ограничивались умозрительными наблюдениями. Главлит обеспечивал види-

мость мнимого единства партии и народа, не давая отведать «запретный плод» нигилизма.

Правдивое слово было не в силах пробиться к читателю – великая поэзия и проза, романы, поэмы, стихи, повести оставались невостребованными. На основе донесений цензоров появлялись материалы об «антисоветских», «вредительских» действиях или их попытках, настроениях в литературной и информационной среде в целом, что ужесточало требования. Главлит отсекал все, что противоречило идеологическим запретам. Порой цензура не поспевала за изменениями политической конъюнктуры, и это влекло за собой организационные выводы. Провинившегося цензора уже не арестовывали и не ссылали. В зависимости от допущенной ошибки ему могли объявить выговор, понизить в должности или уволить.

После смерти Сталина оцепенение, которое окутало общественное сознание, не застало Главлит врасплох. Понятия военной и государственной тайны были незначительно изменены в сторону либерализации. Мнимые тайны сдерживали поступательное развитие общества и превращались в ненужные оковы.

После апреля 1953 г. объем работы для цензуры в республике заметно вырос в связи с расширением издательской деятельности. Многие литературные произведения возвращали на доработку. Наиболее характерными претензиями властей были: неверное освещение явлений советской действительности; искажение правды о партизанском движении и поведении населения на оккупированной территории, принижение роли героев социалистического строительства, предвзятое освещение жизни колхозной деревни, национальных взаимоотношений, муссирование социальных проблем, связанных с алкоголизмом, наркоманией, немотивированным хулиганством, проституцией и пр.

Цензура оставалась многоликой. Различные направления ее деятельности (идеологическое, государственное, военное, хозяйственное, ведомственное) причудливым образом переплетались. Во второй половине 50-х гг. было реабилитировано большинство белорусских писателей и общественных деятелей, обвиненных в национал-демократизме[859]. Вместе с тем упоминания о многих из них по-прежнему вычеркивались из энциклопедий, справочников, документальной и художественной литературы.

Либеральные взгляды отдельных чиновников позволяли иногда опубликовать «спорные» произведения. Однако каждый такой случай воспринимался как вызов государственным устоям. Способы психологического давления были самыми разнообразными: открытая слежка, прослушивание, перлюстрация писем, анонимные звонки по телефону и угрозы. Режим пытался поставить таких авторов в цензурные рамки, сломить морально, принудить к сотруд-

[859] См. об этом наст. изд-е, гл. 6. «Сфера культуры и искусства», раздел *Контроль над репертуаром* (*Театр*).

ничеству. Если человек не поддавался «перевоспитанию», его исключали из партии, увольняли с работы, лишали научных степеней и званий. Неудобных авторов подвергали дискредитации с помощью средств массовой информации, представляя их произведения как безыдейные, лживые, низкого художественного уровня. Вся гонорарная и издательская система ставила авторов в зависимое положение.

В результате всевластия цензуры советские граждане оказались неинформированными людьми. Весь калейдоскоп событий, происходивших в мире, находил тенденциозное отражение на страницах советских периодических изданий. Читателю своевременно сообщали о засухе в Австралии или Бразилии, но редко и с опозданием – о неурожае в собственной стране. Советские граждане знали, сколько пшеницы закупали Индия и Пакистан, но не имели представления, сколько (и каких именно) сельскохозяйственных продуктов закупал СССР. Они читали, что представлял собой военный бюджет США, но не имели понятия, каковы масштабы советской военной помощи арабским и африканским странам. Газеты своевременно писали об эпидемии кори в Чили, но не о вспышках холеры в Астрахани, Керчи, Одессе и Батуми.

Точно так же советские люди были хорошо информированы об уровне преступности на Западе, но не знали о росте преступности в СССР, сколько рабочих получали ежегодно производственные травмы в ФРГ, погибали от несчастных случаев на производстве – но не знали аналогичной статистики в БССР. Цензура не позволяла задуматься над тем, почему в советском обществе отсутствуют забастовки, почему в Италии и Испании уничтожаются излишки овощей и фруктов, а в СССР не могут сохранить собранный урожай? Насколько достоверной является советская статистика и почему не проводятся опросы общественного мнения? Почему государство не разрешает своим гражданам свободно выезжать за границу и настаивает на единодушии общественного мнения?

Вопрос о целесообразности существования цензуры является умозрительным. Все аргументы в пользу сохранения цензуры как защитного механизма государства перед лицом внешней или внутренней угрозы не выдерживают критики. Именно благодаря цензуре была достигнута всеобъемлющая изоляция советского общества не только от внешнего мира, но и правительства от собственных граждан. Цензура, дополняя усилия службы государственной безопасности, обеспечила диктат партийных комитетов, камуфляж института Советов в управлении страной и безраздельное господство государства не только над умами и делами граждан, но даже над их историческим прошлым.

Цензура при социализме не оставляла людям выбора. Она обеспечивала безальтернативное развитие общества и указывала единственно возможный «коридор», по которому разрешено было двигаться. Несмотря на свою специфику (историческую, национальную, социальную), цензура в Белорусской ССР, как и в СССР в целом, повторяла все основные черты тоталитарного общества. Советскую цензуру отличало то, что она существовала в государстве, которое

по своим внутренним ресурсам не имело себе равных, и могло допустить длительную самоизоляцию от мирового сообщества (1921–1991 гг.).

Закат советской цензуры оказался закономерным и предопределил распад государства, которое надорвалось под грузом собственных проблем (экономических, социальных, культурных, научных, национальных, военных, экологических). Ликвидация цензуры сняла многочисленные путы, раскрыла мнимые секреты, отменила надуманные ограничения, позволила вслух заявить о существующих проблемах и исторической несправедливости в отношении целых народов и искать пути решения проблем. Отказ от цензуры позволил новым государствам, появившимся на постсоветском пространстве, заслужить доверие и быть принятыми в международное сообщество.

Источники

Архивы

Беларусь

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ):

Фонд 4-п (партийный)

Опись 29
Особый сектор
1941–1958 гг.

Опись 42
Сектор партийной информации
1944–1946 гг.

Опись 47
Отдел пропаганды и агитации
1942–1976 гг.

Опись 53
Административный отдел ЦК КПБ
1944–1956 гг.

Опись 57
Отдел организационно-партийной работы
1943–1977 гг.

Опись 61
Бюро ЦК КПБ (протоколы)

Опись 62
Особый сектор
1949–1963 гг.

Опись 73
Отдел науки и вузов

Опись 87
Отдел партийных органов
1943–1956 гг.

Опись 88
Сектор информации
1950–1952 гг.

Опись 109
Отдел партийных органов
(сектор учета кадров)
1943–1976 гг.

Фонд 249
Описи 8, 9
Архивное Управление при СМ БССР (1942–1969 гг.)

Фонд 952
Опись 1
Совет по делам религиозных культов при СМ БССР
1944–1956 гг.

Фонд 1195
Описи 1, 2
Главное управление по делам литературы и издательств при СМ БССР 1944–1953 гг.

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ):

Фонд 11
Государственное издательство БССР

Фонд 78
Союз советских писателей БССР

Фонд 81
Белорусское республиканское отделение Всесоюзного управления по охране авторских прав Союза писателей БССР. Белорусское отделение Главного управления по контролю над репертуаром и зрелищами СССР

Фонд 82
Союз художников БССР

Фонд 89
Художественный фонд БССР

Фонд 113
Музыкальный фонд БССР

Фонд 115
Белорусская государственная эстрада

Фонд 156
Белорусское театральное общество

Фонд 164
Государственный Художественный музей БССР

Фонд 222
Белорусский государственный еврейский театр

Центральный архив Комитета государственной безопасности в Минске (ЦА КГБ РБ):

Уголовно-следственные дела на еврейских писателей, поэтов, деятелей культуры и науки

Россия

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Фонд 8114
Еврейский антифашистский комитет (ЕАК)
1941–1948 гг.

Фонд 9425
Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит)
1922–1991 гг.

Фонд 9451
Министерство внутренних дел СССР
1934–1960 гг.

Архив Президента Российской Федерации (АПРФ):

Фонд 3
Политбюро ЦК КПСС
Опись 58

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Фонд 17
Центральный Комитет ЦК ВКП(б) – КПСС

Опись 3: Политбюро ЦК ВКП(б)
1919–1952 гг.

Опись 125: Управление пропаганды и агитации
1939–1948 гг.

Опись 132: Отдел пропаганды и агитации
1948–1953 гг.

Опись 133: Отдел художественной литературы и искусства
1937–1956 гг.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ):

Фонд 5
Аппарат ЦК ВКП(б) – КПСС
Описи 16, 17: Отделы пропаганды и агитации, науки и культуры
1935–1956 гг.

Библиография

Книги и монографии

Авзегер Л. *Черный кабинет. Записки тайного цензора МГБ.* Тель-Авив, 1990.

Агапова Е.А. *Феномен цензуры*. Ростов-на Дону, 2008.

Аксютин Ю. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953–1964 гг.* М., 2004.

Алексеева Л. *История инакомыслия в СССР*. Вильнюс–М., 1992.

Антипина В. *Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы*. М., 2005.

Бабиченко Д.Л. *Писатели и цензоры*: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

Басин Я. *Музы и тьма:* Исторические очерки. Т. 1. Иерусалим, 2013.

Блюм А.В. *Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917–1991 гг*. СПб., 1996.

Блюм А.В. *Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991 гг.* СПб., 2003.

Блюм А.В. *Как это делалось в Ленинграде*. СПб., 2005.

Блюм А.В. *Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953 гг*. СПб., 2000.

Валитов О.К. *Печать и цензура*. Уфа, 1995.

Владимиров Л. (Финкельштейн Л.В.). *Россия без прикрас и умолчаний*. Франкфурт-на-Майне, 1969.

Волк А.А., Ракович А.И. *Книгоиздательское дело в Белоруссии*: Исторический очерк. Минск, 1977.

Гаев А. *Цензура советской печати* / Институт изучения истории и культуры СССР. Мюнхен, 1955.

Горяева Т.М. *Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг.* М., 2002.

Гужалоўскі А.А. *Музеі Беларусі (1941–1991 гг.)*. Мінск, 2004.

Гужалоўскі, А.А. *Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР*: У 2 кн. Кн. 1. 1919–1941 гг. Мінск, 2012.

Детство 45-53: а завтра будет счастье / Сост. Л. Улицкая. М., 2013.

Еголин А.М. *Иосиф Виссарионович Сталин и советская литература*. М., 1950.

Жабинский В. *Просветы*: Заметки о советской литературе 1956–1957 гг. / Издание объединения политических эмигрантов из СССР. Мюнхен, 1958.

Жирков Г.В. *История советской цензуры*: Материалы к лекционному курсу по истории журналистики России XX века, спецкурсам, спецсеминарам по истории цензуры. СПб., 1994.

Жирков Г.В. *У мысли стоя на часах: цензоры России и цензура*. СПб., 2000.

Жумарь С.В. *Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны* / Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Минск, 1996.

Земцов И. *Советский политический язык*. Лондон, 1985.

Зубкова Е.Ю. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 гг.* М., 2000.
Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры / Сост. Т.М. Горяева. М., 1995.
История имперских отношений: белорусы и русские 1772–1991 гг. / Сост. А. Тарас. Минск, 2008.
Кинг Д. *Пропавшие комиссары*: Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. М., 2005.
Костырченко Г.В. *Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР*. М., 2009.
Костырченко Г.В. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М., 2001.
Кравчинский М.Э. *Песни, запрещенные в СССР.* Нижний Новгород, 2008.
Лыч Л., Навіцкі У. *Гісторыя культуры Беларусі*. Мінск, 1996.
Маркс К. и Энгельс Ф. Дебаты о свободе печати // *Соч.* Т. 1. М., 1955.
Марцелев С.В. *Печать Советской Белоруссии*. Минск, 1967.
Медведев Жорес. *Тайна переписки охраняется законом*. Лондон, 1972.
Медведев Р. *К суду истории*: Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974.
Медведев Рой. *Книга о социалистической демократии* (о свободе слова и печати в условиях социализма). Амстердам–Париж, 1972.
Няфёд У.І. *Беларускі тэатр*. Мінск, 1959.
Патоличев Н.С. *Совестью своей не поступись*. М., 1995.
Петров Н. *Они выполняли заказа Сталина.* М., 2011.
Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: в условиях социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. Ростов-на-Дону, 2011.
Попов В.П. *Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1948–1953 гг.)*. М., 2002.
Режимные люди в СССР / Под ред. Т.С. Кондратьева и А.К. Соколова. М., 2009.
Русская советская эстрада 1946–1977 гг.: Очерки истории. М., 1981.
Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней, *1790–1990*: Опыт комментированной антологии / Сост. А.В. Блюм. М., 2011.
Свирский Г. *На лобном месте*: Литература нравственного сопротивления 1946–1986 гг. М., 1998.
Скороходов Г.А. *Тайны граммофона: Все неизвестное о пластинках и звездах грамзаписи.* М., 2004.
Смиловицкий Л. *Евреи Беларуси. Из нашей общей истории, 1905-1953 гг*. Минск, 1999.
Смыкалин А.С. *Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР*. СПб., 2008.
Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985 гг. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М., 2008.
Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997.
Сорок лет советской государственной библиографии (1920–1960 гг.): Сб. статей. М., 1960.
Сталин и холодная война / Институт всеобщей истории РАН: Сб. статей. М., 1997.
Стыкалин С., Кременская И. *Советская сатирическая печать (1917–1963 гг.)*. М., 1963.

Файман Г.С. *Уголовная история советской литературы и театра*. М., 2003.
Фирсов Б.М. *Разномыслие в СССР, 1940–1960 гг. История, теория и практика.* СПб., 2008.
Цензура в России. История и современность: Сб. науч. тр. / Под ред. М.Б. Конашева и Н.Г. Петрушева. Вып. 2–5. СПб., 2005–2009.
Шыбека З. *Нарыс гісторыі Беларусі*, *1795–2002 гг.* Мінск, 2002.
W. Basso. *The Moscow Correspondents: Reporting from Russia from the Revolution to Glasnost.* New York, 1988.
M.-T. Choldin, M. Fridberg. *The Red Pencil: Artists, Scholars and Censors the USSR*. Boston Unwin; Hyman, 1989.
M.W. Hopkins. *Mass media in the Soviet Union.* New York, 1970.
V.S. Golovskoy. *Is there Censorship in the Soviet Union?* Washington, 1985.
B.I. Gorohoff. *Publishing in the Soviet Union /* Indiana University Publishers, 1959.
M. Fridberg. “Soviet books censors and readers”: *Literature and Revolution in Soviet Russia, 1917–1962*. London–New York–Toronto, 1963. P. 198–210.
Herman Ermolaev. *Censorship in Soviet Literature, 1917–1991*. Lanham, Boulder: Rowman & Littlefield, 1997.
Paul Lendvai. The Bureaucracy of the Truth. Boulder, West-view Press, 1981.
Press Control around the World / Ed. By Jane Surry & Joan Dassin. New York, Preager 1982.
The Soviet Censorship. Martin Dewhirst and Robert Farrell (eds.). Metuchen, New Jersey: Scarecrow Press, 1973.
L. Smilovitsky. *Jewish Life in Belarus. The Final Decade of the Stalin Regime, 1944–1953.* New York – Budapest, 2014.
G. Struve. *Russian Literature under Lenin and Stalin 1917–1953*. London: Routledge and Kogan Paul, 1972.
Harold Swayze. *Political Control of Literature in the USSR*, *1946–1959*. Cambridge: *Harvard University* Press, 1962.
Vladimir G. Treml. *Censorship, Access, and Influence: Western Sovietology in the Soviet Union.* University of California, 1999.

Сборники документов

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 гг. Т. 1 (1922–1952 гг.) / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000.
Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / Под ред. В.Ю. Афиани; Сост. З.К. Водопьянова и др. М., 2001.
Библиотечное дело в БССР. Документы и материалы – 1941–1958 гг. Минск, 1984.
Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов, 1917–1956 гг. / Под общей ред. А.Н. Яковлева. М., 2005.
Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 2002.
Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 гг. / Под общей ред. А.Н. Яковлева; Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005.

Запрещенные книги русских писателей и литературоведов: Индекс советской цензуры с комментариями / Санкт-Петербургский гос. университет культуры и искусств. СПб., 2003.

Иосиф Виссарионович Сталин в изобразительном искусстве. Живопись, графика, скульптура: Каталог выставки. М., 1949.

История советской политической цензуры. Документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева. М., 1997.

Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3 – 1933–1945 гг. Минск, 1985. Т. 4 – 1945–1955 гг. Минск, 1986.

Культурная жизнь в СССР. 1941–1950: Хроника / Сост. Т.С. Чанышева. М., 1977.

Культурная жизнь в СССР. 1951–1965: Хроника / Сост. Н.П. Жилина. М., 1979.

Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994.

Мастацтва савецкай Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 2 – 1941–1965 гг. Мінск, 1986.

«Милости вашей просим», или Один год в новейшей истории Беларуси, отмеченный в письмах, заявлениях и других формах обращений граждан / Сост. А. Гужаловский (на бел. и рус. яз.). Минск, 2006.

Минская область в документах и материалах. Вып. 2. Возрождение (1946–1953 гг.) / Сост. Н.П. Белезняк и др. Минск, 2009.

Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг.: Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко; Сост. О.В. Эйдельман. М., 1999.

Новый колокол: *Литературно-публицистический сборник* / Сост. А.В. Белинков. Лондон, 1972.

О партийной и советской печати. Сб. документов. М., 1954.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953 гг.: Сб. документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2002.

Сандлер Б., Сандлер И. *Парк советского периода.* Советско-израильские отношения в зеркале политической карикатуры / Сост. и автор предисловий к главам Нати Канторович. М.–Иерусалим, 2009.

Советская жизнь, 1945–1953 гг. / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А.Кузнецова и др. М., 2003.

Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985 гг. М., 2008.

Сталин и космополитизм 1945–1953 гг. Документы Агитпропа ЦК / Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова; под общей ред. А.Н. Яковлева. М., 2005.

Сталинские премии: две стороны одной медали : Сб. документов и материалов / Сост. В.Ф. Свиньин, К.А. Осеев. Новосибирск, 2007.

Цензура в Советском Союзе, 1917–1991 гг. Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004.

Цензура в СССР. Документы. 1917–1991 гг. / Коммент. А.В. Блюма и В.Г. Воловникова. М., 1997.

Статистические сборники

Багровіч А. *Жыхарства Беларускай ССР у сьвятле перапісу 1959 году.* Беларускі інстытут навукі і мастацтва. Нью-Йорк, 1962.
Белорусская ССР за годы Советской власти: Стат. сборник. Минск, 1967.
Белорусская ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963.
Демографические проблемы социума. Состояние и тенденции развития в Республике Беларусь / Сост. П.Г. Никитенко, А.А. Рыков. Минск, 2005.
Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах: Стат. сборник. М., 1957.
Народное хозяйство Белорусской ССР. Минск, 1963.
Раков А. *Белоруссия в демографическом измерении*. Минск, 1974.
Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны / СНК БССР. М., 1943.

Статьи

Абрамов К.И. «Истоки советской цензуры библиотечного дела» // *Библиотековедение*. 1996. № 6. С. 66–72.
Адамовіч А. «Сорак год Беларускай літаратуры ў БССР»: *Беларускі зборнік* / Інстытут для вывучэння СССР. Мюнхэн, 1959. Кн. 10. Ч. 1. С. 95–114.
Адамовіч А. «Якуб Колас у супраціве саветызацыі»: *Доследы і матэр'ялы* / Інстытут для вывучэння СССР. Мюнхэн, 1955. Сер. 1. Вып. 20. С. 40–56.
Батурин Ю.М. «Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г.» // *Советское государство и право*. 1989. № 3. С. 134–142.
Белинков А. «О цензуре». *Новый колокол*: *Литературно-публицистический сборник* / Сост. А.В. Белинков. Лондон, 1972. С. 432–434.
Блюм А.В. «Зарубежная литература в спецхране» // *Иностранная литература*. 2009. № 12. С. 131–146.
Блюм А.В. «Рукописи не горят?»: К 80-летию основания Главлита СССР и 10-летию его кончины // *Звезда*. 2002. № 6. С. 201–211.
Войнович В.Н. «Главный цензор». *Анти-Советский Советский Союз*: Документальная фантасмагория в 4-х частях. М., 2002. С. 164–169.
Герасімаў В.М. «Імперыя спецсхову» // *Літаратура і мастацтва*. 1994. 19 жніўня. С. 6–7.
Герасимов В.М. «История цензуры печати в Беларуси: столетие за столетием» // *Матэрыялы першых кнігазаўчых чытанняу* (Мінск, 15 верасня 1998). Мінск, 2000. С. 23–34.
Герасимов В.М. «На свет божий». Литература возвращается из спецхрана // *Спадчына*. 1992. № 4. С. 98–99 (на бел. яз.).
«Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров БССР» // *Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1944–1964 гг.)*: В 2 ч. / Р.П. Платонов, В.К. Ракашевич, М.К. Бобер и др. Минск, 2003. Ч. 1. С. 71–76.

Головской В.С. «Существует ли цензура в Советском Союзе?» // *Континент* (Париж). № 42. С. 147–174.

Гольдштейн М. «Музыка в тисках цензуры». *Новый колокол*: *Литературно-публицистический сборник* / Сост. А.В. Белинков. Лондон, 1972. С. 168–180.

Гужаловский А. «Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества» // *Acta Slavica Iaponica*. Т. 31 (2012). С. 77–104.

Гужаловский А. «Чистки фондов библиотек БССР в 1919–1941 гг.»: *Здабыткі*. Документальные памятники в Беларуси // Национальная библиотека Беларуси. Вып. 11. Минск, 2009. С. 245–267 (на бел. яз.).

Гужалоўскі А. «Цезурный кантроль ў музеях БССР»: *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў.* Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск,10–11 лістапада 2011). Мінск, 2011. С. 357–361.

А. Гужалоўскі. «Чысткі фондаў бібліятэк БССР у 1944–1989 гг.» // *Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі* / Нацыянальная бібліятэка Беларусі. Мінск: 2012. Вып. 14. С. 34–58.

А. Гужалоўскі. «Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943–1991 гг.» // *Беларускі гістарычны агляд* (Мінск), 2012. Т. 19. 2012. Т. 19. Сш. 1–2. С. 139–178.

Гуль Р. «Писатель и цензура в СССР» // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1972. № 109. С. 240–257.

Джимбинов С. «Эпитафия спецхрану» // *Новый мир*. 1990. № 5. С. 243–252.

Дрейманe Я. «Цензура в библиотеках Латвии в период второй советской оккупации (1944–1974 гг.)» // *Цензура и доступ информации: история и современность*: Тез. докл. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005). СПб., 2005. С. 66–67.

Зеленов М.В. «Спецхран и историческая наука в советской России» // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129–141.

Кашталян І. «Эканамічная штодзённасць БССР ў 1944–1953 гг.» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси*: Сб. науч. тр. Вып. 3. Минск, 2007. С. 239–263.

Костылев Ю.С. «Языковой барьер Иосипа Броз Тито в советской печати» // *Политическая лингвистика*. Вып. 1 (35). Екатеринбург, 2011. С. 156–163.

Костырченко Г. «Советская цензура в 1941–1952 гг.» // *Вопросы истории*. 1996. № 11–12. С. 87–94.

Крывашэй Зм. «Будні літаратурных работнікаў». Пастаноўка цэнзарскай працы ў пасляваеннай беларускай правінцыі (на прыкладзе Пінскай вобласці, 1951–1953гг.) // *Arche*. 2011. № 10. С. 86–96.

Куліковіч М. «Беларускі тэатр на шляху дэнацыяналізацыі»: *Беларускі зборнік* / Інстытут для вывучэння СССР. Мюнхэн, 1959. Кн. 11. Ч. 1. С. 85–99.

Куліковіч М. «Крызіс беларускага музычнага мастацтва ў БССР пасьля вайны 1941–1945 гг.»: *Беларускі зборнік* / Інстытут для вывучэння СССР. Мюнхэн, 1955. Кн. 1. Ч. 1. С. 115–136.

Куліковіч М. «Сучаснае Беларускае мастацтва ў БССР: *Беларускі зборнік* / Інстытут для вывучэння СССР. Мюнхэн, 1955. Кн. 3. Ч. 1. С. 174–198.

Лукашук А. «421 гр. паводле Галоўліту» // *Спадчына*. № 3. 1996. С. 71–91.

Максименко Н. «Записки бывшего цензора» // *Звязда*. 1997. № 10. С. 139–148.

Мальдис А. «Трагические судьбы белорусских музейных, библиотечных и архивных собраний во время второй мировой войны» // *Вяртанне-3:* Сб. статей и документов. Минск, 1996. С. 6–12 (на бел яз.).

Матох В. «Деятельность Главлита БССР в 1920-е годы» // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2008. № 6. С. 13–20.

Мехов В. «Во мраке девятого вала (1945–1953 гг.)» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси…* С. 327–337.

Нисневич С. «Композиторы БССР за 30 лет» // *Советская музыка*. 1949. № 3. С. 29–33.

Сарнов Б. «Зачем мы открываем запасники?» // *Огонёк*. 1990. № 3. С. 17–21.

Силантьев Б. «О Главлите БССР» // *Семь дней*: Газета (Минск). № 2 (11 янв. 2003), № 4 (25 янв. 2003), № 6 (8 февр. 2003).

Симмонс Э.Дж. «Политический контроль и советская литература» // *Политическая лингвистика*. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008. С. 156–163.

Смиловицкий Л. «Евреи Белоруссии в первое послевоенное десятилетие» // *Вестник Еврейского университета.* М.–Иерусалим, 2004. № 9 (27). С. 213–236.

Смиловицкий Л. «Книга в годы сталинских репрессий»: Сборнік навуковых артыкулау: *Кніга, бібліятэчная справа і бібліяграфія Беларусі* / АН Беларусі. Мінск, 1993. С. 128–133.

Смиловицкий Л. «Страницы истории работы библиотек послевоенной школы и педагогических училищ БССР» // *Вопросы библиографоведения и библиотековедения*. Вып. 13. Минск, 1992. С. 175–181.

Сумко Е. «Источники по истории советской цензуры в БССР 1920–1930 годов в архивах Беларуси» // *Архивы и делопроизводство*. 2004. № 4. С. 99–102.

Тортев Д. «Цензура в Горьковской области (1938–1953 гг.)» // *Цензура и доступ информации…* С. 81–82.

Федотов М. «Гласность и цензура: возможность сосуществования» // *Советское государство и право*. 1989. № 7. С. 80–89.

Хоміч С. «Амнісціраванне і рэабілітацыі рэпрэсіраваных у Беларускай ССР (сакавік 1953 – люты 1956 гг.)» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси…* С. 254–266.

Шумскі Ян. *Гісторыя Беларусі ў люстэрку рассакрэчаных дакументаў* ЦК УКП(б)/КПСС // Беларускі гістарычны агляд. 2013. Т. 20. Сш. 1–2. С. 105–134.

Эткинд Е. «Советский писатель и смерть» // *Время и мы.* (Тель-Авив). 1978. № 26. С. 132–143.

Frederic C. Barghoorn. “The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image” // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science September*, 1954, pp. 42–51.

M.-T. Choldin. “Access to the Foreign Publication in the Soviet Libraries”: *Reading and Libraries*. Proceeding of Library History Seminar VIII / University of Texas. Austin, 1991, pp. 135–150.

Merle Feinsod. “Censorship in the USSR. A Documentary Record” // *Problems of Communism*. 1956. Vol. V. No 2 (March-April), pp. 12–19.

A. Huzhalovski. “Cinema in Belarus under pressure of Censorship 1924–1941”: *Studies in Russian and Soviet Cinema*. Vol. 5. No 2, 20 December 2011, pp.169–180.
R. Szporluk. “The Press in Belorussia, 1955-65” // *Soviet Studies*. Vol. 18. No 4 (April, 1967), pp. 482–493.
E.J. Simmons. “Russian Literature and Controls, in Trout the Glass of Soviet Literature”. Harvard, 1963.
L. Smilovitsky. “Byelorussian Jewry and the Doctors’ Plot” // *East European Jewish Affairs*. Vol. 27(2). 1997, pp. 39–53.
L. Smilovitsky. The Non-Jewish Reaction to the “Doctors’ Plot” in Belorussia. In the Light of New Documents (January-March 1953) // *Shvut*. No 9(25). 2000, pp. 67–92.
L. Smilovitsky. “Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade” // *East European Jewish Affairs*. Vol. 30, No 2, Winter 2000, pp. 53–70.
L. Smilovitsky. “Jews under Soviet Rule: attempts to renew Jewish Life during the post war reconstruction period: Case of Belarus, 1944–1953” // *Cahiers du Monde Russe* (Paris). French Research Centre D’études des Mondes Russe, Caucasien Etcentre-Européen. Special issue devoted to WWII Aftermath in Soviet Union/ April-September 2008. Vol. 49/2-3, pp. 475–514.

Авторефераты диссертаций (на соискание ученой степени канд. ист. наук)

Бондарев Г.А. *Советская цензура зрелищ в период новой экономической политики (1921–1929 гг.).* М., 2003.
Каракоз Е.А. *Цензура в публичных библиотеках Украины: сущность и формы проявления (1917–1939 гг.).* Киев, 2006.
Клепиков Н.Н. *Политическая цензура на европейском севере РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг*. Архангельск, 2005.
Левченко И.Е. *Цензура как общественное явление*. Екатеринбург, 1995.
Позднякова И.С. *Цензурная политика в советской России в 1917–1929 гг.* Днепропетровск, 2010 (на укр. яз.).
Суров А.В. *Цензурная политика советского государства в 1917 – начале 1930-х годов.* Ярославль, 2002.
Федотова О.О. *Политическая цензура печатных изданий на Украине: становление, технология, эволюция, 1919–1991 гг*. Переяславль-Хмельницкий, 2009 (на укр. яз.).
Ярмолич Ф.К. *Цензура на Северо-Западе СССР, 1922–1964 гг*. СПб., 2010.

Материалы конференций

История книги и цензуры // Материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма (29–30 мая 2012) / Под ред. М.В. Зеленова, В.В. Мамонова, Е.В. Шеховцевой; ЛГУ имени А.С. Пушкина. СПб., 2012.

Свобода научной информации и охрана государственной тайны. Прошлое, настоящее и будущее // Межрегион. науч.-практ. конф. (Ленинград, 24–26 сент. 1991 г.) / СПб., 1991.

Цензура в России // Тезисы науч. конф. (Екатеринбург, 13–15 нояб. 1995). Екатеринбург, 1995. *Цензура в России. История и современность* // Материалы конф. (Санкт-Петербург, 20–22 сент. 1995) / Российская нац. б-ка, СПб. филиал Института истории РАН. СПб., 2001.

Цензура и доступ информации: история и современность // Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005). СПб., 2005.

Цензура иностранных книг в царской России и Советском Союзе // Междунар. науч. конф. (Москва, 24–27 мая 1993). М., 1995.

Цензурный режим переходных эпох. К 200-летию председателя Комитета цензуры иностранной Ф.И. Тютчева // Всерос. конф. (Санкт-Петербургский гос. университет, 19 нояб. 2003). СПб., 2005.

Приложения

Документы

Приложение 1

Восстановление оборонных объектов в освобожденных районах
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 1, л. 26)

Приказ от 26 августа 1943 г.
Всем начальникам глав, край-, облитов
Москва. Секретно

СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о некоторых мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации, опубликованном в центральной печати 22 августа 1943 г. Работники цензуры обязываются при публикации в местной печати материалов на эту тему руководствоваться тем, чтобы конкретные показатели не выходили за пределы объема и перечисленных объектов, предусмотренных постановлением СНК и ЦК ВКП(б) и тем самым не разгласить данных о проводимых мероприятиях по восстановлению оборонных объектов.

Н. Садчиков

Приложение 2

О письмах военнослужащих действующей Красной армии
(НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 22, лл. 41-42)

П.К. Пономаренко,
27 ноября 1943 г.
Строго секретно

Военной цензурой НКГБ БССР зарегистрированы письма военнослужащих действующей Красной Армии с сообщениями, восхваляющими условия жизни сельского населения Белоруссии в условиях немецкой оккупации.

Начальник отдела «В» НКГБ СССР,
полковник госбезопасности Смородинский

Приложение 3

О государственной границе СССР
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 2, л. 1)

Циркуляр № 1 от 5 января 1944 г.
Всем начальникам глав, край-, облитов
Москва. Секретно

Красная Армия, громя врага, успешно продвигается вперед на Запад. Предлагаю цензорам строго следить за тем, чтобы в печати не было никаких упоминаний о советской старой границе. Государственной границей считает та, которая существовала к моменту вероломного нападения немецких захватчиков.

Н. Садчиков

Приложение 4

О выступлениях служителей религиозных культов
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 2, л. 10)

Циркуляр № 2 от 24 марта 1944 г.
Всем органам цензуры:
Москва. Секретно

Запретить публикацию в местной (республиканской, краевой, областной и районной) печати, по радио статей, выступлений и обращений представителей религиозного культа. Поступление подобных материалов, направленных в центральную (московскую) печать или на радиоцентр, не разрешать и направлять в Главлит СССР.

Н. Садчиков

Приложение 5

Об обязательном экземпляре нацистских изданий в спецхране
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 2, л. 13)

Циркуляр № 2 от 8 апреля 1944 г.
Москва. Секретно

В дополнение к моим устным указаниям предлагаю с получением сего в пятидневный срок проверить все библиотеки, изъять и уничтожить всю литературу, изданную немецкими оккупантами. Однако при этом контрольный экземпляр всех изданий сохранить

в спецхране республиканской, краевой или областной библиотеки наравне с совершенно секретными документами. Не выдавать никому без моего разрешения, об исполнении донести 20 мая 1944 г.

Н. Садчиков

Приложение 6

О недостатках по руководству цензурой в западных областях БССР
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 8, лл. 27-27об)

Начальнику Главлита БССР
Ф.И. Дадиомовой, 7 августа 1945 г.
Москва. Секретно

В отчетном докладе Главлита БССР за первое полугодие 1945 г. не учитываются особенности обстановки западных областей республики. В результате книжные фонды библиотек не очищены от фашистской, буржуазно-националистической и другой политически вредной литературы, не организована по-настоящему проверка книг на польском языке. Указание в отчете на трудности в этой работе не могут служить оправданием для Главлита БССР.

Зам. начальника отдела последующей цензуры Главлита СССР,
О. Губина

Приложение 7

О досмотре трофейной иностранной литературы
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 6, лл. 44-45)

Приказ от 1 апреля 1947 г.
Москва. Секретно

В министерства и учреждения, на предприятия поступает из Германии и других стран трофейная иностранная литература. В циркуляре Главлита от 19 сентября 1945 г. предлагалось изъять все антисоветские, враждебные материалы, которые уничтожить на месте. В настоящее время получены отдельные сигналы о том, что не вся трофейная литература досмотрена, а ее хранение не налажено.

Приказываю:

1. Всем начальникам глав-, край-, облитов обеспечить цензорский просмотр иностранной литературы. Изъять все рисунки, фото, материалы антисоветского содержания, обеспечив их *выдирку* (курсив мой. – *Л.С.*), уничтожать на месте по акту.

2. Для своевременного выявления поступающей иностранной литературы обратиться в ЦК КП(б)Б, обкомы партии обязать руководителей учреждений и предприятий, получающих трофейную иностранную литературу:

А. поставить в известность Главлит,

Б. не использовать до проверки и держать изолировано от других книжных фондов,

В. информировать Главлит о состоянии поступлений ежемесячно.

Уполномоченный СМ СССР
по охране военных тайн в печати,
начальник Главлита при Совете Министров СССР,
К. Омельченко

Приложение 8

Задачи цензуры в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 6, лл. 51-53)

21 апреля 1947 г.
Москва. Секретно
Всем органам цензуры
Циркулярно

Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», репертуаре драматических театров и кинофильме «Большая жизнь» является программой для всех работников идеологического фронта. Органы цензуры обязаны самым решительным образом не пропускать в печать проявления враждебной идеологии.

Своевременному предотвращению ошибок идеологического характера мешает аполитичный подход некоторых цензоров, отсутствие большевистской настороженности, выражающейся, в частности, в неумении видеть проявления низкопоклонства перед буржуазным Западом, примиренческое отношение к отдельным высказываниям, принижающим достижения нашей родины и высокие моральные качества советского человека, ОБЯЗЫВАЮ:

1. повысить требования к цензорам,
2. немедленно доводить до сведения местных партийных, советских и руководящих инстанций о вмешательствах идеологического характера для воздействия на редакторов и руководителей издательств, подписавших в печать произведение, в котором обнаружены ошибки.

К. Омельченко

Приложение 9

О запрете на вывоз за границу
всех видов печатной продукции и негативов
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 6, л. 104)

Циркуляр № 46 от 23 декабря 1947 г.
Всем органам цензуры
Москва. Секретно

Запретить выдавать учреждениям, организациям и частным лицам разрешения на отправку и вывоз из СССР за границу каких бы то ни было произведений печати, рукописей, схем, географических, топографических или геологических карт, чертежей, рисунков, как и фотокопий, негативов на стекле и пленке с этих материалов.

К. Омельченко

Приложение 10

Об отсутствии условий хранения и правильного использования
запрещенных изданий в спецфондах библиотек БССР
(НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 676, лл. 17-17об.)

Докладная записка М.Т. Иовчуку
Минск, 29 февраля 1948 г.
Секретно

В ряде областей БССР – Гомельской, Минской, Молодечненской, Пинской, Полесской, Полоцкой и др. не обеспечены надлежащие условия хранения и правильного использования запрещенных изданий. Спецфонды многих библиотек не имеют изолированного помещения, специальной читальни, инвентарных книг и каталогов. На окнах нет решеток, спецфонд не изолирован от общих фондов библиотеки. В целях установления единого порядка, строгого учета хранения и правильного использования изъятых из обращения изданий просим Вашего содействия в выделении помещений, которые соответствовали бы предъявляемым требованиям.

Ф.И. Дадиомова

Примечание.
Резолюция М.Т. Иовчука:

Н.И. Красовскому. Прошу разъяснить тов. Дадиомовой, что эти вопросы нужно ставить перед облисполкомами. Там, где не созданы условия для работы спецфондов, передать на хранение в Госбиблиотеку БССР им. Ленина, 8 мая 1948 г.

Приложение 11

Денежные месячные оклады сотрудников областных управлений Главлита БССР по состоянию на 1 апреля 1948 г.
(НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 13, л. 6)

Начальник облита – 1000 руб.
Цензор облита – 600 руб.
Старший бухгалтер – 600 руб.
Начальник спецчасти – 500 руб.
Уборщица облита – 250 руб.
Цензор райлита – 150 руб.

Приложение 12

Об искажениях в газете «Гомельская правда»
(НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 21, л. 24)

Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б
14 сентября 1948 г., Минск

Копии: Молочко, Романову, Зимянину, Цанава
Секретно

В результате преступно-халатного отношения к печати и рассылке тиража областной газеты «Гомельская правда» со стороны заместителя ответственного редактора Хайкина, директора фабрики «Полеспечать» Аронова и и. о. начальника Гомельского облита цензора Зеленченка 1 сентября 1948 г. была напечатана и выслана подписчикам часть тиража «Гомельской правды», где был искажен портрет тов. А.А. Жданова.

Несмотря на неоднократные предупреждения со стороны обкома партии, директор фабрики Аронов проявил преступную халатность. Находясь в печатном цехе, где было много бракованных газет, не отделенных от всего тиража, он не принял мер по изъятию газет с искаженным портретов тов. Жданова, которые пошли для распространения подписчикам.

Хайкин и Зеленченок не установили надлежащего контроля и допустили тем самым вопиющую политическую беспечность.

ЦК КП(б)Б постановляет:

1. Исключить И.М. Аронова из рядов ВКП(б) и снять с работы директора фабрики.
2. Уволить с работы зам. редактора Хайкина.

3. Отстранить от занимаемой должности заведующего отделом пропаганды Гомельской областной газеты Майзельса, который был ответственным за выпуск «Гомельская правда» от 1 сентября 1948 г. и, не закончив работу, самовольно ушел из типографии.
4. Поручить Молочко А.Д. и Дадиомовой Ф.И. дополнительно проверить факты халатного отношения к работе Зеленченка и внести свои предложения в ЦК о возможности его дальнейшей работы.
5. Обязать Гомельский обком партии укрепить проверенными кадрами фабрику «Полеспечать» и редакцию «Гомельской правды».
6. Обязать Управление полиграфии издательств при Совете Министров БССР (Минчукова) усилить контроль за качеством печатной продукции, выпускаемой типографиями республики.

Приложение 13

О порядке допуска к работе с секретными документами сотрудников цензуры с разрешения МГБ СССР
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 19, л. 30)

Циркуляр от 13 апреля 1949 г.
Минск. Секретно

Все сотрудники областных управлений Главлита БССР, включая районных уполномоченных и их заместителей, обязаны иметь допуск о работе с секретными документами, оформленный от МГБ. Дается подписка о неразглашении государственной тайны и вместе с допуском подшивается в личное дело.

Лица, оставившие работу в Главлите по тем или иным причинам, немедленно снимаются с учета. Назначение и перемещение начальника секретной части отделения Главлита в обязательном порядке согласовывается с органами МГБ.

Ф.И. Дадиомова

Приложение 14

О большом количестве ошибок,
задержанных цензурой в периодической печати
(НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 347, лл. 133-135)

Заведующему Отделом пропаганды и агитации
ЦК КПБ Н. Халипову
Сообщение от 30 марта 1953 г.
Минск. Секретно

Осуществляя политико-идеологический контроль над произведениями печати, органы цензуры предупредили большое количество ошибок, не были пропущены в печать идеологически невыдержанные статьи и стихотворения.

В газете «Савецкая радзіма» (Бобруйская область) была снята фраза «За последнее время распалось много комитетов комсомола и комсомольских групп. Из месяца в месяц уменьшается количество членов ВЛКСМ».

В газете «Полесская правда» удалено сообщение: «За 1953 г. в районе уменьшилось на 126 чел. количество комсомольцев-колхозников».

В газете «Гродненская правда» по ошибке было напечатано: «…Сначала ликвидировать достижения общественного животноводства в колхозах и совхозах Белоруссии». Цензор исправил это на: «Ликвидировать те серьезные недостатки, которые тормозят дальнейшее развитие общественного животноводства».

В газете «Витебский рабочий» в предложении «В книге “Что делать” В.И. Ленин защитил и творчески *разбил* (вместо *развил*) марксизм как идеологию рабочего класса».

В газете «Вольная праца» (Слонимский район, Барановичской области) цензор удалил стихотворение:

Бо ў той час, калі скакалі
На вяселлі «гапака»,
Свінні крык такі паднялі,
Что хоть вушы затыкай.

Дабіваліся, каб корму
Ім прышоў загадчык даць,
Каб хоць норму, ці паўнормы,
Ім у суткі падаваць.

Каб такі, хаця б як летам,
Ім даваўся рацыён.
Вінаватых, каб у гэтым,
Адшукаў хутчей раён.

Много *вычерков* делается как в областных, так и районных газетах по политическим мотивам следующего содержания: падеж колхозного скота от голода, массовый невыход колхозников на работы, малое количество трудоспособного населения в колхозах и т. п.

Зам. начальника Главлита БССР, Я. Савицкая

Приложение 15

О бездействии партийных и советских инстанций в отношении антисемитских проявлений в БССР после окончания войны
(НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 337, лл. 326-329)

Письмо Н.С. Патоличеву
3 апреля 1953 г. Минск

После войны в Белоруссии и в других местах коренным образом изменилось отношение к евреям не только со стороны отсталых людей, но и, к сожалению, со стороны партийных руководящих работников. Факт этот неоспоримый. Если до войны в обкомах, горкомах, МГБ и МВД и других организациях работали евреи, то после войны их остались единицы. Способных людей заменяют неспособными. Чувствуется недоверие и презрение, а почему не известно. Или на местах искривляют линию партии, или такая политика идет сверху. За последнее время антисемитизм сильно вырос, как когда-то после гражданской войны. Возможно, это объясняется раскрытием заговора врачей-вредителей и разрывом отношений с Израилем?

Наша печать на своих страниц не отделяет тружеников-евреев от буржуазных националистов, тогда как мы ничего не имеем общего с этими извергами и врагами. Не случайно в Бобруйске в феврале 1953 г. на заборах писали: «Бей жидов, спасай Россию!» В школах дети смеются над еврейскими ребятами, а учителя не реагируют. Часто открыто на улицах, в культурных учреждениях, проявляется то же самое, могут избить человека на улице или на производстве, а милиция ничего не предпринимает.

Газеты как по команде пишут фельетоны, где в роли жуликов выступают одни евреи. На некоторых предприятиях эти фельетоны зачитывают коллективно во время политинформации. Евреи находятся в подавленном состоянии, а враги пускают слухи, что скоро всех нас вышлют из Советского Союза и начнутся погромы.

В этом деле есть большой перегиб. Кто искусственно создает такую обстановку без ведома партии и правительства? Чувствуется, что кто-то действует в этом вопросе из членов ЦК. Мутят воду, такого положения раньше не было. Необходимо провести такую работу, чтобы мы могли жить дружно с русским народом, как жили до войны. Вы, сидя в Москве, не в состоянии знать, что происходит на местах, а вам не всегда докладывают.

Еще раз просим расследовать это заявление и поставить в известность ЦК нашей партии.

Группа старых рабочих-коммунистов

Приложение 16

О бывших членах Союза писателей БССР, арестованных НКВД, дела которых в настоящее время пересмотрены
(НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 56, л. 63)

Письмо от 19 октября 1955 г.
от А. Вербицкого – Я. Савицкой
Минск. Секретно

В отношении бывших членов Союза советский писателей БССР, арестованных НКВД и осужденных, в настоящее время дела пересмотрены и приняты следующие решения:

Астапенко Дмитрий Емельянович, Баранов-Барановых Семен Яковлевич, Богун Михаил Федорович, Звонак Петр Борисович, Клопов-Знаёмый Сергей Дмитриевич, Середа-Дорожный Сергей Михайлович, Ракита-Законников Сергей Михайлович, Микулич Борис Михайлович, Скриган Иван Александрович, Шушкевич Станислав Петрович, Ходыко Владимир Матвеевич.

В отношении этих лиц постановлением Президиума Верховного суда БССР от 29 декабря 1954 г. дело прекращено за недоказанностью состава преступления.

Дело Березкина Григория Соломоновича определением судебной коллегии по уголовным делам от 10 октября 1955 г. дело в части обвинения в антисоветской агитации прекращено, а за высказывания националистического характера определено наказание в два года лишения свободы, и на основании Указа от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», судимость снята.

Дело Равун Иосифа Израилевича определением судебной коллегии по уголовным делам от 16 сентября 1955 г. за недоказанностью состава преступления производством прекращено.

Дело Жилуновича Дмитрия Федоровича (Тишка Гартный) постановлением Прокуратуры БССР от 15 октября 1955 г. прекращено за недоказанностью состава преступления.

Туренкова Алексей Евлампиевича (композитор) на основании Указа от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Отечественной войны 1941–1945 гг.» считать не имеющим судимости.

А. Вербицкий

Приложение 17

О реабилитации творческого наследия
М.В. Довнар-Запольского и В.И. Пичеты
(НАРБ, ф.1195, оп. 2, д. 64, л. 24)

Приказ Главлита БССР № 5
5 июля 1956 г.
Минск

Исключить из приказа № 33 от 3 июня 1937 г. и «Алфавитного списка изъятой литературы по приказам Главлита БССР за период 1938–1948 гг.» произведения авторов: М.В. Довнар-Запольского и В.И. Пичеты.

Л. Садовский

Приложение 18

Об изъятии книги В.Р. Тарасенко
(НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 41, л. 2)

Приказ Главлита БССР 19 марта 1956 г.
Минск

Изъять из библиотек общего пользования и книготорговой сети книгу В.Р. Тарасенко «Происхождение христианства». Госиздат БССР. Минск 1952 г.
(20 тыс. экз.)

Л. Садовский

Разослать настоящее уведомление:

1. Главлит СССР
2. всем облитам
3. всем спецфондам
4. Белкоопсоюз
5. Белсоюзпечать (все областные отделения)
6. Белпрофсовет
7. Белкниготорг
8. Областной бибколлектор
9. Военный бибколлектор
10. Военкнижторг
11. Управление железной дороги
12. Белпрофсовет
13. Министерство просвещения

14. Министерство культуры
15. Минское облоно
16. Минское гороно
17. Областной отдел культуры
18. Министерство здравоохранения
19. Научно-медицинская библиотека БССР
20. Библиотека ЦК КПБ
21. Минский горком КПБ
22. всем райкомам партии (библиотекам)
23. Министерство сельского хозяйства.

Списки произведений с резолюцией Главлита

Приложение 19

О снятии с производства и изъятии из продажи граммофонных пластинок

Название произведения	Нумерация Главлита	Авторы и исполнители
«Беспокойное сердце»	13105	сл. И. Финка, обр. Л. Беженцева, исп. К. Шульженко
«Былые увлечения»	12631	муз. О. Строка, исп. К. Шульженко
«Встречи»	10117	обр. И. Жака, сл. А. Уманского, исп. К. Шульженко
«Забытый переулок»	–	муз. А. Гарриса
«Зачем?»	12210	муз. Э. Рознера, сл. Ю. Цейтлина, исп. джаз-оркестра п/р Э. Рознера
«Лунная рапсодия»	12882	муз. О. Строка, сл. Н. Лабковского, исп. Л. Утесов
«Мне так грустно»	13508	обр. А. Цфасмана, сл. Н. Крылова, исп. Р. Сикора
«Песенка о мужьях»	12100	муз. М. Валоваца, сл. И. Финка, исп. К. Шульженко
«Партизаны»	12090	муз. А. Гарриса, исп. К. Шульженко

О снятии с производства и изъятии граммофонных пластинок

Название произведения	Нумерация Главлита	Авторы и исполнители
«Песенка английского моряка»	–	муз. А. Илютовича, сл. Я. Зискинда, исп. Н. Красина
«Песенка о моей Варшаве»	–	сл. и муз. А. Гарриса
«Прекрасна, как веселый день»	13806	муз. В. Мейзеля, сл. М. Арцыбашева, исп. Н. Белугин
«Песня встречи»	12214	муз. А. Гарриса, сл. Б. Винникова
«Песенка старого портного»	–	муз. Н. Богословского, сл. В. Дыховичного
«Прощальный луч»	13857	муз. А. Цфасмана, сл. Н. Лабковского
«По одной дороге»		сл. и муз. А. Гарриса
«Руки»	13104	муз. И. Жака, сл. В. Лебедева-Кумача, исп. К. Шульженко
«Случайный вальс»	12495	муз. М. Фрадкина, сл. Е. Долматовского, исп. Л. Утесов
«Сочи»	10543	муз. М. Табачникова, сл. Л. Ролла, исп. К. Шульженко
«Там, где за рекой»	–	сл. и муз. А. Гарриса
«Точно»	12091	муз. М. Табачникова, сл. С. Болотина, исп. К. Шульженко
«Ты моя»	13564	муз. Х. Хенри, сл. Т. Сикорской, исп. И. Шмелев с джазом
«Часы»	12633	муз. М. Феркельмана, сл. А. Волкова, исп. К. Шульженко
«Шаланды, полные кефали»	–	муз. Н. Богословского (из к/ф «Два бойца»)

Приказ № 109 Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром при Совете Министров СССР от 21 окт. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 62).

Приложение 20

О снятии с производства музыкальных произведений как устаревших по содержанию

Название произведения	Нумерация Главлита	Авторы и исполнители
«Как по берегу крутому»	15871	муз. М. Феркельмана, сл. И. Всеволжского
«В бой за Родину»	14681	муз. З. Компанейца, сл. Л. Ошанина
«Лихая артиллерийская»	14682	муз. Т. Хренникова, сл. В. Гусева
«Золотился закат»	15332	муз. М. Фрадкина, сл. Е. Долматовского
«Рязаночка»	14666	муз. Я. Бокадова, сл. Я. Белинского
«Шахтерский вальс»	–	муз. И. Дунаевского, сл. Е. Шатуновского
«Тишина»	–	муз. В. Липатова, сл. Н. Глейзарова
«У криницы»	15609	муз. А. Новикова, сл. С. Алымова
«Наше дело правое»	–	муз. А. Новикова, сл. Д. Бедного
«Казак-герой»	–	муз. А. Акуленко, сл. С. Алымова
«Прощай, земля чужая»	–	муз. Н. Богословского, сл. Н. Гуторовича
«Новоселье»	–	муз. С. Туликова, сл. О. Фадеевой
«Верный спутник»	–	муз. Э. Рознера, сл. Н. Лабковского
«У крыльца»	–	муз. С. Туликова, сл. М. Лапирова
«Вечерний вальс»	–	муз. С. Туликова, сл. О. Фадеевой
«От ворот поворот»	–	муз. А. Новикова, сл. С. Васильева
«Ходит Ваня за окном»	–	муз. С. Левитина, сл. М. Лапирова
«Я жду»	–	муз. Н. Эллиот, сл. Л. Болотина
«Волшебный принц»	–	муз. Д. Гершвина, сл. Т. Сикорской
«Последний отбой»	–	муз. Т. Чарльза и П. Эльтона, сл. Т. Сикорской
«Песенка об отпусках»	–	куплеты В. Курочкина, сл. В. Лебедева-Кумача
«Атомная песенка»	–	муз., сл. И. Фидлера
«Пожарная песенка»	–	муз., сл. И. Набатова
«Сие от них не зависит»	–	муз. куплеты И. Фидлера
Все грампласт. с записями	–	З. Шульмана, М. Эпельбаума, С. Любимова

Приказы по Главреперткому СССР от 26 нояб. 1946 г., 26 мая, 16 июля 1948 г. и 19 сент. 1951 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 84, 136, 146–151, 296, 401).

Приложение 21

О снятии с репертуара и запрещении к исполнению вокальных произведений

Название произведения	Авторы и исполнители
«В роще лимоновой»	муз. М. Петренко
«Встреча в Берлине»	муз. Б. Корниха
«Вам все равно»	муз. Э. Рознера
«Встреча»	муз. Б. Бальзацкого, сл. Г. Строганова
«Веселая прогулка»	муз. В. Ренева, сл. А. Южина
«Голубая табакерка»	муз. В. Макарова, сл. А. Южина
«Грустить не надо»	муз. М. Блантера, сл. В. Масса
«До скорой встречи»	муз. Б. Корниха, сл. О. Фадеевой
«Жду»	муз. Э. Рознера, сл. Ю. Цейтлина
Крошка	муз. Э. Рознера, сл. К. Червинского
«О том о сем»	муз. А. Волкова, сл. Л. Давидович
«Ни пуха, ни пера…»	муз. М. Феркельмана, сл. Л. Давидович
«О’кэй, Британия»	муз. Е. Жарковского, сл. Я. Радионова
«Песенка футбольного болельщика»	муз. М. Фрадкина, сл. В. Типота
«Пожарный вальс»	муз. Э. Рознера, сл. Ю. Цейтлина
«Ревность»	муз. Б. Корниха, сл. О. Фадеевой
«Песенка холостяка»	муз. М. Петренко, сл. Н. Коваля
«Самый близкий»	муз. М. Феркельмана, сл. Я. Зискинда
«Хорошо и вери гуд»	муз. Б. Фомина, сл. М. Кримкера
«Фруктовая месть»	муз. М. Феркельмана, сл. А. Стоврацкого
«Только ты»	муз. Э. Рознера, сл. В. Масса
«Счастье»	муз. М. Петренко, сл. Н. Коваля
«Станица дальняя»	муз. М. Петренко, сл. Н. Коваля
«Сердце влюбленное»	муз. Э. Рознера, сл. В. Винникова
«Песенка официантки»	муз. В. Ренева, сл. В. Драгунского
«Песенка о лимонаде»	муз. М. Петренко, сл. Г. Строганова
«Песенка о ЗАГСе»	муз. В. Корниха, сл. О. Фадеевой

О снятии с репертуара и запрещении к исполнению вокальных произведений

Название произведения	Авторы и исполнители
«Дым»	муз. Д. Керн, сл. Карбих
«Ежик»	муз. В. Корниха, сл. О. Фадеевой
«Другой»	муз. Э. Рознера, сл. В. Масса
«Евдокия»	муз. Ю. Запольской, сл. Т. Якоб
«Киевлянка»	муз. О. Сандлера, сл. И. Туровского
«Лыжи»	муз. Б. Фомина, сл. И. Финка
«Молчаливый морячок»	муз. Д. Алексеева, сл. В. Дыховичного
«Настанет день»	муз. Б. Фомина, сл. П. Германа
«Ничего»	муз. В. Ренева, сл. Ю. Данцигера

Приказ по Главреперткому СССР 7 дек. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп.1, д. 3, лл. 85-86).

Приложение 22

О снятии с репертуара и запрещении к исполнению опер

Название произведения	Авторы	Мотивировка запрета
«Великая дружба»	муз. В. Мурадели	историческое несоответствие
«Леди Макбет Мценского уезда»	муз. Д. Шостаковича	пренебрежение к народному творчеству
«Алеся»	муз. Е. Тикоцкого, либретто П. Бровки	в связи с авторской переработкой
«Калинка»	муз. С. Аксюка, М. Черему-хина, либретто Г. Санникова и Г. Владимирова	в связи с авторской переработкой
«Таня»	муз. и либретто В. Дехтярева	в связи с авторской переработкой
«Рашель»	муз. Р. Глиэра, либретто М. Алигер и М. Булгакова	как незаконченная и не используемая в театрах
«Самсон и Далила»	муз. К. Сен-Санса, перевод либретто А. Горчаковой	как идейно несостоятельная по содержанию; отдельные арии разрешить для исполнения в концертах

Название произведения	Авторы	Мотивировка запрета
«Сын народа»	муз. В. Власова и В. Фере, либретто Б. Винникова	в связи с авторской переработкой
«Богатая невеста»	муз. Б. Трошина и В. Энке, либретто Л. Крупенникова	в связи с авторской переработкой
«Броненосец “Потемкин”»	муз. О. Чешко, либретто С. Спасского	в связи с авторской переработкой
«Гвардейцы»	муз. Л. Степанова, либретто Л. Степанова, Л. Березина и М. Калиновского	в связи с авторской переработкой
«Степан Разин»	муз. А. Касьянова, либретто Н. Бирюкова	как неверно освещающая исторические события
«Чудесный поток»	муз. Л. Шварца, либретто С. Болотина и Т. Сикорской	как не отвечающие возросшим требованиям к идейно-художественному уровню

Приказы по Главреперткому СССР от 21 янв., 25 февр. 1948 г., 18 апр., 29 авг. 1951 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 28, 107, 128, 226, 299, 300).

Приложение 23

О снятии с репертуара «западных» и советских оперетт

Название произведения	Авторы
«Южная ночь»	муз. С. Каца, либретто И. Рубинштейна
«Баядера»	муз. Э. Кальмана, либретто В. Михайлова и Д. Толмачева
«Чужая дочь»	муз. О. Фельцмана, либретто И. Рубинштейна
«Марица»	муз. Э. Кальмана, русский текст либретто Е. Геркена и И. Рубинштейна
«Гейша»	муз. С. Джонса, рус. текст либретто В. Финка, Е. Пермяка
«Гейша»	муз. С. Джонса, русский текст либретто В. Зака
«Дьявольский наездник»	муз. И. Кальмана, либретто В. Типота
«Золотая долина»	муз. И. Дунаевского, либретто М. Янковского

О снятии с репертуара «западных» и советских оперетт

Название произведения	Авторы
«Дочь падишаха»	муз. В. Соколова, либретто В. Ленского, Л. Сегал
«Девушка, разыгранная в лотерее»	муз. Ж. Оффенбаха, русский текст либретто Б. Фельдмана
«Кето и Котэ»	муз. В. Долидзе, русский текст либретто М. Аваха и Н. Бажана
«Корневильские колокола»	муз. Р. Планкетта, либретто В. Инбер и В. Зака
«Взаимная любовь»	муз. С. Каца, либретто И. Рубинштейна
«Мои товарищи»	муз. В. Соловьева-Седого
«Солнечный цветок»	муз. М. Старокадомского, либретто Е. Геркена, Е. Рысса
«Мадемуазель Нитуш»	муз. Ф. Эрве, либретто М. Гальперина
«Принцесса цирка»	муз. И. Кальмана, либретто А. Густавсона, К. Грекова, Л. Пальмского и В. Шершеневича
«Мариэтта»	муз. С. Колло, либретто Л. Пальмского и В. Шершеневича, текст М. Незнамова
«Когда заходит солнце»	муз. А. Артамонова
«Коломбина»	муз. А. Рябова, текст В. Ленского, стихи Г. Гридова
«Сорванец»	муз. С. Колло, текст. Д. Джусто и А. Густавсона
«Талисман»	муз. К. Крауса, русский текст Л. Пальмского

Приказы по Главреперткому СССР 8 авг. 1945 г., 31 янв., 17 марта, 18 апр. 1951 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 1, 28, 204, 224, 226).

Приложение 24

О снятии с репертуара и запрещении к исполнению произведений для эстрады [фельетоны, юморески, шутки, скетчи, сказки, рассказы]

Название произведения	Жанр	Нумерация Главлита	Автор
«А все-таки она существует»	фельетон	591/46-у	В. Поляков
«Двадцать два несчастья»	фельетон	955/45	Н. Кустинский
«История без любви»	юмореска	432/46-у	В. Левшин
«Крик души»	фельетон	–	М. Слободской
«Моя подруга»	комедия	359/45-у	А. Вернер
«Над кем смеетесь?»	фельетон	926/45	В. Дыховичный
«Огни большого города»	скетч	410/46-у	Я. Ялунев
«Очень сожалею»	пародия	799/46	Э. Геллер
«Первый брак»	рассказ	537/46-у	В. Левшин
«По страницам старых журналов»	интермедия	549/46-у	В. Никулин
«Преступление актрисы Марыськиной»	скетч	419/46-у	А. Аверченко
«Ум и глупость»	скетч	563/46-у	Л. Кронфельд
«Чертова дюжина»	скетч	556/46-у	Л. Кронфельд
«Универмаг и волшебники»	фельетон	986/45	В. Дыховичный
«Радиорепортаж»	пародия	586/46-у	И. Пустынин
«Трансформация»	фельетон	406/46-у	Л. Кронфельд
«Хорошо быть моряком»	фельетон	821/45	П. Григорьев
«Просто так»	скетч	310/45	К. Кривошеин
«Хороший тон»	интермедия	543/46-у	В. Никулин
«Ум и глупость»	скетч	563/46-у	Л. Кронфельд
«Седьмое небо»	монолог	551/46-у	Л. Кронфельд
«Конь Александра Македонского»	шутка	540/46-у	В. Беринг, пер. с англ.
«Опель-Олимпия»	шутка	601/46-у	Н. Погодин
«В поисках утраченного времени»	по мотивам М. Пруста	373/45	И. Голубенцев

Приказ по Главреперткому СССР 24 окт. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 66).

Приложение 25

О снятии с репертуара и запрещении к исполнению музыкальных комедий

Название	Авторы
«Пять невест»	муз. Н. Сорокина и Д. Клебанова, либретто И. Рабиновича
«Мой мальчик»	муз. О. Сандлера, либретто С. Каца и М. Аваха
«Роза ветров»	муз. Б. Мокроусова, либретто И. Луковского
«Яблоко любви»	муз. Р. Хейфа, либретто И. Луковского
«Девушка из Барселоны»	муз. Б. Александрова, либретто И. Назарова и А. Софронова
«Кето и Котэ»	либретто В. Долидзе, русский текст М. Аваха и Н. Бажана
«Славянка»	муз. С. Заславского, либр. В. Головачева, Н. Доризо и В. Ленского
«Малыш»	комедия Ж. Летраза

Приказы по Главреперткому СССР от 21 окт. 1946 г., 11 дек. 1947 г., 4 февр., 13 марта 1948 г., 17 марта, 29 авг. 1951 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 32, 106, 114, 124, 224, 299-300).

Приложение 26

Разрешение к исполнению инструментальных произведений для духового оркестра без указания автора

Название произведения	Жанр	Автор музыки
«Гарольд»	вальс	Н. Давингоф
«Голубая даль»	вальс	И. Чернецкий
«Грусть»	вальс	Н. Бакалейников
«Май»	вальс	С. Чернецкий
«Осенний сон»	вальс	А. Джойс
«Уланы»	мазурка	С. Чернецкий
«Песня артиллеристов»	марш	А. Новиков
«Под звездами Кремля»	марш	Л. Шварц

Приказ по Главреперткому СССР от 7 февр. 1947 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 79).

Приложение 27

О снятии с репертуара и запрещении к исполнению инструментальных произведений для духовых оркестров

Наименование	Жанр	Автор музыки	Инстр. обработка
«Дачный бал в лесу»	инструментальная пьеса	А. Эйленберг	Ф. Богорад
«Мельница в лесу»	инструментальная пьеса	А. Эйленберг	Ф. Богорад
«Салям алейкум»	сюита	Ф. Витачек	Ф. Витачек
«Пляска крымских татар»	сюита	Ф. Витачек	Ф. Витачек
«Веселая игра»	увертюра	А. Бейсиг	Ф. Богорад
«За свободу»	увертюра	Саул Чаплин	Ф. Богорад
«На заре»	увертюра	Саул Чаплин	Ф. Богорад
«Царь-голод»	увертюра	Ф. Богорад	Ф. Богорад
«Хайтарма»	из сюиты «Крымские эскизы»	А. Спендиаров	–
«Чеченская»	из цикла «Две песни на темы горских народов»	Н. Иванов-Радкевич	–

Приказ по Главреперткому СССР 24 окт. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 67).

Приложение 28

О снятии с репертуара и запрещении произведений, исполнявшихся на эстраде под названием старинных и цыганских романсов и песен

Название произведения	Жанр	Авторы и исполнители
«Бирюзовые колечки»	песня	Изабелла Юрьева
«Взгляд твоих чудных очей»	романс	Алла Боянова
«Все говорят, что я ветрена бываю»	романс	Изабелла Юрьева
«Вернись»	романс	муз. Б. Прозоровского
«Вот на землю ночь спустилась»	романс	муз. М. Штейнберга
«Все впереди» («Брось недобрые тайные думы…»)	романс	муз. Б. Фомина

О снятии с репертуара и запрещении романсов и песен

Название произведения	Жанр	Авторы и исполнители
«Всплески моря» («Я молод, друг, во цвете лет…»)	романс	муз. Б. Прозоровского
«Гори, гори, любовь цыганки…»	романс	исп. А. Дмитриевич
«Диль-дон» («Если слышишь рыдания и слезы…»)	песня	все исполнители
«Друг души, поспеши»	романс	все исполнители
«Косыночка» («Ты, смотри, никому не рассказывай…»)	романс	муз. Б. Прозоровского
Караван («Мы странно встретились …»)	романс	муз. Б. Прозоровского
«Лошадушки»	песня	муз. Д. Покрасса, сл. Ю. Борисова
«Любит тот горячей, кто молчит»	романс	муз. Я. Немировского, сл. Н. Астаховой
«Мы сегодня расстались с тобой»	романс	муз. Л. Дризо
«Мой милый друг»	романс	муз. Ф. Карно, сл. Н. Орлова
«Не говори мне этих слов небрежных»	романс	муз. Б. Фомина, сл. Э. Оболенской
«Мираж» («Пусть этот сон чарующий и странный…»)	романс	сл. и муз. Т. Котляревской
«Шаль» («Меня не греет шаль...»)	романс	муз. Ю. Оболенской
«Отцвели хризантемы в саду»	романс	муз. Н. Харито
«Прощай, мой табор»	романс	муз. Б. Прозоровского
«Песня цыганки» («По-над степью ночь раскрыла…»)	романс	муз. Я. Немировского, сл. Н. Астаховой
«Прости меня за все»	романс	муз. Б. Фомина
«Счастье» («Как часто мы с тобой не замечаем…»)	романс	муз. Б. Фомина

Приказ по Главреперткому СССР 24 окт. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 67).

Приложение 29

О снятии с производства и запрещении использования в концертах, трансляции по радио произведений еврейских авторов (на идише и русском языке)

Название произведения	Жанр	Нумерация Главлита	Автор
«Биробиджданер фрейлекс»	песня	4734 7411	муз. А. Полонского
«Обманутый жених»	опера	4700	муз. В.-А. Моцарта
«Музыкант»	пьеса	–	С. Галкин
«Гетто» («Беловежская пуща»), «Король Лампедузы»	пьесы	–	П. Маркиш и все остальные его произведения
«Нит шимеле»	песня	5416	муз. Л. Пульвера, сл. И. Добрушина, из пьесы «200 тысяч» Шолом-Алейхема
«Красноармейская»	песня	5406	из пьесы «Суд идет»
«Свадебная»	песня	5417	из пьесы «Человек воздуха»
«Рыбацкая»	песня	7276	из к/ф «Искатели счастья»
«Биробиджанская колыбельная»	песня	7277	сл. И. Фефера
«О Сталине»	песня	8844	муз. С. Сендерея
«Биробиджанский»	марш	8564	муз. С. Сендерея
«Аята бравер»	песня	8595	еврейская народная
«Зейр гут»	песня	8603	сл. Б. Шейнина
«Йошке»	песня	8632	муз. Я. Полонского
«Биробиджанер виглид» (лирич.-патриотическая)	песня	7361	муз. Р. Боярской, сл. И. Фефера
«Жирным зерном»	песня	8624	муз. А. Крейна
«Колхозная застольная»	песня	7479	музыка народная
«Лехаим»	пьеса	–	И. Фефер и все остальные его произведения

Приказы по Главреперткому СССР от 5 нояб. 1946 г., 7 янв., 14 февр., 16 нояб. 1949 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 72, 374, 376, 402).

Приложение 30

Разрешение к постановке спектаклей для детей

Название произведения	Нумерация Главлита	Авторы и постановщики
«Колокола-лебеди»	ТО-388/47	П. Карнаухова, Л. Браусевич
«Петрушкин отдых»	ТО-401/47	К. Тукацкий
«Кот и заяц»	ТО-408/47	Г. Ландау
«Родная семья»	ТО-446/47	Е. Рысс
«Товарищи»	ТО-482/47	В. Пистолетенко
«Слон и муравей»	ТО-473/47	Ф. Фатуев
«Сказка об Иване-царевиче и сером волке»	ТО-03/48	Н. Надеждина-Еленевская
«Путешествие в сказочную страну»	ТО-30/48	А. Волков
«Чудесный горшок»	ТО-37/48	П. Маляревский
«Мальчик из Князь-озеро»	ТО-50/48	Л. Браусевич
«Большая награда»	ТО-66/48	С. Силаев
«Сказка о лисе, медведе и тете Дуне»	–	М. Померанцев
«Кот-гусляр»	–	О. Иртеньев
«Гусенок»	–	Н. Гернет и Т. Гуревич
«Царевна-лягушка»	451/48	С. Сапожникова
«Три поросёнка»	356/48	А. Акимов
«Зеленый сундучок»	ТО-547/47	И. Василенко
«По щучьему велению»	ТО-249/48	Е. Тараховская
«Умная уточка»	ТО-327/48	Г. Ландау
«Сказка о царе Салтане»	ТО-324/48	А. Пушкин, инсценировка Б. Познанского
«Мистер Твистер»	ТО-373/48	С. Маршак
«Верные друзья»	ТО-304/48	Н. Новоселецкая
«Похождение адмирала-бедняка»	ТО-339/48	М. Борский

Приказы по Главреперткому СССР от 25 окт. 1947 г., 12 марта, 16 июля, 31 авг. 1948 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 66, 116, 125, 150, 157); Разрешение цензора Главлита БССР 24 февр. 1954 г. (Там же, ф. 115, оп. 1, д. 33, л. 158); протокол заседания художественного совета Белгосэстрады от 14 марта 1955 г. в Минске (Там же, д. 36, л. 11).

Приложение 31

О выделении денежной помощи (возвратных ссуд) художникам БССР, запечатлевшим образ Сталина (1948–1952 гг.)

Фамилия, имя, отчество	**Сумма,** *руб.*	**Тема и назначение**
И.И. Ахремчик	3000	прием товарищем Сталиным белорусских партизан
С.Д. Ли	2000	поездка в Туруханский край для сбора материала к картине «Накануне»
А.И. Моносзон	1500	изучение и зарисовки в Горках
В.Ф. Морозов	1000	поездка в Закавказье для серии рисунков и акварелей к биографии Сталина
Е.Е. Красовский	1500	иллюстрация биографии Сталина
П.А. Данелия	1000	иллюстрация биографии Сталина
А.В. Волков	500	иллюстрация биографии Сталина
И.А. Давидович	1500	иллюстрация биографии Сталина
А.И. Кроль	1500	иллюстрация биографии Сталина
Е.А. Зайцев	2000	иллюстрация биографии Сталина
А.О. Бембель	2000	работа над бюстом Сталина
З.И. Азгур	2000	работа над бюстом Сталина
А.К. Глебов	2000	работа над скульптурой «Ленин и Сталин в Разливе»
П.М. Романовский	1000	работа над картиной «Ленин и Сталин в Смольном»
С.И. Селиханов	2000	работа над скульптурой «Сталин с детьми»
Е.Н. Тихонович	1000	работа над картиной «Сталин в штабе Западного фронта»
Р.В. Кудревич	500	работа над картиной «Я видела товарища Сталина»
В.К. Цвирко	1000	работа над картиной «Сталин на палубе крейсера “Чырвона Украïна”»
Н.И. Головченко	1000	работа над портретом Сталина

Составлено по материалам БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 17, лл. 62-63, 67-68, 105, 112, 123-126; д. 20, лл. 2, 62; д. 24, л. 71.

Приложение 32

Расценки, утвержденные Главлитом БССР портретов руководителей партии и правительства, написанных маслом на холсте (1946 г.)

Художник	Название работы	Размеры, *см*	Примечание
А.В. Барановский	И.В. Сталин	100 х 80	исправить левый висок
В.П. Суховерхов	И.В. Сталин	100 х 80	смягчить резкость усов
В.К. Цвирко	И.В. Сталин	200 х 15	сделать мягче руку
Т.Н. Разина	Л.П. Берия	100 х 80	исправить рот, притушить глаза
А.С. Гугель	А.И. Микоян	100 х 80	исправить нижнюю челюсть
А.С. Гугель	А.А. Жданов	100 х 80	уменьшить разрез губ
С.А. Андрукович	В.М. Молотов	100 х 80	исправить глаза, подчеркнуть усы, волосы
В.Я. Хрусталев	В.И. Ленин	100 х 80	контраст (свет и полутени), исправить переносицу и рот
З.С. Павловский	К.Е. Ворошилов	100 х 80	исправить усы, сделать плотнее губы
С.И. Селиханов	Л.М. Каганович	100 х 80	увеличить ухо
З.С. Павловский	А.Н. Косыгин	100 х 80	проверить нос, смягчить тон пиджака
З.С. Павловский	А.А. Андреев	100 х 80	проверить взгляд и костюм
З.С. Павловский	М.И. Калинин	100 х 80	исправить волосы и бороду
Н.И. Гусев	Н.М. Шверник	100 х 80	исправить правый глаз и рубаху
З.С. Павловский	Н.С. Хрущев	100 х 80	исправить левый глаз, отделить волосы от фона

Составлено по материалам БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 7, лл. 18-20.

Приложение 33

Расценки на оплату заказов по изготовлению портретов и копий художественных произведений (1946–1952 гг.)

Автор оригинального произведения	Название копии	**Размер,** *см*	**Время,** *час*	**Оплата,** *руб.*
И.И. Бродский	«Ленин в Смольном»	140 х 100	85	1750
А.М. Герасимов	«Сталин у Горького»	175 х 135	150	2700
А.М. Герасимов	«Сталин и Ворошилов»	175 х 135	150	2700
В.П. Ефанов	«Ленин и Горький»	175 х 135	150	2750
А.В. Моравов	«Ленин и Сталин у прямого провода»	175 х 135	170	3000
А.В. Васильев	«Портрет Ленина»	150 х 100	170	3000
А.В. Васильев	«Портрет Сталина»	210 х 100	150	2700
А.В. Васильев	«Чапаев»	137 х 94	100	1800
К.Н. Корыгин	«Портрет Сталина»	85 х 105	65	1350
М.Б. Греков	«Тачанка»	200 х 100	75	1500
Н.С. Самокиш	«Атака конницы»	200 х 100	85	1800
Ю.Н. Трузе	«Ледовое побоище»	85 х 190	110	2000
В.Г. Перов	«Охотники на привале»	160 х 150	170	3000
И.И. Левитан	«У омута»	160 х 150	75	1500
И.И. Левитан	«Золотая осень»	135 х 85	75	1500
К.Е. Маковский	«Дети, бегущие от грозы»	150 х 100	85	1600
Н.К. Рерих	«Гонец»	137 х 94	110	2000
А.К. Саврасов	«Грачи прилетели»	–	55	1300
И.И. Шишкин	«Рожь»	135 х 80	100	1800
И.И. Шишкин	«Корабельная роща»	200 х 100	140	2500
И.И. Шишкин	«Утро в сосновом бору»	100 х 140	100	1800
А.М. Васнецов	«Три богатыря»	140 х 100	115	2200
И.Е. Репин	«Запорожцы»	140 х 100	220	4000
Н.Е. Бубликов	«Маневры Черноморского флота»	200 х 100	75	1500

Протокол заседания комиссии Белорусского отделения ХФ СССР от 16 апр. 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 89, оп. 1, д. 11, лл. 225-227).

Приложение 34

Расценки на оплату за скульптурные статуи Ленина (Сталина) высотой 2,35 м при Центральных художественных оформительских мастерских в Минске (1949 г.)

Виды работ	**Материал**	**Время,** *час*	**Оплата,** *руб.*
Изготовление формы	гипс	240	960
Отливка скульптуры	гипс	74	296
Покраска (под бронзу)	гипс	23	94
Установка	гипс	91	365
Итого	гипс	**428**	**1715**

Составлено по материалам БГАМЛИ: ф. 89, оп. 1, д. 17, лл. 47-50.

Приложение 35

Стоимость изготовления эталонов (гипс) для скульптуры при Центральных художественных оформительских мастерских в Минске (1948 г.)

Название работы	**Вид скульптуры**	**Размер**	**Время,** *час*	**Оплата,** *руб.*
«И.В. Сталин»	бюст	1,25 нв*	13,5	52,2
«Ленин и Сталин»	барельеф	0,4 м	4,5	18
«К. Маркс»	бюст	2 нв	40	160
«Ф. Энгельс»	бюст	2 нв	40	160
«Н.С. Хрущев»	бюст	1,5 нв	14,3	57,2
«А.М. Горький»	бюст	0,3 м	8	32
«Янка Купала»	бюст	0,3 м	8	32
«Сулейман Стальский»	бюст	1,5 нв	42,2	168,8
«Джамбул Джабаев»	бюст	0,3 м	10	40,2
«Володя Ульянов 4-х лет» (с тумбочкой)	фигура	1,3 м	87	348

Стоимость изготовления эталонов

Название работы	Вид скульптуры	Размер	Время, *час*	Оплата, *руб.*
«Толкание ядра»	фигура	2 нв	135	542,2
«Девушка с мячом»	фигура	0,70 м	33	133
«Лев с кабаном»	композиция	1,5 нв	231	927
«Лев и львица»	композиция	0,3 х 0,4 м	22	90

Составлено по материалам БГАМЛИ: ф. 89, оп. 1, д. 14, лл. 91, 94-95; д. 17, лл. 47-50.

* Здесь *нв* – натуральная величина.

Приложение 36

Биографический указатель руководителей цензуры

Дадиомова, Феня (Фаина) Исааковна (1906–1991), начальник Главлита БССР (июнь 1943 – апр. 1951 г.). Род. в м. Ветка Гомельского уезда Могилевской губ., секретарь Ветковского волостного совета профсоюзов, партийного бюро 63-го кавалерийского полка (1922 г.), курсант Минской окружной советско-партийной школы (1924 г.), преподаватель обществоведения в Минской школе коммунистической молодежи (1926 г.), член КП(б)Б (с 1927 г.), председатель месткома 3-й советской больницы в Минске (1928 г.), зам. директора фавозной (дерматологической) лечебницы Минска (1929 г.), зав. отделом ЦК Союза работников медико-санитарного труда БССР (1931 г.), ученица наборщицы 18-й типографии в Москве (1931 г.), студентка Московского химико-технологического ин-та им. Д.И. Менделеева (1932–1933 гг.), инструктор Сталинского РК ВКП(б) в Москве (1934 г.), студентка Коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова в Москве (1936 г.), студентка Коммунистического ин-та журналистики им. С.М. Кирова, Минск (1937 г.), зав. отделом пропаганды газеты «Чырвоная змена» (1937 г.), первый секретарь Ворошиловского РК КП(б)Б (1938 г.) г. Минска, главный редактор, а затем корректор Госиздата БССР (1938 г.), товаровед белорусского отделения Всесоюзной конторы по заготовкам и снабжению (1939 г.), начальник Главного комитета по контролю за репертуаром при Народном Комиссариате просвещения БССР (март 1939 – июнь 1941 г.), начальник

отдела кадров аэродромного строительства Орловской обл. (июль 1941 – янв. 1942 г.), инструктор Чкаловского обкома ВКП(б) (январь 1942 – март 1943 г.), кавалер двух орденов «Знак Почета» (1940, 1949 гг.), удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.).

Омельченко, Константин Кириллович (1907–?), уполномоченный СМ СССР по охране военных тайн в печати (1946–1953 гг.), начальник Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР (1953–1957 гг.); помощник зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) (1937 г.); зав. сектором центральных газет отдела печати ЦК ВКП(б) (1938 г.), ответств. редактор газеты «Труд» (с 6 янв. 1941 г.), ответств. редактор журнала «Профессиональные союзы» (1945–1946 гг.), уполномоченный СМ СССР по охране военных тайн в печати (1946–1953 гг.), начальник Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР (1953–1957 гг.); первый зам. председателя Правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (1957–1959 гг.); главный редактор журнала «Советские профсоюзы» (1959–1961 гг.).

Остапенко, Михаил Кириллович (1911–?), зам. начальника Главлита БССР по кадрам (дек. 1948–1950 гг.). Род. в д. Сырская Буда Кормянской волости Рогачевского уезда Могилевской губ., член КП(б)Б с 1931 г., пионервожатый школы совхоза им. Войкова в Корме (1927–1928 гг.), секретарь Кормянского РК ЛКСМБ (1930–1932 гг.), инспектор Кормянского РК КП(б)Б (1932–1933 гг.), студент Коммунистического ин-та журналистики им. С.М. Кирова (1933–1937 гг.), зав. отделом партийной жизни газеты «Звязда» (1937–1940 гг.), помощник секретаря ЦК КП(б)Б (1940–1941 гг.), ответств. редактор газет «Звязда» и «Савецкая Беларусь» в Москве (окт. 1941 – авг. 1942 г.), ответств. редактор газеты «За радзіму» в Кричеве Могилевской обл. (авг. 1943–1947 гг.), начальник отдела последних известий Радиокомитета БССР (1947 г.), удостоен медалей «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.».

Прокашко, Георгий Васильевич (1902–?), зам. начальника Главлита БССР (ноябрь 1946 – май 1947 г.). Род. в д. Крупа Волковысского уезда Гродненской губ., окончил высшее начальное училище и три класса школы 2-й ступени в Бугуруслане (1917–1920 гг.), учитель в Омске (1921 г.), учитель начальной школы в Плещеницком районе Минской обл. (1922–1923 гг.), в Красной армии (1923 г.), технический секретарь ЦК КП(б)Б (1923–1924 гг.), студент Коммунистического ин-та им. В.И. Ленина в Минске (1924–1927 гг.), инспектор районного отдела наробраза в Турове Полесской области (1927–1929 гг.), инспектор окружного отдела наробраза в Мозыре (1929–1930 гг.), инспектор НК просвещения БССР (1930–1931 гг.), инструктор политотдела 2-й стрелковой дивизии в Минске (1932–1937 гг.), зав. общим отделом Минского облисполкома (1938–1939 гг.), секретарь Минского облисполкома (1939–1941 гг.), в политотделе 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта (1941–1946 гг.), секретарь Минского облисполкома (1947 г.); кавалер орденов «Красная звезда», Отечественной войны 2-й ст., награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

Савицкая, Ядвига Михайловна (1908–?), зам. начальника Главлита БССР (сентябрь 1947 – январь 1954 г.). Род. в Минске, учащаяся ФЗУ печатников (1925–1929 гг.), наборщица типографии им. И.В. Сталина (1929–1934 гг.), студентка Коммунистического ин-та журналистики им. С.М. Кирова (1934–1937 гг.), зав. экономическим отделом Республиканской польской газеты «Орка» в Минске (1937 г.), зав. торговым отделом редакции газеты «Звязда» (1937–1940 гг.), зав. партийным отделом Республиканской польской газеты «Штандар вольности» в Минске (1940–1941 гг.), член партийного городского подполья, редактор подпольной газеты «Звязда» (1941– октябрь1942 г.), член редакции подпольной газеты «Патриот Родины», Слуцкая партизанская зона (1942–1943 гг.), зам. редактора подпольной газеты «Белостокская правда» (1943–1944 гг.), секретарь Ворошиловского РК КП(б)Б Минска (1944 г.), зам. районного уполномоченного по эвакуации белорусского населения по Ломжинскому району Белостокской обл. (1944–1945 гг.), ответств. секретарь журнала «Большевик Белоруссии» (1945–1947 гг.), окончила заочно Высшую партийную школу при ЦК КП(б)Б (1946–1951 гг.), кавалер ордена Боевого Красного Знамени, удостоена медали «Партизану Отечественной войны» 2-й ст.

Садовский, Леонид Васильевич (1912–?), начальник Главлита БССР (февраль 1951 – апрель 1962 г.). Род. в д. Ореля Полоцкого района, учащийся школы колхозной молодежи (1928–1931 гг.), окончил курсы газетных работников (1931 г.), инструктор Лепельской районной, окружной газеты «Колхозная правда», зав. сельхозотделом, зам. редактора (1932–1938 гг.), слушатель Коммунистического ин-та журналистики в Минске (1936 г.), корреспондент газеты «Правда» по БССР в Москве (1938–1940 гг.), первый секретарь Лапского РК КП(б)Б Белостокской обл. (1940–1941 гг.), уполномоченный ЦК КП(б)Б по строительству линии обороны на Днепре в р-не Шклова (июнь-июль 1941 г.), редактор многотиражной газеты 258-й стрелковой дивизии (Орел), слушатель курсов усовершенствования политсостава, инструктор политотдела 5-й запасной стрелковой бригады (Борисоглебск) (1941–1944 гг.), начальник Дома офицеров на станции Причернавская Приволжского военного округа (1944–1945 гг.), зав. сектором кадров печати ЦК КП(б)Б в Минске (1946–1947 гг.), зав. сектором, 1-й зам. зав. отделом партийных кадров ЦК КП(б)Б (1947–1948 гг.), зам. председателя Совета профсоюзов БССР (ноябрь 1948 – февраль 1951 г.), окончил заочно Высшую партийную школу при ЦК КП(б)Б (1948–1952 гг.); удостоен медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.».

Садчиков, Николай Георгиевич, начальник Главного Управления по делам литературы и издательств и Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати (1938–1946 гг.).

Приложение 37

Перечень периодических печатных изданий, издательств и информагентств

Газеты и журналы

«Беларускі зборнік» (Мюнхэн)
«Беларусь»
«Березка»
«Блокнот агитатора»
«Большевик»
«Вожык»
«Запісы» (Нью-Йорк)
«Звязда»
«Известия»
«Коммунист»
«Континент» (Париж)
«Крокодил»
«Літаратура і мастацтва»
«Литературная газета»
«На страже»
«Наука и жизнь»
«Новое русское слово» (Нью-Йорк)
«Новый журнал» (Нью-Йорк)
«Огонек»
«Пионер Белоруссии»
«Правда»
«Природа»
«Работніца і сялянка»
«Русская мысль» (Париж)
«Советиш геймланд»
«Советская Белоруссия»
«Сталинская молодежь»
«Чырвоная змена»

Издательства

Государственное издательство БССР (Минск)
Государственное издательство культурно-просветительной литературы (Москва)
Государственное издательство социально-экономической литературы (Москва)
Государственное издательство СССР (Москва)
Государственное политическое издательство (Москва)

Государственное учебно-педагогическое издательство (Москва)
Дер Эмес (Москва)
Детская литература (Москва)
Издательство АН БССР (Минск)
Издательство изобразительного искусства (Москва)
Издательство имени Чехова (Нью-Йорк)
ИМКА-Пресс (YMCA-Press)
Народная асвета (Минск)
Посев (Франкфурт-на-Майне)

Информационные агентства

Агентство Рейтер (*Reuters*), Лондон
Ассошиэйтед Пресс (*Associated Press*), Нью-Йорк
Белорусское телеграфное агентство (БелТА), Минск
Би-би-си (*BBC*, *British Broadcasting Corporation*), Лондон
Советское информационное бюро (информационно-пропагандистское ведомство МИД СССР), Москва
Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), Москва

Приложение 38

Цензорские шифры периодических изданий БССР (1944–1956 гг.)

Областные газеты

Название издания	Область	Шифр Главлита
«Чырвоная звязда»	Барановичская	ТС
«Савецкая радзіма»	Бобруйская	АФ
«Зара»	Брестская	АЕ
«Гомельская праўда»	Гомельская	АЗ
«Гродненская праўда»	Гродненская	АИ
«Мінская праўда»	Минская	АТ
«За радзіму»	Могилевская	АО
«Сталинский путь»	Молодечненская	ГП
«Савецкае Палессе»	Полесская	АС
«Знамя коммунизма»	Полоцкая	АП

Цензорские шифры периодических изданий БССР (1944–1956 гг.)

Республиканские газеты

Название издания	Шифр Главлита
«Железнодорожник Белоруссии»	ИК
«Звязда»	АТ
«Зорька»	АТ
«Калгасная праўда»	АТ
«Літаратура і мастацтва»	АТ
«Настаўніцкая газета»	АТ
«Піянер Беларусі»	АТ
«Советская Белоруссия»	АТ
«Сталинская молодежь»	АТ
«Физкультурник Белоруссии»	АТ
«Чырвоная змена»	АТ

Многотиражные газеты

Название издания	Название предприятий, учреждений, учебных заведений	Шифр Главлита
«Автозаводец»	Минский автомобильный завод	АТ
«Бумажник»	Добрушская бумажная фабрика	ИК
«Голос стахановца»	Гомельский завод с/х машиностроения	ИК
«За сталинские кадры»	Белгосуниверситет им. В.И. Ленина	АТ
«За стаханаўскую працу»	Витебская фабрика «КИМ»	АЖ
«Мотовелозаводец»	Минский мотовелозавод	АТ
«Сталинец»	Гомельский стеклозавод	АЗ
«Рабочий Осинторфа»	завод «Осинторф»	Ж
«Речник Белоруссии»	Верхне-Днепровское речное пароходство	ИК
«Светофор»	Оршанский узел Западной ж.-д.	НК
«Сельмашевец»	завод «Гомсельмаш»	АЗ

Многотиражные газеты (окончание)

Название издания	Название предприятий, учреждений, учебных заведений	Шифр Главлита
«Сигнал»	Бел. ин-т инженеров ж.-д. транспорта	АЗ
«Советский инженер»	Белорусский политехнический институт	АТ
«Советский медик»	Минский гос. медицинский институт	АТ
«Строитель транспорта»	министерство транспорт. строительства	АТ
«Сцяг індустрыялізацыі»	Витебская швейная фабрика	ИК
«Трактор»	трест Белтракторстрой	ОИ
«Трыбуна наватара»	управление Оршанского льнокомбината	АЖ

Журналы

Название издания	Шифр Главлита
«Беларусь»	АТ
«Бальшавік Беларусі»	АТ
«Блокнот агитатора»	АТ
«Бярозка»	АТ
«Вожык»	АТ
«Полымя»	АТ
«Советская отчизна»	АТ
«Савецкая школа»	АТ
«У дапамогу настаўніку»	АТ

Составлено по материалам «Летопись печати БССР». Минск, 1946–1957.

Приложение 39

Афоризмы, цитаты, крылатые фразы и выражения о цензуре

Цензор подобен парикмахеру: тот стрижет власы твои, сей же бреет самые мысли.

Козьма Прутков

* * *

Цензура сделана нянькой рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, которые ходят на помочах, отчего нередко бывают кривые ноги.

А.Н. Радищев

* * *

Что нужно Лондону, то рано для Москвы.

А.С. Пушкин. Послание цензору

Прошлое России прекрасно, настоящее – великолепно, а будущее выше того, что может представить себе человеческое воображение. Вот угол зрения, под которым должна писаться история России.

Из письма А.Х. Бенкендорфа – П.Я. Чаадаеву

* * *

Недостаточно свободы слова, необходима свобода слуха.

Цензура – та же паутина: маленьких мух она ловит, а большие ее прорывают.

А.И. Герцен

* * *

Перо так и толкается о такие места, которые цензура ни за что не пропустит.

Н.В. Гоголь

* * *

Цензура появляется там, где правительству приходится держать себя с управляемою нациею как нациею, враждебной ему.

Н.Г. Чернышевский

* * *

Для безмятежного сохранения своих окладов наши цензоры, если им прикажут, скроют и само солнце.

О.И. Сенковский

Нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма. Всякое ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно влечет за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов.

Ф.И. Тютчев

***

Цензор может не только запретить статью или отдельное ее место. Он может ее исказить до неузнаваемости, выбрасывая слова и фразы, уничтожая связь между предложениями, обесцвечивая картины, обессиливая аргументацию, обращая живое тело в мертвый остов.

К.К. Арсеньев

***

Ни одно правительство не может существовать без цензуры: там, где печать свободна, никто не свободен.

Томас Джефферсон

***

Цензура – это знак недоверия общества самому себе.

Маргарет Мид

Цензура – это тайная рекомендация посредством явного запрета.

Дитер Хильдебрандт

***

Утраченную веру в слово мне вернула цензура.

Станислав Ежи Лец

***

Цензор получает рукопись как «ёлочку», а возвращает ее как «бревно».

Л.Р. Козлов

***

В Советской России все запрещено, а то, что разрешено, то обязательно.

Уинстон Черчилль

***

Правда – это ложь, а ложь – это правда.

Джордж Оруэлл

***

Чем больше цензуры, тем дальше власть от народа.

Г.Ф. Александров

Я только не имею права касаться в моих статьях власти, религии, политики, нравственности, должностных лиц, благонадежных корпораций, Оперного театра, равно как и других театров, а также всех лиц, имеющих к чему-либо отношение, – обо всем же остальном я могу писать совершенно свободно под надзором двух или трех цензоров.

Пьер Огюстен Бомарше

***

Для цензора нет другого закона, кроме его начальника.

Цензура означает полную свободу печати для правительства.

Цензура постоянно внушает печати, что она больна, какие бы доказательства своего здоровья та не предоставляла. Однако цензура – это не ученый врач, а деревенский доктор, знающий против всего одно универсальное средство – скальпель, удаляя все, что не нравится.

Цензура – это шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, не заботясь о том, что может поразить весь организм. Она не уничтожает борьбы мнений, а превращает ее из открытой в тайную, действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола.

Карл Маркс

***

Свобода печати поможет силе мировой буржуазии. Она не умерла. Она жива. Она стоит рядом и караулит.

Из письма В.И. Ленина – Г.И. Мясникову

***

Цензура? Какое ужасное слово! Но для нас не менее ужасные слова: пушка, штык, тюрьма и даже государство… мы не испугались проверять даже изящную литературу, под флагом которой может оказаться яд для наивной и темной души огромной массы, готовой отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку из-за слишком больших испытаний пути.

А.В. Луначарский

***

Кто знает, быть может, цензурное насилие над словом играет роль снега, засыпавшего теперь наши поля: он губит стебли и цветы, но сохраняет молчаливые подземные корни.

М.М. Пришвин

***

Писатель, который говорит, что ему необходима цензура, похож на рыбу, которая утверждает, что ей не нужна вода.

М.А. Булгаков

Настоящая большая литература может появиться только в стране, где писать запрещено.

А.Д. Синявский

***

Цензура нужна государству, которое видит в своем подданном либо раба, либо – врага.

И.А. Бродский

***

Советская власть победила неграмотность, но отняла у людей книгу, и сделано это было с помощью цензуры.

Самый главный цензор в Советском Союзе – это страх.

В.Н. Войнович

***

Цензура вызывает у меня алкогольный протест.

С.Д. Довлатов

***

Советская цензура не только запрещает, рвет, сжигает, арестовывает и убивает, но и рекомендует.

А.В. Белинков

***

С помощью опытного редактора писателю удается сказать то, что он хотел, иногда даже так, что цензорский комар и носа не подточит.

В.П. Некрасов

***

Не цензура выхолащивает книгу, ей принадлежат лишь последние штрихи, а редактор, который со всем вниманием вгрызается в текст и перекусывает каждую ниточку.

Н.Я. Мандельштам

***

Цензура под затуманенным именем Главлита осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями… по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

А.И. Солженицын

***

Положение, при котором автор может общаться с читателем только через систему государственных издательств – это заслуга цензуры.

Н.М. Коржавин

Печатное слово отличается от рукописного претензией на абсолютную достоверность.

В.С. Золотухин

***

В СССР все, что не сообщено в официальной печати, считается слухами. Отсутствие свободы печати лишает возможности осмыслить происходящее. Объективность и беспристрастность достигаются не запретами и лимитами, а широтой подачи информации. Чем больше точек зрения, тем легче прийти к объективным выводам.

В.К. Буковский

***

В нашей стране благородной цензуры быть не может. Теоретически она возможна, и это было бы неплохо, но это только в теории и в другой стране, но только не в нашей.

Э.А. Рязанов

***

В мирное время писателям не стреляли в затылок, но зато широко практиковали убийство их произведений.

Василь Быков

***

В Праге отменили цензуру, и мы вынуждены были ввести туда танки. Если мы отменим цензуру, кто будет вводить танки в Москву?

М.А. Суслов

Список сокращений

Агитпроп – отдел агитации и пропаганды при комитетах ВКП(б)/КПСС, отвечавший за идеологическую работу с населением
АН – Академия наук
АОН – Академия общественных наук при ЦК КПСС
АПО – отдел агитации и пропаганды комитетов ВКП(б) и КП(б)Б
БГМИВОВ – Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны
БГУ – Белорусский государственный университет
БДТ – Белорусский драматический театр
БелГОСЕТ – Белорусский государственный еврейский театр
Белгосиздат – Государственное издательство БССР
Белгоскино – Белорусское государственное кинообъединение
Белсовпроф – Белорусский совет профессиональных союзов
БелТА – Белорусское телеграфное агентство
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВИНИТИ – Всесоюзный институт научной информации, один из крупнейших центров развития информатики в СССР
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВМН – высшая мера наказания
Воениздат – Издательство военной литературы министерства обороны
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВПШ ЦК КПБ – Высшая партийная школа при ЦК КП Белоруссии
ВУОАП – Всесоюзное управление по охране авторских прав
ВЦСПС – Всесоюзный Центральный совет профессиональных союзов
Географгиз – Государственное издательство географической литературы
ГИЗ – Государственное издательство
ГИХЛ – Государственное издательство «Художественная литература»
Главархив – Главное архивное управление СССР
Главискусство – Главное управление по делам искусства при Совете Министров СССР
Главлит БССР (*Главлитбел*) – Главное управление по делам литературы и издательств при СНК (Совете Министров) БССР (1922–1953), Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при МВД БССР (с 15 марта 1953), Управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров БССР (с 4 ноября 1953), в Госкомитете по делам печати при СМ БССР (1963–1991)

Главнаука – Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений
Главпур – Главное политическое управление Советской армии
Горисполком – исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся
Горком – городской комитет партии
Госиноиздат – Государственное издательство иностранной литературы
Госполитиздат – Государственное издательство политической литературы
Госстатиздат – Государственное издательство статистической литературы
Госюриздат – Государственное издательство юридической литературы
ГУРК (*Главрепертком*) – Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР
Детгиз – Государственное издательство детской литературы
ЕАК – Еврейский антифашистский комитет в СССР
ИЗОГИЗ – Государственное издательство изобразительного искусства
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР
ИМЭЛС – Институт Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина
Иновещание – вещание по радио на зарубежные страны
ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории
КГБ – Комитет государственной безопасности
КИЖ – Коммунистический институт журналистики имени С.М. Кирова
КЛЭ – Краткая литературная энциклопедия
КОГИЗ – Книготорговое объединение государственных издательств
КП(б)Б – Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ – культурно-просветительное учреждение
ЛІМ – *Літаратура і мастацтва*, еженедельная газета Союза писателей Беларуси
ЛКСМБ – Ленинский Коммунистический Союз молодежи Белоруссии
МГБ – министерство государственной безопасности
МУЗГИЗ – Государственное музыкальное издательство
Облит – областное отделение уполномоченного Главлита
ОГИЗ – Объединение государственных издательств
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление СССР
ОНО – отдел народного образования
Профиздат – издательство ВЦСПС
Райисполком – исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся
Райлит – районное отделение уполномоченного Главлита
РИК – районный исполнительный комитет (райисполком)
Самиздат – способ неофициального распространения произведений, религиозных или публицистических текстов, магнитофонных записей в СССР машинописным, фотографическим или рукописным способом
Самоцензура – самоограничение в процессе создания произведения, при котором автор руководствуется заранее известными табу, налагаемыми государством, обществом, спецификой читательской аудитории или собственным эстетическим вкусом и моральными принципами

СМ – Совет Министров

СМИ – средства массовой информации

Собес – отдел социального обеспечения

Совхоз (сокр. от «советское хозяйство») – государственное сельскохозяйственное предприятие, где, в отличие от колхозов как добровольных кооперативных объединений крестьян, управление осуществлялось от имени государства, наемные работники получали фиксированную заработную плату в денежной форме, а не натуральную оплату продуктами в виде «трудодней», как в колхозах

Соцэгиз – Государственное издательство социально-экономической литературы

Союзкнига – организация, отвечавшая за экспортно-импортные торговые операции с книгами, периодикой, аудио- и видеопродукцией в СССР, имела свои представительства во многих странах мира, упразднена (1990)

Союзпечать – система организаций и предприятий по распространению периодической печати министерства связи

Спецхран – отдел специального хранения печатных изданий в советской библиотеке, ознакомление с которыми без специального разрешения категорически запрещено, как и ссылки на эти издания

Спецчасть – отдел по хранению секретной документации в государственном учреждении

СПП – Союз советских писателей

ССК – Союз советских композиторов

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний

УНХУ – Управление народно-хозяйственного учета

Центропечать – Центральное агентство по распространению печати

ЦК – Центральный Комитет

ЦСПСБ – Центральный совет профессиональных союзов БССР

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЦУНХУ – Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана

ЧГК – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР

ЮНЕСКО (UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – организация по вопросам образования, науки и культуры при ООН

ЮНРРА (United Nation Relief and Rehabilitation Administration) – Администрация помощи и восстановления при ООН, включала 44 страны (1945–1947)

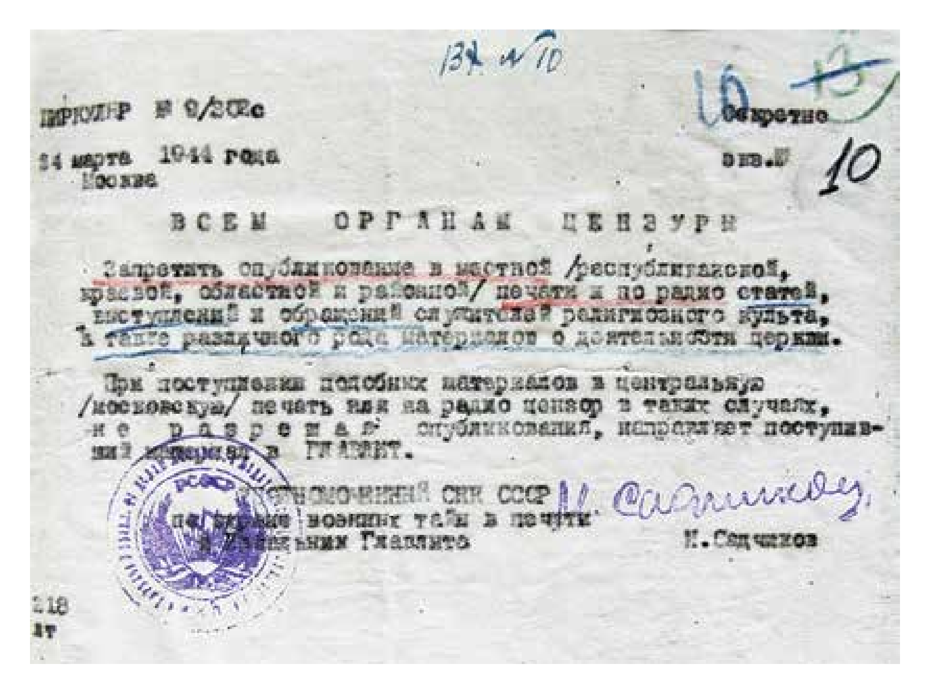
YMCA-Press (The Young Men's Christian Association) – издательство, основанное в Праге (1921), функционировало в Берлине (1923), в Париже (1925–1940)

Именной указатель

Географический указатель

Иллюстрации

Накануне Победы



ЦИРКУЛЯР № 9/202с

Секретно

24 марта 1944 года

экз. № 10

Москва

ВСЕМ ОРГАНАМ ЦЕНЗУРЫ

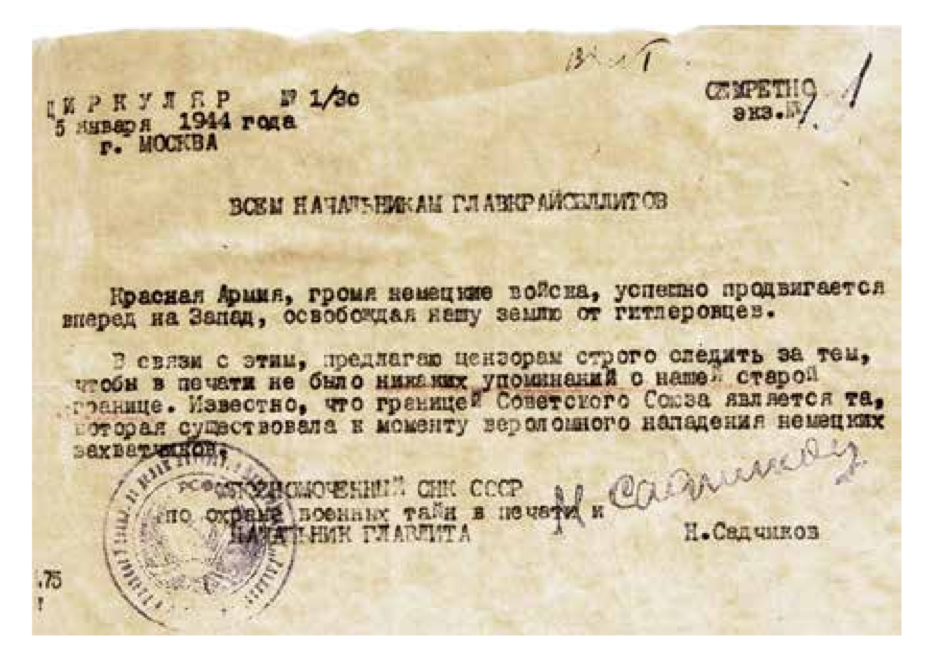
Запретить опубликование в местной /республиканской, краевой, областной и районной/ печати и по радио статей, выступлений и обращений служителей религиозного культа, а также различного рода материалов о деятельности церкви.

При поступлении подобных материалов в центральную /московскую/ печать или на радио цензор в таких случаях, не разрешая опубликования, направляет поступивший материал в ГЛАВЛИТ.

Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн в печати
и Начальник Главлита

Н. Садчиков

О выступлениях служителей религиозных культов: Циркуляр всем органам цензуры от 24 марта 1944 г. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 2, л. 10)



ЦИРКУЛЯР № 1/3с

СЕКРЕТНО

экз. №

5 января 1944 года

г. МОСКВА

ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ ГЛАВКРАЙОБЛЛИТОВ

Красная Армия, громя немецкие войска, успешно продвигается вперед на Запад, освобождая нашу землю от гитлеровцев.

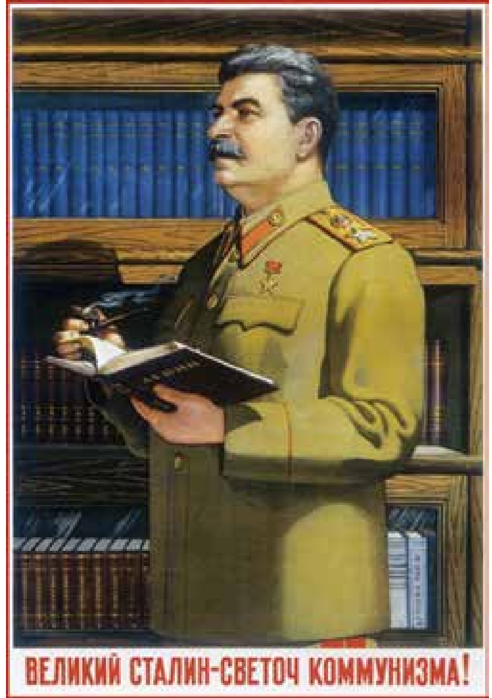
В связи с этим, предлагаю цензорам строго следить за тем, чтобы в печати не было никаких упоминаний о нашей старой границе. Известно, что границей Советского Союза является та, которая существовала к моменту вероломного нападения немецких захватчиков.

Уполномоченный СНК СССР
по охране военных тайн в печати и
Начальник Главлита

Н. Садчиков

О государственной границе СССР: Циркуляр № 1 всем начальникам глав-, край- и облитов от 5 января 1944 г. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 2, л. 1)

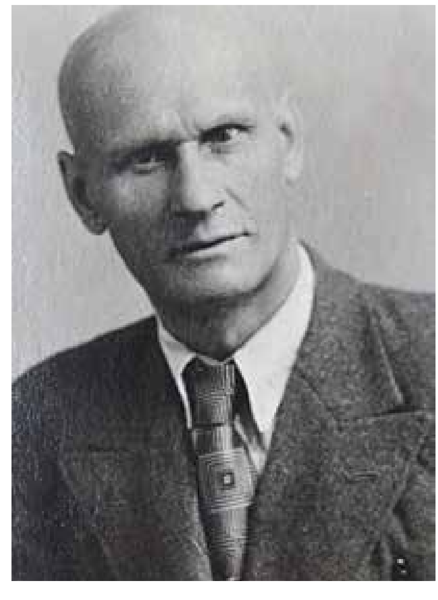
Послевоенное восстановление



Плакаты В.С. Иванова, 1945–1951 гг.

Руководители Главлита БССР

Феня (Фаина) Исааковна Дадиомова (1906–1991), начальник Главлита БССР (июнь 1943 – апрель 1951 г.)



Георгий Васильевич Прокашко (1902–?), зам. начальника Главлита БССР (ноябрь 1946 – май 1947 г.)

Леонид Васильевич Садовский (1912–?), начальник Главлита БССР (февраль 1951 – апрель 1962 г.)

Михаил Кириллович Остапенко (1911–?), зам. начальника Главлита БССР по кадрам (декабрь 1948 – 1950 г.)

Цензоры Главлита БССР

Абрам Моисеевич Бляхер, цензор облита в Бресте

Марк Иосифович Зеленченок, ст. цензор облита в Гомеле

Василий Денисович Иоскин, цензор облита в Минске

Зиновий Хаимович Зарецкий, ст. цензор Главлита БССР

Ядвига Михайловна Савицкая, ст. цензор Главлита БССР

Галина Иосифовна Ярошевская, цензор облита в Минске

Слева направо: **Зиновий Хаимович Зарецкий, Раиса Иосифовна Мазуркевич, Галина Иосифовна Ярошевская, Ефросинья Алексеевна Дмитриева, Эмилия Ивановна Прокопеня, Станислав Михайлович Целуевский, Агафья Степановна Калмыкова, Вера Сергеевна Серова**

Слева направо: **Вера Сергеевна Серова, Зиновий Хаимович Зарецкий, Оксана Дмитриевна Быковская, Галина Иосифовна Ярошевская** (фото из личного архива З.Х. Зарецкого)

Служебные удостоверения

СНК БССР

Прад'яўнік гэтага мае права ўвахода ва ўсе совецкія ўстановы БССР

1945—1946

Уласная подпісь Дадиомова

СОВЕТ НАРОДНЫХ КАМІСАРАЎ
БЕЛАРУСКАЙ СОВЕЦКАЙ СОЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ РЭСПУБЛІКІ

ПАСВЕДЧАННЕ № 138

Прад'яўнік гэтага тав. Дадиомова Ф.
з'яўляецца Начальником Главлита БССР

Старшыня СНК БССР

Кіраўнік спраў СНК БССР

Государственное учебно-педагогическое издательство Главиздата Министерства культуры БССР

Удостоверение № 19

Предъявитель сего тов. Дадиомова Фена Исаковна
является редактором Государственного учебно-педагогического издательства БССР.

Действительно по «31» декабря 1955 г.

Директор

Продлен по «31» декабря 1956 г.

Директор

Продлен по « »   195 г.

Директор

Продлен по « »   195 г.

Директор

Зак. 1944

Галоўнае Упраўленне па справах літаратуры і выдавецтваў (Галоўліт) пры Совеце Міністраў Беларускай Совецкай Социялістычнай Рэспублікі

Уласнаручны подпіс

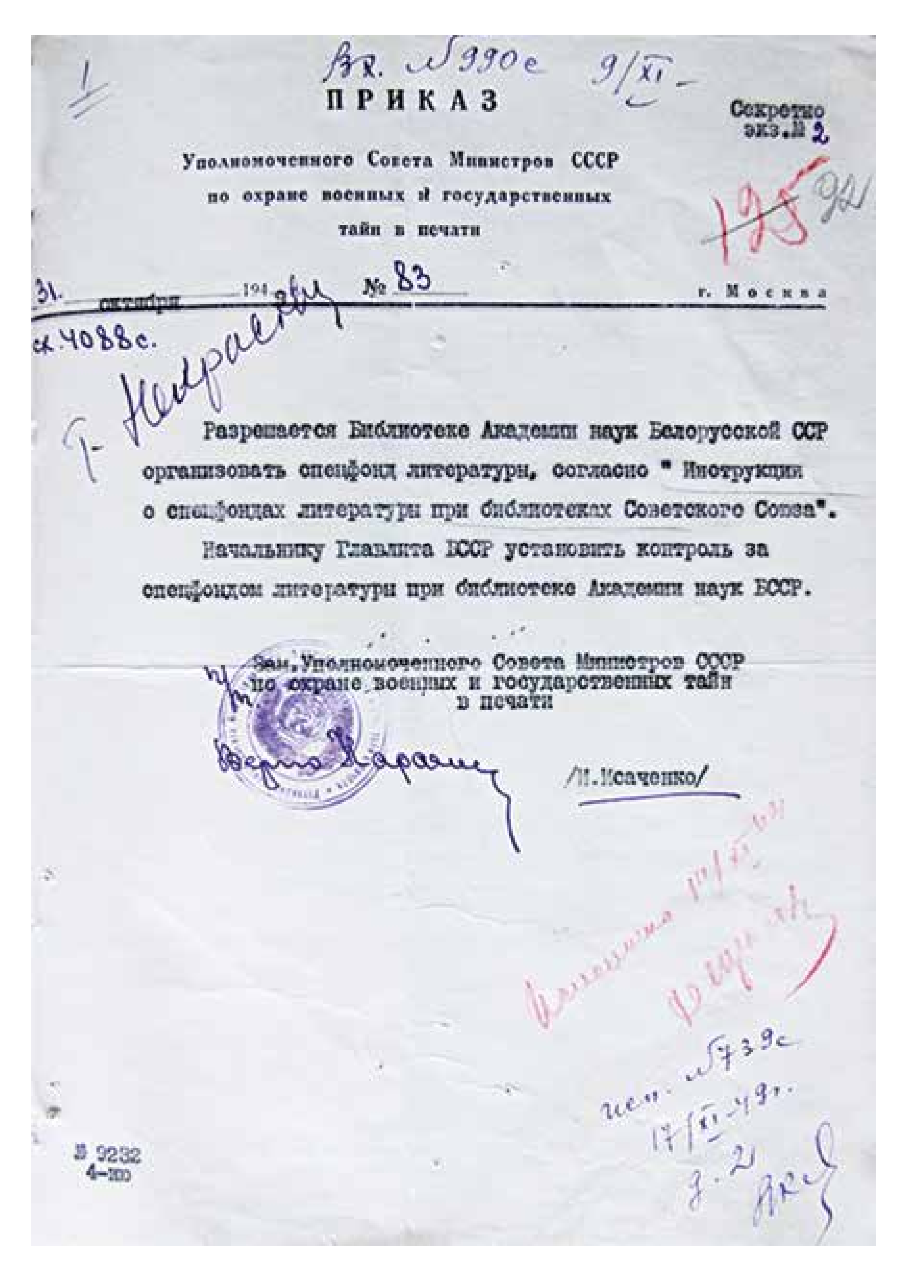
ПАСВЕДЧАННЕ № 4.

Тав. Бляжер Абрам Моисеевич
з'яўляецца цензором Главлита при Совете Министров БССР

Сапраўдна па «31» декабря 1951 г.

Начальнік Галоўліта пры Совеце Міністраў БССР

Об отделах специального хранения литературы при библиотеках



Вх. № 990с 9/XI

ПРИКАЗ

Секретно
экз. № 2

Уполномоченного Совета Министров СССР
по охране военных и государственных
тайн в печати

31 октября 1949 № 83 г. Москва

сх. 4088с.

Разрешается Библиотеке Академии наук Белорусской ССР организовать спецфонд литературы, согласно "Инструкции о спецфондах литературы при библиотеках Советского Союза".

Начальнику Главлита БССР установить контроль за спецфондом литературы при библиотеке Академии наук БССР.

Зам. Уполномоченного Совета Министров СССР
по охране военных и государственных тайн
в печати

/И. Исаченко/

Верно

Б 9232
4-ЗО

исп. № 739с
17/XI-49 г.

Об организации спецфонда литературы при библиотеке АН БССР: Приказ Главлита СССР № 83 от 31 октября 1949 г., Москва. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 18, л. 92)

14

ПРИКАЗ

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПО ОХРАНЕ ВОЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН В ПЕЧАТИ (ГЛАВЛИТУ) ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР

№ 1с

Минск 30 марта 1956 г.

§ I.

Передать в общие фонды библиотек ранее исключенную приказами Главлита БССР следующую литературу:

Бобрик Янка, Алесь Звонак, Янка Тумилович.
"Пунсовое ранне" Вершы Мінск, выд. Ц.Б. "Маладняка" 1926 г. 61с, 2000 экз.

Ілеш Бела. Вецер з усходу /урывак з рамана "Цīса гарыць" Пер. з рус. мовы С. Шацīла. Мінск, БДВ, 1930 г. 42с, 5000 экз

Вейтков Ф. Дзецī змагання. Нарыс дзīцячага комуністычнаг руху за рубяжом. Пер. з рус. мовы. Мінск, БДВ, 1931 г. 36с, 7000 экз.

Кагановīч Л.М., Гīкала М.Т. "Чарговыя задачы партыйна масавай работы. Мінск БДВ, 1932 г., 77с.

Сталін, Постышау, Гікала. "Прамова аб рабоце у вёсцы /На польскам языке/ Мінск, 1933 г. 108с, 6000 экз.

Постышев П., Куйбышев В. Мабілізуем масы на своечасовую пастауку збожжа дзяржаве. З дадаткамі дырэктыу партыі і урада аб пастауцы збожжа дзяржаве з ураджаю 1933 г. Мінск, Партвыдавецтва, 1933 г. 95 с, 7000 экз.

§ 2.

Передать в общие фонды библиотек литературу ниже указанных авторов,/как перепечатки с центральных изданий/, выпущенную в Белорусской ССР.

1. Бабушкина В.Ф.
2. Берлина В.М.
3. Блюхера В.К.
4. Бубнова А.С.
5. Гікало Н.Ф.
6. Гилинского А.Л.
7. Ингулова С.Б.
8. Кнорина В.Г.
9. Кольцова М.
10. Косарева А.В.
11. Косиора С.В.
12. Крыленко Н.В.

О передаче в общие фонды библиотек произведений реабилитированных авторов: Приказ Главлита БССР № 1 от 30 марта 1956 г., Минск (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 64, лл. 14-15)

Приказы по Главлиту

Секретно
экз. №...

ПРИКАЗ

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗДАТЕЛЬСТВ /ГЛАВЛИТ/ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР

г. Минск № 6с 12 января 1950 г.

Цензоры Главлита БССР тт. Гроднер Р.И., Соловей Л.А. и Наливайко И.А. в республиканских газетах в тексте письма белорусского народа товарищу Сталину допустили нарушение §219 "Перечня".

Цензору Главлита тов. Соловей Л.А., который допустил д в а серьезных нарушения – объявить строгий выговор и предупредить его, что в случае повторения разглашения военной и государственной тайны в контролируемых им материалах, он будет привлечен к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9/УП-47 г.

§ 2.

В связи с тем, что вопрос о цензоре Главлита БССР тов. Гроднер Р.И., допустившей нарушение § 219 "Перечня", обсуждало партсобрание и вынесло ей партвзыскание – ограничиться последним предупреждением.

§ 3.

Учитывая, что за все время своей работы цензор Главлита БССР тов. Наливайко И.А. допустил первое нарушение "Перечня" – поставить ему на вид.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВЛИТА
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР /ДАДИОМОВА/

О наложении взысканий на цензоров Главлита БССР: Приказ Ф.И. Дадиомовой от 12 января 1950 г. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 25, л. 1)

193 60

ПРИКАЗ

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗДАТЕЛЬСТВ (ГЛАВЛИТ)
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР

гор. Минск № 66 „21“ марта 1951 г.

Цензор Главлита БССР т. Бадяй В.А., читая газету "Колхозная правда" № 45 за 3 марта 1951 г. допустил искажение: вместо требующегося слова, "агрессивная" было напечатано "прогрессивная", что коренным образом изменило смысл всего предложения.

За ослабление политического контроля над цензурируемыми газетными материалами т. Бадяй В.А. об"являю выговор.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВЛИТА ПРИ
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР / САДОВСКИЙ /

Об искажении в газете «Колхозная правда» 3 марта 1951 г.: Приказ по Главлиту БССР от 21 марта 1951 г. (НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 60)

19

6. СЛУШАЛИ: О результатах проверки работы Главлита при Совете Министров БССР.
(т.т.Коновалов,Дадиомова,Жук,Зимянин,Романов, Молочко, Драгун, Игнатьев)

ПОСТАНОВИЛИ: ЦК КП(б)Б отмечает, что руководством Главлита БССР (т.Дадиомовой) не перестроена работа органов цензуры в соответствии с возросшими требованиями по охране военной и государственной тайны в печати и не установлено надлежащего контроля за качеством и идейным содержанием выпускаемой в республике печатной продукции. За последние полтора года районными, областными и республиканскими газетами было допущено свыше 250 случаев разглашения запрещенных сведений, имелось много случаев выпуска в свет печатной продукции весьма низкого качества и с серьезными политическими ошибками.

Главной причиной такого положения является неправильная практика подбора и воспитания кадров работников цензуры.

Начальник Главлита т.Дадиомова не приняла всех необходимых мер для укрепления органов цензуры республики деловыми, политически подготовленными работниками. На работу в цензуру нередко попадали неграмотные, случайные люди, не имеющие необходимой подготовки.

Многие цензоры Главлита и обллитов (Афанасенко, Гроднер, Копелиович,Блюмкина и др.), вследствие недостаточной политической подготовки и халатного отношения к своим служебным обязанностям, подписывали к печати и разрешали выпуск в свет газет, брошюр, лозунгов и книг с серьезными политическими ошибками.

Начальник Главлита т.Дадиомова слабо воспитывает у работников своего аппарата чувство высокой политической ответственности за порученное дело, недостаточно способствует развитию острой критики и самокритики, не использовала постановлений ЦК КП(б)Б об ошибках в работе Главлита для мобилизации всего цензорского состава на повышение бдительности и резкое усиление контроля за всеми видами выпускаемой печатной продукции. Руководство Главлита БССР (т.т.Дадиомова,Жук) не проявляли достаточной заботы о выдвижении и подготовке цензорского состава из коренного белорусского населения, не заботились об организации всесторонней и систематической учебы работников цензуры.

В Главлите БССР укоренился неправильный стиль руководства областными и районными органами цензуры. В практике руководства Главлита отсутствует такая система, как заслушивание докладов начальников обллитов или уполномоченных райлитов с последующим обменом опытом работы, недостаточно анализируются

О результатах проверки Главлита при СМ БССР в 1948 г.: Протокол заседания бюро ЦК КП(б)Б от 5 октября 1948 г. (НАРБ, ф. 4-п, оп. 81, д. 58, лл.19-21)

Штампы цензоров

Разрешается
Цензор
Бобруйский Облит
РАЗРЕШАЕТСЯ

18
РАЗРЕШАЕТСЯ
ЦЕНЗОР
ПОЛОЦКИЙ ОБЛЛИТ

ГОМЕЛЬ
№ 13

РАЗРЕШАЕТСЯ
ЦЕНЗОР
ПОЛЕССКИЙ ОБЛЛИТ

6
ДАЗВАЛЯЕЦЦА
МІНСК АБЛЛІТ

РАЗРЕШАЮ К ИСПОЛНЕНИЮ

9
РАЗРЕШАЕТСЯ
ПОЛОЦКИЙ ОБЛЛИТ

Барановичский Облит

ВЫПУСК У СВЕТ
ДАЗВАЛЯЕЦЦА
Упаўнаважаны
Галоўліта БССР
Подпіс
17. аўгуста 1946 г.

Концертные программы

…ЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭСТРАДА

196

ПРОГРАММА
КОНЦЕРТА

…Белгосэстрады "ВЕЧЕР МАСТЕРОВ ЭСТРАДНОГО ТАНЦА" – для работы по БССР
(наименование концертной организации) с 7/III–7/IV–54 г.

Фамилия, и. о. … в концерте артиста.	Жанр	Название исполняемого репертуара	Автор
		1-ое отделение	
…ТАРАСОВ	/разг./	1. Вступительный монолог "Добрый вечер!"	В. Медведев.
…РОНОВА	/рояль/	1. Этюд для левой руки 2. "Революционный этюд"	Блюменфельд Шопен
…РЕЙС и В. НОВИЦКИЙ	/балет/	1. Серенада /пост. Лаур. Стал. премии Шаховской.	Дунаевский
…ТАРАСОВ	/разг./	1. "Секрет молодости"	В. Медведев.
… и В. ГУСАКОВЫ	/балет/	1. "Танец американских марионеток" /Пост. Лаур. Стал. премии Г. Шаховской/.	Островский.
…ТАРАСОВА	/вокал./	1. "Якорь золотой" 2. "Как встепи" 3. "Бессоница" 4. Песенка Пепитты из "Вольный ветер"	В. Макаров Лепин Фрадкин оп-тты Дунаевский.
…РЕЙС и В. НОВИЦКИЙ	/балет/	1. "Романс" /Пост. Засл. деят. иск., Лаур. Стал. премии Бурмейстера/	Рубинштейн.
…ТАРАСОВ	/разг./	1. "Куплеты до-ре-ми"	Э. Радов
… и В. ГУСАКОВЫ	/балет/	1. "Венгерский танец" /Пост. Г. Шаховской/.	муз. народная
		II-ое отделение	
…РЕЙС и В. НОВИЦКИЙ		1. "Хореографическая басня" /постановка Борисова/.	текст Полякова, муз. Людвиковского.
…ГАРЕЕВ	/пение под собст. акк./	1. "Вернулся матрос" 2. "Псковская лирическая" 3. "Через степь легла дорожка" 4. "Парни к девушкам пришли" 5. "Верность"	муз. и сл. Гореев. –"– –"– " –"– Новиков

…ректор БГЭ __________ худ. [illegible] Табачников.

Программа концерта «Вечер мастеров эстрадного танца» для работы в БССР, март-апрель 1954 г. (БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 33, л. 196)

Приказы по Главреперткому

П Р И К А З № II

Главного Управления по Контролю за зрелищами и репертуаром Комитета по Делам Искусств при Совете Министров СССР.

г.Москва 18 апреля 1951 года

§ I.

В связи с авторской переработкой снять с репертуара оперу "Алеся" - муз. Е.Тикоцкого, либретто П.Бровки, впредь до представления нового варианта.

§ 2.

Снять с репертуара оперу "Рашель" - муз. Р.Глиэра, либретто М.Алигер и М.Булгакова, как произведение незаконченное и практически театрами не используемое.

§ 3.

Снять с репертуара оперу "Самсон и Далила" муз. К.Сен-Санса, перевод либретто А.Горчаковой, ввиду идейной несостоятельности её содержания. Отдельные арии из оперы "Самсон и Далила" разрешить к исполнению в концертах.

§ 4.

Снять с репертуара либретто В.Инбер и В.Зака оперетты "Р.Планкетта "Корневильские колокола", как несоответствующее музыке. Либретто этой же оперетты Е.Геркена и В. Шершеневича временно оставить в репертуаре и назначить на пересмотр.

§ 5.

Снять с репертуара, как устаревшие по своему содержанию следующие оперетты советских авторов:

I. "Взаимная любовь " - муз.С.Каца, либретто И.Рубинштейна

2. "Мои товарищи" /"Верный друг"/ муз.В.Соловьева Седого, либретто В.Михайлова и Ш.Данцигера.

§ 6.

Снять с репертуара, как несоответствующие современным возросшим требованиям переводы западных классических пьес:

О снятии с репертуара «западных» и советских опер и оперетт: Приказ по Главреперткому СССР от 18 апреля 1951 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 204, 224, 226)

Приказы по Главлиту

Секретно

экз. № 39

ПРИКАЗ

Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати

6 июня 1949 г. **№ 48** **г. Москва**

§ 1

Изъять из библиотек общественного пользования и книготорговой сети все произведения следующих авторов:

1. **Бергельсон** Давид Рафаилович (художественная литература).
2. **Галкин** Самуил Залманович (художественная литература).
3. **Гофштейн** Давид Наумович (художественная литература).
4. **Квитко** Лев Моисеевич (художественная литература).
5. **Маркиш** Перец Давыдович (художественная литература).
6. **Нусинов** Исаак Маркович (литературоведение).
7. **Парнас** Якуб Оскарович (биохимия).
8. **Фефер** Ицик (Ицхок) (художественная литература).
9. **Штерн** Лина Соломоновна (физиология, медицина).

§ 2

Порядок изъятия и руководство по изъятию установлены §§ 151—174 „Инструкции цензору".

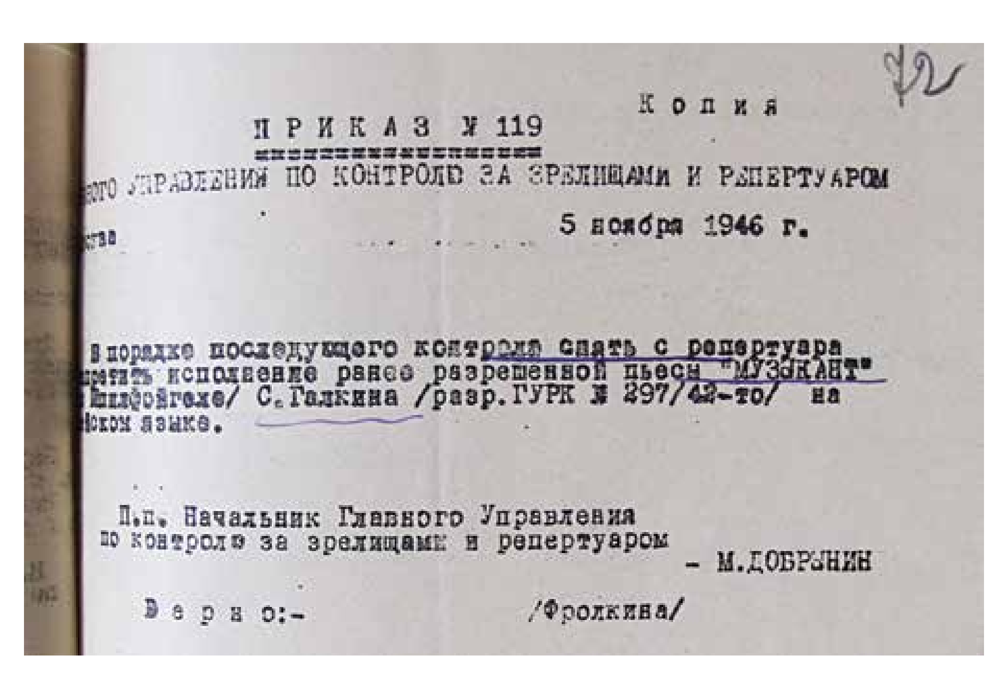
Уполномоченный Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати

К. Омельченко

Исх. № 2367с

Зак. 108

Об изъятии из библиотек общественного пользования и книготорговой сети произведений еврейских авторов: Приказ уполномоченного СМ СССР по охране военных и гос. тайн в печати К. Омельченко от 6 июня 1949 г., Москва. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 18, л. 66)



Копия

ПРИКАЗ № 119

ого управления по контролю за зрелищами и репертуаром

ства 5 ноября 1946 г.

В порядке последующего контроля снять с репертуара претить исполнение ранее разрешенной пьесы "МУЗЫКАНТ" Шлойме Гехе/ С. Галкина /разр. ГУРК № 297/42-то/ на ском языке.

П.п. Начальник Главного Управления по контролю за зрелищами и репертуаром – М. ДОБРЫНИН

Верно:- /Фролкина/

О запрете использования произведений еврейских авторов: Приказ по Главреперткому СССР от 5 ноября 1946 г. (БГАМЛИ, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 72)

Директору Еврейского драматического театра БССР

тов. Гольдшварцу Е.П.

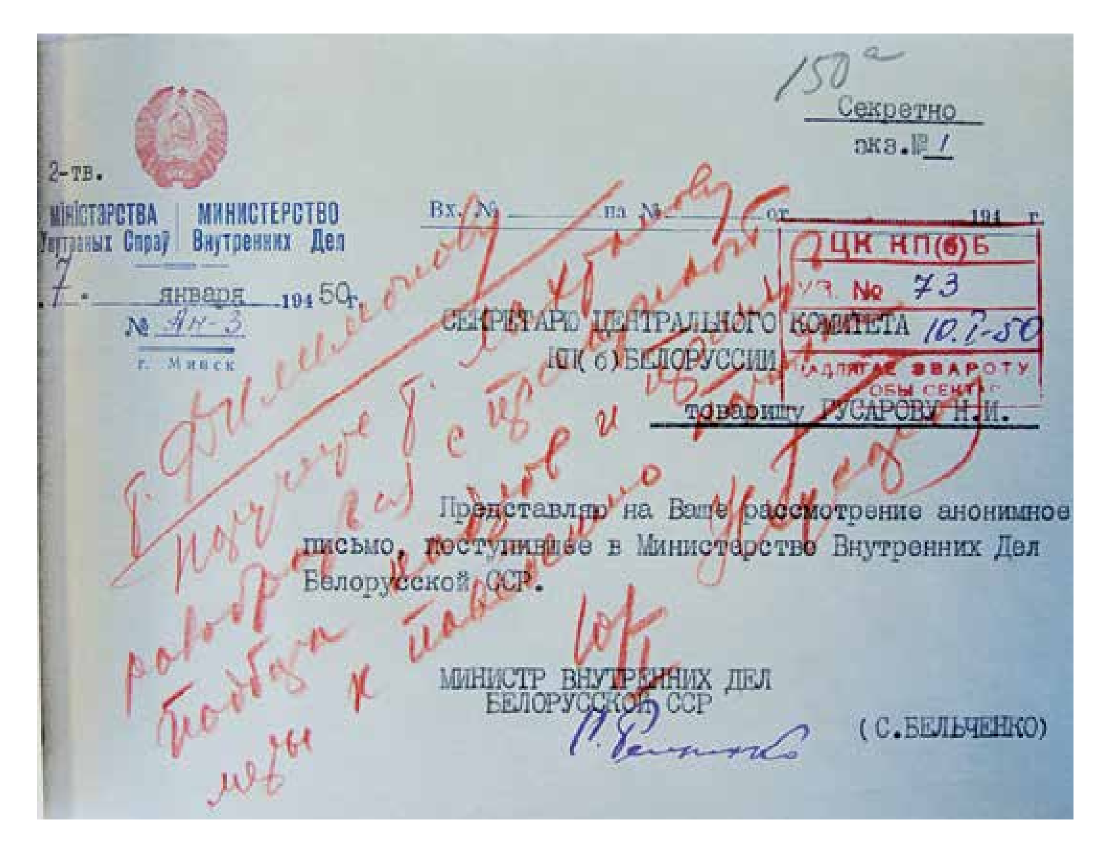
Работа театра над переводными пьесами разрешается только после предварительного рассмотрения их Реперткомом БССР. Спектакли по переводным пьесам, не представленными в Репертком, приниматься не будут.

Переводы представляются в 2-х экземплярах.

Начальник Реперткома БССР /АТРОЩЕНКО/

О работе театра над переводными пьесами: Письмо начальника Главреперткома БССР А.Е. Атрощенко – директору БелГОСЕТ в Минске Е.П. Гольдшварцу от 1 марта 1948 г. (БГАМЛИ, ф. 222, оп. 1, д. 43, л. 19)

Об усилении бдительности. Анонимные письма



150а

Секретно
экз.№ 1

2-тв.

МІНІСТЭРСТВА Унутраных Спраў | МИНИСТЕРСТВО Внутренних Дел

7 января 1950 г.
№ Ан-3
г. Минск

Вх. № ______ на № ______ от ______ 194 г.

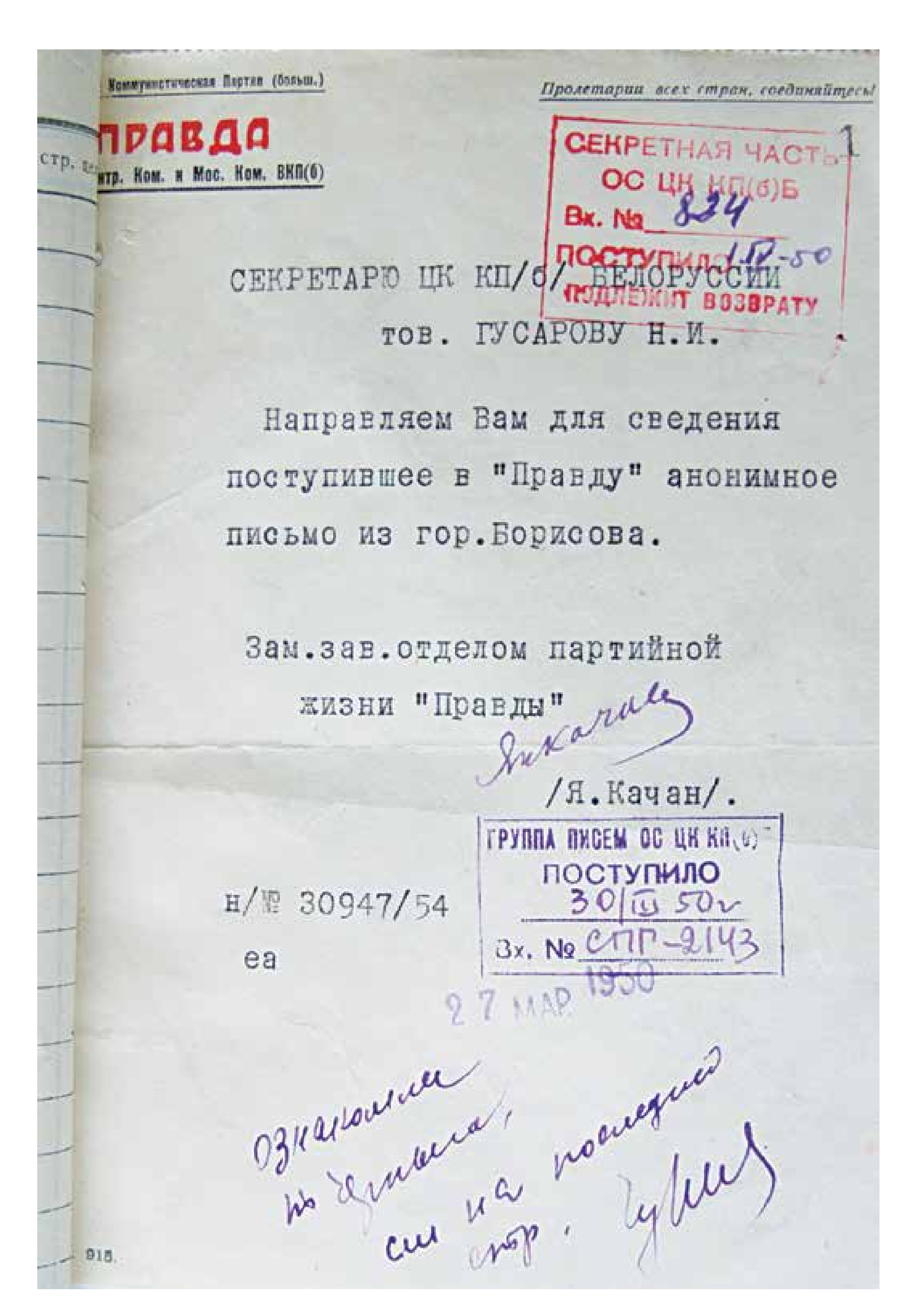
ЦК КП(б)Б
Вх. № 73
10.I-50

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КП(б)БЕЛОРУССИИ
товарищу ГУСАРОВУ Н.И.

Представляю на Ваше рассмотрение анонимное письмо, поступившее в Министерство Внутренних Дел Белорусской ССР.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
БЕЛОРУССКОЙ ССР
(С.БЕЛЬЧЕНКО)

Информационная справка на имя секретаря ЦК КП(б) Н.М. Гусарова об анонимном письме о засилье евреев на предприятиях республики от 10 января 1950 г. Секретно (НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 163, лл. 150-152)



Коммунистическая Партия (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

...нтр. Ком. и Мос. Ком. ВКП(б)

СЕКРЕТНАЯ ЧАСТЬ
ОС ЦК КП(б)Б
Вх. № 834
ПОСТУПИЛО 1/IV-50
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ

1

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП/б/ БЕЛОРУССИИ

тов. ГУСАРОВУ Н.И.

Направляем Вам для сведения поступившее в "Правду" анонимное письмо из гор.Борисова.

Зам.зав.отделом партийной жизни "Правды"

/Я.Качан/.

ГРУППА ПИСЕМ ОС ЦК КП(б)
ПОСТУПИЛО
30/III 50г
Вх. № СПГ-2143

н/№ 30947/54

еа

27 МАР 1950

915.

Докладная записка на имя секретаря ЦК КП(б) Н.М. Гусарова об анонимном письме в газету «Правда» из Борисова от 27 марта 1950 г. (НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 166, лл. 1-5)

АРА~~Б~~пСКІЯ КАЗКІ

на англа-амерыканскі лад

Мал. М. Жытніцкага.

Галоўныя ара~~б~~пы

Афіцэры ара~~б~~пы

Ара~~б~~пскі легіён

«Ёж»—на белорусском языке.

Адказны рэдактар М. ЧАУСКІ.

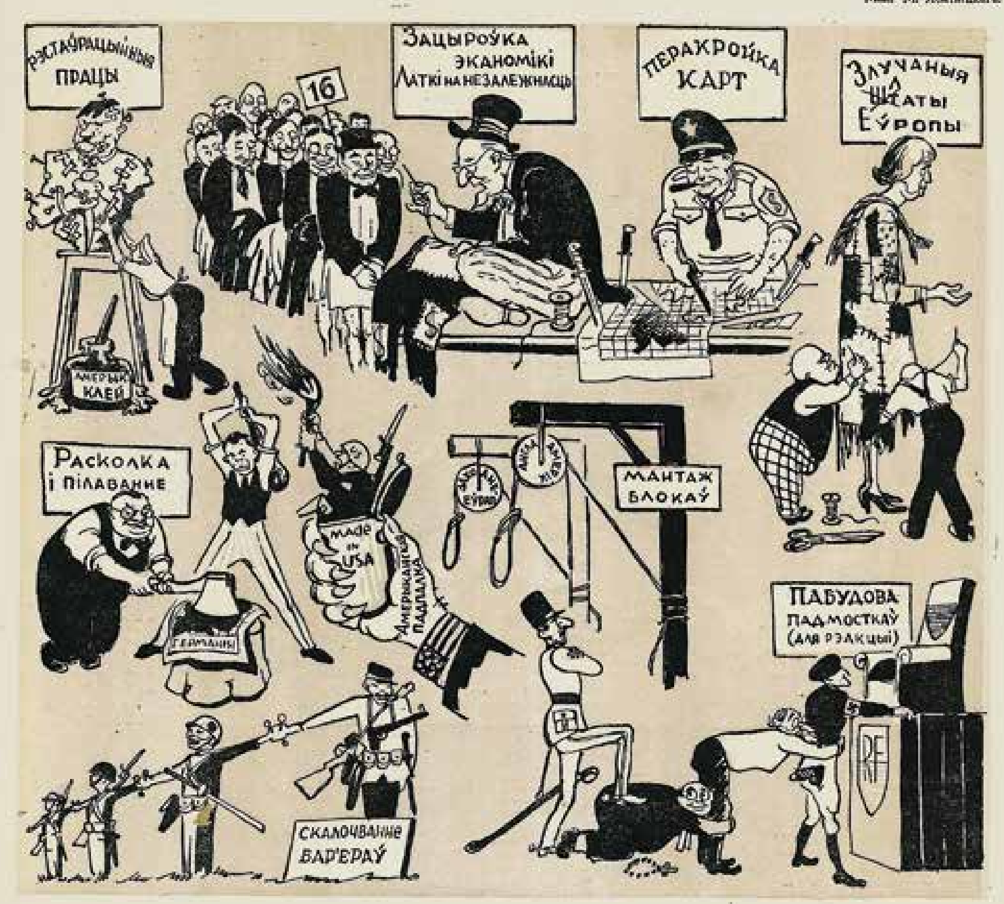
Падп. да друку 28/VII 48 г. Статформат 72×105 см. Друк. арк. 1.

Друкарня ім. Сталіна, Мінск, Пушкіна, 55. Тыраж 13 000 Зак. 27

АТ 02588 Адрас рэдакцыі: Мінск, Пушкіна, 55 Тэл. 2-01-23.

УНІВЕРСАЛЬНАЯ АМЕРЫКАНКА

Мал. М. Жытніцкага.



КАРОТКІЯ КАМЕНТАРЫІ

НЕ ПРЫДАСЦА МАЛІЦЦА — БУДЗЕМ ГАРШКІ НАКРЫВАЦЬ

Выступаючы на мітынгу прагрэсіўнай партыі ў штаце Пенсільванія, Уоллес так ахарактарызаваў палітыку Трумэна:

«Ён яшчэ ўсё спіць у Белым Доме, і гэта ўсё, што ён там робіць».

Трэба дадаць, што сон гэты не вельмі моцны. Напярэдадні прэзідэнцкіх выбараў карэспандэнт Тэлепрэс паведаміў з Нью-Йорка, што на выпадак правалу Трумэну прапануецца салідная сума даляраў за выступленні ў радыёрэкламе, арганізаванай адной табачнай фірмай...

Пасада, трэба сказаць, салідная. Калі-ж містэр Трумэн ахрыпне і страціць здольнасць да гэтай інтэлектуальнай працы, нішто не перашкодзіць яму павышаць сваю новую кваліфікацыю, заняўшыся продажам сігарэт на вуліцах.

ПАЛКАВОДЦЫ БЕЗ АРМІІ

Нядаўна Маршал наведаў Рым і Афіны. Пастукаўшы грэцкага караля па плячы, ён падбадзёрыў яго: «Нічога, хутка я сам займуся Грэцыяй». І вось увесь заходні друк [illegible] аб «ваенным плане Маршала», аб утварэнні цэлай сістэмы блокаў — «атлантычнага», «міжземнаморскага» і іншых. Пакуль што скалочан толькі «заходні». Вось што піша аб ім галандская газета «Дэ Недэрландэр»:

«Калі мы былі дзецьмі, нам расказвалі казку аб мексіканскай арміі, у якой было шмат генералаў і мала салдат. Мы ўспомнілі гэтую казку, пачуўшы аб фарміраванні ваеннага кіраўніцтва заходняга блока».

Так, салдат у Маршала маявата. Сумленных людзей не купіш за даляры.

СПАДАБАЛАСЯ

Не надта тлуста жывуць немцы і аўстрыйцы, якія карыстаюцца амерыканскай «дапамогай». Аўстрыйская газета «Эстэррайхішэ фольксштыме» піша: «Замест свежага мяса немцы атрымалі зноў адны абяцанкі».

Трэба радавацца, што хоць абяцанкі свежыя.

А ў Гамбургу, як паведамляе агенцтва АДН, адзін хімічны завод распачаў гандаль крэмам для чысткі абутку пад маркай амерыканскага тлушчу «для смажання і гатавання». І кажуць, галоднае насельніцтва станавілася ў чаргу.

Цікава, хто натхніў гэтага камерсанта на такое прыбытковае мерапрыемства? Хутчэй за ўсё хто-небудзь накшталт Шумахера паслужліва лізнуў языком пыл з амерыканскіх ботаў — і спадабалася.

КАМЕНТАРЫІ НЕ ПАТРЭБНЫ

19 кастрычніка на пленарным пасяджэнні эканамічнага савета Бізоніі дэпутат-камуніст Шперлінг адзначыў, што берлінскае пытанне шырока выкарыстоўваецца ў мэтах антысавецкай прапаганды, і ў сувязі з гэтым прывёў наступную цытату, быццам-бы ўзятую з выступлення сацыял-дэмакрата Рэйтэра:

«Тут не павінна быць мяккага пагаднення, таму што небяспека, пагражаючая Еўропе з боку Расіі, з'яўляецца актуальнай і г. д.»

Соцы, якія на 90 працэнтаў складаюцца з амерыканскіх блюдалізаў, сустрэлі цытату громам апладысментаў. Тады Шперлінг сказаў:

— Прабачайце, паны, але гэтая цытата ўзята не ў Рэйтэра, гэта сказаў Гебельс.

Мёртвая цішыня.

5

Карикатуры М. Житницкого (Вожык. 1948. № 14, 21)

Плакаты о повышении бдительности

А. Интезаров, Н. Соколов, 1952 г.

Б. Широкорад, 1953 г.

Б. Ефимов, 1947 г.

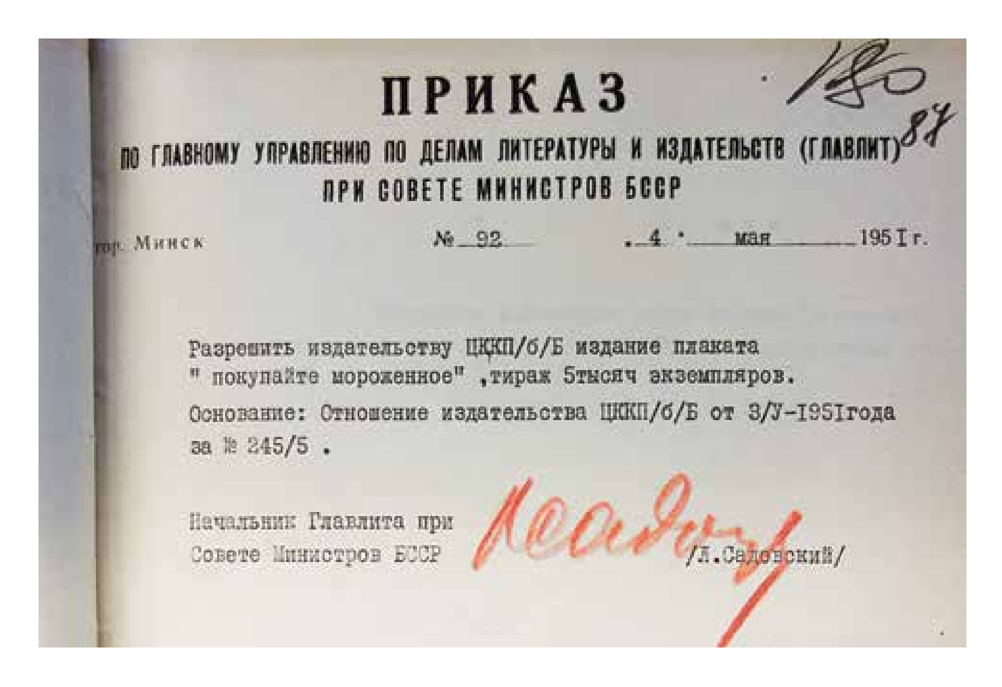
Е. Малолетков, 1954 г.

К. Иванов, В. Брискин, 1954 г.

В. Корецкий, 1954 г.

О. Савостюк,
Б. Успенский, 1951 г.

Приказы по Главлиту о выпуске плакатов



ПРИКАЗ

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗДАТЕЛЬСТВ (ГЛАВЛИТ) ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР

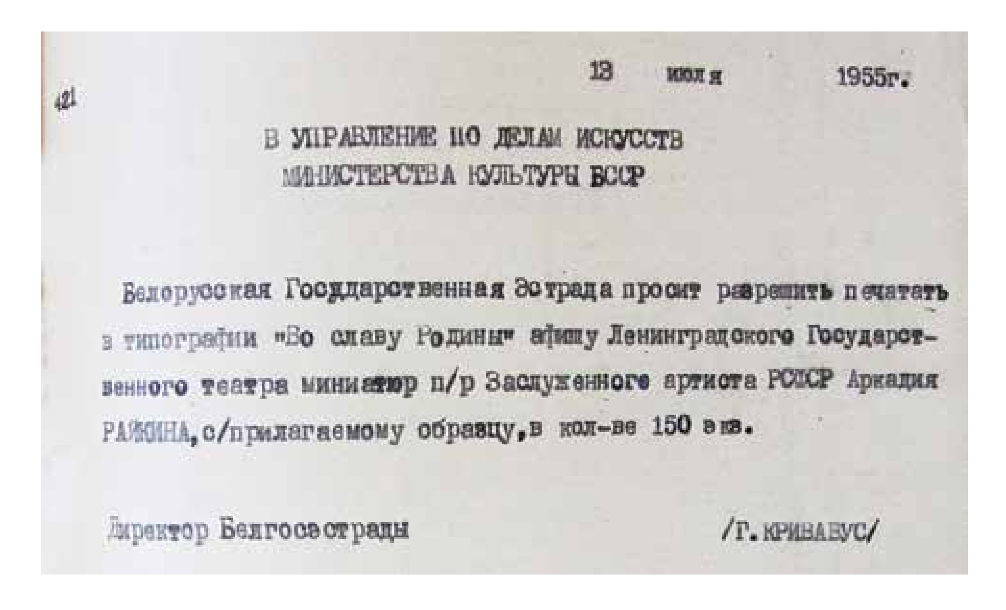
гор. Минск № 92 4 мая 1951 г.

Разрешить издательству ЦККП/б/Б издание плаката " покупайте мороженное" ,тираж 5тысяч экземпляров.

Основание: Отношение издательства ЦККП/б/Б от 3/У-1951года за № 245/5 .

Начальник Главлита при Совете Министров БССР /Л.Садовский/

О выпуске плаката «Покупайте мороженое»: Приказ по Главлиту от 4 мая 1951 г. (НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 21, л. 87)



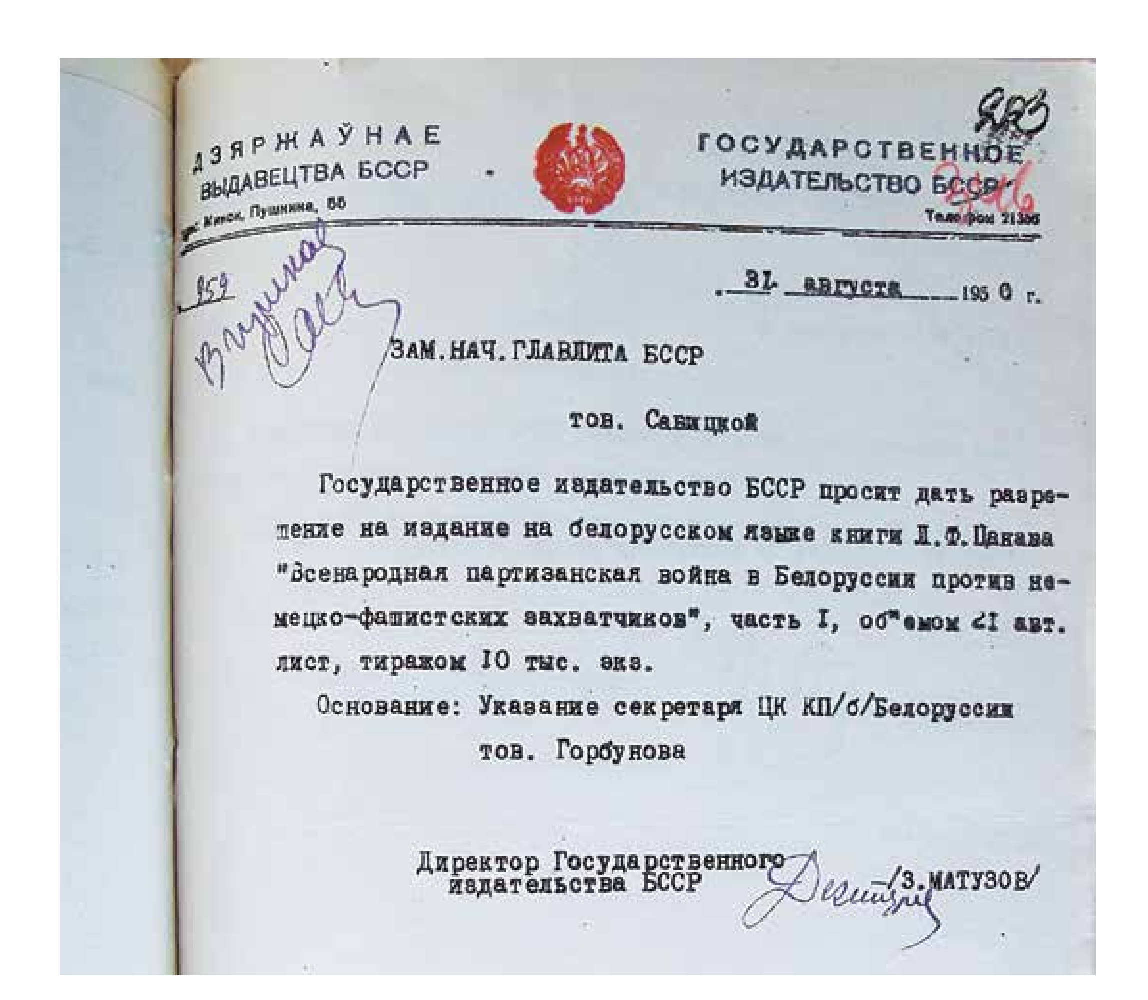
13 июля 1955г.

В УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ БССР

Белорусская Государственная Эстрада просит разрешить печатать в типографии "Во славу Родины" афишу Ленинградского Государственного театра миниатюр п/р Заслуженного артиста РСФСР Аркадия РАЙКИНА,с/прилагаемому образцу,в кол-ве 150 экз.

Директор Белгосэстрады /Г.КРИВАВУС/

Просьба о разрешении в печать афиши к «Вечеру еврейского юмора» Ленинградского гос. театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина от 13 июля 1955 г. Из письма директора Белгосэстрады Г. Кривавуса – П. Лютоpовичу (БГАМЛИ, ф. 115, оп. 1, д. 42, л. 200)



ДЗЯРЖАЎНАЕ ВЫДАВЕЦТВА БССР
Адрас: Мінск, Пушкіна, 55

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО БССР
Телефон 21305

№ 959

31 августа 1950 г.

ЗАМ.НАЧ.ГЛАВЛИТА БССР

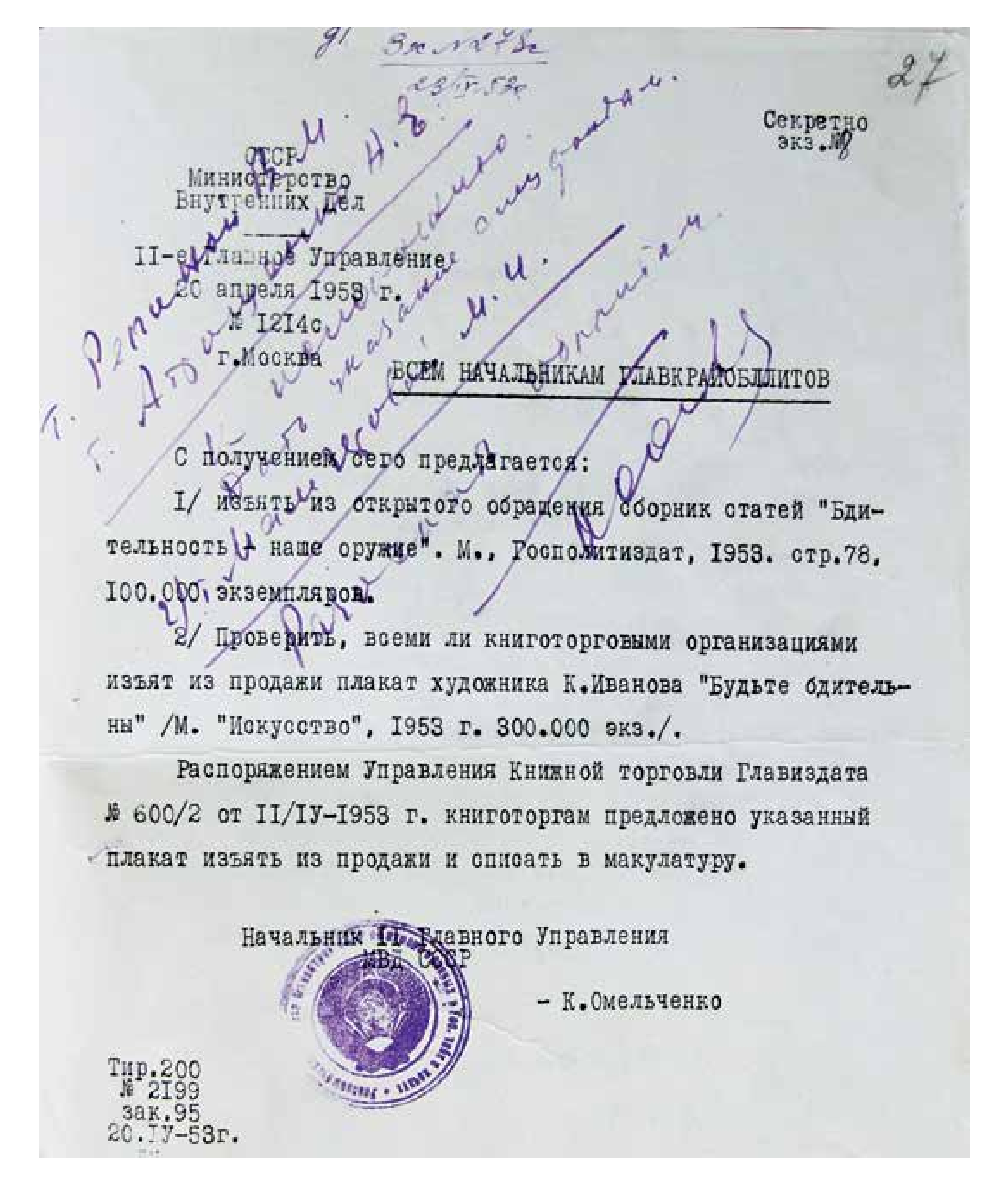
тов. Савицкой

Государственное издательство БССР просит дать разрешение на издание на белорусском языке книги Л.Ф.Цанава "Всенародная партизанская война в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков", часть I, об"емом 21 авт. лист, тиражом 10 тыс. экз.

Основание: Указание секретаря ЦК КП/б/Белоруссии тов. Горбунова

Директор Государственного издательства БССР /З.МАТУЗОВ/

Письмо директора Госиздата БССР З.П. Матузова – Я.М. Савицкой об издании 1-й части книги Л.Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» от 31 августа 1950 г. (НАРБ, ф. 1195, оп. 1, д. 18, л. 203)


Секретно
экз. №

СССР
Министерство
Внутренних Дел

II-е Главное Управление
20 апреля 1953 г.
№ 1214с
г.Москва

ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ ГЛАВКРАЙОБЛЛИТОВ

С получением сего предлагается:

1/ изъять из открытого обращения сборник статей "Бдительность - наше оружие". М., Госполитиздат, 1953. стр.78, 100.000 экземпляров.

2/ Проверить, всеми ли книготорговыми организациями изъят из продажи плакат художника К.Иванова "Будьте бдительны" /М. "Искусство", 1953 г. 300.000 экз./.

Распоряжением Управления Книжной торговли Главиздата № 600/2 от 11/IУ-1953 г. книготоргам предложено указанный плакат изъять из продажи и списать в макулатуру.

Начальник II Главного Управления
МВД СССР
- К.Омельченко

Тир.200
№ 2199
зак.95
20.IУ-53г.

Об изъятии сборника статей «Бдительность – наше оружие!» и плаката «Будьте бдительны!» В. Иванова: Циркуляр Главлита СССР от 20 апреля 1953 г. Всем начальникам глав-, край- и облитов. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 41, лл. 27, 29)

Плакат «Бдительность – наше оружие!». В. Иванов, 1953 г**.**

РАССЫЛАЕТСЯ ПО СПИСКУ.
экз.№ 4

П Р И К А З

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПО ДЕЛАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗДАТЕЛЬСТВ БССР /ГЛАВЛИТ/

гор. Минск № 143 15 июля 1953 г.

Изъять из библиотек общественного пользования и книготорговой сети следующие произведения:

1. Цанава, Л.Ф. – Усенародная партызанская вайна ў Беларусі супроць фашысцкіх захопнікаў, ч.I ДВБ.Мінск.т.10000 экз. 1950 г. стр.342.

2. Цанава, Л.Ф. – Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков.ч.I.Белгосиздат.Минск.1949. 352 стр. т.30000 экз.

   То же. Изд. 2.Минск, 1951 г. Белгосиздат.т.20000 экз.,стр. 415.

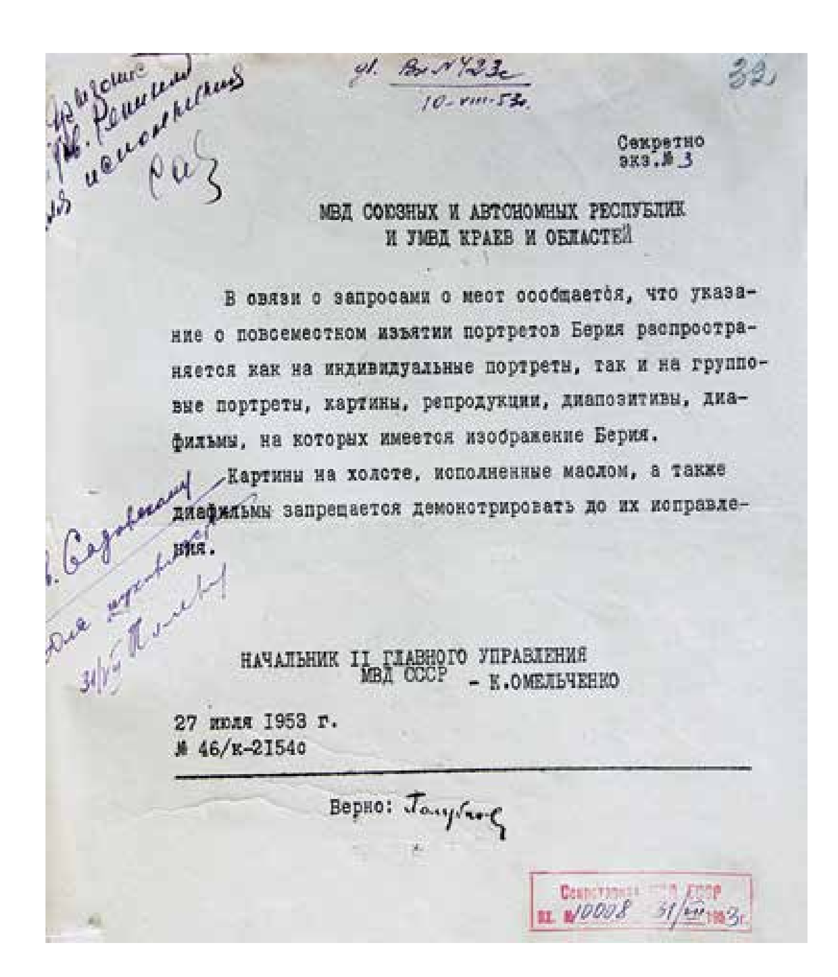
3. Цанава, Л.Ф. – Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков.ч.II.Минск.1951 г. Белгосиздат т. 30000 экз. стр. 1034.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВЛИТА БССР

/Л.Садовский/

57

Докладная записка начальника Главлита БССР Л.В. Садовского – Н.С. Патоличеву об изъятии книги Л.Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» от 15 июля 1953 г. (НАРБ, ф. 4-п, оп. 62, д. 283, лл. 224-236)



Секретно
экз. № 3

МВД СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК
И УМВД КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ

В связи с запросами с мест сообщается, что указание о повсеместном изъятии портретов Берия распространяется как на индивидуальные портреты, так и на групповые портреты, картины, репродукции, диапозитивы, диафильмы, на которых имеется изображение Берия.

Картины на холсте, исполненные маслом, а также диафильмы запрещается демонстрировать до их исправления.

НАЧАЛЬНИК II ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МВД СССР - К.ОМЕЛЬЧЕНКО

27 июля 1953 г.
№ 46/к-2154с

Верно:

Об изъятии портретов Берии: Циркуляр № 46 для МВД союзных и автономных республик, УМВД краев и областей от 27 июля 1953 г. Секретно (НАРБ, ф. 1195, оп. 2, д. 41, л. 32)

ПОДПИСЧИКУ
БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия» рекомендует изъять из 5 тома БСЭ 21, 22, 23 и 24 страницы, а также портрет, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых Вам высылаются страницы с новым текстом.

Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы.

Государственное научное издательство
«Большая Советская Энциклопедия»

Информационная вклейка Государственного научного издательства «Большая советская энциклопедия» (БСЭ. Т. 5. С. 22–23) об изъятии статьи о Л.П. Берии, август 1953 г.

В Мемориальном музее-мастерской З.И. Азгура

Фото Л. Смиловицкого. Минск, 2014 г.